

СОДЕРЖАНИЕ

Бобкова М.С. Стратегии изучения социокультурных кодов исторического источника.....	7-11
Кофанов Л.Л. Ius gentium в текстах римских юристов и его трансформации в истории правовой мысли.....	12-50
Денисов С.А. К вопросу о времени создания жития св. Феодоры Петралифины.....	51-64
Метлицкая З.Ю. Альфред и «Ворчливые римляне»: цели создания и адресаты древнеанглийского перевод.....	65-101
Андрейчева М.Ю. Поход Владимира Святославовича на Волжских булгар в статье 6493 года ПВЛ: к вопросу о семантике сюжета	102-117
Вин Ю.Я. «Свобода» – социокультурный концепт в историческом исследовании Средневековья: теоретические аспекты.....	118-148
Браун Е.Д. Создание стереотипов правителей в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана....	149-170
Столярова Л.В., Белоусов П.В. Материалы углического Следственного дела о гибели царевича Дмитрия в 1591 г.: новый опыт исторической реконструкции.....	171-243
Андронов И.Е. Библейские тексты как источник в «Магдебургских Центуриях».....	244-277
Айзенштат М.П. История как компонент парламентской полемики (2-я половина XVIII века).....	278-294

Сиротинская М.М. Американская революция в контексте европейских революций середины XIX века: историческая реконструкция «Молодой Америки».....**295-343**

Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва-Петербург» (конец XIX – начало XX вв.).....**344-378**

CONTENTS

Marina Bobkova Sociocultural codes of historical sources: strategies of study.....**7-11**

Leonid Kofanov Ius gentium in the works of Roman lawyers and its transformation in the history of legal thought.....**12-50**

Sergey Denisov Some considerations on the date of the Life of St. Theodora Petraliphaena.....**51-64**

Zoya Metlitskaya King Alfred and the ‘grumbling Romans’: purposes and audience of the Old English Orosius.....**65-101**

Marianna Andreicheva Expedition of prince Vladimir Svyatoslavich on Volga Bolghars in the annal for 6493 of the Povest Vermyennykh Let: exploring the semantics of the plot.....**102-117**

Yury Vin Liberty – a socio-cultural concept in the study of the Middle Ages: some theoretical aspects.....**118-148**

Elena Braun Making the stereotypes of rulers in the New Chronicles of England and France of Robert Fabyan...**149-170**

Lyudmila Stolyarova, Petr Belousov Materials of the Investigative Dossier of Uglich on the murder of prince Dmitry (1591): a new historical reconstruction.....**171-243**

Ilya Andronov Biblical texts as a source in the Magdeburg Centuries.....	244-277
Marina Aizenshtat History as a component of parliamentary debates in the second half of the eighteenth century....	278-294
Maria Sirotinskaya American Revolution in the context of European revolutions of the middle of the nineteenth century: a historical reconstruction of Young America.....	295-343
Vitaly Tikhonov Moscow and St. Petersburg schools of 'Russian historians' in the context of opposition 'Moscow vs. St. Petersburg' (end of the 19th – beginning of the 20th centuries).....	344-378

М.С. Бобкова

СТРАТЕГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Аннотация: Статья посвящена соотношению понятий «текст» и «исторический источник». Автор анализирует исследовательские приемы изучения исторических текстов, их прочтения и интерпретаций. Вводятся понятия «социокультурный код», «коммуникативная структура текста». Определяется стратегия изучения исторических текстов.

Ключевые слова: Исторический источник, историописание, текст, социокультурный код, коммуникативное пространство.

Об авторе: Бобкова Марина Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. bobkova_marina@list.ru.

Marina Bobkova

STRATEGIES OF THE STUDY OF SOCIO-CULTURAL CODES IN HISTORICAL SOURCES

Abstract: The article is devoted to the relationship between the concepts “text” and “historical source”. The author analyzes the methods of studying the texts, the ways they are read and interpreted. She introduces concepts of “socio-cultural code”, “communicative structure of the text”. The strategy of study of historical texts is proposed.

Key words: historical sources, historical writing, text, socio-cultural code, communicative structure of text.

About the Author: Marina Bobkova, Doctor of History, Leading researcher, Head of the Centre for the history of historical knowledge, Institute of World History of RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A. bobkova_marina@list.ru.

«Ничего не существует вне текста...

Весь мир – это бесконечный и безграничный **текст**».

Жак Деррида

Предметом интереса авторов и издателей этого альманаха являются собственно тексты и их судьбы – рождение и причины их появления; авторы; аудитория, которой тексты адресованы; бытование – хождение – восприятие текстов в разные хронологические периоды; социокультурные коды текстов; рецепции и пр.

Все эти проблемы рассматриваются через призму историописания, то есть процесса наделения смыслами (или не наделения) событий и явлений прошлого¹. Нас интересуют тексты, общим признаком для которых является то, что их основная коммуникативная функция – фиксация, осмысление и оценка событий и явлений прошлого. Главными критериями отбора «текста» для изучения служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном «тексте». Изучение исторических текстов охватывает их форму и содержание, создание, функционирование, их комплексное рассмотрение с учетом особенностей локальных историописаний в диахронно-синхронной взаимосвязанности.

В теоретическом плане мы не так уж и далеки от постструктурализма. Понятие «текст» понимается нами в самом широком смысле, в качестве некоего универсального феномена. Под текстом, в данном случае, понимается не столько графически выраженная часть реальности, но, в целом, любое культурное явление, подчиняющееся принципам структурной организации. Благодаря подобному расширению понимания феномена текста в поле зрения попадают различные культурные явления, начиная с мифов, обрядов, текста человеческого поведения, заканчивая историческим процессом и культурой как таковой².

¹ *Вейнберг И.П.* Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1993. С. 12.

² *Бурсевич В.В.* Основные стратегии исследования текста в тартуско-московской семиотической школе. Эл.ресурс. Режим доступа <http://elib.bsu.by/bitstream/12> свободный.

Важнейшим исследовательским приемом в изучении текстов, по нашему мнению, является системный подход, признающий восприятие прошлого человеком структурой или подсистемой той многосложной системы, какую являет собой общество.

Неискушенный читатель исторического сочинения, как правило, имеет дело с субъективным отражением прошлого, и чаще всего, если это не профессиональный историк, как минимум, двойного порядка. В практическом аспекте, любое «прочтение» так или иначе является интерпретацией, в смысле создания новых смыслов³. Но сам текст может быть совершенно иным – авторский замысел уже явлен в нем. Поэтому историческое исследование может представить какие-то верифицируемые результаты только расшифровав многочисленные социокультурные коды текста.

Текст, являясь в определенном смысле сообщением, обладает очевидной или скрытой полифункциональностью⁴. Поэтому, особую значимость приобретает культурно-исторический контекст появления исторического источника. Автор сочинения о прошлом (исторического источника) фиксирует современные ему события, исходя из своего разума о добре и зле, важном и второстепенном, славе и позоре, о верности и предательстве и т.д. Не забудем, что автор при этом живет в реальных координатах не только времени, но и пространства, а, значит зависит от массы привходящих и привнесенных обстоятельств, таких, например, как стремление к известности в веках, граничащее с тщеславием; благополучие или неблагополучие в настоящем, очевидный эквивалент которому – богатство; покровительство или гонения сильных мира

³ Дerrida Ж. Деконструкция: тексты и интерпретации. Эл. ресурс. Режим доступа <http://bookfi.org/book/989936> свободный.

⁴ А.А. Завельский, Д.А. Завельская, С.И. Платонов. Текст и его интерпретация. Электронный ресурс. Режим доступа <http://slovar.lib.ru/dictionary/textinterpretacija> свободный.

сего и т.п. Кроме того, автор является носителем менталитета своей эпохи. Социальная обстановка, правила функционирования общественных норм, институтов, государственных служб; политическая и идеологическая конъюнктура; морально-этические установки; схолярные практики в самом широком смысле, как некая система производства и распространения знания; отношения к традиции; научные, культурные и интеллектуальные тенденции времени, пропущенные сквозь призму личного восприятия автора; его позиции, мнения, настроения и пр. – все это обуславливает смысловые контексты источника.

Еще одним атрибутом текста⁵ является его множественность, отражающаяся во взаимоотношениях между его нарративной и коммуникативной структурами. Коммуникативная структура текста – сложное иерархическое образование. В качестве ее мельчайшей единицы может быть предложение (речевой акт, коммуникативный ход) или даже отдельный термин⁶. В этом выпуске нашего издания коммуникативной структуре текста посвящено несколько статей, которые основаны на семантическом анализе сюжета⁷, или анализе круга значений термина⁸, или анализе воплощения социокультурных концептов⁹.

Герменевтический анализ текста, который подразумевает изучение семантики, используемой в нем лексики, исследование так называемой памяти контекста

⁵ Здесь, имеется, в виду текст как графическое изображение.

⁶ *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. С. 72-130.

⁷ *Андрейчева М.Ю.* Поход Владимира Святославовича на волжских булгар в статье 6493 года ПВЛ: к вопросу о семантике сюжета / См. это издание. С.

⁸ *Кофанов Л.Л.* *Ius gentium* в текстах римских юристов и его трансформации в истории правовой мысли / См. это издание.

⁹ *Вин Ю.Я.* «Свобода» - социокультурный концепт в историческом исследовании Средневековья: теоретические аспекты / См. это издание.

приводимых прямых и косвенных цитат и отсылок как раз и позволяют говорить о понимании социокультурных кодов источника.

Почему мы придаем столь важное значение социокультурным кодам текста? Прежде всего потому, что фактическое знание о прошлом мы получаем в виде знаков или символов, обозначающих не только иную коммуникационную реальность (иноязычность), но и иные смыслы. Расшифровка этих кодов и формирует основу исторической реконструкции текста, сложность которой отражают статьи Столяровой Л.В. и Белоусова П.В., Сиротинской М.М, Браун Е.Д., Тихонова В.В.

Историческая мысль разных эпох, исторические сочинения и их авторы отличаются друг от друга не только набором описываемых явлений и событий прошлого, которые привлекают их внимание, но и спецификой восприятия и осмысления этих событий и явлений. Очевидны и различия в выборе источников для описания этого прошлого и в методике их использования¹⁰.

Другой важной проблемой, которая находится в нашем поле зрения, является историческая традиция. Время, как физическая величина, плотно располагает события истории как процесса на одонаправленной оси «прошлое-настоящее-будущее». На единой оси движения в историческом пространстве расположены и тексты, поэтому, безусловной важностью при их рассмотрении является традиция или традиции (духовные, интеллектуальные, схолярные, политические и пр.). При этом следует учитывать, что само возникновение отношения к исторической традиции включает не только осознание факта ее существования, но также понимание необходимости производить при подходе к ней какой-то выбор и проверку (селективно-критическое отношение к источникам: умолчание и модификация)¹¹.

¹⁰ Статьи С.А. Денисова и З.Ю. Метлицкой.

¹¹ Статьи М.П. Айзенштат и И.Е. Андропова.

В заключении подчеркнем, что многозначность словесного текста определяется, с одной стороны, различиями в духовном мире людей, с другой - сущностью знака и объективными возможностями передачи мыслей в знаках. Августин Блаженный ещё в 389 г. наметил четыре способа понимания сакральных текстов: буквальный, исторический, пророческий (толкования о будущем) и иносказательный «образный и энигматический». Несколько позже, около 393 г., он указывает со ссылкой на других толкователей, ещё четыре способа, отчасти перекрывающие предыдущие, «названия которых могут быть даны по-гречески, а определены и разъяснены они на латыни: исторический, аллегорический, аналогический и этиологический»¹². Таким образом, еще на заре Средневековья по сути был сформирован необходимый исследовательский инструментарий понимания социокультурных кодов текста, который, безусловно, претерпел многочисленные изменения, но и сегодня остается вполне актуальным.

Литература

Аврелий Августин. О христианском учении. Эл. ресурс. Режим доступа http://krotov.info/library/01_a/avg/ustin_004.htm свободный.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72-130.

Бурсевич В.В. Основные стратегии исследования текста в тартуско-московской семиотической школе. Эл.ресурс. Режим доступа <http://elib.bsu.by/bitstream/12> свободный.

Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1993. С. 12.

Деррида Ж. Деконструкция: тексты и интерпретации. Эл. ресурс. Режим доступа <http://bookfi.org/book/989936> свободный.

¹² *Аврелий Августин.* О христианском учении. Эл. ресурс. Режим доступа http://krotov.info/library/01_a/avg/ustin_004.htm свободный.

Завельский А.А., Завельская Д.А., Платонов С.И. Текст и его интерпретация. Электронный ресурс. Режим доступа <http://slovar.lib.ru/dictionary/textinterpretacija> свободный.

IUS GENTIUM В ТЕКСТАХ РИМСКИХ ЮРИСТОВ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация: Статья посвящена природе понятия *ius gentium* в древнеримской и средневековой юриспруденции как международного публичного и частного права. Автор уделяет особое внимание вопросу о влиянии родосского морского торгового права на римское частное право. Прослежена история понятия *ius gentium* в Средние века и, отчасти, в Новое время.

Ключевые слова: римское право, родосское морское торговое право, коммерческое право, *ius gentium*, средневековое право.

Об авторе: Кофанов Леонид Львович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. . leokofanov@yandex.ru

Leonid Kofanov

IUS GENTIUM IN THE TEXTS OF ROMAN LAWYERS AND ITS TRANSFORMATION IN THE HISTORY OF JURIDICAL THOUGHT

Abstract: The article is devoted to the nature of the concept of “*ius gentium*” in Roman and medieval jurisprudence as international public and private law. The author pays particular attention to the impact of Rhodian maritime and commercial law on Roman private law. He traces the history of the concept of *ius gentium* in the Middle Ages, and partly in modern times.

Key words: Roman law, Rhodian maritime commercial law, commercial law, *ius gentium*, medieval law.

About the Author: Leonid Kofanov, LL. D., Professor, Leading researcher of the Institute of World History of RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A. leokofanov@yandex.ru

«Нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят:

«смотри, вот это новое»;

но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Пожалуй, очень немного в историко-правовой науке можно найти понятий и терминов, значение которых столь по-разному, иногда кардинально противоположным образом трактовались, как это случилось с римским понятием *ius gentium*, которое обычно переводят на русский язык как «право народов». Еще в конце XVII в. немецкий юрист Центграф писал об этом следующее: «С какими трудностями связано изучение *ius gentium*, доказывает как несмолкающий гул ученых, так и разнообразие мнений на эту тему, по поводу которой спорят даже самые ученые мужи»¹.

Говоря о понимании *ius gentium* самими древними римскими историками и юристами, следует подчеркнуть, что все они однозначно трактовали это понятие как международное публичное и частное право, принятое всеми цивилизованными народами античности для регулирования права войны и мира, права неприкосновенности посольств, права международной коммерции, компетенции международных судов и т.д. Однако об этом феномене международного права античности мной уже написано достаточно², поэтому здесь остановимся лишь на двух важнейших римских юридических определениях этого понятия. Первое определение принадлежит римскому юристу III в. н.э. Гермогениану и вошло в сборник фрагментов из сочинений римских юристов, составленный в VI в. н.э. и получивший название Дигест Юстиниана³. Именно это

¹ *Zentgav J.J.* Dissertatio de origine, veritate et obligatione juris gentium. Academia Argentoratensi, 1684. Praefatio. p 1.

² См.: *Кофанов Л.Л.* *Ius gentium* и международные суды античности // *Ius Antiquum* Древнее право. 2 (24). 2009. М., 2011. С. 57-84.

³ D.1.1.5. Hermogenianus libro primo iuris epitomarum. Ex hoc iure gentium introducta bella, discretas gentes, regna condita, dominia distincta, agris termini positi, aedificia collocata, commercium, emptiones uenditiones, locationes conductiones, obligationes institutae: exceptis quibusdam quae iure ciuili introductae sunt. (*Гермогени-*

определение послужило основой для понимания «права народов» как международного права античной и средневековой Европы толкователями Дигест Юстиниана – глоссаторами и постглоссаторами XII – XIV вв. Второе определение принадлежит уже раннесредневековому автору рубежа VI – VII вв. Исидору Севильскому⁴. Следует подчеркнуть, что согласно скрупулезному и вполне аргументированному анализу известнейшего немецкого исследователя источников римского права XIX в. Г. Дирксена⁵, Исидор заимствовал это, как и многие другие определения, из «Институций» римского классического юриста Ульпиана. Точку зрения немецкого ученого разделяет и известнейший российский исследователь международного права В.Э. Грабарь⁶. Как видно из приведенных текстов, эти определения принципиально не противоречат друг другу, однако если в определении Гермогениана *ius gentium* трак-

ан в 1-ой книге «Краткого изложения права». Этим правом народов введена война, разделение народов, основание царств, разделение имуществ, установление границ полей, построение зданий, торговля, купли и продажи, наймы, обязательства за исключением тех, которые введены в силу гражданского права»).

⁴ *Isid. Orig. V. 6: Quid sit ius gentium. Ius gentium est sedium occupatio, aedificatio, munitio, bella, captivitates, servitutes, postliminia, foedera pacis, indutiae, legatorum non violandorum religio, conubia inter alienigenas prohibita. Et inde ius gentium, quia eo iure omnes fere gentes utuntur. (Что есть право народов. Право народов - это захват места жительства, сооружение зданий, возведение укреплений, войны, захват в плен, рабство, возвращение из плена, мирные договоры, перемирие, святость неприкосновенности послов, запрещение браков между иностранцами. И оттого это право называется правом народов, что этим правом пользуются почти все народы).*

⁵ *Dirksen H.E. Über die durch Isidor von Sevilla benutzten Quellen des römischen Rechts // Hinterlassene Schriften zur Kritik und Auslegung der Quellen römischer Rechtsgeschichte und Alterthumskunde. Bd. 1. Lpz., Teubner, 1871. S. 185-203.*

⁶ *Грабарь В.Э. Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII-XIV вв. Юрьев, 1901. С. 14-18.*

туется в двух аспектах: как регулирующее международное публичное право войны и мира, и как право международной торговли и коммерческих договоров, то определение Ульпиана-Исидора делает упор лишь на первом аспекте, то есть на международном публичном праве.

Поскольку текст Исидора стал основой Декрета Грациана XII в., то есть первого свода канонического права западной католической Церкви, то и многочисленные комментаторы этого свода – канонисты XII – XIII вв. ориентировались именно на это определение. Так, например, декретист Руфин определяет *ius gentium* как «право, которое установили для себя почти все народы»⁷. Далее декретисты вслед за Исидором комментируют отдельные институты *ius gentium*: захват вражеских территорий, обхождение с пленными, рабство, право постлиминия, договоры о мире и перемирии, неприкосновенность послов, запрещение браков между иностранцами.

Гораздо более интересную и многообразную картину понимания *ius gentium* как международного права можно найти у глоссаторов – светских юристов XII в., первых комментаторов Дигест, Кодекса и Институций Юстиниана вообще и упомянутого выше определения Гермогениана в частности. Так, Ацо пишет: «Этим *ius gentium* введены войны..., разделение народов, основание царств... Им введена коммерция, каковая является общим названием для всех контрактов. Правом народов введены и обязательства, которые иначе называются натуральными...»⁸. Важно подчеркнуть, что Ацо и во-

⁷ *Summa magistri Rufini*, I. 9: *Ius gentium est, quod forte omnes gentes sibi constituerunt...* (цит. по *von Schulte J.F. Die Summa magistri Rufini zum Decretum Gratiani*. Giessen, 1892). Ср. почти аналогичные комментарии Покапальи (*von Schulte J.F. Die Summa des Paucopalea über das Decretum Gratiani*. Giessen, 1890. S. 6) и еще одного безымянного декретиста (его текст и перевод см.: *Грбарь В.Э. Ук. соч. С. 111*).

⁸ *Azo, Summa in Institutiones, lib. I. Rubr. de iure natur., num. 6: Item ex hoc iure gentium introducta sunt bella..., discretæ sunt*

обще Глосса понимают *ius gentium* именно как международное право⁹, причем не только как некое международное частное право коммерции, но и как международное публичное право¹⁰. Вообще Глосса понимает договоры *ius gentium* очень широко, включая в них как соглашения частного права, так и публичные договоры:

«Разве публичный (договор) не является договором права народов, поскольку возник сразу с появлением людей? ... Лучше будет сказать, что одни соглашения являются соглашениями права народов, а другие – законными соглашениями; а из соглашений права народов одни являются публичными, а другие – частными. Понятие права народов здесь¹¹ сужено, так как не включает свою разновидность, то есть публичное соглашение»¹².

Важно подчеркнуть, что для Глоссы примеры предписаний частного права нередко распространялись и на

gentes, regna condita... Commercium est inductum, quod generale est nomen ad omnes contractus. Obligatione sunt inductae, quae alias dicuntur naturales, i. de iure gentium...

⁹ Глоссаторы подчеркивают, что *ius gentium* действует «как внутри империи, так и вне ее» (*intra imperium et extra*). См. *Грбарь В.Э.* Ук. соч. С. 68.

¹⁰ *Azo, Summa in Institutiones, lib. I. Rubr. deiust. et iure, num. 12: Est autem ius maxime privatum, tripartite collectum. Est enim ex generalib. praeceptis, aut gentium, aut civilibus. Maxime ideo dixi, quia et ius publicum iure gentium est stabilitum. (Право, в особенности, частное, собрано из трех частей: ведь оно состоит из общих предписаний или предписаний народов, либо гражданских предписаний. Я сказал «в особенности», так как и публичное право установлено правом народов).*

¹¹ То есть в комментируемом Глоссой фрагменте Ульпиана.

¹² *Glossa ad l. 5 D. de pactis (II. 14): ...sed nonne publica est de iure gen. quia statim fuit cum homines fuerunt? ... melius dixisset, conventionum alia est iurisgen. alia legitima: et iurisgen. alia publica: alia privata. Sed dic quod hic genus iurisgen. restringitur, ut non comprehendat hanc suam speciem, scilicet publicam.*

публичное право, так как последнее «состоит из тех же предписаний»¹³.

Еще более глубокой разработке подверглось римское понятие *ius gentium* в XIV в. со стороны постглоссаторов, в частности, Бартола и его ученика Бальда. Бартол понимал *ius gentium* не только как «введенное естественным разумом» международное право, но и как то, «которым пользуются все народы на основании их установлений»¹⁴ и «которое возникает из практики народов»¹⁵. Именно он впервые вводит понимание *ius gentium* как права «между народами»¹⁶.

Особенный интерес для нашей темы представляет понимание Бартолом природы четырех основных видов римских контрактов: реальных, консенсуальных, вербальных и литтеральных, о которых он пишет следующее:

«Это (цивильное обязательство) двойственно, так как оно является цивильным обязательством по результату, как в четырех цивильных контрактах, которые отмечаются здесь. Некоторые из них становятся цивильными в результате признания и это правильно в отношении всякого обязательства, ведь то обязательство, которое происходит из права народов..., тем не менее в результате его признания

¹³ Glossa ad Instit. I. 1 de iust et iure § 4: Item sunt praecepta civilia, ut praecepta de usucap., quia de privata utilitate est usucapio... Et sic publicum est ex eisdem exemplis et pone eadem exempla. См. также *Грaбарь В.Э.* Ук. соч. С. 71 сл.

¹⁴ Bartoli opera. Venetiis, 1615. Tom. 2. fol. 61: Est ius gentium quo omnes gentes utuntur ex constitutione earum, non secundum rationem naturalem...

¹⁵ Bartoli opera. Tom. 1. fol. 8: ius gentium habet duas partes, unam quae procedit ex ratione naturale... Est et alia pars, quae procedit ex usu gentium.

¹⁶ Bartoli opera. Tom. 10. fol. 137 (Tractatus De insula): Secundum vero iura gentium... hoc observandum esset inter eas gentes, quae nec iure romano, nec aliquo iure civili utuntur. (Согласно же правам народов... это следует соблюдать между теми народами, которые не пользуются ни римским правом, ни другим каким-либо цивильным правом).

может называться цивильным... Мы можем сказать, что цивильными являются немногие обязательства, но в результате их признания таковыми становятся многие. И в этих четырех обязательствах цивильное право является непосредственным их основанием и отсюда говорится, что они являются цивильными обязательствами. Но в других контрактах это не так, потому что в них непосредственным основанием является консенсус»¹⁷.

В связи с такой интерпретацией двойственной природы многих римских контрактов не менее интересен глубокий анализ, сделанный Бартолом в отношении изменчивой природы римского консенсуального контракта купли-продажи, о чем он пишет следующее:

«Здесь говорится, что договоры купли-продажи происходят из права народов, но вопреки этому купля-продажа не может совершаться без денег... однако деньги не могут чеканиться без разрешения императора..., а раз они не могут чеканиться без разрешения императора, следовательно это договоры цивильного права... Однако контракт купли-продажи, который обретает форму из цены, по происхождению является договором права народов, ведь если император совершает куплю-продажу, то это контракт права народов»¹⁸.

¹⁷ *Bartoli opera*. Tom. 1. num. 12: haec (civilis obligatio) est duplex, quia quaedam est civilis obligatio effectu, ut in quatuor contractibus civilibus, qui notantur hic. Quaedam est civilis approbatione, et haec est regulariter omnis obligatio, nam illa quae est de iure gentium..., in effectu tamen approbatione potest dici civilis... Possumus dicere, quod civiles sunt paucae, sed approbatione sunt multae, et in istis quatuor obligationibus, ius civile est causa immediata, et ex hoc dicuntur obligatione civiles. Sed in aliis contractibus non est sic, quia ibi causa immediata est consensus.

¹⁸ *Bartoli opera*. Tom. 1. fol. 8 (ad l. *Ex hoc iure* D. de iust. et ire I. 1, num. 8): Dicitur hic, quod emptiones sunt de iure gentium, contra, emptiones non pussunt esse sine pecunia..., sed pecunia non potest cudi sine auctoritate principis..., si non potest cudi sine auctoritate prin., ergo est de iure civili...tamen contractus emptionis,

В данном тексте дается некая иерархия между *ius gentium*, как международным правом, общим для всех народов, и *ius civile*, то есть римским правом, общим лишь для народов, населявших Римскую империю, а в средневековой Европе – Священную Римскую империю или христиан¹⁹. Император, стоящий выше собственных законов, то есть *ius civile*, тем не менее подчиняется праву народов, поэтому и совершенная им купля-продажа регулируется напрямую лишь этим правом. Идею иерархии статутного права отдельных средневековых городов, римского *ius civile*, ставшего для католической Европы XIV в. своего рода «общим правом» (*ius commune*), и международного права *ius gentium*, разрабатываемую Бартолом, окончательно и вполне определенно сформулировал его ученик Бальд в следующей сентенции:

«Все народы могут создавать для себя статуты, а где недостаточно статутов, применяется гражданское право... Спрашиваю, все ли народы во всем живут по общему праву? Дается ответ, что не все, ведь отчасти народы пользуются общим правом, отчасти собственными статутами, общее право призывает гражданское право туда, где его власть имеет силу, а где оно не имеет силы, там призывается общее право, то есть самое общее право, а именно право народов»²⁰.

Таким образом, как справедливо отмечает известный историк международного права Ф.Мейли, «Бартол и Бальд создали первую настоящую систему международного

qui recipit formam ex pretio, est de iure gentium ex inventione, nam si princeps emeret, est contractus iuris gentium.

¹⁹ См. об этом: *Грбавь В.Э.* Ук. соч. С. 204 сл.

²⁰ *Baldus*, In primam Dig. Vet partem Commentarii. Venetiis, 1615. fol 13 (ad l. 9 Omnes populi D. de iust et iure, I. 1. num. 1-2): Omnes populi possunt facere sibi statuta, et ubi cessat statutum, habet locum ius civile... Quero, an omnes populi per omnia vivant iure communi? respondetur, quod non omnes, nam partim populi utuntur iure communi, partim propriis statutis, ius commune appellat hoc ius civile, ubi viget eius auctoritas: sed ubi non viget, tunc vocatur ius commune, i. ius communissimum, i. ius gentium.

частного права»²¹. Нельзя не согласиться и с выводами российского международника В.Э.Грабаря о том, что «современное международное частное право в своих главных основаниях покоится на трудах постглоссаторов»²².

Понимание *ius gentium* как основного термина для обозначения международного права полностью утвердилось в западной Европе XV – XVIII вв., что, в частности, в полной мере проявилось в основном труде основателя современной теории международного права голландского ученого начала XVII в. Гуго Гроция, который определяет *ius gentium* как «право, которое определяет отношения между многими народами или их правителями..., введенное обячаями или молчаливым соглашением»²³. Далее он добавляет еще одно определение:

«Но подобно тому, как законы всякого государства касаются пользы своего государства, точно также какие-то права могли возникнуть на основании консенсуса между всеми государствами или многими из них, и оказывается, что рожденные права касаются пользы не отдельных сообществ, но всей их огромной совокупности. Это-то право и называется *ius gentium*»²⁴.

Так же как и его предшественники глоссаторы и постглоссаторы, Гроций рассматривает международную коммерцию, особенно морскую, как неотъемлемую часть *ius gentium*, возникшую «между нациями из естественного стремления к общности» (II, 2, 13. 5). Отдельную главу он посвящает различным категориям частных договоров *ius gentium* (II, 12).

²¹ *Meili F.* Über das historische Debüt der Doktrin des internationalen Privat- und Strafrechts // *Böhm's Zeitschrift für internationales Privat- und Strafrecht.* Bd. IX. 1899. S. 259.

²² *Грабарь В.Э.* Ук. соч. С. 216.

²³ *Grot.* De iure bell. Proleg. 1: *ius illud, quod inter populos plures aut populorum rectores intercedit...moribus et pacto tacito introductum...*

²⁴ *Grot.* De iure bell. Proleg. 17: *Sed sicut cujusque civitatis iura utilitatem suae civitatis respiciunt, ita inter civitatis aut omnes, aut plerasque, ex consensu iura quaedam nasci potuerunt, et nata apparet, quae utilitatem respicerent non coetum singulorum, sed magnae illius universitatis. Et hoc ius est quod gentium dicitur.*

Взгляды Гуго Гроция оказали огромное влияние на науку международного права и на протяжении двух веков оставались незыблемыми. Термин *ius gentium* стал основным для обозначения международного права в научной литературе XVII – XVIII вв., что, в частности, реализовалось в весьма солидном по объему трехтомном издании П.И.Шварца «Институции всеобщего публичного права природы и народов», вышедшем в 1760 г. и вобравшем в себя мысли Гуго Гроция, Пуффендорфа, Томазия, Витриария и многих других ученых того времени²⁵. В этом труде *ius gentium* определяется следующим образом:

«Многими авторами понятие *ius gentium* определяется как молчаливое соглашение, посредством которого народы, как таковые, объединяются посредством взаимного обязательства в определенном порядке для того, что относиться к общему благоденствию их самих»²⁶.

Естественно, и коммерческое право, а точнее, «свободную возможность торговли», автор этого труда относит к области *ius gentium*²⁷, с этим правом связывается и происхождение денежного обращения, чеканки монет, денежных обязательств и т.п.²⁸ Казалось бы, столь прочный научный фундамент толкования *ius gentium* как

²⁵ Schwarz P.I. Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium. Vol. I-III. Venetiis. 1760.

²⁶ *Ibid.* Vol. I. P. 210: *Ius gentium multis Auctoribus dicitur conventio tacita, qua gentes, ut tales, obligatione mutuaconsociantur in ordine ad ea, quae ad communem ipsarum felicitatem pertinent.*

²⁷ *Ibid.* Vol. I. P. 214: *Commerciorum, hoc est, negotiandi cum aliis Gentibus libera facultas est juris Gentium. (Свободная возможность коммерции, то есть торговли с другими народами, относится к ius gentium).*

²⁸ *Ibid.* Vol. I. P. 216: *Denique usus monetae, ius cudendae, et valoris tribuendi descendit a jure Gentium... unde obligatio acceptandi pecuniae et agnoscendi valorem ... jure Gentium inducta est (Наконец, практика использования монет, право их чеканки и придания им стоимости восходит к ius gentium... отсюда также и обязательство принятия денег и признания их стоимости... введено правом народов).*

международного права непоколебим, однако бурные события рубежа XVIII и XIX вв., связанные с французской революцией, походами Наполеона, а в связи с этим обращение европейских стран к укреплению не международного, а своего национального права, видимо, послужили внешним катализатором изменения и научных концепций. История резкого изменения интерпретации понятия *ius gentium* в научной литературе XIX – XX вв. подробно изложена в замечательной работе В.Э. Грабаря²⁹, поэтому я остановлюсь лишь на важнейших вехах этого изменения.

В 1823 г. в Бонне выходит небольшая брошюрка на 13 страницах молодого ученого Августа Геффтера под названием «О введении в древнее право народов»³⁰. На примере главным образом истории греков он пытается доказать, что древним было чуждо благородство современного Геффтеру права войны³¹. Эта наивная и мало аргументированная брошюра тем не менее была подхвачена целым рядом маститых ученых, в частности, филологом Э. Озенбрюггеном³² и историком права Ф. Лораном³³. В России эту волну поддержали многие ученые, в частности Ф.Ф. Мартенс³⁴ и М.А. Таубе³⁵.

²⁹ *Грабарь В.Э.* Первоначальное значение термина *ius gentium*: Из научного наследия проф. В.Э. Грабаря // Уч. записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 148. Тарту, 1964. С. 6-41.

³⁰ *Heffter A. G.* De antiquo iure gentium prolusione. Bonnae, 1823.

³¹ *Ibid.* P. 12: *Aliena erat a Graecis nobilitas illa et elatio animi, qua ius belli, ex notione et indole humanitatis repetitum, hodie sancitum est. (Грекам было чуждо то благородство и порыв души, которыми благодаря знанию и врожденному свойству гуманизма сегодня освящено право войны).*

³² *Osenbrüggen Ed.* De jure belli et pacis Romanorum. Lipsiae, 1836.

³³ *Laurent F.* Etudes sur l'histoire de l'humanité. Vol. I-III. Bruxelles, 1855-1857.

³⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Международное право цивилизованных народов. Т. 1. 5 изд. СПб., 1904. С. 35: «Можно ли говорить о международном праве древних народов? Мы полагаем, что нельзя».

Однако целый ряд серьезных ученых, в частности, Г. Дирксен³⁶ и М. Фойгт³⁷, и даже повзрослевший А. Геффер активно выступили в пользу сохранения старой трактовки *ius gentium* как международного права древности. Также и ряд известнейших ученых России поддержал это позитивное направление науки, главным представителем которых следует считать В.Э.Грабаря. Эти ученые, выражаясь словами самого Грабаря, «казалось, сделали невозможным дальнейшее отрицание существования международного права в древности... Советские международники стоят на новой точке зрения»³⁸. Но и сегодня многие специалисты международного права продолжают отрицать роль *ius gentium* как международного права античности. Особенно сильно это отрицание в доктрине международного частного права (МЧП). Так, одна из ведущих российских специалистов по МЧП пишет в своем учебнике: «С периодом рабовладения мы не связываем ни объективное право, ни доктрину МЧП»³⁹. Зарождение международного частного права автор связывает с интенсивным развитием торговли в северной Италии на рубеже XIII в.

Что касается развития торгового права, следует обратиться к дискуссии, начатой еще в XIX в. об особом, международном характере древней преимущественно морской коммерции. Теоретически эта дискуссия основана, в частности, на идее исторической независимости коммерческо-

³⁵ Таубе М.А. История зарождения современного международного права. Т. 2. СПб., 1894. С. 20: «Ни идеи общения, ни, следовательно, международного права в древности не существовало».

³⁶ Dirksen H.E. Über die Eigenthumlichkeit des Ius Gentium nach dem Vorstellungen der Römer // Vermischte Schriften. Teil I. Berlin, 1841. S. 200-255.

³⁷ Voigt M. Das ius naturale, aequum et bonum und ius gentium der Römer. Bd. II. Das Ius Civile und Ius Gentium der Römer. Leipzig, 1858.

³⁸ Грабарь В.Э. Первоначальное значение термина *ius gentium*... С. 10.

³⁹ Ануфриева Л.П. Международное частное право. в 3-х т. Том 1. Общая часть. Учебник. М., 2000. С. 8.

го права от гражданского частного права, их параллельного развития. Так, еще В.А. Удинцев писал «Морское право, развитие какового не приурочивается к городскому обороту... и по присущему ему от природы космополитизму – несомненно было одним из важнейших моментов в развитии идеи специального торгового права»⁴⁰. Эта идея выражена еще в XIX в. известнейшим основателем концепции современного российского коммерческого права проф. Г.Ф. Шершеневичем, который пишет, что международное коммерческое право древности *ius gentium* оказало влияние на римское *ius civile*, но «то и другое право долго стояли, как два совершенно отдельных организма»⁴¹. Он подчеркивает, что именно международное коммерческое право ввело в Риме консенсуальные договоры, поскольку «торговый оборот нуждается в быстроте, в доверии – одного согласия достаточно для заключения договора»⁴².

Основываясь на этой идее, историки права довольно часто говорят о параллелизме исторического развития и относительной системной независимости коммерческого и гражданского права⁴³. Выше уже отмечалось, что еще

⁴⁰ Удинцев В. А. История обособления торгового права. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1900. С. 49. См. также: Удинцев В. А. Дуализм частнопрововых систем. Киев, 1894.

⁴¹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Введение. Торговые деятели. Т. 1. 4-е изд. С.Пб., 1908. С. 22 сл.

⁴² Там же.

⁴³ Различные оценки соотношения коммерческого и гражданского права см.: Каминка А.И. Очерки торгового права (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). М.: "Зерцало", 2007. С. 27-31; Лебедев К. К. О коммерческом (торговом) праве, проекте Торгового кодекса РФ, договоре оптовой купли-продажи и других торговых договорах. Рецензия на книгу: Коммерческое право России. Учебно-методическое пособие / Под ред. Б. И. Пугинского. М., 1999. - 144 с.; Пугинский Б. И. Коммерческое право России. М.: Юрайт, 2000. - 314 с. // Правоведение. 2000. № 4. С. 251-255; Кузнецов В. Предмет курсов предпринимательского и коммерческого права // Российская юстиция. 1999. № 4. С.

средневековые глоссаторы и постглоссаторы считали именно *ius gentium*, то есть международное право античности первоисточником основных видов коммерческих договоров – консенсуальных и реальных.

Однако многие современные специалисты по римскому праву отрицают историческую независимость коммерческого права от национального римского права, подчеркивая, что система консенсуальных контрактов является продуктом исключительно римской юриспруденции и римского преторского права. Например, в своем фундаментальном исследовании римского института *consensus* профессор Козимо Кашоне целую главу посвятил роли *ius gentium* в формировании римских консенсуальных контрактов⁴⁴, начав ее с параграфа под названием «Загадка *ius gentium*». Автор справедливо отмечает тот факт, что римские юристы практически единогласно подчеркивают, что почти все консенсуальные договоры основываются на *ius gentium*⁴⁵, тем не менее, ученый убежден, что консенсуальная купля-продажа зародилась исключительно в римско-италийском мире. Но почему римские юристы упорно ссылаются именно на право народов при характеристике консенсуальных контрактов, а, скажем, не на *ius naturale*? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего определиться в содержании римского понятия *ius gentium*, которое практически всеми римлянами, начиная с Цицерона, Саллюстия, Тита Ливия и кончая Исидором Севильским, понималось именно как международное право⁴⁶.

В связи с этим следует вспомнить известный текст римского юриста Волузия Мециана о том, что по мнению

51-52; Зинченко С. А., Голов В. В., Колесник Г. И. Рецензия на учебник: Коммерческое право. В 2 ч. / Под ред. В. Ф. Попондопуло, В. Ф. Яковлевой. Ч. 1. СПб., 1997 и 1998; Ч. 2. 1998 // Правоведение. 1999. № 2. С. 264-271.

⁴⁴ Cascione C. Consensus. Problemi di origine, tutela processuale, prospettive sistematiche. Napoli, 2003. P. 361-397.

⁴⁵ *Ibid.* P. 351-371.

⁴⁶ См. об этом мою статью: Кофанов Л.Л. Ук.соч. С. 57-84.

императоров Августа и Антонина Пия сам римский император властвует лишь на земле, на море же властителем является родосский морской закон⁴⁷.

Многие ученые делают из процитированного текста далеко идущие выводы о том, что уже в древнем Риме морское торговое право развивалось параллельно римскому гражданскому праву, не сливаясь с ним полностью, но активно взаимодействуя⁴⁸. Однако другие, не менее авторитетные ученые возражают таким выводам, отмечая, что отрывок Волузия Мециана не заслуживает доверия, так как других указаний на столь значительную роль в древнем Средиземноморье Родосского морского закона почти нет⁴⁹.

Однако, немаловажен факт того, что *lex Rhodia de iactu* комментируется целым рядом римских юристов: Павлом (III в. н.э.), Папинианом (III в. н.э.), Каллистратом (III в. н.э.), Гермогенианом (III в. н.э.), Юлианом (II в. н.э.), Лабеоном (I в. н.э.) и Миницием (I в. н.э.). Кроме того, Павел и Каллистрат ссылаются на комментарий

⁴⁷ D.14.2.9.□ Комментарии к фрагменту см.: *Atkinson K. M. T. Rome and the Rhodian sea-law // IURA. Vol. 25. 1974. P. 46-98; Humbert M. Monde romain // Revue Historique de Droit Français et Étranger. Vol. 56. 1978. P. 533; Manfredini Arrigo D. Il naufragio di Eudemone (D.14.2.9) // Studia et Documenta Historiae et Iuris. Vol. 49. 1983. P. 375-394; Talamanca M. (V. Marotta, Multa de iure sanxit. Aspetti della politica del diritto di Antonino Pio) // Bullettino dell'Istituto di Diritto Romano Vittorio Scialoja. Vol. 92-93. 1989-1990. P. 810 s.*

⁴⁸ См. например: *Pardessus J.M. Collection de lois maritimes antérieures au XVIIIe siècle. T. I. Paris, 1828. P. 61 ss.; Dareste R. La lex Rhodia // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. 1905. P. 429-448; Benedict Robert D. The Historical Position of the Rhodian Law // Yale Law Journal. Vol. XVIII. N. 4. 1909. P. 223-242; Шершеневич Г.Ф. Ук. соч. С. 25; Arangio-Ruiz V. La compravendita in diritto romano. Vol. I. Napoli, 1956. passim; Rostovtzeff M. The social and economic History of the hellenistic World. Vol. II. Oxf., 1959. P. 688 f.*

⁴⁹ *De Martino F. Lex Rhodia. Note di diritto romano marittimo // De Martino F. Diritto, economia e società. Napoli, 1995. P. 285-368.*

более ранних юристов: Сервия Сульпиция Руфа (I до в. н.э. – D.14.2.2 pr.; §3), Офилия (I до в. н.э.), Лабейона (I до в. н.э. – D.14.2.2.3) и Сабина (I до в. н.э. – D.14.2.4.1). Но приведенный выше фрагмент Волузия Мециана гораздо шире трактует содержание родосского закона: это вообще все нормы морского права, не противоречащие римским законам. О нормах не включенных византийскими компиляторами в Дигесты Юстиниана, можно судить по еще одной компиляции, сделанной также византийцами несколько более позднего периода. В середине VIII в. н.э. по распоряжению византийского императора Льва III из Дигест были изданы краткие извлечения из Морского родосского закона, которые помимо норм уголовного права содержали также нормы чисто коммерческого морского права, в частности, по договорам хранения, займа, найма рабочей силы и торгового судна⁵⁰.

Исидор Севильский⁵¹, автор VI – VII вв. н.э., называет родосские законы *leges navaliu commercioru*, то есть законами о морской торговле, и это определение вполне подтверждает определение II в. н.э., сделанное Волузием Мецианом.

В Средние века, а точнее, в VI – X вв. сложилось устойчивое представление о наибольшем авторитете именно древних родосских морских законов торговли, признанных еще римскими императорами и римскими юристами.

Но в какой мере эти тексты родосских морских торговых законов или комментарии к ним, дошедшие до нас в компиляциях VI – X вв., могут отражать сами законы Родоса IV – I вв. до н.э. или комментариев к ним римских юристов и античных историков II в. до н.э. – III в. н.э.? Здесь прежде всего следует внести серьезное уточнение:

⁵⁰ См.: *Ashburner W. Nomos Rhodion Nautikos. The Rhodian Sea-Law.* Oxford, 1909; *Сюзюмов М. Я. Морской закон // Античная древность и средние века.* Свердловск, 1969. Вып. 6. С. 3-54.

⁵¹ *Isid. Orig. V. 17: «О Родосских законах.* Родосскими считаются законы о морской торговле, названные так от острова Родос, на котором в древности торговцы обменивались (товаром)».

ведь и почти все тексты самих римских юристов II в. до н.э. – III в. н.э. дошли до нас в рукописях VI – X вв., так как сами Дигесты были составлены лишь в VI в. н.э., а большинство сочинений древнегреческих и римских авторов, например, исторические труды Полибия и Дионисия Галикарнасского, дошли до нас в византийских рукописях X в. н.э. Однако, если подлинность содержащейся в них информации в целом не подвергается сомнению, то родосским законам повезло значительно меньше: как правило, историки античного права даже не принимают во внимание этот важнейший источник.

Чтобы восполнить хотя бы отчасти этот пробел, обратимся к истории Родоса и Рима, родосского права и его взаимодействия с римской юриспруденцией в IV – I вв. до н.э., дабы понять, а действительно ли традиционные источники молчат об указанной теме?

К концу IV в. до н.э. благодаря активной внешней посреднической торговле, искусной дипломатии и разумным законам Родос, по словам Диодора, был признан «обладавшим наилучшим среди эллинов государственным устройством» (*Diod. XX. 81. 2*) и «достиг великих успехов в своем развитии»⁵². Олицетворением этих успехов стал воздвигнутый в начале III в. до н.э. знаменитый Родосский колосс⁵³. Возросло к этому времени и значение Рима, после побед над самнитами и присоединения богатейшей житницы Италии – Кампании, ставшему крупнейшим государством региона. Первый контакт Рима и Родоса следует датировать 326 г. до н.э., когда был подписан союзнический договор Рима с колонией Родоса – морским портом

⁵² *Diod. XX. 81. 2-3.*

⁵³ *von Gaertringen H.* Rhodos // RE. Suppl. V. Stuttgart, 1931. Sp. 781; *Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. Itaca, 1984. Cap. 3; *Musti D., Pulcini B.* La fiaccola della Demokratia e la statua della Libertà // Rivista della cultura classica e medioevale. Vol 38. 1996. P. 289-308; *Campanile M.D.* La vita cittadina nell'età ellenistica // I Greci. Storia, cultura, arte, società. Vol. 2. Una storia greca. III. Trasformazioni. Torino, 1998. P. 399.

Неаполем, направленный против самнитов⁵⁴. Благодаря этому договору римляне впервые получили прямой доступ к прекрасному морскому порту, а следовательно, и к морской торговле⁵⁵. А к 307 г. до н.э., когда консулом был Аппий Клавдий Цек, относится заключение первого договора о дружбе между Римом и Родосом.

Несомненно, дружба и реальная поддержка Родоса и его стратегических и торговых союзников птолемеевского Египта⁵⁶, сицилийского тирана Гиерона II и Неаполя⁵⁷ была существенной помощью Риму в тяжелейших испытаниях, выпавших на его долю во второй половине III в. до н.э.

После землетрясения 227 г. до н.э. родосцы получают от Гиерона II, Селевка и многих других эллинистических правителей и городов право беспошлинной торговли в их землях⁵⁸. В 220 г. до н.э. к ним за помощью обращаются все эллины с просьбой заставить город Византий отменить провозные пошлины за право торговли в Понте и уже в 219 г. до н.э. родосцы добиваются

⁵⁴ Liv. VIII. 25. 10. 12; 26. 6. Ср.: Dionys. XV. 5 (4). 1.

⁵⁵ Имевшийся у них ранее порт Остия в устье Тибра не приспособлен для морской торговли. Так, Страбон (V. 3. 5. P. 232) пишет: «*Остия – город без гавани из-за наносов Тибра..., поэтому купеческие корабли с великой опасностью бросают якорь прямо в открытом море*».

⁵⁶ Отказался оказывать финансовую помощь Карфагену в Первую Пуническую войну: App. Sic. I.

⁵⁷ Сохранял неизменную верность Риму на протяжении всех пунических войн.

⁵⁸ Polyb. V. 89-90 (228 г. до н.э.): *Гиерон и Гелон ... даровали свободу от пошлин для идущих к ним судов родосцев... Отец Антиоха Селевк даровал свободу от пошлин для приходящих в пределы его царства... [90.] Подобное же участие показали Прусий и Митридат, а также тогдашние владыки Азии, я разумею Лисания, Олимпиха и Лимнея. Что касается городов, помогавших им по мере возможности, то трудно было бы даже перечислить их...; Diod. XXVI. 8: *Когда Родос сильно пострадал от землетрясения, Гиерон Сиракузский... освободил хлебные корабли родосцев от пошлин*.*

этого, причем действуя в основном средствами дипломатии⁵⁹. Ведущая в этот период роль Родоса подтверждается и войной родосцев с пиратами Крита в период II Пунической войны, впоследствии вылившейся в совместную с римлянами войну против Димитрия Фарского и Филиппа Македонского⁶⁰. В 200 г. до н.э. они получили от Афин права общего гражданства и заключили союз почти со всеми островами Восточного Средиземноморья, который сами и возглавили (*Liv.* XXXI. 15. 7).

Именно в этих условиях общего признания ведущей роли Родоса в международной морской торговле, политике и дипломатии интенсивно развивается контакт ведущих римских государственных деятелей и юристов с родосцами. Цицерон считает этих юристов III – начала II вв. до н.э., в частности, Секста Элия Пета, Тиберия Корункания, Сципиона Африканского Старшего, Марка Катона и Марка Манилия по широте своих знаний больше философами, чем юристами (*De orat.* III. 133-135) и сравнивает их со знаменитыми греческими семью мудрецами, стоявшими, как правило, во главе своих государств (*De orat.* III. 137). Вместе с тем, Диодор Сицилийский отмечает, что родосцы были особенно талантливо умением при-

⁵⁹ *Polymb.* IV. 47. 1. *Взимание византийцами пошлины с товаров, идущих из Понта, было для всех эллинов убыточно и тяжело и возмущало их, а потому все народы, занимающиеся морской торговлей, обратились с жалобами к родосцам, так как эти последние почитались сильнейшим морским народом... 3. Побуждаемые собственными потерями и терпевшими ущерб соседями, родосцы при участии союзников прежде всего отправили посольство к византийцам с требованием отменить провозные пошлины. Но византийцы решительно отвергли это требование... 52. 5 (219 г. до н.э.) Договор с родосцами был краток: «Византийцы не должны взимать провозной пошлины ни с кого из плывущих в Понт, тогда родосцы и их союзники обязуются жить в мире с византийцами».* Подробнее об этой войне см.: *Ефремов Н.В.* Родосско-византийская война 220 г. до н.э. // ВДИ. 2005. № 1. стр. 128-153.

⁶⁰ *von Gaertringen H.* Op. cit. Sp. 787 f.

влекь на свою сторону конкретных властителей с помощью искусной лести и почетных постановлений⁶¹. Это дипломатическое искусство они особенно активно использовали и в отношении конкретных римлян.

В связи с этим особо следует остановиться на Марке Катоне Старшем, которого Помпоний включает в число юристов, живших в период деятельности основателей римского гражданского права⁶². Согласно Плутарху (Cat. 2), еще в молодости в 209 г. до н.э. он увлекся пифагорейством, став учеником тарентийского пифагорейца Неарха. Будучи небогат, Катон зарабатывал на морских займах и создании товариществ купцов, занимающихся морской торговлей (Plut. Cat. 21). Именно он стал патроном Родосской республики, защищавшим в 167 г. до н.э. родосских послов в римском сенате в своей знаменитой речи «В защиту родосцев»⁶³.

⁶¹ *Diod. XXXI. 36. «Родосцы, будучи предусмотрительными и пользуясь покровительством извне, постоянно собирали с царей некую добровольную дань. Почитая искусной лестью и почетными постановлениями власть имущих и делая это уверенно и с большой предусмотрительностью, они получали от царей многообразные благодарности и подарки. Так они получили в дар от Деметрия двести тысяч медимнов пшеницы и сто тысяч медимнов ячменя. Эвмен скончался, оставаясь им должен тридцать тысяч медимнов. Этот царь также обещал им выстроить театр из белого камня. Таким образом, родосцы, живя лучше всех эллинов, имели много добровольцев из числа правителей, готовых состязаться в благодеяниях по отношению к их городу».*

⁶² D.1.2.2.38. *Затем, был Марк Катон, глава фамилии Порциев, книги которого сохранились, но больше сохранилось книг его сына, от них то уже пошли и все прочие. §39. После них были Публий Муций, и Брут, и Манилий, которые основали гражданское право.*

⁶³ *Gell. VI. 3; App. Pun. 65.* Об основанном на *ius gentium* судебном патронате союзных Риму государств см.: *Leonhard R. Hospitium // RE. Hbd. XVI. Stuttgart, 1913. Sp. 2493-2498.* См. также *Cic. Divin. in Saec. 64-67*, где Цицерон говорит и о других речах Катона, где тот выступает патроном союзных Риму государств.

Переходя к поколению юристов второй половины II в. до н.э., следует подчеркнуть, что именно на них родосцы оказали наибольшее влияние, достаточно широко освещенное в древних источниках. Существует огромная литература, рассматривающая влияние греческой философии стоицизма на римскую культуру вообще⁶⁴ и на римское право в частности⁶⁵. Однако до сегодняшнего дня никто не обращал внимания на тот факт, что римские юристы находились под особым влиянием не вообще греческого стоицизма, а именно его родосского варианта, представленного родосским политическим деятелем и философом Панецием и его учениками Геконом Родосским и Посидонием Родосским. Также и в области ораторского искусства наибольшей популярностью среди римских юристов пользовались родосские ораторы Аполлоний Родосский и Молон Родосский.

Подружившись с известным государственным деятелем и юристом Сципионом Африканским младшим, Панеций вошел в так называемый «кружок Сципиона», собиравший многих известных римских юристов, благодаря чему этот родосец оставил себя целых три поколения учеников – видных римских юристов⁶⁶, среди которых помимо самого Сципиона и его друга Лелия можно назвать П.Муция Сцеволу Понтифика, Марка Брута, Мания Манилия, Квинта Элия Туберона, Публия Рутилия Руфа, Квинта Муция Сцеволу Авгура, Авла Виргиния⁶⁷, Марка Вигеллия, Секста Помпея и Луция Красса. Многие юристы младшего, третьего поколения специально ездили к уже очень старому Панецию с целью обучения на остров Родос.

Традиция ездить на Родос для завершения философско-юридического образования сохранилась и в I в. до н.э. Для этой цели на Родос ездили и слушали лекции ученика

⁶⁴ Обзор этой литературы см.: *Pohlenz M.* Op. cit. P. 535 ss.

⁶⁵ *Pohlenz M.* Op. cit. P. 542-550.

⁶⁶ *D'Ippolito F.* I giuristi e la città. Napoli, 1978. P. 88.

⁶⁷ См. *Cic.* De orat. III. 23; Tusc. IV. 2; De off. III. 2.

Панеция Посидония Родосского Цицерон, Помпей, Цезарь и знаменитый римский юрист Сервий Сульпиций Руф⁶⁸. По мнению Цицерона, этот виднейший юрист I в. до н.э. не смог бы превратить римское право в настоящую науку, если бы не изучал диалектику на Родосе⁶⁹.

Иногда отмечают⁷⁰, что после 167 г. до н.э. Родос начинает утрачивать свое ведущее влияние в морской торговле благодаря превращению римлянами острова Делос в средиземноморский центр беспошлинной торговли. Действительно, ряд источников указывает на небывалый расцвет торговли на Делосе⁷¹, на широкое распространение там римских торговцев⁷². На убытки, связанные с превращением Делоса в *porto franco*, указывают в 165 г. до н.э. и сами родосские послы в Риме⁷³. Именно поэтому, якобы,

⁶⁸ Kübler. Ser. Sulpicius Rufus // RE. R. II. Hbd. 7. St., 1931. Sp. 852.

⁶⁹ Cic. Brut. 151-152: ... о Сервии (Сульпиции Руфе) ты говоришь совершенно правильно... В ранней молодости мы вместе занимались одними и теми же упражнениями, потом он вместе со мной ездил и на Родос, чтобы усовершенствовать свои способности и знания... Он стал первым знатоком гражданского права среди правоведов не только своего времени, но и всех былых времен. 152. ...Он никогда не достиг бы этих знаний, если бы не овладел еще и тою наукой, которая учит разлагать целое на части, неясное раскрывать определением, темное разъяснять истолкованием, двусмысленное выделять и размежевывать и, наконец, с помощью некоторого правила отличать истинные суждения от ложных и правильные выводы от неправильных.

⁷⁰ Горлов Ю.В. Ук. соч. С. 221.

⁷¹ Strab. X. 5. 4. P. 486; XIV. 5. 2. P. 668.

⁷² Strab. X. P. 486; Лопухова О.Б. Делос во II в. до н.э. // Эллинизм: экономика, политика, культура. Отв. ред. Е.С.Голубцова. М., 1990. С. 234 сл.

⁷³ Polyb. XXX. 31: 10. Но тяжелее всего для нашего города потеря доходов от гавани после того, как вы освободили Делос от пошлин и отняли у нашего народа свободу решать подобающим образом как вопрос о гавани, так и все прочие дела. Что мы говорим правду, нетрудно доказать это. 11. Тогда как в прежнее время сумма сборов в гавани доходила до миллиона драхм, те-

родосцы, в частности, Панеций, и обратились от торговли к философии⁷⁴. Однако, такое заключение ошибочно: родосцы сохранили и свою военно-морскую мощь, и активную торговую и финансовую деятельность. Согласно надписи 100 г. до н.э. родосцы продолжали играть лидирующую роль в войне с пиратами в восточном Средиземноморье⁷⁵. Активно участвует родосский флот и в войне с пиратами 74 – 72 гг. до н.э.⁷⁶. Самостоятельно отразил Родос и нападение Митридата в 88 г. до н.э., когда вся Малая Азия и Греция попадают под власть этого царя. Не случайно поэтому в 69 г. до н.э. Цицерон говорит о морской славе и науке Родоса в настоящем времени⁷⁷.

Важную роль сыграл родосский флот и в знаменитой войне Помпея с пиратами в 67 г. до н.э.⁷⁸, а сам Помпей избрал Родос местом своего пребывания для руководства войной с пиратами восточного Средиземноморья (*Strab.* XI. P. 492).

Что касается экономического положения Родоса, то согласно надписи 100 г. до н.э. (CIL. III. 12266), он стал базовым центром для римлян, занимающихся торговлей в Азии⁷⁹. Наконец, очень важен тот факт, что в 86 г. до н.э. Сулла утверждает право Родоса в качестве откупщика взимать портовые пошлины на всех островах Сре-

перь вы отняли полтораста тысяч, так что гнев ваш, римляне, стоил нашему государству главнейших источников дохода...

⁷⁴ *Pohlenz M.* Op. cit. P. 389.

⁷⁵ Подробный комментарий к надписи см.: *Monaco L.* Op. cit. P. 113-132. См. также: *Liv. Per.* 68; *von Gaertringen H.* Op. cit. Sp. 800 f.

⁷⁶ *von Gaertringen H.* Op. cit. Sp. 804.

⁷⁷ *Cic. Pro lege Manil.* 54: *...о родосцах, у которых и поныне сохраняется морская наука и морская слава.*

⁷⁸ *Flor.* I. 41. 8: *Поскольку он обладал в избытке как собственными кораблями, так и кораблями союзников родосцев, он с помощью своих многочисленных легатов и префектов перекрыл вход как в Понт, так и в Океан.*

⁷⁹ *von Gaertringen H.* Op. cit. Sp. 801.

диземноморья⁸⁰. Это исключительное право Родоса на сбор в I в. до н.э. торговых пошлин на островах Средиземноморья подтверждает и рассказ Аммиана Марцелина о родосских откупщиках и Клеопатре⁸¹. Таким образом, в середине I в. до н.э. Родос все так же был крупнейшим торговым и финансовым центром Средиземноморья. Император Октавиан, установив в Империи гражданский мир, вновь подтвердил привилегии Родоса в области морского торгового права, на что и обратил внимание римский юрист II в. н.э. Волузий Мециан в приведенном в начале статьи фрагменте.

Возвращаясь к происхождению консенсуальных контрактов, следует отметить, что, как признавали сами римские юристы и политики⁸², а также нередко отмеча-

⁸⁰ *Cic. Ad Quint. fr. I. 1. 33: Что греки при взимании податей не отличаются большей мягкостью, чем наши откупщики, можно понять из того, что недавно все кавнийцы и все жители островов, отданных Суллой родосцам, обратились к сенату с просьбой платить дань нам, а не родосцам. Поэтому имени откупщика не должны ужасаться те, кто всегда был данником.*

⁸¹ *Атт. Марс. XXII. 16. 11: Когда однажды сборщики податей явились (на остров Фарос) и потребовали огромную сумму, царица (Клеопатра)... заявила родосцам, что они пребывают в заблуждении, так как имеют право требовать торговую пошлину с островов, а не с континента.*

⁸² *Sallust. Cat. 51. 37-39: Предки наши, отцы сенаторы, никогда не испытывали недостатка ни в рассудительности, ни в отваге, и гордость не мешала им перенимать чужие установления, если они были полезны. (38) ...они заимствовали ... все то, чем обладали их союзники или даже враги и что им казалось подходящим, они усерднейшим образом применяли у себя; хорошему они предпочитали подражать, а не завидовать. (39) И в то же самое время они, подражая обычаю Греции...; Cic. De rep. II. 30: Сказал Публий Африканский: ... ты именно потому и сочтешь нужным прославлять мудрость наших предков, что многое, даже заимствованное из других мест, у нас... было намного улучшено в сравнении с тем, каким оно было там, где возникло впервые, и откуда было перенесено сюда.*

ли греки⁸³, римляне умели воспринимать лучшее из чужого опыта, и, искусно его перерабатывая, делать своим⁸⁴. Однако, можно ли эти общие рассуждения подтвердить конкретными данными источников, можно ли на этих источниках проследить возникновение и развитие в Риме этих самых консенсуальных контрактов «права народов»? На мой взгляд, можно.

В научной литературе уже давно ведется ожесточенный спор о том, существовало ли в древнегреческом и римском мире понятие «международное частное право»⁸⁵, или же «коммерческое право в собственном смысле слова... является результатом деятельности итальянского средневековья и современных кодификаций»⁸⁶. Многие романисты, справедливо признавая существование некоего общего международного коммерческого права, особенно отмечают важность для формирования понятия «консенсуальные контракты римской идеи *bona fides* и ее греческого аналога ⁸⁷. Особенно важны исследования В. Аранджо-Руиц⁸⁸, связывающего возникновение консенсуальных контрактов вообще и консенсуальной купли-продажи, в

⁸³ *Polyb.* VI. 25. 11: *И вообще римляне оказываются способнее всякого другого народа изменять свои обычаи и подражать наилучшему.*

⁸⁴ См. об этом: *Schulz F.* *I principi del diritto romano.* Firenze, 1995. P. 109 ss.

⁸⁵ *Hamza G.* *Op. cit.* P. 323-332.

⁸⁶ *Goldschmidt L.* *Universalgeschichte des Handelsrechts.* Vol. 1. Stuttgart, 1891. S. 31 s. О различных теориях происхождения коммерческого права см.: *Cerami P., Petrucci A.* *Diritto commerciale romano. Profilo storico.* Torino, 2010. P. 3-19.

⁸⁷ См. например: *Martini R.* 'Fides' e 'pistis' in materia contrattuale // *Il ruolo della buona fede oggettiva nell'esperienza giuridica storica e contemporanea.* Atti del Convegno internazionale di studi in onore di Alberto Burdese (Padova – Venezia – Treviso, 14-16 giugno 2001). A cura di L.Garofalo. Vol. I-IV. Padova, 2003. (Далее *Il ruolo della buona fede...*) Vol. II. P. 439-449.

⁸⁸ *Arangio-Ruiz V.* *La compravendita in diritto romano.* Vol. I. Napoli, 1956.

частности, с международной средиземноморской торговлей между римскими и иностранными купцами⁸⁹. В том же направлении развивает свое исследование происхождение консенсуальных договоров доброй совести другой итальянский романист – Филиппо Галло⁹⁰, который, в частности, справедливо отмечает роль права фециалов и древнейших международных договоров в развитии римского международного коммерческого права⁹¹. Вместе с тем, он резонно подчеркивает, что «институты *ius gentium* были введены не законами (*legibus*), а принятыми обычаями (*moribus*)», особо отмечая, что «в этой рецепции имело место участие юристов (*iurisprudentes*)»⁹². Он относит возникновение консенсуальной купли-продажи к первой половине III в. до н.э., считая, что именно их распространенность вызвала необходимость создания должности претора перегринов⁹³.

Однако нельзя не отметить важнейшую роль в разработке концепции консенсуальных контрактов римских юристов III – I вв. до н.э., в отношении разработки которыми обычного права М. Таламанка весьма удачно процитировал следующий текст: «цивильное право, которое, не будучи записано, содержится лишь в его интерпретации мудрецами»⁹⁴. Поэтому в своем глубоком исследовании происхождения принципа добросовестности

⁸⁹ *Arangio-Ruiz V. Istituzioni di diritto romano. Napoli, 1989. P. 336.*

⁹⁰ *Gallo F. 'Bona fides' e 'ius gentium' // Il ruolo della buona fede... Vol. II. P. 115-154.*

⁹¹ *Idem. P. 120-126.* Ту же мысль о влиянии международных договоров на римское коммерческое право высказывают также Л.Капогресси Колоньези (*Capogrossi Colognesi L. In margine al primo trattato tra Roma e Cartagine // Studi Volterra. 5. Milano, 1973. P. 178 ss.*) и П. Черами (*Cerami P., Petrucci A. Op. cit. P. 25*).

⁹² *Idem. P. 128.*

⁹³ *Idem. P. 139.*

⁹⁴ *D.1.2.2.12 (Pomp.). Ср.: D.1.2.2.5 (Pomp.): ...и это право, которое, не будучи записано, было объяснено мудрецами... именуется общим термином «цивильное право».* См.: *Talamanca M. La 'bona fides' nei giuristi romani: «Leerformel» e valori dell'ordinamento // Il ruolo della buona fede... Vol. IV. P. 47.*

(bona fides) римских юристов этот ученый особое внимание уделяет разработке римскими prudentes II – I вв. до н.э. понятия консенсуальных контрактов доброй совести, справедливо уделяя особое внимание третьей книге трактата Цицерона De officiis, где собран целый ряд интереснейших казусов юристов II – I вв. до н.э. именно из области применения bona fides в консенсуальных контрактах⁹⁵. К сожалению, автор исследования не обратил внимания на некоторые общие особенности этого трактата, на которых следует остановиться особо.

В работах, посвященных влиянию греческой философии на римлян вообще и на философские труды Цицерона, в частности, обычно отмечается, что трактат Цицерона «Об обязанностях» есть ничто иное как пересказ одноименного трактата лидера греческой стои II – I вв. до н.э. философа и политика Панеция Родосского⁹⁶. Конечно, с категоричностью данного утверждения нельзя согласиться, так как Цицерон в этом трактате активно ссылается не только на Панеция и других греческих философов, но и на римских юристов, и на римские законы и обычаи предков. Однако следует учитывать и тот факт, что сам Цицерон утверждает, что следовал Панецию в этом трактате «во многих местах»⁹⁷.

Этот факт тем более важен в связи с тем, что Цицерон вслед за Панецием и его учениками Гекатоном Родосским и Посидонием Родосским брал многие примеры именно из норм родосского права и практики его применения. Сама

⁹⁵ Idem. P. 131-157.

⁹⁶ См., например: *Philippson*. M.Tullius Cicero // RE. Hbd. 30. Stuttgart, 1939. Sp. 1169-1173. Менее категоричную и более взвешенную позицию занимает С.Л.Утченко: *Утченко С.Л.* Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Отв. ред. С.Л. Утченко. М., 1993. С. 165 сл.

⁹⁷ *Cic. De off. II. 60: ... Panaetius, quem multum in his libris secutus sum non interpretatus... (... Панеций, которому я в этих книгах следовал во многих местах, не переводя его высказываний...).*

главная идея трактата тесно связана с понятием consensus. Так, в начале своего труда он заявляет о принципе стоекков, согласно которому основой всякой юстиции является добросовестность⁹⁸. Основой человеческих отношений Цицерон считает дружбу (De off. I. 50-55), придерживаясь здесь принципа последователей Пифагора, согласно которому многие являются в дружбе «как бы одним человеком»⁹⁹. Этот принцип единения в дружбе пифагорейцы обозначали словом *συνάθεια*¹⁰⁰. Цицерон считал, что дружба и есть «ничто иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих»¹⁰¹ и именно на дружбе основано согласие в государственных делах¹⁰².

Далее в своем трактате De officiis Цицерон говорит об учении Панетция, согласно которому всякий успех государственных мужей прямо зависит от содействия ему людей,

⁹⁸ Cic. De off. I. 23: *Основной же юстиции является верность, то есть стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах. Итак, хотя это кое-кому, быть может, покажется несколько трудным, все-таки решимся подражать стоеккам, ревностно старающимся узнать происхождение слов, и поверим тому, что верность была названа так потому, что сказанное делается.*

⁹⁹ Cic. De off. I. 56: *Пифагор требует от дружбы, чтобы многие были как бы одним человеком. Великой является и общность, которую создают обоюдные услуги; поскольку они взаимны и людям по сердцу, то те, кто оказывает их друг другу, связываются в прочное товарищество.*

¹⁰⁰ Porphir. Vita Pytag. 49: *Так, понятие единства, тождества, равенства, причину согласия, одиночества, всецелости, то, из-за чего все вещи остаются самими собой, пифагорейцы называют Единичей; Единича эта присутствует во всем, что состоит из частей, она соединяет эти части и сообщает им единодушие, ибо причастна к первопричине.*

¹⁰¹ Cic. De amic. 20: *Ведь дружба есть ничто иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью... без доблести дружбы не может быть ни в каком соглашении.*

¹⁰² Cic. De amic. 103: *quod cum amicitia Scipionis possim comparare. In hac mihi de re publica consensus...*

от их согласия - consensus¹⁰³. Сам же Цицерон приводит и греческий эквивалент латинского consensus – это термин *συμπάθεια*¹⁰⁴. Данное понятие (от него происходит современное слово «симпатия», употребляемое во многих европейских языках) греческие философы до III в. до н.э. использовали для обозначения взаимного притяжения планет. Стоики спустили понятие *συμπάθεια* с неба на землю, полагая, что существуют божества, отвечающие за согласие между людьми и надзирающие за его применением в человеческих делах¹⁰⁵. К сожалению, учение самого Панэция о *συμπάθεια* не сохранилось, однако его коллега и друг Полибий, также входивший в философско-юридическое сообщество младшего Сципиона Африканского, по всей видимости, следовал именно его учению, когда утверждал, что «римляне преуспели в делах благодаря ... согласию народа»¹⁰⁶. Таким образом, часто встречающееся у Цице-

¹⁰³ Cic. De off. II. 16: *И право, кому не ясно все то, о чем Панэтий говорит чересчур подробно, — что никто, ни один полководец во время войны и ни один правитель государства во времена мира, не мог совершить ни великих, ни полезных деяний без содействия людей? Панэтий говорит о Фемистокле, Перикле, Кире, Агесилае, Александре, которые, по его словам, не могли бы без помощи людей совершать столь великие деяния. В вопросе, не вызывающем сомнений, он привлекает свидетелей, совсем ненужных. При этом как мы достигаем большой пользы своей сплоченностью и согласием, так не бывает столь ужасного бедствия, которое не передавалось бы от одного человека другому.*

¹⁰⁴ Cic. Nat. deor. III. 28: ... «согласие», которое греки называют «симпатией»...; Cic. De divinatio. II. 34: ... согласия, которое греки называют *συμπάθεια*...

¹⁰⁵ Diog. Laert. VII. 151: *Далее, стоики полагают, что существуют демоны, распоряжающиеся согласием между людьми и надзирающие над его применением в людских делах; и существуют герои, то есть души взыскующих, пережившие их смерть.*

¹⁰⁶ Polyb. fr. 234: *Римляне преуспели в делах благодаря великим представлениям и согласию народа*). Ср.: Suida Fantasia: *Римляне преуспели в делах благодаря великим представлениям и согласию народа*.

рона понятие *consensus populi* (как и подобные ему *consensus gentium*, *consensus omnium*, *consensus bonorum* и т.п.)¹⁰⁷ явно восходит к Полибию и Паницию сер. II в. до н.э.

¹⁰⁷ *Cic. De repub. I. 39: Итак, говорит Цицион Африканский, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов; Cic. De repub. III. 43: Итак, кто назвал бы это «достоянием народа», то есть государством, когда все были угнетены жестокостью одного и не было ни общей связи в виде права, ни согласия, ни союза людей, собравшихся вместе, что и есть народ?); Cic. De repub. III. 45: ...для меня народом является только такой, которого удерживает вместе согласие относительно прав, как ты, Цицион, превосходно определил...; Cic. De leg. II. 13: А многие вредные, многие пагубные постановления народов? Ведь они заслуживают названия закона не больше, чем решения, с общего согласия принятые разбойниками; Cic. parad. stoic. 4. 28: ... было согласие свободного народа, было установлено уважение к праву и справедливости, к этим основаниям и скрепам государства; Cic. Tuscul. I. 35: Поистине, если общее согласие есть голос природы и если все и всюду согласны в чем-то относительно усопших, то должны согласиться с этим и мы...; Cic. epist. ad Brut. 9. 2; Cic. epist. ad fam. I. 9. 13: ...какая сила могла быть в согласии добрых людей...; Cic. epist. ad fam. V. 21. 2; Cic. Pro Flac. 103: Но зачем упоминать мне о тех событиях, которые тогда, когда они происходили, до небес превозносились в похвалах единодушным согласием всех людей, единым голосом римского народа, единым свидетельством всего мира?; Cic. Ad popul. I: итак, если у меня были такие намерения по отношению к вам и вашим детям, то, чтобы когда-нибудь вы, отцы-сенаторы, и вся Италия обо мне вспомнили и почувствовали сожаление и тоску по мне; то, что мое самообращение подтверждено суждением бессмертных богов, свидетельством сената, согласием Италии...; Cic. Tuscul. I. 35: Поистине, если общее согласие есть голос природы и если все и всюду согласны в чем-то относительно усопших, то должны согласиться с этим и мы; и если мы считаем, что природа вещей виднее всего тем, кто сам душою превосходит других по своей природе, то есть по дарованиям и добродетелям, а чем лучше человек, тем он более служит потомству, то весьма*

Особенно важно употребление понятия *συμπάθεια*, встречающееся у ученика Панетция и учителя философии Цицерона и Сервия Сульпиция Руфа – философа и политика Посидония Родосского (*Cic. Brut.* 151-152), описывающего в своей «Истории», продолжающей Всеобщую историю Полибия, случай из Союзнической войны 90 – 89 гг. до н.э., когда два готовых к сражению войска – римлян и отпавших от них италийских союзников – благодаря взаимной *συμπάθεια* устроили вместо битвы братание¹⁰⁸. Посидоний отмечает, что в знак примирения «они протянули правые руки, дружески приветствуя друг друга». Хорошо известно, что пожатие правых рук как в Риме, так и в Греции было в III – I вв. до н.э. основным символом

правдоподобно, что к некоторым вещам в человеке сохраняется чувство и после смерти.

¹⁰⁸ Posidon. fr. 225 (=Diodor 37,15): *Марий привел все войско на самнитскую равнину и стал лагерем против неприятеля. Помпедий, получив от марсов всю полноту командования, также начал выводить свои войска. И когда и те и другие сошлись на близком расстоянии, свирепость войны сменилась миролюбивым настроением. (2) Дойдя до места, откуда можно было различить черты лица, солдаты той и другой стороны признали многих знакомых, вспомнили многих боевых соратников, заметили многих своих близких и родственников, которых право заключения браков между иноплеменниками побудило быть друзьями. По этой причине, так как взаимное сочувствие побуждало выражаться человеколюбивым образом, они начали называть друг друга по именам и призывать отказаться от нечестивого убийства своих родственников. Отложив в сторону свое оружие, грозно изготовленное для нападения, они протянули правые руки, дружески приветствуя друг друга. (3) Марий, заметив это, и сам вышел вперед из строя, а когда Помпедий сделал то же самое, они по-родственному побеседовали между собой. Когда полководцы долгое время проговорили о мире и возжеланном гражданском праве, а оба войска исполнились радости и добрых надежд, вся сходка из военного строя превратилась в праздник. И вот, когда подходящими для этого словами воинов призвали к миру, все с удовольствием отказались от взаимного истребления.*

bona fides¹⁰⁹. Именно об этой bona fides, тесно связанной с институтом consensus, и говорит Цицерон в третьей книге трактата De officiis, ссылаясь на известного римского юриста II в. до н.э. Муция Сцеволу Понтифика, также входившего в кружок Сципиона Африканского, причем Сцевола в свою очередь ссылается на fides арбитражных, то есть рекуператорских судов международной коммерции, в которых разбирались споры по договорам купли-продажи, найма, товарищества, то есть по консенсуальным договорам¹¹⁰.

Следует подчеркнуть, что сам Цицерон, рассматривая главный вопрос своего трактата: о соотношении выгоды (utilitas) и честности (dignitas) в международных делах и коммерции, в качестве одного из двух главных примеров использует казус из родосской коммерческой практики, взятый им у ученика Панетия философа Гекатона Родосского. Казус состоит в том, должен ли родосский купец, привезший хлеб на голодающий Родос, сообщить согражданам известный ему факт о том, что еще многие купцы уже вышли из Александрии с многочис-

¹⁰⁹ Hirzel R. Der Eid. Lpz., 1902. S. 116 s.; Otto. Fides // RE. Bd. 6. Stuttgart, 1909. Sp. 2281-2286; Lombardi L. Dalla 'fides' alla 'bona fides'. Milano, 1961. P. 117; Кофанов Л.Л. Юридико-религиозный характер римской fides в V-III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6-15) // Древнее право Ius Antiquum №10. 2002. С. 67 сл.

¹¹⁰ Cic. De off. III. 70: *Во всяком случае, верховный понтифик Квинт Сцевола говорил, что наибольшей силой обладают все те решения арбитражного суда, в которых прибавляется: "...на основании добросовестности", и считал, что понятие "добросовестность" находит широчайшее распространение и встречается в записях об опеке, об товариществах, о фидуциарном обязательстве, о поручении, о покупке, о продаже, о найме, о подряде — обо всем том, на чем держится жизнь человеческого общества; что в этих случаях задача выдающегося судьи — установить (тем более, что в большинстве случаев иски бывают встречными), в чем именно одна сторона должна нести ответственность перед другой.*

ленными кораблями, груженными хлебом, или же, смолчав, может продать зерно по максимально высокой цене¹¹¹. Сам Цицерон считает, что купец обязан сообщить родосскому народу правду¹¹², но о мнении Гекатона Родосского ничего не говорит. Между тем, родосское право в этом вопросе дает вполне однозначный ответ: Страбон сообщает, что родосцы «снабжают народ хлебом и люди состоятельные помогают беднякам по обычаю предков; существуют известные общественные повинности по поставке продовольствия»¹¹³.

¹¹¹ Cic. De off. III. 50: *Но как я уже говорил, часто возникает положение, когда польза, казалось бы, противится нравственной красоте, так что надо подумать, совсем ли она противится ей, или же ее возможно соединить с нравственной красотой. Такого рода следующие вопросы: например, если честный человек во времена недостатка зерна, голода среди жителей Родоса и необычайной дороговизны съестных припасов привез из Александрии на Родос большое количество зерна и в то же время знает, что многие купцы вышли из Александрии, и видел груженные зерном корабли, державшие путь на Родос, то скажет ли он об этом жителям Родоса или же, благодаря своему молчанию, продаст свое зерно по возможно более высокой цене? Мы воображаем себе мудрого и честного человека, ставим вопрос о размышлениях и соображениях того, кто не стал бы скрывать положение вещей от жителей Родоса, если бы находил это позорным, но не уверен в том, что его молчание не будет позорным.*

¹¹² Cic. De off. III. 57: *Итак, по моему мнению, ни торговец зерном не должен был скрывать обстоятельства дела от родосцев, ни человек, продававший дом, — от своих покупателей.*

¹¹³ Strab. XIV. 2. 5. P. 652: *Родосцы заботятся о народных интересах, хотя у них и нет демократического правления, но они все же желают поддерживать массу бедняков. Таким образом, народ снабжают хлебом и люди состоятельные помогают беднякам по обычаю предков; существуют известные общественные повинности по поставке продовольствия, так что не только бедняк получает свое пропитание, но и у города нет недостатка в полезных людях, в особенности для пополнения флота.*

Многие другие примеры, приводимые Цицероном, Гекатон Родосский, очевидно, также взял из практики и норм родосского права, например, из знаменитого закона о выброшенном в море (*lex Rhodia de iactu*) или из закона о принадлежности корабля во время плавания не только судовладельцу, но и всем пассажирам¹¹⁴. Явно из родосского права взята и норма, согласно которой *bona*

¹¹⁴ *Cic. De off. III. 89-90: Шестая книга труда "Об обязанностях" Гекатона содержит много таких вопросов: достойно ли честного человека не кормить своих рабов во времена величайшей дороговизны съестных припасов? Он рассматривает этот вопрос и в положительном, и в отрицательном смысле, но все-таки под конец определяет обязанность больше с точки зрения пользы, как он понимает ее, чем с точки зрения человечности. Он спрашивает: "Если в открытом море приходится выбросить какой-либо груз, то что лучше: выбросить дорогого коня или жалкого раба, не представляющего ценности?" В первом случае мы руководствуемся заботой о своем имуществе, во втором – человечностью. "Если при кораблекрушении глупый человек ухватится за доску, то станет ли ее у него отнимать мудрый, если сможет?" Гекатон дает отрицательный ответ, так как это было бы несправедливо. – "А судовладелец? Отнимет ли он принадлежащую ему вещь?" – "Никоим образом; не более, чем если бы он захотел в открытом море выбросить за борт плывущего на корабле человека на том-де основании, что корабль принадлежит ему. Ведь корабль, пока не придет в место назначения, принадлежит не судовладельцу, а находящимся на нем людям". (90) – "А если есть лишь одна доска и двое потерпевших кораблекрушение, причем оба они – мудрые люди, то не должен ли ни один из них не хвататься за нее или один должен уступать ее другому?" – "Один должен ее уступить другому, но вопрос надо решить в пользу того, для кого остаться в живых важнее либо в его личных интересах, либо в интересах государства". – "А если условия эти равны для каждого из них?" – "Тогда спора не будет, но один уступит доску другому по жребью или на основании исхода игры на пальцах").*

fides и клятвенное обещание не имеют обязательной силы в соглашениях с пиратами¹¹⁵.

Таким образом, если верить Цицерону, само понятие consensus, равнозначное греческому *συμπάθεια*, вошло в римскую юридическую практику в середине II в. до н.э. и связано с деятельностью в Риме родосского философа и политика Панеция, его греческих учеников Гекатона Родосского и Посидония Родосского и его многочисленных римских учеников – политиков, юристов и философов Сципиона Африканского, Муция Сцеволы Понтифика и десятков других вплоть до Цицерона и Сервия Сульпиция Руфа. Пальма первенства создателей практики консенсуальных договоров принадлежит родосским купцам и политикам, а их юридическое обоснование – родосским политикам и философам в содружестве с римскими политиками и юристами. Поэтому не будет ошибочным сделать следующий вывод: очевидно влияние родосского морского торгового права на римскую юриспруденцию, которое было опосредовано влиянием стоицизма Панеция Родосского и его греческих и римских учеников. В этом смысле теория консенсуальных контрактов является продуктом родосско-римского содружества кружка Сципиона Африканского Младшего. Таким образом, хотя идея па-

¹¹⁵ Cic. De off. III. 107: *Но и законы войны, и верность клятве, даваемой врагу, часто надо соблюдать. В том, насчет чего клятва была дана так, что ее – как мы понимали умом – надлежит исполнить, ее надо соблюдать; что касается того, насчет чего клятва была дана иначе, то если ее не исполнили, клятвopреступления нет. Например, если ты не доставишь морским разбойникам выкупа, обусловленного за свое освобождение, то это не обман, если ты не сделаешь этого, даже поклявшись. Ибо пират относится не к воюющей стороне, а к числу всеобщих врагов всех людей, и на него не должны распространяться ни верность слову, ни клятва. (108) Ведь ложно поклясться не значит совершить клятвopреступление; но того, насчет чего ты "по разумению своей души", – как это, по обычаю нашему, выражают словами, – поклялся, не сделать есть клятвopреступление.*

параллельного развития римского частного права и родоского коммерческого морского права, на которую опираются и современные концепции параллелизма коммерческого и гражданского права, имеет под собой реальные основания, однако концепция консенсуальных договоров, базирующихся на принципе добросовестности сторон – это своего рода «сердце» древней и современной коммерции – является результатом совместного творчества родоской практической философии и римской юриспруденции II – I вв. до н.э.

Возвращаясь к вопросу об истинной природе древнего *ius gentium* как международного публичного и особенно частного права, хотелось бы вслед за Гуго Гроцием (II. 2. 13. 5) процитировать рассуждения Плутарха о море и дарованной им морской торговле: «Эта стихия нашу некогда дикую и лишённую торговли жизнь снабдила этим элементом и усовершенствовала ее, добавив то, что способствует взаимному обогащению и посредством обмена вещей склонив ее к общению и дружбе»¹¹⁶. Древние *utilitas* и *dignitas* трактата Цицерона «Об обязанностях», в котором доказывается, что «полезность», «выгода» в конечном итоге невозможны без «честности», являются истинным «сердцем» международной коммерции, способствуя развитию взаимной «симпатии» и дружбы. Ведь хорошо известно, что и сегодня международный торговый бизнес особенно успешен там, где между торговыми партнерами установилась взаимная симпатия, основанная на взаимном доверии и добросовестности сторон.

*

Литература

Ануфриева Л.П. Международное частное право. В 3-х т. Том 1. Общая часть. Учебник. М., 2000.

¹¹⁶ *Plut. Aquane an ign.* P. 957

- Грабарь В.Э.* Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII-XIV вв. Юрьев, 1901.
- Грабарь В.Э.* Первоначальное значение термина *ius gentium*: Из научного наследия проф. В.Э. Грабаря // Уч. записки Тартусского гос. ун-та. Вып. 148. Тарту, 1964. С. 6-41.
- Ефремов Н.В.* Родосско-византийская война 220 г. до н.э. // ВДИ. 2005. № 1. стр. 128-153.
- Зинченко С. А., Голов В. В., Колесник Г. И.* Рецензия на учебник: Коммерческое право. В 2 ч. / Под ред. В. Ф. Попондопуло, В. Ф. Яковлевой. Ч. 1. СПб., 1997 и 1998; Ч. 2. 1998 // Правоведение. 1999. № 2. С. 264-271.
- Каминка А.И.* Очерки торгового права (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). – М.: "Зерцало", 2007.
- Кофанов Л.Л.* Юридикто-религиозный характер римской *fides* в V-III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6-15) // Древнее право *Ius Antiquum* №10. 2002. С. 67 сл.
- Кофанов Л.Л.* *Ius gentium* и международные суды античности // *Ius Antiquum* Древнее право. 2 (24). 2009. М., 2011. С. 57-84.
- Кузнецов В.* Предмет курсов предпринимательского и коммерческого права // Российская юстиция. 1999. № 4. С. 51-52
- Лебедев К. К.* О коммерческом (торговом) праве, проекте Торгового кодекса РФ, договоре оптовой купли-продажи и других торговых договорах. Рецензия на книгу: Коммерческое право России. Учебно-методическое пособие / Под ред. Б. И. Пугинского. М., 1999. 144 с.
- Лотухова О.Б.* Делос во II в. до н.э. // Эллинизм: экономика, политика, культура. Отв. ред. Е.С.Голубцова. М., 1990.
- Мартенс Ф.Ф.* Международное право цивилизованных народов. Т. 1. 5 изд. СПб., 1904.
- Пугинский Б. И.* Коммерческое право России. М.: Юрайт, 2000. - 314 с. // Правоведение. -2000. № 4. С. 251-255.
- Сюзюмов М. Я.* Морской закон // Античная древность и средние века. Свердловск, 1969. Вып. 6. С. 3-54.
- Таубе М.А.* История зарождения современного международного права. Т. 2. СПб., 1894.
- Удинцев В. А.* Дуализм частноправовых систем. Киев, 1894.
- Удинцев В. А.* История обособления торгового права. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1900.

- Утченко С.Л.* Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Отв. ред С.Л.Утченко. М., 1993.
- Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Введение. Торговые деятели. Т. 1. 4-е изд. С.-Пб., 1908.
- Arangio-Ruiz V.* La compravendita in diritto romano. Vol. I. Napoli, 1956.
- Arangio-Ruiz V.* Istituzioni di diritto romano. Napoli, 1989.
- Ashburner W.* Nomos Rhodion Nautikos. The Rhodian Sea-Law. Oxford, 1909.
- Atkinson K. M. T.* Rome and the Rhodian sea-law // IURA. Vol. 25. 1974. P. 46-98.
- Baldus*, In primam Dig. Vet partem Commentarii. Venetiis, 1615.
- Bartoli opera.* Venetiis, 1615. Tom. 2.
- Benedict Robert D.* The Historical Position of the Rhodian Law // Yale Law Journal. Vol. XVIII. N. 4. 1909. P. 223-242.
- Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. Itaca, 1984.
- Campanile M.D.* La vita cittadina nell'età ellenistica // I Greci. Storia, cultura, arte, società. Vol. 2. Una storia greca. III. Trasformazioni. Torino, 1998.
- Capogrossi Colognesi L.* In margine al primo trattato tra Roma e Cartagine // Studi Volterra. 5. Milano, 1973.
- Cascione C.* Consensus. Problemi di origine, tutela processuale, prospettive sistematiche. Napoli, 2003.
- Cerami P., Petrucci A.* Diritto commerciale romano. Profilo storico. Torino, 2010.
- Dareste R.* La lex Rhodia // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. 1905. P. 429-448.
- De Martino F.* Lex Rhodia. Note di diritto romano marittimo // De Martino F. Diritto, economia e società. Napoli, 1995. P. 285-368.
- D'Ippolito F.* I giuristi e la città. Napoli, 1978. P. 88.
- Dirksen H.E.* Über die Eigenthumlichkeit des Ius Gentium nach dem Vorstellungen der Römer // Vermischte Schriften. Teil I. Berlin, 1841. S. 200-255.
- Dirksen H.E.* Über die durch Isidor von Sevilla benutzten Quellen des römischen Rechts // Hinterlassene Schriften zur Kritik und Auslegung der Quellen römischer Rechtsgeschichte und Alterthumskunde. Bd. 1. Lpz., Teubner, 1871. S. 185-203.
- von Gaertringen H.* Rhodos // RE. Suppl. V. Stuttgart, 1931. Sp. 781
- Gallo F.* 'Bona fides' e 'ius gentium' // Il ruolo della buona fede... Vol. II. P. 115-154.

- Goldschmidt L.* Universalgeschichte des Handelsrechts. Vol. 1. Stuttgart, 1891. S. 31 s.
- Heffter A. G.* De antiquo iure gentium prolusione. Bonnae, 1823.
- Hirzel R.* Der Eid. Lpz., 1902.
- Humbert M.* Monde romain // Revue Historique de Droit Français et Étranger. Vol. 56. 1978. P. 533.
- Kübler.* Ser. Sulpicius Rufus // RE. R. II. Hbd. 7. St., 1931. Sp. 852.
- Laurent F.* Etudes sur l'histoire de l'humanité. Vol. I-III. Bruxelles, 1855-1857.
- Leonhard R.* Hospitium // RE. Hbd. XVI. Stuttgart, 1913. Sp. 2493-2498.
- Lombardi L.* Dalla 'fides' alla 'bona fides'. Milano, 1961.
- Manfredini Arrigo D.* Il naufragio di Eudemone (D.14.2.9) // Studia et Documenta Historiae et Iuris. Vol. 49. 1983. P. 375-394.
- Martini R.* 'Fides' e 'pistis' in materia contrattuale // Il ruolo della buona fede oggettiva nell'esperienza giuridica storica e contemporanea. Atti del Convegno internazionale di studi in onore di Alberto Burdese (Padova – Venezia – Treviso, 14-16 giugno 2001). A cura di L. Garofalo. Vol. I-IV. Padova, 2003. Vol. II. P. 439-449.
- Meili F.* Über das historische Debüt der Doktrin des internationalen Privat- und Strafrechts // Böhm's Zeitschrift für internationalen Privat- und Strafrecht. Bd. IX. 1899.
- Musti D., Pulcini B.* La fiaccola della Demokratia e la statua della Libertà // Rivista della cultura classica e medioevale. Vol 38. 1996. P. 289-308.
- Osenbrüggen Ed.* De iure belli et pacis Romanorum. Lipsiae, 1836.
- Otto.* Fides // RE. Bd. 6. Stuttgart, 1909. Sp. 2281-2286.
- Pardessus J.M.* Collection de lois maritimes antérieures au XVIII.e siècle. T. I. Paris, 1828. P. 61 ss.
- Philippson.* M.Tullius Cicero // RE. Hbd. 30. Stuttgart, 1939. Sp. 1169-1173.
- Rostovtzeff M.* The social and economic History of the hellenistic World. Vol. II. Oxf., 1959.
- Schwarz P.I.* Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium. Vol. I-III. Venetiis. 1760.
- von Schulte J.F.* Die Summa des Paucopalea über das Decretum Gratiani. Giessen, 1890.
- von Schulte J.F.* Die Summa magistri Rufini zum Decretum Gratiani. Giessen, 1892.
- Schulz F.* I principi del diritto romano. Firenze, 1995. P. 109 ss.

Talamanca M. (V. Marotta, *Multa de iure sanxit*. Aspetti della politica del diritto di Antonino Pio) // *Bullettino dell'Istituto di Diritto Romano Vittorio Scialoja*. Vol. 92-93. 1989-1990. P. 810 s.

Talamanca M. La 'bona fides' nei giuristi romani: «Leerformel» e valori dell'ordinamento // *Il ruolo della buona fede...* Vol. IV.

Voigt M. *Das ius naturale, aequum et bonum und ius gentium der Römer*. Bd. II. *Das Ius Civile und Ius Gentium der Römer*. Leipzig, 1858.

Zentgav J.J. *Dissertatio de origine, veritate et obligatione juris gentium*. Academia Argentoratensi, 1684.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ЖИТИЯ СВЯТОЙ ФЕОДОРЫ ПЕТРАЛИФИНЫ

Аннотация: Статья посвящена проблеме датировки жития св. Феодоры Петралифины, жены правителя Эпирского царства. Исследователь сравнивает социально-политические взгляды автора жития со взглядами византийских историков XIII – XIV вв. и приходит к выводу, что житие было написано в период приблизительно 1280 – 1318 гг. В эти годы особенно остро стоял вопрос о легитимности правящей династии Эпира.
Ключевые слова: св. Феодора Петралифина, Эпирское царство, жития византийских святых.

Об авторе: Денисов Сергей Александрович, научный сотрудник Института археологии РАН. Москва, 117036, ул. Дм. Ульянова, 19. densera@yandex.ru

Sergey Denisov

THE PROBLEM OF DATING OF THE LIVE OF SAINT THEODORA PETRALIPHAINA

Abstract: The article deals with the dating of Life of St. Theodora Petraliphaina, wife of the ruler of the despotate of Epirus. The researcher compares the social and political views of the author of Live with those of 13th- and 14th-century Byzantine historians, and comes to the conclusion that Life was written in the period from c. 1280 to 1318. In those years, it was especially acute question of the legitimacy of the ruling dynasty of Epirus.

Key words: St. Theodore Petraliphaina, Despotate of Epirus, Byzantine hagiography.

About the Author: Sergey Denisov, researcher at the Institute of Archaeology of RAS. Moscow, 117036, Dmitry Ulyanov Street, 19. densera@yandex.ru

Первая половина XIII в. была отмечена серьезными переменами в жизни Византийского государства. Падение Константинополя в 1204 г. и создание Латинской Романии завершило процесс обособления от центральной власти отдельных

провинций Империи. На византийских землях были созданы три греческих государства (Никейская империя, Трапезундская империя, Эпирское царство), возглавляемые представителями династий Комнинов и Ангелов. Правители данных государств повели борьбу против латинского владычества и активно соперничали друг с другом за право стать наследниками василевсов.

Произошедшие политические перемены нашли свое отражение в развитии византийского историописания. Создание нескольких политических центров, правители которых претендовали на константинопольский престол, способствовало развитию местных традиций историописания. В Никейской империи, ставшей преемницей Византии, появился придворный историк Георгий Акрополит, сочинения которого охватывают период 1204 – 1261 гг. и содержат важные сведения об истории в первую очередь малоазийского греческого государства. Важно, что Акрополит признает в своих трудах право на верховную власть никейских императоров, отрицая обоснованность аналогичных претензий со стороны трапезундских и эпирских правителей. Точка зрения Акрополита возобладала в историографии после победы Никейской империи в борьбе за Константинополь. В сочинениях историков второй половины XIII – XIV вв., таких как Георгий Пахимер и Никифор Григора, присутствуют во многом схожие оценки претензий никейских императоров.

Несколько иная ситуация сложилась в Эпирском царстве – другом крупном участнике борьбы за восстановление Византии. Правители царства никогда не имели придворного историка, каким стал для никейских императоров Георгий Акрополит. Можно говорить о том, что традиция историописания не сложилась в этом государстве. Одним из немногих источников, которые освещают историю царства за период 1204 – 1261 гг. является житие св. Феодоры

Петралифины, жены эпирского правителя Михаила II Дуки (1230 – 1267).

До канонизации Феодора являлась представительницей крупного аристократического рода Петралифов, имевшего норманнское происхождение и располагавшего обширными земельными владениями в северной Фессалии и южной Македонии¹. После 1204 г. Петралифам удалось закрепиться в составе династии эпирских Дук, благодаря заключению брачных связей. После 1230 г. Петралифы попытались вести собственную политику, направленную на сближение с Никейской империей. Так Феодор Петралиф перешел на сторону никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца вместо того, чтобы защищать территорию царства от никейских войск. Этой политике попыталась следовать Феодора Петралифина, за что была отправлена эпирским правителем в ссылку в город Арту. После смерти мужа в 1267 г., она приняла постриг в монастыре Святого Георгия, где прожила до своей смерти (1270-е гг.). Позднее, во второй половине XIII в., была канонизирована.

Житие Святой Феодоры находится в кодексе Marc. II. 50, датированном XV в. и хранящемся в Национальной библиотеке Святого Марка в Венеции. Кодекс насчитывает 259 листов. К нему приклеено 2 листа, датированных XVII в. Кодекс содержит богословские произведения: гомилии на праздник Обрезания

¹ Подробнее о роде Петралифов см.: *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. P. 215-216; *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to the Byzantine prosopography. L., 1968. P. 165-166; *Радић Р.* Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII век // ЗРВИ. 1986. Т. 24-25. С. 261, 282. *Ферјанчић Б.* Племство у Епирској држави прве половине XIII века (1204-1261) // Српска академије наука и уметности. Глас. Одделење историјских наука. 1986. Кн. 5. С. *Курьшева М.А.* Византийцы и норманны: Проблемы симбиоза // ВВ. 2006. 65 (90). С. 159.

Господня, гомилии на праздник Благовещения, комментарии к Евангелию и произведения агиографии: страдания св. Георгия, страдания Дадаса, Гобделааса и Гасдиаса (оба произведения датируются XV в.) и житие Святой Феодоры Петралифины².

Житие выдержало несколько изданий в Греции (1772, 1812, 1841)³. В 1864 г. оно было напечатано в серии «Греческая патрология» Ж.-П. Минем, с параллельным переводом на латинский язык⁴. В 1874 г. и 1965 г. снова вышли издания этой книги, подготовленные в Греции⁵. В 1996 г. А.-М. Тэллбот опубликовала комментированный перевод жития на английский язык⁶.

Вопрос о времени создания жития сейчас однозначного ответа не имеет. При публикации памятника в 1772 г. было высказано предположение о том, что житие составлено во второй половине XIII в. монахом Иовом. Предположительно, речь идет об Иове Иасите (или Иове Мелиасе), советнике патриарха Иосифа I (1266 – 1275, 1282 – 1283), авторе противолатинских сочинений. Иов выступил в 1273 г. против унии с католической церковью, за что был сослан императором Михаилом VIII Палеологом в Вифинию. Эта версия довольно распространена в историографии⁷. В 1973 г. Р.Ж. Ленертц уточнил данный вывод, предположив, что автор умер по крайней мере

² *Patlagean E.* Une Sainte souveraine grecque: Theodora imperatrice d'Épire (XIIIe siècle) // BS. 1995. Vol. 46. №2. P. 454.

³ *Ibid.* P. 454-455.

⁴ *Job monachi Vita St. Theodorae* // PG / Ed. J.-P. Migne. P., 1864. Vol. 127. Coll. 903-908.

⁵ *Ibid.* P. 454-455.

⁶ *Life of Saint Theodora of Arta* // Holy women of Byzantium: Ten Saint's Lives in English Translation / Ed. A.-M. Tallbot. Washington, 1996. P. 324-325.

⁷ *Pétridès S.* Le moine Job // EO. 1912. T. 15. P. 40-48; PLP. Nr. 7959; ODB. Vol. 2. P. 1042.

через пять после событий о которых он повествует⁸. Другая версия была предложена Д.М. Найколом и Э. Патлажан. Исследователи предположили, что автор жития – настоятель монастыря Геромери, упоминаемом в 1330 г. В пользу этого говорит то, что в житие обоснована легитимность власти Никифора, сына Феодоры и Михаила II, которому наследовала Анна Палеологиня Кантакузина⁹. А.-М. Тэллбот подвергла критике первую из указанных версий. Святая Феодора умерла в 1270-е гг., то есть, она была старшей современницей Иова. Это плохо связывается с присутствием большого количества фактографических ошибок в тексте жития. Возможно, продолжает, исследовательница автором источника являлся некий монах Иов, живший в XIV столетии. Тогда объяснить ошибки можно плохим знанием автора событий, удаленных от него на столетие¹⁰. Еще одна версия была выдвинута А. Мустоксиди, датировавшим житие XVII веком.¹¹ Однако это версия не получила распространения, так как противоречила общепризнанной датировки кодекса.

Вопрос о времени создания жития, безусловно, представляется важным для дальнейшего изучения источника, ключевым для понимания характера сведений, заключенных в нем. В качестве возможного пути решения данной проблемы выступает исследование социально-политических взглядов автора жития. Если большое число фактографических ошибок

⁸ *Loenertz R.J.* Aux origines du Despotat d'Épire et de la Principauté d'Achaïe // *Byz.* 1973. Т. 43. P. 367

⁹ *Nicol D.M.* Despotate of Epirus. P. 243; *Patlagean E.* Une Sainte souveraine grecque... P. 459-460

¹⁰ *Life of Saint Theodora of Arta...* P. 324-325.

¹¹ *Μουστοξύδης Α.* Περί τινῶν πονημάτων καὶ ὑπομνημάτων ἀναφερόμενων εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἠπείρου, Αἰτόλιας, Ἀκαρνανίας καὶ τῶν παρακειμένων νήσος // *Ἑλληνομνήμων ἢ σύμμικτα ἑλληνικά: σύγγραμμα ἑλληνικόν.* 1843. Τ. 1. Σ. 41.

связано с удаленностью автора по времени от событий, то его взгляды на социально-политическое устройство Эпирского царства могут также определяться современной ему обстановкой.

В нашем распоряжении есть три исторических труда – Георгия Акрополита, Георгия Пахимера и Никифора Григоры, относимые к разным периодам. Сочинение Георгия Акрополита датируется второй половиной XIII в.¹², труд Георгия Пахимера относится к концу XII – началу XIV вв.¹³, сочинение Никифора Григоры – к середине XIV в.¹⁴ Несмотря на то, что Пахимер и Григора описание периода 1204 – 1261 гг. в своих трудах основывали во многом на версии, созданной Акрополитом, тем не менее, между их взглядами на историю Эпирского царства есть различия, продиктованные окружающей их политической обстановкой. Сопоставим житие Святой Феодоры с трудами этих хронистов с тем, чтобы определить, к какому из них ближе взгляды автора. Сразу следует отметить, что данное сопоставление возможно благодаря особенностям жития. Источник можно разделить на две части. Начальная часть близка к произведениям, относящимся к жанру хроник: в ней отсутствует традиционное агиографическое вступление, кратко рассказано об основных событиях истории царства в первой половине XIII в., приводится большое число имен и топонимов. Вторая часть содержит традиционную агиографическую топику: рассказывается

¹² *Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart: Teubner, 1979. (Далее – Аcrop.).

¹³ *Georges Pachymèrès. Relationis historiques* / Ed. introduction et notes par A. Failer. Traduction française par V. Laurent. Paris, 1984. Vol. I. (Далее – Pachym).

¹⁴ *Nicephori Gregorae Byzantina historia* / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1829. Vol. I. (Далее – Greg.)

о добродетелях Святой Феодоры (благочестии, смирении), которыми она была наделена с детства, испытании и торжестве ее веры (ее муж, Михаил II Дука был пленен чарами некой аристократки Гангрены, отправил жену в заточение, однако, затем покаялся и вернул Феодору). Именно первая часть памятника, близкая к хроникам, является предметом сопоставления в нашей работе.

Предлагаемое сопоставление ни в коем случае не призвано исчерпывающе ответить на вопрос о времени создания жития, однако, как представляется, полученные результаты, характеризующие взгляды автора на политические события, могут стать важным аргументом в обосновании одной из высказанных ранее версий. Основным предметом сопоставления являются политические претензии эпирских правителей и положение рода Петралифов.

Итак, в житии правители Эпирского царства представлены как законные обладатели власти. Основной акцент сделан на легитимности власти Михаила I (1205 – 1215), основателя царства, который назван потомком династий Комнинов и Ангелов, правивший при Алексее III на Пелопоннесе. Михаил I получил власть после смерти наместника области, Сенахирима, женившись на его вдове. Далее смена правителей представлена как постепенная передача власти по наследству¹⁵. В источнике отдельно указаны заслуги Феодора I Дуки (1215 – 1230), состоявшие в освобождении земель от власти латинян¹⁶. В источнике перепутаны родственные связи: указано, что у Михаила I были сыновья Михаил, Феодор, Мануил и Константин. В то время, как они были братьями Михаила I.

Политическую историю царства несколько по-иному представляют указанные выше историки.

¹⁵ *Job monachi Vita St. Theodoraе... Coll. 903.*

¹⁶ *Ibid.*

Георгий Акрополит говорит о необоснованности претензий эфирских правителей на константинопольский престол¹⁷. Хронист пишет о незаконнорожденности Михаила II¹⁸, критикует порядки, введенные Феодором I после коронации в 1227 г.¹⁹

Несколько по-иному оценивает претензии правителей царства Георгий Пахимер. Так, по его мнению, Михаил II претендовал на константинопольский престол, так как это его право вследствие принадлежности к дому Ангелов. Его дядя, Феодор I представлен как наиболее благороднейший человек, борец против латинян. В сочинении Георгия Пахимера содержится несколько фактографических ошибок. Перепутаны имена: Феодор Дука (внебрачный сын Михаила II) назван Мануилом, архиепископ Охридский Димитрий Хоматиан назван Иаковом²⁰.

И Акрополит, и Пахимер используют в своих трудах патроним Ангелы применительно к эфирским правителям. В отличие от них третий хронист, Никифор Григора, использует в отношении Михаила I патроним Комнин, указывая при этом, что правитель происходит из дома Ангелов. По сведениям Григоры, до его времени эфирские правители обладали наследственным правом на свои владения²¹. В сочинении указано, что Феодор Дука принял власть после смерти Михаила I²². Михаил II стал управлять областями Этолии и Фессалии после того, как умерли все члены династии Дук. В отличие от Пахимера, Григора резко отзывается о Феодоре I, указывая, что тот, убивал не только врагов, но и ромеев²³. С другой стороны, хронист не разделяет

¹⁷ Асфор. 21.

¹⁸ Ibid. 14.

¹⁹ Ibid. 21.

²⁰ Pachym. I. 30.

²¹ Greg. I. 2.

²² Ibid. II. 3.

²³ Ibid. II. 3.

законность претензий правителя царства на титул императора²⁴.

Как видно, точка зрения на историю царства в византийском историописании претерпела некоторые изменения. Если Акрополит отвергает саму возможность законного правления эпирских Дук над какой-либо территорией, то Пахимер и Григора такую возможность допускают. Критика эпирских правителей концентрируется в труде Григоры на негативной оценке деятельности Феодора I. Значительной ошибкой во всех сочинениях является указание на патроним Ангелы, который правители никогда не носили. Лишь Григора уточняет, что Михаил I носил имя Комнин, происходя при этом из династии Ангелов.

Попытаемся определить, к какому из вышеназванных трудов наиболее близко житие. Как видно, сочинения XIII – XIV вв. значительно отличаются от жития в том, что касается взглядов на династию эпирских Дук. В отличие от автора жития, ни Акрополит, ни Григора не признают претензий эпирских правителей на титул императора. Несколько мягче относится к этому Пахимер, который пытается обосновать правомерность претензий Феодора и Михаила II. С другой стороны, Григора, как и автор жития, признают наследственное право Дук на правление над областью Эпира. В отношении патронимов эпирских правителей житие ближе к сочинению Григоры: в обоих источниках сообщается, что правители Эпира носили патроним Комнин и относились к династии Ангелов. Сходство двух источников подчеркивается еще и тем, что в эпирских документах, относимых ко времени правления Михаила II, не сообщается о правителях из династии Ангелов. Применительно к эпирскому правителю используются

²⁴ Ibid.

родовые имена Комнин Дука²⁵ или Дука²⁶, указывается, что Мануил Комнин (1143-1180) являлся предком правителя²⁷.

Следует отметить важное отличие жития: в источнике содержатся сведения о том, что Феодор I, приняв власть от брата, пожелал в скором времени умертвить своего племянника, Михаила²⁸.

По-иному представлены данные события в сочинении Георгия Акрополита. Хронист сообщает о том, что Михаил I попросил Феодора I Ласкариса отпустить к нему брата Феодора, так как его сын Михаил еще не достиг юношеского возраста²⁹. Кроме того, как сообщает хронист, Михаил II был рожден от наложницы. С другой стороны, в жалованной грамоте Михаила I венецианцам, правитель пообещал, что привилегии будут сохранены также после его смерти, в правление наследника – Константина: «И после смерти моей, сын мой Константин согласно отдельным положениям, требующим исполнения, должен во всем исполнять обещанное»³⁰. Это означает, что Михаил I видел в качестве следующего правителя не своего брата Феодора, а Константина. Вероятно, после смерти Константина, Михаил I обратился к тому, чтобы ему наследовал брат вследствие того, что Михаил II был мал.

²⁵ *Lemerle P. Trois actes du despotate d'Épire Michel II cocernant connus en traduction latine // Ελληνικά. Vol. 4. Προσφορά εις Στ. Π. Κυριάκδην / Επ. εκδ. Ι. Κακρίδης. Θεσσαλονίκη, 1953. P. 417, 422; Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae, 1871. Vol. IV. Acta et diplomata monasterium et ecclesiarum orientis. T. 1. P. 345.*

²⁶ *Lemerle P. Trois actes... P. 420.*

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Job monachi Vita St. Theodoraе... Coll. 904.*

²⁹ *Acrop. 14.*

³⁰ *Urkunden zur älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig / Hgb. G.L.F. Tafel, G.M. Thomas. Wien, 1856. Theil II (1205-1255). P. 123. «Et post decessum meum filius meus Constantinus de singulis capitalis obseruandis debet simile per omnia facere sacramentum».*

Данная версия расходится со сведениями жития. Однако вряд ли можно рассматривать это, как попытку автора заретушировать те припятствия, которые стояли перед Михаилом II. Скорее всего, автор жития не обладал сведениями о передаче власти после смерти Михаила I и дописал от себя. На такой вариант развития событий косвенно указывают сведения Григоры, который также ничего не сообщает о передаче власти Михаилом I, указывая, что Михаил II принял власть после смерти остальных возможных наследников.

В житии подробно представлено высокое положение рода Петралифов, которое те занимали на западе Балканского полуострова. Отец Феодоры Иоанн Петралифа имел родственные отношения с правящей династией, обладал титулом севастократора и до 1204 г. правил территорией Македонии и Фессалии. После 1204 г. он сохранил власть над Фессалией, которую передал сыновьям. Его дочь, Феодора, вышла замуж за Михаила II³¹. Петралифы представлены, таким образом, как знатное семейство, обладавшее наследственной властью над определенной территорией и имевшие родственные связи с династией Дук. Соответственно, чем больше были политические претензии эпирских правителей, тем более высоким для автора жития являлось положение Феодоры Петралифины.

Совершенно по-иному представлен род Петралифов в сочинении Георгия Акрополита. Феодора Петралифина дважды упоминается в труде, как посланница Михаила II, сопровождающая своего сына Никифора для венчания с никейской принцессой Марией³². Во время второй поездки она под давлением никейского императора Феодора II Ласкариса (1254-1258) заключает с ним договор, по которому к Никее присоединены города Сербия и Диррахий³³. Феодор

³¹ *Job monachi Vita St. Theodoraе...Coll.* 904-905.

³² Асгр. 49, 63.

³³ Ibid.

Петралифа, брат супруги эпирского правителя, упоминается в труде как перебежчик на сторону никейского императора³⁴ и затем, как вернувшийся на сторону эпирского правителя³⁵.

Как видно, сведения жития и хроники разнятся – в первом источнике подчеркнуто высокое положение занимаемое Петралифами, во втором – сведения о представителях рода отрывочны и не дают единой картины.

Итак, взгляды автора жития на историю Эпирского царства обнаруживают сходство в большей степени со сведения Григоры, в меньшей – со сведениями Пахимера и полностью отличаются от сведений Акрополита. Таким образом, можно предположить, что взгляды автора жития на эпирскую историю ближе к периоду конца XIII – первой половины XIV вв. Данные рамки можно уточнить, ответив на вопрос о цели особой интерпритации истории царства. Сведения о наследственном характере власти Дук и Петралифов, о законности претензий Дук на константинопольский престол в сочетании с сакрализацией правящей династии через канонизацию Феодоры Петралифины, должны были максимально легитимизировать власть эпирских правителей. Естетственно было бы предположить, что речь идет о периоде от конца XIII в. до 1318 г., когда умер Фома Дука, правитель Эпира (1290 – 1318), после чего область стала предметом борьбы между сербами и итальянцами, а во второй половине XIV в. была завоевана турками. Таким образом, перечисленные выше доводы не были актуальны во второй половине XIV в. Примечательно, что в сочинении инокa Комнина, составленном в это время не сообщается ни о Дуках, ни о Петралифах; а

³⁴ Ibid. 49.

³⁵ Ibid. 80*.

есть сведения только об Анне Кантакузине, как привительницы области Эпира³⁶.

Наоборот, в период 1280 – 1318 гг. вопрос о легитимности власти над Эпиром потомков Дук стоял более остро. Эпирские правители боролись за власть над областью с правителями Неаполитанского королевства. Сначала Никифор Дука соперничал с Карлом II Анжуйским (1285 – 1309), а затем его сын Фома при регенстве Анны Кантакузины боролся за данную область с Филиппом I Анжуйским (1309 – 1330). Примечательно, что в житии вместо западного происхождения рода Петралифов сообщается о восточном происхождении. Вероятно с тем, чтобы сделать род, представители которого являлись предками Никифора и Фомы, «более греческим» по происхождению.

Запись доклада и его обсуждение доступны по ссылке: <http://www.worldhist.ru/News/384/8302/>

Список условных сокращений

ВВ – Византийский временник

ЗРВИ – Сборник радова Византолошки институт

BS – Byzantinoslavica

Byz. - Byzantion

EO – Échos d’Orient

PG – Patrologia Graeca

PLP – Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit/Ert. E. Trapp. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–1996. Fasc. 1-12

ODB – Oxford dictionary of Byzantium/Ed. A.P. Kazhdan, A.-M. Tallbot. Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 1-3.

Библиография

³⁶ Историческое повествование инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах эпирских и о тиране Фоме Прелумбове деспоте / Пер., предисл. и прим. Г. Дестуниса. СПб., 1858. С. 11.

1. Историческое повествование инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах эпирских и о тиране Фоме Прелумбове деспоте / Пер., предисл. и прим. Г. Дестуниса. СПб., 1858.
2. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosisch et I. Müller. Vindobonae, 1871. Vol. IV. Acta et diplomata monasterium et ecclesiarum orientis. T. 1.
3. *Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart: Teubner, 1979.
4. *Georges Pachymérès. Relationis historiciques* / Ed. introduction et notes par A. Failer. Traduction française par V. Laurent. Paris, 1984. Vol. I.
5. *Job monachi Vita St. Theodoraе* // PG / Ed. J-P. Migne. P., 1864. Vol. 127. Coll. 903-908.
6. *Lemerle P. Trois actes du despotate d'Epire Michel II cocernant connus en traduction latine* // Ελληνικά. Vol. 4. Προσφορά εις Στ. Π. Κυριάκωv / Επ. εκδ. Ι. Κακρίδης. Θεσσαλονική, 1953. P. 405-426.
7. *Life of Saint Theodora of Arta* // Holy women of Byzantium: Ten Saint's Lives in English Translation / Ed. A.-M. Tallbot. Washington, 1996. P. 323-333.
8. *Nicephori Gregorae Byzantina historia* / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1829. Vol. I.
9. *Urkunden zur älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig* / Hgb. G.L.F. Tafel, G.M. Thomas. Wien, 1856. Theil II (1205-1255).
10. *Курьшова М.А. Византийцы и норманны: Проблемы симбиоза* // ВВ. 2006. 65 (90). С. 150-162.
11. *Радић Р. Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII век* // ЗРВИ. 1986. Т. 24-25. С. 151-289.
12. *Ферјанчић Б. Плеμство у Епирској држави прве половине XIII века (1204-1261)* // Српска академије наука и уметности. Глас. Отделење историјских наука. 1986. Кн. 5. С. 131-178.

13. *Loenertz R.J.* Aux origines du Despotat d'Épire et de la Principauté d'Achaïe // *Byz.* 1973. T. 43. P. 360-394.
14. *Μουστοξύδης Α.* Περί τινῶν πονηματίων καὶ ὑπομνήματων ἀναφερόμενων εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἠπείρου, Αἰτόλιας, Ἄκαρνανίας καὶ τῶν παρακειμένων νήσος // *Ελληνομνήμων ἢ σύμμικτα ελληνικά: σύγγραμμα ελληνικόν.* 1843. Τ. 1. Σ. 41-59.
15. *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. Oxford, 1957.
16. *Oxford dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan, A.-M. Tallbot.* Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 1-3.
17. *Patlagean E.* Une Sainte souveraine grecque: Theodora impératrice d'Épire (XIIIe siècle) // *BS.* 1995. Vol. 46. №2. P. 453-460.
18. *Pétridès S.* Le moine Job // *EO.* 1912. T. 15. P. 40-48.
19. *Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to the Byzantine prosopography. L., 1968.
20. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit / Ert. E. Trapp.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–1996. Fasc. 1-12.

**«ВОРЧЛИВЫЕ РИМЛЯНЕ»
И ВИКИНГСКИЕ НАШЕСТВИЯ: ЦЕЛИ
СОЗДАНИЯ И ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ АУДИТОРИЯ
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА ОРОЗИЯ**

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу «Всемирной истории против язычников» Павла Орозия и его древнеанглийского перевода. Исследовательница объясняет слишком вольный перевод стремлением англосаксонского автора донести до предполагаемой аудитории только те идеи и образы, которые были актуальны в эпоху нашествий викингов. Результаты исследования отражены в прилагающейся таблице.

Ключевые слова: Павел Орозий, Альфред Великий, «альфредовские переводы», нашествия викингов.

Об авторе: Метлицкая Зоя Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН. Москва, 117997, Нахимовский проспект, 51/21. cerdic@yandex.ru

Zoya Metlitskaya

**“QUERULOUS ROMANS” AND VIKING
INVASIONS: PURPOSES OF MAKING AND
INTENDED AUDIENCE OF OLD ENGLISH OROSIUS**

Abstract: The article is devoted to comparative analysis of “World History against the pagans” by Paul Orosius and its Old English translation. The researcher explains the looseness of translation as a will of Anglo-Saxon translator to bring to the intended audience, only those ideas and images that were relevant in the age of Viking invasions. The results of the study are presented in the attached table.

Keywords: Paul Orosius, Alfred the Great, “Alfredian translations”, Viking invasions.

About the Author: Zoya Metlitskaya, PhD in History, senior researcher of the INION RAS. Moscow, 117997, Nakhimovsky Prospect, 51/21. cerdic@yandex.ru

Древнеанглийский перевод «Всемирной истории против язычников» Павла Орозия относится к группе, так называемых, «альфредовских переводов»¹, созданных, предположительно, в конце IX в. при дворе англосаксонского короля Альфреда Великого. В силу обстоятельств до самого последнего времени подавляющее большинство исследований этих произведений было посвящено, в той или иной форме, вопросу об авторстве².

¹ Помимо перевода Орозия в нее входят переводы на древнеанглийский язык «Диалогов» и «Обязанностей пастыря» Григория Великого, «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного, «Утешения философией» Боэция, «Монологов» Блаженного Августина и прозаический перевод первых 50-ти псалмов. Следует упомянуть о том, что в этот же период были созданы также еще три текста на древнеанглийском языке - Англосаксонская хроника, Древнеанглийский мартиролог и судебник.

² По крайней мере к двум из перечисленных выше «альфредовских переводов» имеются предисловья, написанные от лица короля, в которых говорится, что эти тексты перевел никто иной как сам Альфред, со своими учеными помощниками. Упоминания о том, что король Альфред переводил книги на древнеанглийский язык, встречаются в двух англосаксонских источниках X века - проповеди Эльфрика и в Хронике Этельверда, а Уильям Мальмсберийский в XII в. приписал Альфреду авторство «Обязанностей пастыря», «Церковной истории» Беды, а также переводов Орозия и Боэция. Ученые XIX в. практически безоговорочно принимали на веру эти утверждения и идея о том, что автором всех этих текстов является лично Альфред, стали важным элементом в создании «альфредовского мифа». Настроенные более скептически исследователи XX в. сосредоточили свое внимание на поисках доказательств того, что указанные тексты были созданы одним – или разными – авторами. В результате авторство Альфреда было отвергнуто для древнеанглийских переводов Беды и Орозия (созданных при этом разными авторами). Было также доказано, что переводы Боэция и Августина сделаны одним и тем же

Существенно меньше внимания уделялось проблеме источников³, на которые могли опираться создатели этих, весьма вольных, «переводов». Обсуждение же вопроса о том, с какими целями и для какой аудитории писались «альфредовские» тексты, до сих пор ведется, скорее, на уровне общих представлений⁴. В случае Орозия ситуация усугубляется еще и тем, что – поскольку он не относится к

человеком; в отношении «Обязанностей пастыря» и псалмов мнения расходятся. Одновременно с этим развернулась продолжающаяся и по сей день дискуссия о том, мог или не мог король Альфред знать латынь настолько, чтобы переводить столь сложные тексты и, соответственно, каков был его личный вклад в создание этих произведений. Не чувствуя необходимости обсуждать в подробностях эти дискуссии, я бы хотела заметить, что, так или иначе, все «альфредовские переводы», очевидно, создавались в рамках одного «проекта», инициатором которого, безусловно, выступал король. В качестве основополагающих относительно современных работ на тему авторства см.: *J. Bately*. The Alfredian canon revisited: one hundred years on // *Alfred the Great*. Aldershot. 2003. P. 107-120; *M. Godden*. Did king Alfred really write anything// *Medium Aevum*. Vol. 76. N 1. 2007. P.1-23; *J. Bately*. Did king Alfred really translate anything // *Medium Aevum*. Vol. 78. N 2. 2009. P. 189-215; *D. Pratt*. The Alfredian Project and its Aftermath: Rethinking the Literary History of the Ninth and Tenth Centuries // *Proceedings of the British Academy*. Vol. 162. 2009. P. 93–122.

³ См. например, предисловия к изданиям соответствующих текстов.

⁴ *J. Bately*. The literary prose of Alfred's reign: Translation and transformation. L., 1980; *Kretzschmar W.A.* Adaptation and “anweald” in the Old English Orosius // *Anglo-Saxon England*. Vol. 16. 1987. P. 127-145; *N.G. Discenza*. The persuasive power of Alfredian prose// *Readings in Medieval texts: Interpreting Old and Middle English Literature*. Oxf., 2004. P. 122-136. Большой интерес, на мой взгляд, представляет исследование М. Годдена: *M. Godden*. The player king: identification self-representation in King Alfred's writings // *Alfred the Great*. Ashgate. 2003. P. 137-152.

«альфредовскому канону»⁵ – ему была отведена второстепенная роль среди древнеанглийских памятников⁶. Древнеанглийский перевод Орозия дошел до нас в двух относительно полных рукописях и двух фрагментах⁷.

1. Рукопись «L» (рукопись Лаудердаля, рукопись Толлемаха) (BL Additional 47967) датируется X в. В ней было потеряно начало (примерно две трети текста рассказа Охтхере и главы со 2-й по 8-ю), на место которого в XVII в. вставлены чистые листы. Рукопись «L» написана одним почерком, который Дж. Бейтли⁸ отождествляет с почерком второго писца в рукописи «A» Англосаксонской хроники⁹ и, возможно, латинского текста в Псалтыри Юниуса (BL Junius 27), написанной в начале X в. На основании палеографических данных происхождение рукописи связывают с Винчестером, но первые упоминания о ней относятся к концу XVII в., когда она находилась в библиотеке герцога Лаудердейла. Известно, что Томас Маршалл (ум. 1685) добавил варианты чтений из этой рукописи в сделанную Юниусом копию Коттоновской рукописи (рукопись «C»). Маршалл, а также Джордж Хикс, капеллан герцога Лаудердейла с 1676 по 1678 гг., утверждали, что ранее рукопись находилась в руках придворного астролога королевы Елизаветы I Джона Ди (ум. 1608), но в перечне книг, принадлежавших Ди, она не упомянута.

⁵ См. выше сноску 2.

⁶ Исследователи нередко указывают на ошибки в переводе латинского текста и недостаток литературного мастерства переводчика.

⁷ Я, к сожалению, пока не имела возможности поработать с рукописями *de visu* и пользовалась изданием *J. Bately: The Old English Orosius / Ed. by J. Bately. Oxf., 1980* (далее – OE Orosius).

⁸ OE Orosius. P. xxiii.

⁹ Этот писец написал погодные статьи за 892-893 гг. и, как считает Бейтли, дальнейшие, до 924 г.

2. Рукопись «С» (Коттоновская рукопись) (BL Cotton Tiberius B.i.) включает в себя, помимо древнеанглийского перевода Орозия, ритмический календарь, гномические стихи и рукопись «С» Англосаксонской хроники. Текст Орозия написан, как утверждает Бейтли¹⁰, четырьмя почерками сер. XI в. Многочисленные исправления сделаны почерками второй половины XI – XII вв., имеются также маргиналии антиквария Роберта Тальбота, который был первым известным владельцем рукописи. От него рукопись попала к его другу, антикварию Джону Лиланду (ум. 1552). Дальнейшая судьба ее не вполне ясна, но известно, что в 1621 г. рукопись находилась в коллекции Роберта Коттона. Именно этот текст послужил основой для списков, сделанных Юниусом¹¹, Эльстобом¹² и Баллардом¹³ и изданий Баррингтона¹⁴, Торпа¹⁵ и Босворда¹⁶.

3. Рукопись «В» (Bodleian Eng.Hist.e. 49 (30481) представляет собой два листа, содержащие главы 3-5 и 7-9 третьей книги. Датируется сер. XI в. Эти листы ранее были использованы на переплет и происхождение их неизвестно.

4. Рукопись «V» (Vatican City. Reg. Lat. 497. F. 71) представляет собой один лист, датируемый сер. XI в. и содержащий текст 11 главы IV книги. Лист находился в Трире в конце XI в. и был использован как палимпсест, чтобы дописать конец жития Святой Гертруды, так что в

¹⁰ OE Orosius. P. xxv.

¹¹ Bodlein MS Junius 15 (5127).

¹² Trinity College, Oxford, MS 92.

¹³ BL Stowe MS 753.

¹⁴The Anglo-Saxon version from the historian Orosius by Aelfred the Great / Ed. by *D. Barrington*. L. 1773.

¹⁵The life of Alfred the Great to which is appended Alfred's Anglo-Saxon version of Orosius/ Ed. by *B. Thorpe*. L. 1853.

¹⁶ King Alfred's Anglo-Saxon Version of the Compendious History of the World by Orosius/ Ed. by *J. Bosworth*. L. 1859.

настоящее время от текста древнеанглийского Орозия сохранилось только 13 строк на verso.

Как и другие «альфредовские переводы», древнеанглийский перевод Орозия представляет собой, скорее, свободный пересказ латинского текста, с существенными пропусками и дополнениями (самая известная из вставок – рассказ норвежца Охтхере и другого мореплавателя, по имени Вульфстан, поведавших, якобы, королю Альфреду об их путешествиях). «Всемирная история против язычников», безусловно, была известна англосаксонским книжникам, хотя, на мой взгляд, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют говорить о том, что он был популярен в Англии в той же мере, как в Европе. Разумеется, сохранность рукописей – показатель в большой степени случайный, но не стоит полностью сбрасывать его со счетов. Согласно данным, приведенным в статье М. Годдена¹⁷, до нас дошло около 50-ти континентальных рукописей «Всемирной истории» Орозия, датируемых периодом до 1100 г.; семнадцать из них созданы ранее 900 г. В то же время из семи рукописей и фрагментов, содержащих полный текст или выдержки из латинского текста Орозия, упомянутых в каталоге Г. Гнейса¹⁸, только одна бесспорно может быть соотнесена с англосаксонской Англией – речь идет о фрагменте нортумбрийской рукописи VIII в., находящемся сейчас в библиотеке Дюссельдорфа. Еще один фрагмент, хранящийся в кафедральном соборе Эксетера, датируется серединой X в., но, предположительно, попал в Англию из Северной Франции. Остальные пять рукописей и фрагментов датируются второй половиной

¹⁷ *M. Godden. Old English Orosius and its sources// Anglia. Vol. 129. 2011. P. 303.*

¹⁸ *H. Gneuss. Handlist of Anglo-Saxon manuscripts: a list of manuscripts and manuscript fragments written or owned in England up to 1100. Tempe. 2001.*

XI в. и вполне могли быть созданы уже после нормандского завоевания. Для сравнения из 80 рукописей «Утешения философией» Боэция, датируемых периодом до 1100 г., 16 созданы в Англии¹⁹.

Сведения, которыми пользовался англосаксонский переводчик, перерабатывая текст Орозия, восходят к чрезвычайно обширному кругу античных авторов. В составленный Дж. Бейтли перечень входят: Саллюстий, Ливий, Овидий, Флор, Плиний Старший, Валерий Максим, Квинт Курций Руф, Фронтин, Светоний, Фест, Юстин, Лактанций, Юлий Валерий, Сервий, Евтропий, Иероним, Беда, Августин, Исидор²⁰. В недавно опубликованной статье ведущего современного исследователя «альфредовских переводов» Майкла Годдена²¹ было высказано предположение, что автор древнеанглийского Орозия пользовался глоссированной латинской рукописью (или рукописями) континентального происхождения, скорее всего – из Восточнофранкского королевства или собранием глосс к Орозию, подобным тому, которое дошло до нас в рукописи IX в. из монастыря Сен-Галлен (St. Gallen, Stiftsbibliothek, Cod. 299).

Как и по поводу других «альфредовских переводов» применительно к переводу Орозия можно задать вопросы: почему был выбран именно этот текст? с какими целями он переводился и перерабатывался? для какой аудитории он предназначался? Но по сей день ни для одного из дошедших до нас «альфредовских тек-

¹⁹ M. Godden. Old English Orosius and its sources// Anglia. Vol. 129. 2011. P. 303.

²⁰ OE Orosius, P. lxi. Более подробно об этом вопросе см.: J. Bately. Classical additions in the Old English Orosius // England before the Conquest: studies in primary sources presented to Dorothy Whitelock. Cambridge. 1971. P. 237-254.

²¹ M. Godden. Op. cit., P. 297-320.

стов» более или менее убедительных ответов на эти вопросы у нас нет.

В данной статье мне бы хотелось познакомить читателей с некоторыми наблюдениями, которые могут стать отправной точкой для более детального рассмотрения этого круга проблем.

До последнего времени внимание практически всех исследователей древнеанглийского перевода Орозия концентрировалось на географическом вступлении и на самом интересном его отрывке – рассказе Охтхере и Вульфстана²². Кроме того, поскольку считается, что весь «альфредовский проект» являлся инструментом пропаганды королевской власти и само-репрезентации короля, в ряде работ рассматривалось отражение в переводе таких тем, как власть, империя и война²³. Характеризуя общий замысел текста, Дж. Бейтли указывает, что переводчик попытался «превратить полемический трактат Орозия, использующий исторический материал, в изложение всемирной истории с христианской точки зрения»²⁴.

²² Достаточно упомянуть о том, что в аннотированной библиографии работ, посвященных «альфредовским переводам», изданной в 2000 г., и охватывающей публикации с XVIII до конца XX вв., указана 141 работа, посвященная «географическому вступлению» к древнеанглийскому Орозию и всего 50 публикаций, в которых рассматривается текст в целом (*G. Waite. Annotated bibliographies of Old and Middle English literature: VI. Old English prose translations of King Alfred's Reign. L. 2000. P. 281-320*).

²³ *J. Bately. The literary prose of Alfred's reign: Translation and transformation. L., 1980; Kretzschmar W.A. Adaptation and "anweald" in the Old English Orosius // Anglo-Saxon England. Vol. 16. 1987. P. 127-145; N.G. Discenza. The persuasive power of Alfredian prose// Readings in Medieval texts: Interpreting Old and Middle English Literature. Oxf., 2004. P. 122-136.*

²⁴ OE Orosius, P. xciii.

Полностью соглашаясь с точкой зрения Бейтли, я бы хотела дополнить ее некоторыми своими соображениями.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это структура текста (см. таблицу 1). Как мы видим, англосаксонский переводчик в целом следует повествованию Орозия вплоть до конца 4-й книги – то есть до окончания описания Пунических войн и подвергает радикальному сокращению 5-ю, а особенно – 6-ю книгу, которую он объединяет с 7-й²⁵. В 7-й книге пропущены практически все указания Орозия на то, что несчастья Рима были проявлением божественного гнева, вызванного преследованиями христиан. Сокращено изложение истории Константина Великого и опущена последняя часть книги. Древнеанглийский перевод Орозия заканчивается идиллическим описанием примирения с Аларихом²⁶. «Тогда захватил Хеттульф, родич Алрика²⁷, сестру короля Онория, и с ним примирился, и взял ее себе в жены. После этого поселились готы на той земле, некоторые по воле кесаря, а некоторые – без его согласия; и кто-то из них отправился в Испанию и поселился там, а кто-то – в Африку»²⁸.

Можно, конечно, предположить, что в контексте «всемирной истории с христианской точки зрения» гражданские войны в Риме, описанные в 5-й книге, представляли меньший интерес, чем Пунические войны, подробное описание которых сохранено в книге 4-й; но сложно понять, почему такие существенные пропуски были сделаны в книге, повествующей о преддверье хри-

²⁵ Все эти несоответствия были отмечены не только мной, но и другими учеными, что породило гипотезу об «усталости» переводчика, работавшего над последними книгами более небрежно.

²⁶ В латинском тексте говорится только о том, что Плацидия была взята в жены Атульфом и послужила «своеобразным залогом».

²⁷ Т.е. Алариха

²⁸ OE Orisius, P. 156.

стианской эпохи. Исследователи неоднократно указывали как на необъяснимую странность на то, что в древне-английском переводе Орозия пропущена практически вся история Цезаря, в том числе, рассказ о его походе в Британию²⁹. С точки зрения интереса к проблемам власти и «империи» нелегко понять, почему именно в изложении истории императорского Рима присутствуют настолько обширные пропуски.

Второе мое наблюдение касается отношения англосаксонского переводчика к риторическим и полемическим отступлениям, присутствующим – что достаточно естественно – в оригинальном латинском тексте. По тематике эти отступления можно разделить на три группы: богословские рассуждения о божественном замысле в истории; пояснения к повествованию с точки зрения представлений о человеческой истории, как о непрерывной череде страданий и зла; полемические обращения к «ворчливым римлянам» (как их называет Дж. Бейтли), то есть к потенциальным языческим оппонентам Орозия, связывавшим разорение Рима готами с принятием христианства. Как можно видеть из таблицы 1, англосаксонский переводчик сохраняет всего три из тринадцати рассуждений Орозия о божественном замысле в истории (все три связаны, так или иначе, с концепцией перехода царств). Из десяти риторических отступлений Орозия, в которых он говорит о человеческой истории как череде бедствий, не осталось ни одного³⁰. Но из тринадцати обращений к

²⁹ При этом, именно с упоминания о приходе Цезаря в Британию начинается Англосаксонская хроника, из чего можно заключить, что для англосаксонских книжников она, бесспорно, представляла интерес.

³⁰ Хотя данное наблюдение не имеет непосредственного отношения к теме статьи, нельзя не отметить стремление переводчика пропускать по возможности наиболее скабрзные и отвратительные детали, сообщаемые Орозием.

«ворчливым римлянам» десять остались на своих местах. Мало того, тезисы Орозия высказываются именно в форме прямого обращения, с указанием на прямую речь (сweþ Orosius – говорит Орозий), даже в тех случаях, когда следующий далее текст совершенно не соответствует латинскому оригиналу. На мой взгляд, это может свидетельствовать о том, что англосаксонский переводчик видел неких конкретных адресатов своих обращений, собственных «ворчливых римлян», занявших место языческих оппонентов Орозия. Для того, чтобы составить какое-то представление о том, кем могли быть эти адресаты, имеет смысл присмотреться внимательнее к содержанию и «посылу» заключенному в риторических обращениях. Как показывает сопоставление текстов, хотя общий смысл латинского текста сохраняется, акценты нередко оказываются смещены.

Приведу в качестве примера рассуждение, завершающее рассказ о захвате Рима галлами в 390 г. до н.э.

В латинском тексте говорится: «Вот времена, в сопоставлении с которыми оцениваются сегодняшние дни; вот времена, воспоминанье о которых рождает тоску; вот времена, которые вызывают раскаянье в «лучшей» или, скорее, равнодушной религии! Да уж, равны и сопоставимы между собой эти два завоевания: то, бесновавшееся в течение шести месяцев, и это, пролетевшее за три дня; галлы, преследовавшие среди величайшего пепелища само имя Рима, уничтожившие предвительно народ и разрушившие город, и готы, побудившие толпы несведущих к спасительным убежищам, то есть к прибежищам святых мест, отказавшись к тому же от замыслов грабежа; там едва ли можно было найти старика, который бы спасся, даже находясь вне стен Ри-

ма, здесь же едва ли можно отыскать старика, который бы случайно погиб...»³¹.

Соответствующий фрагмент древнеанглийского текста гласит: «Это были те самые времена, о которых римляне теперь вздыхают, и говорят, что при готах они пережили худшие беды, чем были когда-либо прежде, хотя готы разоряли город не более трех дней. А галлы грабили город шесть месяцев, и сожгли город; и люди тогда полагали, что зло еще не столь велико, если у них не отняли вовсе имя, так чтобы они впредь никаким народом не были. И опять-таки, из уважения к христианству и из страха перед Богом, готы меньшее время грабили, и город не сожгли, и ни имя его не отняли, и никакого зла не сделали тем, кто убежал в храмы, хотя они были язычниками. Напротив, *было у них большое желание решить дело миром*; трудно было изгнать галлов или спрятаться от них, а готы недолгое время грабили, и лишь немногих убитых можно с них спросить»³².

Общий тезис Орозия в этом – как и в других – случаях, сводится к тому, что его оппоненты мягкотелы и слепы, а потому обвиняют христианские времена, вместо того, чтобы восхвалять милосердие Бога. Его задачей является, скорее, *доказать неправоту* «ворчливых римлян», нежели переубедить их. Англосаксонский переводчик стремится, в первую очередь, *подчеркнуть* те преимущества, доступные его адресатам, по сравнению с людьми прошлого, о которых ведется повествование. Он пытается *показать*, что если нынешние времена кажутся им плохими, то дело в недостатке мужества, а не в невыносимости несчастий.

³¹ Я цитирую латинский текст в переводе В.М. Тюленева. См. *Павел Орозий. История против язычников. Книги I-VII* / Пер. с лат., вст.ст., комм., указатель В.М. Тюленева. СПб. 2004. С. 183.

³² OE *Orosius*. P. 52.

Что же именно автор древнеанглийского Орозия указывает в качестве преимуществ «нынешних времен». В этом плане, опять-таки, он следует за Орозием, но во многих случаях развивает его мысль и придает ей дополнительный вес, порой вставляя соответствующие отсылки там, где у Орозия их нет. Главными отличиями оказываются возможность мирного решения конфликтов (на уровне народов и на уровне отдельных людей) и отсутствие страха (перед чужим деспотичным могуществом, перед жестокостью или предательством).

«Разве случалось когда-нибудь в до-христианские времена, - пишет англосаксонский автор, дополняя латинский текст – чтобы какой-нибудь народ просил у другого мира, не будучи к этому принуждаем; и разве мог какой-нибудь народ заключить мир с другим – за золото, серебро, или другую собственность – иначе чем подчинившись ему?»³³

Та же тема «мирного соглашения» возникает и в приведенной выше цитате – и также без связи с латинским текстом.

За рассказом о войнах между бывшими товарищами Александра Македонского, в том месте, где у Орозия говорится о преимуществе христианской клятвы на Евангелии перед клятвой на священной свинье, следует такое утверждение: «... очень стыдно нам сравнивать то, о чем мы сейчас говорили (т.е. эти войны – З.М.) и то, что мы называем войной, когда чужаки к нам приходят, но почти ничего у нас не отнимают и вскоре нас покидают; и не хотим мы думать, каково это – когда человек не может у другого свою жизнь выкупить, и не числит родней ни братьев, ни отца, ни мать»³⁴.

Заслуживает внимание также и то, какие отсылки, имеющиеся у Орозия, автор древнеанглийского перевода,

³³ OE *Orosius*. P. 31.

³⁴ OE *Orisius*. P. 31.

раз от раза опускает. Речь идет о нередко упоминаемых в латинском тексте «мирных временах», которые являются причиной «изнеженности» римлян (см. таблицу 1).

Суммируя все сказанное, мне бы хотелось предложить свое объяснение отмеченным мною особенностям текста. Повествование Орозия имело своим смысловым центром захват Рима готами в 410 г. и отчаяние, охватившее римлян по этому поводу. Дж. Бейтли справедливо указывает, что едва ли эта тема была актуальной в англосаксонской Англии IX в., и утверждает, что кульминацией повествования в древнеанглийском переводе Орозия является рождение Христа. Однако проведенный мной анализ структуры текста говорит, скорее, об обратном – захватчики-готы и «ворчливые римляне» по прежнему остаются связующим звеном, соединяющим изложение в единое целое.

Исследователи древнеанглийского перевода Орозия, по моему мнению, упускают из вида одно важное обстоятельство. «Альфредовские переводы» создавались в тот период, когда самой животрепещущей темой для английского короля и для всего «народа англов» были викингские нашествия, а самой насущной необходимостью – борьба с ними. Об этом наглядно свидетельствуют записи Англосаксонской хроники, составленной в это же время. Тот факт, что связь «альфредовского проекта» с желанием донести до предполагаемых адресатов этих текстов определенные мысли и образы, которые могут объединить и воодушевить их в ситуации непрекращающихся войн и непрочных перемирий, нигде не выражена эксплицитно, еще не означает, что подобной связи нет. «Башня из слоновой кости» – неподходящее обиталище для англосаксонского короля IX в. и его приближенных.

В латинском тексте Орозия и – в древнеанглийском переводе – мы находим сюжет о захватчиках, которые, на проверку, оказались, хотя и язычниками – но менее грозными, чем яростные враги и жестокие тираны далеких

эпох. С этими захватчиками можно заключить мир («за золото, серебро или другую собственность»); они приходят и вскоре уходят, либо расселяются в землях, которые они «попросили», из тех что прежде «лежали пустые»³⁵. Чем не портрет викингов, под предводительством Гутрума, с которыми Альфред заключал мирный договор в 878 г.? Эти язычники не похожи на жестокого царя Бусириса, приносившего пленников в жертву своим богам, поскольку «можно не бояться в христианском мире, что человека принесут в жертву, какому-нибудь богу»³⁶. В случае чего, у них можно даже «жизнь выкупить», а «если есть среди королей те, кто по своей воле творят зло, то они не могут снискать себе этим славы»³⁷.

Другими словами, я полагаю, что пересказывая «Историю против язычников», повествующую о бедах, горестях, войнах и зле, составляющих (по мнению Орозия) основное содержание человеческой истории с древнейших времен, и споря с воображаемыми «ворчливыми римлянами» о соотношении добра и зла в их прошлом и настоящем, англосаксонский переводчик-автор пытался убедить реальных англосаксов, что их времена не так уж плохи, что беды и горести приходят и уходят, и что у людей, живущих после пришествия Христа, нет причин для отчаяния. А тот, кому нынешние невзгоды кажутся лишком тяжелыми, может почитать, например, об истории Пунических войн, и примерить на себя то обвинение, которое автор древнеанглийского текста вместе с Орозием предъявляет «ворчливым римлянам». «Итак, теперь вы, римляне, узнали, говорит Орозий, что с приходом христианства вы утратили точильный камень ваших предков – точильный камень для ваших войн и для вашего мужества, поэтому вы стали теперь толстые сна-

³⁵ OE Orisius. P. 31.

³⁶ OE Orosius. P. 27.

³⁷ OE Orosius. P. 34.

ружи и тощие внутри, а предки ваши были тощие снаружи и толстые внутри, сильные духом и крепкие...»³⁸.

В этом контексте, становится понятно отсутствие интереса к темам из 5, 6 и 7-й книг; к разговору о нашествиях гражданские войны в Риме, победоносные войны Цезаря и даже гонения на христиан немного могут добавить.

Разумеется, все эти соображения, высказанные мной исключительно на основании анализа риторических отступлений, нуждаются в проверке и уточнении, для которого требуется более детальное полное сопоставление древнеанглийского и латинского текстов. Это входит в задачи моего дальнейшего исследования.

Я рискну, однако, вступая на еще более шаткую почву, предложить чисто гипотетические ответы на поставленные выше три вопроса. Почему была выбрана именно «Всемирная история против язычников» Павла Орозия? Возможно потому, что будущие создатели перевода увидели в тексте некие параллели своей собственной ситуации. С какой целью создавался текст? Он представляет собой попытку, если можно так выразиться, взглянуть на проблему викингских нашествий в контексте христианской истории. Кто был его адресатами? Не исключено, что он предназначался, в первую очередь, для духовных лиц – возможно, как альтернатива представлению о том, что викингские нашествия являются «бичом божьим». Но все это, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении и обосновании.

³⁸ OE Orosius. P. 113.

Приложение

Структура текста «Всемирной истории против язычников» Павла Орозия и ее древнеанглийского перевода

«Всемирная история против язычников» Павла Орозия	Древнеанглийский перевод
Книга 1. Обращение к Августину.	-
Объяснение замысла книги: человеческая история – череда несчастий и зла, что является следствием грехопадения.	-
Географическое описание Круга Земного	+ добавлен рассказ Охтхере
Грехопадение и справедливая кара – начало истории.	-
Потоп.	-
Нин и Семирамида	+
Наказание Содомы и Гоморры	+
<i>Риторическое отступление:</i> сопоставление кары, постигшей Содом и Гоморру, с бедствиями, постигшими «ворчливых римлян», которым после долгого покоя даже мягчайшие предостережения кажутся серьезнее всех прежде виданных и слышимых	-
Война телкисов и карсатов против Фородея, захват Родоса	+
Потоп в Ахайе	-
История Иосифа в Египте	+
Наводнение в Фессалии, эпидемии в Эфиопии, «Отец-	+

Либер» оросил кровью Индию	
Исход евреев из Египта	+
Жара по всему миру	+
Убийства детей Даная	+
Кровавое правление Бурсида в Египте	+
	Вставлено риторическое обращение к «тем, кто говорят, что сейчас при христианстве хуже, чем было тогда при язычестве, когда приносились такие жертвы, как рассказано выше»: нужно ли им теперь бояться, что их принесут каким-нибудь богам в жертву?
Кровосмешение Терей, Прокны и Филомелы	+
Персей отправляется в Азию и покоряет варварские народы	+
Краткий перечень разных других несчастий и злодеяний (Тантал и Пелоп, Эдип, минотавр и др.)	+
Война между критянами и афинянами	+
Война между лапифами и фессалийцами	+
Войны со скифами	+
Амазонки.	+
<i>Риторическое отступление:</i> люди не понимали, что нашествия амазонок – следствие бедственного положения греховного положения человечества; а теперь, когда готы просят того, что могли бы	+ Сравнение ситуации с амазонками и готами. Готы просили мира, предложили помощь и заняли пустые земли. Почему же вы говорите, что тогда было лучше, чем теперь? Последней ри-

потребовать силой оружия, язычники, хотя и понимают, что причина этого не в доблести римлян и не в их вере, не хотят признать, что это – следствие милости, которую принесла христианская эпоха	торической части нет.
Троянская война	+
Прибытие Энея в Италию	+
Войны Ассирии и Мидии. Переход царства к мидийцам.	+
Перечень мидийских царей.	+
История Кира.	+
Фаларис и мастер.	+
Аремул.	+
<i>Риторическое отступление:</i> сравнение Аремула и Фалариса и римских императоров в христианские времена, которые вовсе не совершают преступлений тиранов	+ Почему вы говорите, что христианские времена хуже, если короли, которые творят по своей воле зло, не могут найти этим никакой славы; а те, кого обвиняют, могут найти из любви к Богу прощенье
Война пелопонесцев и афинян, нападение амазонок на Азию	+
Войны Спарты и Мессены	+
<i>Риторическое отступление:</i> «ворчливые римляне» мало обращают внимания на бедствия, которые тяготели над Грецией в течение стольких веков; те, кто родились среди бедствий и не видели ничего лучшего, переносили их с невозмутимым спокойствием, но те, кто жили в мире и радости, беспокоятся при появлении даже небольшого	-

облачка; но, если бы они возносили молитвы тому, по милости кого наслаждались этим миром	
Книга 2. Общий замысел истории. Концепция четырех царств.	+
Основание Рима Ромулом и Ремом.	+
Войны Рима во времена царей.	+
Изгнание царей – результат страданий, которые претерпели римляне	+
Брут – первый консул.	+
Войны с сабинянами.	+
Сражение Фабия с этрусками.	+
Поход Кира и Вавилонию.	+
Падение Вавилона и Лидии как следствие – смены царств	-
Война Кира со скифами. Гибель Кира.	+
Войны Дария в Греции.	+
Войны Ксеркса в Греции.	+
<i>Риторическое отступление:</i> все проклинаят свои времена; либо все времена хороши, но тягостны, либо хороших времен никогда не было и не будет	+
Чума в Риме	+
Изгнанные граждане и беглые рабы захватывают Капитолий. Война.	+
Чума в римском войске	+
Бесчинства Аппия Клавдия.	+
Природные бедствия.	+
<i>Риторическое отступление:</i>	-

внешние войны сменяли внутренние неурядицы, а природные катастрофы разрушали наступившие среди войн перемирия	
Войны за Сицилию.	+
Войны Афин и Спарты с участием персов.	+
<i>Риторическое отступление:</i> смута и беды прежних времен – проявление божественного гнева, а покой нынешних времен – проявление божественного милосердия	-
Война Рима с вейенами	+
Вторжение галлов	+
<i>Риторическое отступление:</i> сопоставление нашествия галлов и нашествия готов; форум был сожжен молнией, ибо Бог был в гневе, но показал, что испытывает к людям сострадание	+
Книга 3. Риторическое отступление: задача Орозия не такова, как у прежних писателей и историков; его цель – не описать войны, а описать те бедствия, которые они принесли.	-
Война спартанцев с Персией.	Говорится о мире с Персией, а дальше комментарий: не думается, что те войны были желанны, если их враг сумел так легко уговорить их словами
Войны спартанцев в Греции.	+
<i>Риторическое отступление:</i> сколько войн было в Греции,	-

а теперь жители этих городов стареют среди зрелищ и театров; почему же жалуются теперь люди, живущие в богатых городах, переполненных детьми и стриками	
Землетрясение в Ахайе и сравнение с землетрясением в Константинополе, в котором почти никто не пострадал.	+
Победы приносят римлянам мир, но начинается чума. Попытки задобрить богов.	+
Нашествия галлов.	+
Союз с Карфагеном.	+
<i>Риторическое отступление:</i> войны, прежде никогда не прекращавшиеся надолго, прекращаются во времена Цезаря Августа, но не благодаря ему, а потому, что в эти времена родился Сын Божий	+
Война римлян с латинянами.	+
Войны Филиппа Македонского в Греции и на Востоке.	+
<i>Риторическое отступление:</i> многие славят деяния Филиппа, принесшие столько горестей, как подвиги отважных мужей, и при этом оплакивают собственные беды; пусть они сравнят не прошлое с настоящим, а деяния и деяниями и вынесут приговор как третейские судьи	+
Первая самнитская война. Разгром в Кавдийском ущелье. Договор с самнитами и	+

победа над самнитами.	
Войны Александра Великого.	+
<i>Риторическое отступление:</i> сравнение деяний Александра и деяниями нынешних врагов Рима; как ни назови эти деяния – доблестью или бедствиями – сейчас они меньше	+ нет про доблесть и бедствия
Битва при Сентине	+
Вторая Самнитская война.	+
Войны между наследниками Александра.	+
Риторическое отступление: раньше люди не чтити связи родства и не соблюдали договоры даже между товарищами, а теперь «ворчливые римляне» живут с врагами и не опасаются, поскольку те дают клятвы на Евангелии и сохраняют поэтому верность	+ нет про клятвы; говорится, что мы теперь называем войной, когда к нам чужие народы приходят и мало у нас берут, и быстро нас покидают; при этом мы не хотим подумать о том о тех временах, когда ни один человек не мог доверить другому жизнь, и не хотели быть друг другу родичами ни братья, ни отец с матерью.
Книга 4. Риторическое отступление: нынешние страдания всегда кажутся людям более тяжелыми, чем те, которые были или будут, но можно подумать и сопоставив, прийти к разумному умозаключению, что нельзя сопоставлять прошлые серьезные беды и его мелкие неприятности; дело не в суровости времени, а в наличии или отсутствии стойкости	-

Войны с Пирром	+
Страшные знамения в Риме	+
Восстание вольноотпущенников у этрусков	+
<i>Риторическое отступление:</i> сколько было бед, которые описаны в рассказах о подвигах, насколько же много тех, что не описаны; «мы, живущие в конце времен, не могли бы узнать о несчастьях римлян иначе, чем благодаря тем, кто прославлял римлян»	-
История Карфагена; его беды, неудачи и его войны.	+
<i>Риторическое отступление:</i> язычники, сравнивающие прошлое с настоящим не беспристрастны, поскольку они – противники христианства; им не нравятся нынешние времена не потому, что они тяжелые, а потому, что они христианские	-
Первая Пуническая война.	+
Битва со змеем.	+
Окончание первой Пунической войны.	+
<i>Риторическое отступление:</i> сколько было бед и можно ли сравнить с ними нынешние несчастья	-
Наводнение и пожар в Риме	+
Войны в цизальпийской Галлии.	+
<i>Риторическое отступление:</i> год мира – не был реально миром; тяготы переносились с терпением, но их следовало	+ О непрочности мира; про тяготы - нет

бы избегать, если бы их можно было избежать	
Краткий перечень событий: Гамилькар, полководец карфагенян, убит в Испании, война с иллирийцами, погребение заживо галльского мужа и галльской женщины, вторжение галлов и битва при Арреции, вторая битва с галлами и победа.	+
Сражение с инсубрийскими галлами.	+
Зловещие знамения в Риме.	+
Победы римлян над галлами.	+
Фабий Цензорий убивает своего сына, обвиненного в краже.	-
Вторжение Ганибалла в Испанию.	+
Зловещие знамения.	+
Начало второй Пунической войны.	+
Поражения римлян.	+
<i>Риторическое отступление:</i> о стойкости людей в тяготах; не времена были более хорошими, а люди в разгар несчастий проявляли больше стойкости	+
Захват римлянами Сиракуз.	+
Наступление Ганибалла Рим, остановленное ужасной грозой.	+
<i>Риторическое отступление:</i> Рим спасло божественное сострадание, город существует благодаря Христу	+
Продолжение рассказа о вто-	+

рой Пунической войне.	
Завершение второй Пунической войны.	+
Краткий перечень дальнейших войн: македонская война, война с лакедемонянами, война с инсубрами и кеноманнами, победа над царем Филиппом	+
<i>Риторическое отступление:</i> причина разногласий между авторами – каждый преувеличивает потери врагов и преуменьшает потери в своем войске	-
Перечень потерь в испанских войнах и в войнах в Греции.	+
Гибель бастернов при переправе через Истр.	+
Македонская война.	+
Поход Сципиона в Испанию.	+
Цензоры хотели возвести в Риме театр, но Сципион Назика этому воспротивился поскольку это вредно для воюющего народа	+
<i>Риторическое отступление:</i> в том, что римляне сейчас чувствуют себя слабее своих врагов, следует винить не времена, а театры	-
Уничтожение лузитанов, хотя они добровольно сдались римлянам	+
Третья Пуническая война.	+
Разрушение Карфагена	+
<i>Риторическое отступление:</i> Карфаген был уничтожен, потому что он вызывал раз-	+ просто порицание изнеженных римлян

дражение впадавших в праздность римлян; дело не в христианских временах, а в том, что они испугались, словно предвидя, что с ними произойдет, и уничтожили точильный камень, на котором оттачивалась их доблесть	
Книга 5. Риторическое отступление: счастливые времена для Рима, были временами несчастий и бедствий для других народов; народы раньше платили дань, утомленные войнами, а теперь платят дань, чтобы избежать войн; тех, кого Рим раньше отгеснял от границ, он теперь объединяет; христианская религия всех объединила и теперь у любого народа можно найти приют, не боясь его богов; «я временно наслаждаюсь всей землей как родиной, поскольку истинной родины, той, которую я люблю, вообще нет на земле»	+ счастливые времена для Рима были несчастными для других народов; многие короли попадали в плен, или были убиты, или отдавали все, что имели за свою жизнь; но нам это все неизвестно, поскольку мы родились в мире, который они так тяжело завоевывали. И после того как родился Христос, мы свободны от всякого рабства и всякого страха, если мы ему следуем
Война римлян с ахейским союзом и крушение Коринфа	+
Войны с Вириатом в Испании	+
Принесение в жертву гермафродита и чума в Риме	- Наоборот, рассказывается, что мор в Риме прошел сам, без жертвоприношений
Войны Митридата на востоке	+
Консул Манцин заключил договор с нумантинцами, но сенат его разорвал и выдал Манцина врагам	+
<i>Риторическое отступление:</i>	-

мирный договор спас жизни воинам, но сенат его осудил, а Варрон обрек на гибель войско и получил благодар- ность; почему римляне не права твердят о своей спра- ведливости, верности, мило- сердии, хотя их враги часто поступали справедливей и милосердней	
Проконсул Лепид пытается покорить ваккеев, несмотря на запрет сената и терпит поражение	-
Поход Брута в Испанию	+
<i>Риторическое отступление:</i> это времена бедствий и для Рима, и для Испании	+
Рождение ребенка с четыре- мя ногами	+
Извержение Этны. В Боно- нии взошли злаки на деревь- ях.	-
Война с рабами на Сицилии	-
Война и победа Сципиона Африканского в Нуманции	+
Притязания Гракха	+ Кратко упомянута
Восстание рабов	+ Кратко упомянута
Война в Азии с Аристонином	+
Нечестивые поступки Птоле- мя и его изгнание из Алек- сандрии	-
Гибель Антиоха	+
Гибель Сципиона Африкан- ского в результате заговора	+
Извержение Этны	+
Саранча в Африке. Сейчас в христианские времена она не приносит таких бедствий	+ нет упоминания о том, что в христианские времена она не приносит таких бедствий

Карфаген восстановлен и заселен римскими гражданами	+
Восстание Гракхов	-
Метелл завоевывает Балеардские острова, расправляется с местным населением и тем самым пресекает пиратские нападения	+
Победа над галлами-аллоброгами с помощью словнов	-
Извержение Этны	-
Поход против галльского царя Битуита	+
Поход консула Марция против галлов, обитавших у подножья Альп	-
Югуртинская война	+
«Непристойное чудо» с дочерью всадника Гельвия	-
Цепион и попытка присвоить золото, захваченное в галльском городе Толоза	-
Войны с кимврами и тевтонами	+
Публий Маллеол убил с помощью рабов собственную мать	-
Заговор Сатурнина против Мария	+
Зловещие знамения и чудесные явления в Риме	+
Союзническая война	Очень коротко упомянута среди рассказа о войнах Цезаря и Помпея
Царь Сотим опустошил Македонию	-
Гражданская война Суллы	В общем рассказе о гражд-

	данских войнах
<i>Риторическое отступление:</i> о гражданских войнах в те времена и сейчас	-
Война с Серторием в Испании	-
Войны в Килликии и Иллирике	-
Восстание Спартака	-
<i>Риторическое отступление:</i> перечень бесконечных войн; разве нуждаются времена в сопоставлении	-
Книга 6. Риторическое отступление: изложение христианского понимания истории Римской Империи, как подготовки к пришествию Христа	-
Митридатова война	+
Митридат перед смертью разуверился в своих богах	-
<i>Риторическое отступление:</i> какими виделись времена митридатовой войны всему востоку	-
Помпей захватывает Иерусалим	+
Краткое упоминание о заговоре Катилины	-
Галльские войны Цезаря	+ очень сокращенно, в одном абзаце
Победа Красса в Аквитании	-
Победа Цезаря над германцами	-
Поход Цезаря в Британию	-
Возвращение Цезаря в Галлию. Новые нападения галлов	-

Продолжение войн Цезаря в Галлии	-
<i>Риторическое отступление:</i> о несчастьях постигших Галлию; те беды так истощили ее, что она не поднялась бы сейчас против готов	-
Поражение Красса у парфян	-
Победа Кассия в Сирии	-
Чередование «взлетов» и «падений» в истории Рима	-
Пожар в Риме	-
Гражданская война между Цезарем и Помпеем	+
Об оракулах - они были забыты еще до христианских времен	-
Продолжение описания войны между Цезарем и Помпеем	-
Поход Цезаря в Александрию	-
Краткое упоминание о походах Цезаря в Африку и Испанию	+
Убийство Цезаря	+
Риторическое отступление: Рим отомстил виновникам своих бед, но посеял семена будущих несчастий; источником всех бед является честолюбие, но чтобы научиться смирению необходим учитель – Иисус Христос	-
Гражданские войны Цезаря Октавиана	+
Поход Антония на восток	+
Бунт Антония против Цезаря Октавиана	+
Битвы Цезаря и Антония и	+

победа Цезаря	
Возвращение Цезаря в Рим с тройным триумфом; установление мира	+
Знамения, сопровождавшие приход Цезаря Августа к власти	+
Поход Цезаря Августа в Испанию	+
Покорение германцев и других народов	+
Послы индов и скифов воздают Цезарю Августу славу Александра Великого	-
Краткий перечень: Тиберий подавляет мятеж паннонийцев, а потом побеждает германцев; Квинтилий Вар терпит поражение от восставших германцев; Агриппа покоряет босфорские народы	-
Парфяне подчиняются Цезарю	-
Ворота Януса закрыты	-
Цезарь Август отверг имя государя, но он установил прочный мир, в который был рожден истинный Государь	-
Цезарь приказал провести перепись, и Христос был внесен в римский цензорский список	-
Это Иисус возвел Рим на вершину власти	Риторическое отступление, но другое: противопоставление бедствий прежних времен, как расплаты за первородный грех, и милосердия христианской эры
Книга 7. Риторическое от-	+

ступление: повторение христианской концепции истории Рима; история четырех царств.	
Рождение Христа	-
Внук Цезаря Гай отказался молиться в Иерусалимском храме и за это римлян поразила страшная голод	+ но сказано просто, что он не захотел почтить; нет про храм
Правление Тиберия	
Тиберий, покорившись мнению сената, отвергает культ Христа, который он хотел ввести, и, мстя сенату, становится жестоким тираном	+
Крушение амфитеатра в Фидендах	-
Распятие Иисуса и сопровождавшие его знамения	+
Изгнание иудеев из Рима	-
Правление Калигулы. Даже он не нашел поводов для войн.	+
Калигула оскверняет Храм в Иерусалиме, а Пилат кончает с собой – это заслуженные кары	+
Ящик с ядами и другие злодеяния Калигулы.	+
Правление Тиберия Клавдия. Амнистия тем, кто пытался возродить республику.	+
Чудесное вмешательство предотвратило гражданскую войну	+
Клавдий без кровопролития покоряет Британию.	-
<i>Риторическое отступление:</i> сравнение похода Клавдия и	-

похода Цезаря; Рим, через скрытое провидение Его добивался частичных успехов; когда узнал Его стал преуспевать во всем, пока не следовал Его хулителям	
Голод в Сирии, но Елена, царица адиабенов снабжала христиан Иерусалима хлебом	+
Остров поднялся между Тетрой и Терасией	-
Возмущение в Иерусалиме	+
Клавдий изгнал из Рима иудеев (и, возможно, христиан)	+
Голод и кровопролитие постигли Рим. Смерть Клавдия	+
Правление и злодеяния Нерона.	+
Гонения на христиан и, как следствия, чума, поражения в Британии и на востоке. Землетрясение в Азии.	-
Самоубийство Нерона. Гражданская война между Гальбой, Отоном, Вителием и Веспасианом – наказание за гонения на христиан	+ сокращено
Война Веспасиана и Тита в Иудее. Разрушение храма. Их триумфальное возвращение возвещало о победе над теми, кто презрел Отца и Сына	+ истолкования нет
Воцарение мира. Ахайя, Ликия, Родос. Византий, Самос. Фракия, Киликия, Коммагена подчиняются римским законам.	-

Землетрясение на Кипре. Мор в Риме.	-
Смерть Веспасиана.	-
Веспасиан привил в течение двух лет и в его правление не было пролито ничьей крови. Но был пожар в Риме и Везувий изверг огонь.	- Но есть упоминание о правлении Тита и о том, что он говорил, что теряет день, в который не сделал доброго дела
Правление Домициана. Гонения на христиан и другие злодеяния.	+
Убийство Домициана. Правление Нервы и потом Траяна.	+
Попытки гонений на христиан, но быстро закончившиеся. В Риме сгорел построенный Нероном золотой дом – наказание за гонения.	+ нет упоминаний о пожаре
Землетрясение в Азии и Греции. В Риме сгорел Пантеон.	-
Мятежи иудеев в Ливии и Египте.	+
Правление Адриана. Он запретил осуждать христиан и усмирил иудеев.	+
Правление Антонина.	+
Правление Марка Антонина Вера и Аврелия Коммода. Война против парфян, гонения на христиан, чума в Риме.	+
Маркоманская война. Победа благодаря молитвам христиан.	+
Правление Луция Антонина Коммода. За его недостойные поступки – наказание Риму: молния попала в Капитолий и от пожара сгорела	+

библиотека.	
Правление Севера. Гонения на христиан и последовавшие войны.	+
Север в Британии.	+
Правление Антонина Бассиана.	+
Правление Марка Аврелия Антонина.	+
Правление Аврелия Александра.	+
Правление Максимиана.	+
Правление Филиппа.	+
Деций начинает гражданскую войну и гонения на христиан. Болезни в римской империи как кара.	+
Правление Галиена. Отмщение за гонение – болезни и войны. Но они быстро кончаются, поскольку гнев божий обратился в сострадание.	+ Нет о том, что они быстро закончились, поскольку гнев Бога обратился в сострадание
Правление Клавдия. Поход против готов.	+
Правление Аврелиана и его преемников до Диоклетиана.	+
Правление и войны Диоклетиана. Долгие гонения на христиан.	+
Приход к власти Константина.	+
<i>Пolemическое рассуждение о том, почему Диоклетиана не настигла кара за гонения</i>	-
Судьбы гонителей христиан	-
Распространение учения ария.	+
Победы и деяния Константина.	+

Правление Констанция, сына Константина. Признание арианства и как кара ужасное землетрясение на востоке.	+ про землетрясение нет
Войны между потомками Константина – наказание за покровительство арианству.	-
Правление и войны Юлиана.	+
Правление Иовиана, Валентиниана и Валента.	+
Землетрясение по всему миру.	-
Атанарих, король готов, преследовал христиан.	+
Победа Валентиниана над саксами и другими германцами.	+
Правление Валента и его нечестивые деяния. Он принудил монахов к несению военной службы.	+
Победы комита Феодосия над маврами. Его крещение и убийство.	+
Победа Грациана над врагами благодаря христианству.	+
Нашествие гуннов и восстание готов – кары Валенту за несправедливость к христианам.	+
Неудача в войне против готов и гибель Валента.	+
Риторическое отступление: все эти бедствия – кара за преследования церкви	-
Правление Феодосия. Примирение с готами и персами.	+
Гражданская война с Максимом. Она заканчивается без	+

больших потерь по вмешательству провиденья.	
Война между мятежным комитом Гильдоном и его братом Маскезиллом. Победа Маскезила без сраженья.	-
Вторжение Радагайса – предупреждение Риму, но раскаяния не последовало.	- просто коротко про вторжение
Вторжение Алариха и его интерпретация.	-
Брак Плацидии, дочери императора Феодосия и Атульфа, родственника Алариха	+ Брак и расселение готов. На этом кончается книга
Племена аланов, свевов и вандалов вторгаются в Галлию.	-
Варвары в Испании. Но Испания не претерпела ничего такого, чего она не претерпела бы от римлян.	-
Интерпретация – возможно, это было сделано для обращения гуннов.	-
Комит Констанций расправляется с тиранами.	-
Победы Констанция и императора Гонория.	-
Войны среди варваров.	-
Итог.	-

Литература

Bately J. Classical additions in the Old English Orosius // England before the Conquest: studies in primary sources presented to Dorothy Whitelock. Cambridge. 1971. P. 237-254.

Bately J. Did king Alfred really translate anything // Medium Aevum. Vol. 78. N 2. 2009. P. 189-215.

Bately J. The Alfredian canon revisited: one hundred years on // Alfred the Great. Aldershot. 2003. P. 107-120.

Bately J. The literary prose of Alfred's reign: Translation and transformation. L., 1980.

Discenza N.G. The persuasive power of Alfredian prose // Readings in Medieval texts: Interpreting Old and Middle English Literature. Oxf., 2004. P. 122-136.

Gneuss H. Handlist of Anglo-Saxon manuscripts: a list of manuscripts and manuscript fragments written or owned in England up to 1100. Tempe, 2001.

Godden M. Did king Alfred really write anything // Medium Aevum. Vol. 76. N 1. 2007. P. 1-23.

Godden M. Old English Orosius and its sources // Anglia. Vol. 129. 2011. P. 297-320.

Godden M. The player king: identification self-representation in King Alfred's writings // Alfred the Great. Ashgate, 2003. P. 137-152.

King Alfred's Anglo-Saxon Version of the Compendious History of the World by Orosius / Ed. by *J. Bosworth*. L., 1859.

Kretzschmar W.A. Adaptation and "anweald" in the Old English Orosius // Anglo-Saxon England. Vol. 16. 1987. P. 127-145.

Pratt D. The Alfredian Project and its Aftermath: Rethinking the Literary History of the Ninth and Tenth Centuries // Proceedings of the British Academy. Vol. 162. 2009. P. 93-122.

The Anglo-Saxon version from the historian Orosius by Aelfred the Great / Ed. by *D. Barrington*. L., 1773.

The life of Alfred the Great to which is appended Alfred's Anglo-Saxon version of Orosius / Ed. by *B. Thorpe*. L., 1853.

The Old English Orosius / Ed. by *J. Bately*. Oxf., 1980.

Waite G. Annotated bibliographies of Old and Middle English literature: VI. Old English prose translations of King Alfred's Reign. L., 2000. P. 281-320.

Павел Орозий. История против язычников. Книги I-VII / Пер. с лат., вст.ст., комм., указатель *В.М. Тюленева*. СПб. 2004. С. 183.

ПОХОД ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВОВИЧА НА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В СТАТЬЕ 6493 ГОДА ПВЛ: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ СЮЖЕТА

Аннотация: Статья посвящена семантике одного сюжета из Повести временных лет. Автор показывает, что противопоставление носящих лапти руссов и носящих сапоги болгар имело для христианина глубокий символический смысл. Этот отрывок должен был указывать на скорый приход болгар к князю Владимиру, положивший начало выбору веры.

Ключевые слова: Владимир Святославович, волжские болгары, Повесть временных лет, семантика.

Об авторе: Андрейчева Марианна Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Московского государственного объединённого музея-заповедника. Москва, 115487, проспект Андропова, 39. anuta.andr@gmail.com

A RAID OF PRINCE VLADIMIR SVYATOSLAVICH ON THE VOLGA BULGARS IN THE ANNAL FOR AM 6493 IN THE “TALE OF BYGONE YEARS”: THE QUESTION OF SEMANTICS PLOT

Abstract: The article is devoted to the semantics of the plot of one story in the “Tale of Bygone Years”. The author demonstrates that the opposition of bast-shoe-wearing Russiand and boots-wearing Bulgarians had a profound symbolic meaning for Christian chronicler. The passage in question should point to the imminent arrival of the Bulgarians to Prince Vladimir, that laid the foundation for his choice of faith.

Keywords: Saint Vladimir, Volga Bulgars, Tale of Bygone Years, semantics.

About the Author: Marianne Andreycheva, PhD in History, researcher in the Moscow United State United Museum and Conservancy Area. Moscow, 115487, Andropov Prospekt, 39. anuta.andr@gmail.com

В статье 6493 года Повести временных лет содержится следующий рассказ о походе князя Владимира на Болгар: «В лето 6493. Иде Володимеръ на Болгары с Добрыною съ воемъ своимъ в лодьях, а Торьки берегомъ приведе на коних и победы Болгары. Рече Добрына Володимеру: “Съглядахъ колодникъ, оже суть вси в сапозех, сим дани нам не даяти. Поидем искать лапотниковъ”. И сотвори мир Володимеръ с Болгары и роте заходиша между себе и реша Болгаре: “Толи не будетъ между нами мира, елико камень начнетъ плавати, а хмель почнет тонути”. И прииде Владимир Киеву”»¹.

Поскольку в тексте ключевая роль отводилась дяде Владимира, новгородскому посаднику Добрыне, то А.А. Шахматов в свое время предположил, что данное известие явилось новгородской обработкой более краткого сведения о столкновении руссов с болгарами из Древнейшего свода, которая попала в летопись в ходе составления Начального свода 90-х годов XI в. С другой стороны, среди исследователей не было единства во мнении о каких болгарях в летописи идет речь: о волжских или дунайских. Так Шахматов А.А.², Линниченко И.А.³, Голубинский Е.Е.⁴, Успенский Ф.И.⁵, Рапов О.М.⁶,

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (Далее – ПСРЛ). Т.1. М., 2001. Стб. 84.

² Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908. С. 175-176.

³ Линниченко И.А. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. Т. XII. 1886. С. 604.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901. С. 167.

⁵ Успенский Ф.И. Император Василий Болгаробойца В.Р. Розена. Критика // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Апрель. СПб., С. 294-295.

Мавродин В.В.⁷, Рыбаков Б.А.⁸ придерживались мнения, что речь идет о походе на Дунайских болгар. Сторонники данной версии, как правило, ссылались на то, что войско Владимира плыло на лодьях, а торки ехали на конях берегом – это описание казалось исследователям сомнительным, поскольку «от Киева добраться до Волги так далеко»⁹, а «по берегу Волги, покрытому непроходимым лесом, вовсе невозможно проводить конницы»¹⁰, тем не менее, такой способ передвижения казался логичным при походе по Днепру в сторону Черного моря, а затем Дуная. В пользу Волжских болгар высказывались Карамзин Н.М.¹¹, Бестужев-Рюмин К.Н.¹², Голубовский П.В.¹³, Пашуто В.Т.¹⁴, Халиков А. Х.¹⁵, Толстов С. П.¹⁶, Греков Б.Д.¹⁷, и их аргументация внесла серьезный вклад в разрешение данного вопроса. Исследователи ссылались на подтверждение данной версии в других древнерусских источниках: так в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха упоминает-

⁶ Рапов О.М. Русская церковь в IX- первой половине XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 213.

⁷ Мавродин В.В. Древняя Русь. М., 1946. С. 224-225.

⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. М., 1963. С. 68.

⁹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 167.

¹⁰ Там же.

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. 239-240.

¹² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 77.

¹³ Голубовский П.В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884. С. 76.

¹⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 98

¹⁵ Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 9

¹⁶ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 247.

¹⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 471.

ся поход князя на «сребрeнныя болгары»¹⁸ (то есть волжских – *М.А.*), в Воскресенской летописи текст о походе предваряет заглавие «побѣда Болгаромъ иже по Волзѣ»¹⁹, в Никоновской летописи говорится «иде Володимеръ на Болгары Низовския»²⁰ («низовские» - также одно из наименований волжских булгар – *М.А.*). Более того, в походе союзниками Владимира выступают торки, которых в изучаемое время нельзя представить себе живущими около Дуная. Напротив, в тот период они занимали территории между Доном и Волгой²¹ и их участие было бы логичнее представить в военной компании именно против волжско-камских болгар. Такая версия понимания данного текста стала фактически общепринятой в современной историографии.

Поскольку время создания текста, как было сказано выше, отстоит от реалий описываемых событий почти на сто лет, не вызывает сомнения, что коллизия с сапогами и лаптями является результатом литературно-художественного вымысла летописца. Поэтому главный вопрос нашего исследования будет сформулирован так: какой смысл (или смыслы) вкладывал автор статьи в текст с описанием похода? Ответить на данный вопрос можно, осуществив попытку герменевтического анализа летописной статьи, который подразумевает изучение семантики, используемой в ней лексики, исследование так называемой памяти контекста приводимых прямых и косвенных цитат и отсылок, обращение к летописному контексту, в который помещен

¹⁸ *Иаков Мних*. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 322, 526.

¹⁹ Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб., 1793. С. 123.

²⁰ Русская летопись по Никоновскому списку. СПб., 1797. С. 68.

²¹ *Голубовский П.В.* Указ.соч.

отрывок. Поскольку в центр сюжета рассказа о походе Владимира помещена антитеза «лапотники» - носящие «сапоги», то было бы целесообразно попытаться выявить символическое значение, используемой лексики для обозначения обуви, исходя из контекста историко-культурной традиции, носителем которой был древнерусский летописец-черноризец.

По всей видимости, автор статьи умышленно акцентирует антитезу «лапотники» – носящие «сапоги». Судя по контексту летописного отрывка, речь идет о своеобразном определении антитезы «свой – чужой». «Лапотники» – «свои», то есть те, кого Русь включала в сферу своего влияния. К ним, вероятно, относились те племена, которые уже были покорены Владимиром: радимичи, вятичи и т.д.

«Лапти», как обозначение обуви из лыка, имеют крайне редкое словоупотребление в древнерусской литературе²². Ближайшее по времени упоминание, и то в лексической форме «лыченицы», встречается в «Молении Даниила Заточника». Но тем оно и интересно, что слово «лыченицы» опять употребляется в смысловой паре со словом «сапог»:

«Лучше бы ми нога своя видети в *лыченицы* в дому твоём, нежели в черлене *сапозе* в боярстем дворе»²³.

Поскольку в «Молении» данное выражение адресовано князю, на службу к которому просится автор текста, здесь тоже противопоставление «лычениц» «сапогам» несет в себе в качестве одного из смыслов определение границ «свой – чужой»: лучше быть в лыченицах (на низших ролях

²² См. Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке: Древнейшие наименования допетровской эпохи // Ежегодник института по изучению СССР в Финляндии. Прил. №6-10. Хельсинки, 1959. С.16, 126-128.

²³ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника (по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам). Л., 1932. С. 60.

– М.А.) при князе, чем «чужим» ему в червленых сапогах (на первых ролях – М.А.) на боярской службе.

В «Молении» встречается и тема плавающего камня:

«Коли пожрет синица орла, *коли поплывет камень по воде* и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится»²⁴.

Подобное и по смыслу, и по художественной форме высказывание содержится также и в другом древнерусском памятнике литературы «Беседа трех святителей»²⁵.

Очевидно, и «Моление», и «Беседа», и косвенно, возможно, и летописный текст, имеют некий единый источник, откуда почерпнуты выше приведенные изречения. Но, к сожалению, его пока не удалось обнаружить. Возможно, речь идет об одном из сборников изречений наподобие древнерусского сборника «Пчела»²⁶.

В сборнике татарских народных пословиц болгарская клятва приводится на татарском языке: «Кайчан кем колмак суга батар, таш суга калкыр, бу вђгђђ шунда бозылыр» (Когда камень всплывет на поверхность, а хмель станет тонуть, это соглашение лишь тогда будет наруше-

²⁴ Слово Даниила Заточника, Академический список // Там же. С. 67.

²⁵ «Что есть человеку тяжелее всего носить? – Тяжелее всего глупство и упрямство учить человека: вода великия корабли поднимает, а малого камня всемь моремъ не подыметъ; ни моря пречерпати, ни мертвеца воскресити, ни утла судна налити; тако и глупова и упрямова человека всемь миромъ не научить» (Апокрифы. Беседа трех святителей // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С.144).

²⁶ Связь «Моления» с «Пчелой» неоднократно отмечалась исследователями. (См.: Будде Е. О «Слове» Даниила Заточника в его отношении к древнерусской Пчеле // Под знаменем науки. М., 1902. С. 74-94; Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914. С. 250-251).

но)²⁷. Этот текст в свое время дал повод историку Г.М. Давлетшину утверждать, что данное изречение – своего рода «печать», закрепляющая договор между Волжской булгарией и Русью. Согласно его сведениям «это же изречение бытовало среди казанских татар как средство подкрепления своего слова и дела»²⁸. Остается надеяться, что составитель сборника пословиц не осуществил самостоятельно перевод летописного отрывка на татарский язык, а почерпнул изречение из устного татарского предания и сопоставил ее с летописным источником.

В любом случае нельзя исключать влияния на данный летописный отрывок или какого-то письменного древнеславянского источника, или некоего отголоска устного болгарского предания. Можно предположить, что летописец вставил в текст известное ему болгарское изречение, еще и потому, что оно напоминало ему знакомую пословицу о глупце. В таком случае оно обрело двусмысленное звучание, в котором мог скрываться намек: пока Русь будет оставаться «глупой», мир между Болгарами и Русью не закончится.

В историографии встречается несколько вариантов интерпретации летописного курьеза с болгарскими сапогами. Наиболее распространенной точкой зрения, сформулированной еще в начале XIX в. Н.М. Карамзиным²⁹, являлось мнение, что в данном отрывке присутствует аллегорическое указание на высокий социальный статус Волжских болгар. Считалось, что русский князь заключает мирный договор с ними, понимая, что не

²⁷ Татар халык мѣкальлѣре // Кереш снз цѣм афлатмалар белѣн кычысы цѣм тлзъчесе Н. Исѣнбѣт: 3 томда. Казан, 1959–1967. 3 т. 780 б.

²⁸ *Давлетшин Г. М.* Булгарская письменность [Текст]: [раннебулгарский и домонгольский периоды] // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казань, 2008. № 1. С. 23–32.

²⁹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч.

сможет столь развитый и богатый народ окончательно подчинить и контролировать. Некоторые исследователи просто относились к этому летописному эпизоду как к некоему анекдоту³⁰.

Альтернативный вариант понимания предложил в свое время историк А.В. Курбатов³¹, который увидел в антитезе «лапотники» – «носящие сапоги» намек на кочевников: собирать дань с оседлых жителей (лапотников) легче, чем контролировать в степи орды кочующих племен (сапоги – обувь, наиболее приспособленная для верховой езды, активно использовалась кочевниками).

И надо отметить, что привлечение внимания к характерным чертам отличия лычной и кожаной обуви небезосновательно. Первая имела небольшой срок эксплуатации (при активном ношении лапти служили около двух недель). Вторая носилась долго и зачастую предназначалась для дальних переходов. Исходя из этого, можно также предположить, что в словах Добрыни, обращенных к Владимиру, кроется указание на то, что болгары выглядят как собравшиеся в дальнюю дорогу, в противоположность лапотникам, сидящим на своей земле.

Похожая по смыслу антитеза есть в Священном писании. В Новом Завете встречается противопоставление «сандалии» – «сапоги». Речь идет о так называемых малой и большой миссии, на которые посылал своих учеников Спаситель. В первом случае Учитель посылает апо-

³⁰ Так, исследователь С.П. Толстов полагал, что притча о пленных болгарях в сапогах является анекдотом, который “не может объяснить причин поспешного установления мира и возвращения Владимира в Киев”. Скорее всего, она маскирует “конечную политическую неудачу русско-огузской коалиции против булгар, несмотря на очевидный... первоначальный военный успех”. (*Толстов С.П. Указ. соч. С. 256*).

³¹ *Курбатов А. В. Русь nelaпoтная // Родина. № 6. М, 2001.С.42-44.*

столов на проповедь иудеям, напутствуя учеников в Евангелии от Матфея такими словами: «Не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поасѣх ваших на поути, ни двою ризоу, ни сапогъ, ни жезль...»³². В Евангелии от Марка в том же эпизоде говорится: «И запрети имъ, да ничесоже възмутъ на путь, тъкъмо жъзль единъ: ни пиры, ни хлеба, ни при поясе меди, нь обулены в *санѣдалия*...»³³.

Здесь «сандалии» являются символом ближнего пути, когда Учитель еще рядом и благая весть адресует-ся иудеям, то есть пока еще своим по вере.

Во втором случае, Спаситель перед Своим распятием на тайной вечере напутствует апостолов идти на проповедь всему миру: «И рече имъ: егда послах вы без влагалища и без мѣха и без сапогъ, еда что лишени бы-сте. Они же реша: ничтоже. Рече же имъ: но нынѣ иже имать влагалище, да възметь такоже и мѣх, а иже не имать, да продасть ризоу свою и коупить ножъ»³⁴.

³² Мф. 10:9-10 // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 7: Евангелие. М., 1992. С.41. Данный фрагмент из Евангелия от Матфея не был включен в Остромирово евангелие-апракос. Поэтому он приводится по Геннадьевской Библии, где, как отмечает А.А. Алексеев, Евангелия, Деяния и Послания представлены в афонской редакции (XIV в), которая, не смотря на то, что отражает ранний кирилло-мефодиевский перевод с правкой по греческому оригиналу, тем не менее “последует древнему тексту” и едва ли “содержит лексемы, которые были бы неизвестны предшествующей традиции”. (Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб, 1999. С. 186-187). Ср.: “Не носите влагалища, ни пиры, ни сапогы и никого же на поути цѣлуите” (Лука 10:4 // Там же. С.232).

³³ Марк 6:8-9 // Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007. С. 290.

³⁴ Лк 22:35-36 // Библия 1499... С. 279.

Таким образом, «сапог» выступает неким символом вселенской проповеди Евангелия, на которую первым вступил сам Господь (не случайно ремень именно сапога Иисуса не считает себя достойным давать разрешение Святому Иоанну Предтеча)³⁵.

К основным видам древнерусской кожаной обуви относились сапоги, плесницы, калиги, черевие и др.³⁶. Они отличались по крою и внешнему виду, но несмотря на это в нарративных памятниках Древней Руси можно встретить примеры, когда в одном и том же тексте наименования этих видов использовались как взаимозаменяемые лексемы. Для примера приведем отрывок из толкового Апостола XV в. В нем повествуется о чудесном освобождении апостола Петра из темницы. Согласно рассказу, Ангел внезапно явился перед апостолом и обратился к нему с такими словами: «Востани вскоре! Препояшися и вступи в *плесница* своя!...»³⁷. За отрывком из Деяний следует толкование на него Святого Иоанна Златоуста, в котором уже говорится, что ангел приказал Петру «в *сапоги* обуться и препоясаться»³⁸.

³⁵ См.: “Тряды же по мъне, крепили мене есть. Ему же несъм достоинь *сапога* понести” (Мф. 3:11 // Остромирово евангелие... С. 255); “Трядыи по мъне, яко първеи мене бе. Ему же несъм достоинь да отрешу ремень *сапогу* его” (Ин. 1:27-28 // Там же. С. 4); “Трядет крепили мене въ следъ мене, емоу же несть достоинь поклонься разрешити реме́не *сапогъ* его” (Мк 1:8 // Там же. С. 256); “Трядеть же крепили мене. Емоу же несъм достоинь отрешити реме́не *сапогъ* его” (Лк 3:16 // Там же. С. 259 об.).

³⁶ См. Вахрос И.С. Указ. соч. С. 33-53.

³⁷ Апостол толковый с прибавлениями, полууст. разный, XV века. РГБ ф. 304.1. Ед. хр. 116 (91). Л.132-132 об.

³⁸ Там же. Л. 135-135 об. Данный пример опровергает мнение Вахроса И.С., который полагал, что в древнерусском языке слова “калига” и “плесница” применялись наравне со словом “сандалии”. Напротив, у нас есть все основания предположить, что род-

Надо также заметить, что плесницы и калиги или сапоги воспринимались еще и как род сугубо монашеской обуви. И имели в этом смысле глубокое символическое значение.

Пожалуй, есть лишь один памятник, известный каждому чернецу, в котором задавалось ключевое символическое звучание деталям одежды. Это «Чин пострижения в монашество». Древнейший славянский перевод памятника дошел до нас в составе Требника конца XIII – нач. XIV в.³⁹. Согласно чину, возложение каждой детали монашеского одеяния сопровождалось произнесением соответствующего текста, раскрывавшего значение вещи для постригаемого.

Надевание на ноги калиг или плесниц являлось важным этапом чина пострижения в великий монашеский образ. Во время пострига монаха обували, произнося следующие слова: «Брат наш [имя рек] обувается в *калиги* оуготование еоуангелие миру»⁴⁰. Там же в одной из молитв чина: «*Плесницама* да поидет в путь спасения мира»⁴¹. Как видим, здесь также в одном тексте в отношении одной и той же обуви употребляются как равнозначные разные наименования.

Данный текст чина отсылает нас к отрывку из послания к Ефесеянам апостола Павла: «Станѣте убо препоясани въ чресла ваша истинною и оболкъшесе въ бро-

ственным термином для обозначения монашеской обуви было слово “сапоги”. (См.: *Вахрос И.С.* Указ. соч. С. 42).

³⁹ Книга потребник-требник. СПб: Общество любителей древней письменности, 1878; См. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI-XIII вв. М., 1984. С. 369.

⁴⁰ Книга потребник-требник.... Л.54.

⁴¹ Там же. Л. 57-57 об.

ня правды, и *обувшие нозѣ въ уготовани благовѣствованія миру*»⁴².

Таким образом, в чине утверждается основное символическое значение монашеской обуви – это благовестие миру, проповедь спасения. Исходя из выше изложенного, справедливо было бы задаться вопросом: можем ли мы сопоставить символику монашеских плесниц и значение летописных сапог на ногах болгар? Если мы обратимся к контексту исследуемой нами статьи ПВЛ, то увидим, что следующим событием летописи является приход болгар «веры Бохмич» как вестников своей веры к Владимиру. Мусульманским миссионерам выпала чрезвычайно важная роль - положить начало так называемому «испытанию вер». Поэтому их появление могло представляться летописцу особым изъяснением воли Божией к языческой Руси. Впрочем, сапоги – это не единственная деталь одеяния болгар, отмеченная летописцем по ходу повествования. Далее в летописи он еще раз вернется к теме болгарской

⁴² Еф. 6:14-15 // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8: Деяния и послания апостолов. Апокалипсис. М., 1992. С. 283.

См. также: “Нестъ бо разнствія иудееви же и еллину: той бо Бог всех... Како убо призовут, в него же не вероваша; како же уверуют, его же не услышаша; какоже услышат без проповедующего; Како же проповедят, аще не посланы будут; Яко же есть писано: *коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих блага*”. (Рим. 10:12, 14-15 // Там же. С. 187); “Сего ради познають людие мои имя мое въ той день, яко азъ самъ есмь, аз глаголя, и приидох яко время на горы, *яко нозѣ благовествующих вѣсть мира, яко благовѣствуяи благостыню...*”. (Ис. 52:7 // Библия. - Острог: Типография К.К. Острожского, печатник Иван Федоров, 12 авг. 1581. Книга пророка Исаии приводится по Острожской Библии, поскольку, как отмечено А.А. Алексеевым, в последнюю текст Исаии был взят из Геннадьевской Библии с самыми незначительными поправками. (См.: *Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб, 1999. С. 205*))

одежды в описании мусульманской службы, которое князю Владимиру изложат послы, побывавшие с ответным визитом в Волжской Булгарии:

«Они (послы – М.А.) же реша, яко ходиша в Болгары, смотрихом како ся покланяют в храме, рекше, в ропате, *стояще бес пояса*, поклонився сядет и грядит семо и онамо, яко бешен, и несть веселья в них, но печаль и смрад велик. Несть добро закон их»⁴³.

Пояс (вернее его отсутствие) – это вторая важная деталь одежды, на которой заостряет наше внимание летописец. И не случайно, так как, пояс для монашества – еще один значимый символ. Вновь обратившись к «Чину пострижения в монашество», мы обнаружим, что при его возложении на постригаемого произносятся следующие слова:

«Брат наш поясает чресла своя силою истины»⁴⁴. Данная формула также восходит к выше упоминавшемуся отрывку из послания Ефесеянам апостола Павла.

В Толковой Палее есть схожее место, где Анна, мать пророка Самуила, прорицает: «лук силныхъ изнеможе, а немощнии *препоясашася силою*». Толкование на это пророчество такое: «Силни бо бѣсте тогда, имже Господь бѣ с вами (жидами – М.А.), иже безъ оружия страны языкъ наслѣдовасте... Да того ради вы, силни, от лука своего изнемогосте, мы (бывшие язычники, нынешние христиане – М.А.) же оубо, немощни бывше иногда, но *препоясахомъся силою Владыкы нашего Иисуса Христа*»⁴⁵.

В другом древнерусском памятнике литературы «Мерило праведное» присутствует небольшой текст, по-

⁴³ ПСРЛ.Т.1 Стб. 108.

⁴⁴ Книга потребник-гребник... Л. 54.

⁴⁵ Палея Толковая / Перев. с древнерусс. А. Камчатнова.М., 2002. С. 469-470

священный теме ношения пояса: «Почто повелено туго поясаться апостолом и всем святым. Толк: Да крепко служат Богу, поклоном и постом, бдением, молением, течение проповедив в языцех. Того ради чернецы и попове туго превязаются, лепо бы тако и всем кристьяном»⁴⁶.

О том, что пояс для христианина имел глубоко символическое значение свидетельствует и известный эпизод с ответом папы Николая I на вопрос болгар (866 г.): «Что же до того, наконец, что греки, как вы утверждаете, запрещают вам принимать причастие неподпоясанными, то какими заповедями священного писания они обосновывают этот запрет, мы точно не знаем; тем разве, что Господь заповедал, говоря: “Да будут чресла ваши препоясаны”. Но эту заповедь надлежит исполнять не по букве, а по духу...⁴⁷».

Итак, ношению пояса христианином придавалось чрезвычайно важное значение и наполнялось глубокими и многогранными смыслами. Но, прежде всего, опоясывание чресл символизировало твердое стояние в истине на службе Богу.

Сапоги на ногах болгар и отсутствие пояса на них во время молитвы могли восприниматься как явления одного порядка, расшифровываемыми, исходя из тех символических «прочтений» деталей одежды христианина, которые были распространены в интеллектуальной монашеской среде. Отсюда мы можем предположить, что автор-составитель рассматриваемых нами текстов летописи, вероятно, имел в виду: болгаре, хотя и пришли благовестить свою веру (это символизировуют

⁴⁶ Мерило праведное, устав. красивый, исх. XIV века. РГБ Ф. 304.1. №2026. Л. 346 об.

⁴⁷ Nicolaus I PP. Epist. 99 (Responsa ad consulta Bulgarorum) / Ed. E. Perels // Epistola Karolini aevi. Т. 4. (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. Т. 6). Berolini, 1925. P. 587

сапоги), но истины в ней нет и сила Божия не с ними (об этом говорит отсутствие пояса на мусульманах).

Что же касается «лапотников», упоминаемых Добрыней в тексте о походе на болгар, то, здесь мы можем иметь дело со своеобразным обозначением «своих», не только в смысле «данников», но и тех, к которым будет далее обращено благовестие.

Таким образом, в статье 6493 г. мы имеем дело с текстом, буквальное «прочтение» которого (исходя из логики или так называемого «здорового смысла») является малоэффективным. Очевидно, что он содержит скрытую семантику, постигнуть которую можно с помощью герменевтического анализа фрагмента. Выявленные в данной статье смыслы отнюдь не являются исчерпывающими – это лишь начало намеченного пути исследования, дающее нам приблизиться к пониманию написанного летописцем.

Литература

- Апостол толковый с прибавлениями, полууст. разных, XV века. РГБ ф. 304.I. Ед. хр. 116 (91).
- Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 7: Евангелие. М., 1992.
- Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8: Деяния и послания апостолов. Апокалипсис. М., 1992.
- Зарубин Н. Н.* Слово Даниила Заточника (по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам). Л., 1932.
- Иаков Мних.* Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
- Книга потребник-требник. – СПб: Общество любителей древней письменности, 1878.
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 2001.
- Мерило праведное, устав. красивый, исх. XIV века, РГБ Ф. 304.I. №2026.
- Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007.
- Палея Толковая / Перев. с древнерусс. А. Камчатнова. М., 2002.
- Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

- Русская летопись по Никоновскому списку. СПб., 1797.
- Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб., 1793.
- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб, 1999.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 1. СПб., 1872.
- Будде Е.* О “Слове” Даниила Заточника в его отношении к древнерусской Пчеле // Под знаменем науки. М., 1902.
- Вахрос И.С.* Наименования обуви в русском языке: Древнейшие наименования допетровской эпохи // Ежегодник института по изучению СССР в Финляндии. Прил. №6-10. Хельсинки, 1959.
- Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901.
- Голубовский П.В.* Печенеги, торки, половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
- Давлетшин Г. М.* Булгарская письменность [Текст]: [раннебулгарский и домонгольский периоды] // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казань, 2008. № 1.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818.
- Курбатов А. В.* Русь нелапотная // Родина. № 6. М, 2001.
- Маевродин В.В.* Древняя Русь. М., 1946.
- Миндалев П.* Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.
- Линниченко И.А.* Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. Т. XII. 1886.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Рапов О.М.* Русская церковь в IX- первой половине XII в. Принятие христианства. М., 1988.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. М., 1963.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI-XIII вв. М., 1984.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Успенский Ф.И.* Император Василий Болгаробойца В.Р. Розена. Критика // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Апрель. СПб.

Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908.

Татар халык мѣкальлѣре // Кереш сѣз цѣм афлатмалар белѣн кыючысы цѣм тлѣзьчесе Н. Исѣнбѣт: 3 томда: Т. 3. Казан, 1959-1967.

Nicolaus I PP._ Epist. 99 (Responsa ad consulta Bulgarorum) / Ed. E. Perels // Epistola Karolini aevi. T. 4. (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. T. 6). Berolini, 1925.

Ю. Я. Вин

«СВОБОДА» – СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: Статья посвящена средневековому пониманию концепта «свобода». Автор показывает, что в средневековом словесно-корпоративном обществе концепт «свобода» оказался увязан с концептами «собственность» и «власть», а также с системой господствовавших религиозных взглядов. Исследователь проводит сравнительный анализ понимания свободы в Средние века и в философии новейшего времени, в частности, у Исайи Берлина.

Ключевые слова: свобода, собственность, власть, Средние века, Исайя Берлин.

Об авторе: Вин Юрий Яковлевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. hkn@igh.ras.ru

Yuri Vin

“FREEDOM” AS A SOCIO-CULTURAL CONCEPT IN MEDIEVAL STUDIES: SOME THEORETICAL ASPECTS

Abstract: The article is devoted to medieval understanding of the concept of “freedom”. The author demonstrates that in medieval society, that was class-divided and and corporate, concept of “freedom” was linked to concepts of “property” and “power”, as well as with the system of prevailing religious views. Researcher conducted a comparative analysis of the concept of “freedom” in the Middle Ages and in Modern philosophy, particularly of Isaiah Berlin.

Key words: freedom, property, power, Middle Ages, Isaiah Berlin.

About the Author: Yuri Vin, PhD in History, senior researcher at the Institute of World History of RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A. hkn@igh.ras.ru

*The notion of individual freedom is a delusion. ...
Personal freedom is a noble delusion and has had its social value;
society might have crumbled without it; it is a necessary instrument
— one of the greatest devices of ‘the cunning’ of Reason or of
History ...*

Isaiah Berlin

(Представление об индивидуальной свободе есть иллюзия.
...Личная свобода – это высокое заблуждение, имеющее свою социальную ценность; без него общество могло бы развалиться; это необходимый инструмент – одно из величайших изобретений «хитрости» Разума, Истории ...
Исайя Берлин)

Всякая свобода – это путь,
проложенный из прошлого опыта в будущее.
О. Розеншток-Хюсси

Современное историческое исследование неотъемлемо предполагает выявление как словесно выраженных в текстах изучаемых источников социокультурных концептов, так и опирающихся на них теоретических построений исследователей. Так, И. Берлин, неоднократно касаясь в своих историсофских эссе о природе исторического знания проблемы общих категорий и концептов, с одной стороны, утверждает, что «историк, конечно, не станет историком, если он не способен мыслить общими категориями; однако он нуждается в дополнительных, специальных способностях: он должен соединять, видеть качественные сходства и различия, чувствовать уникальность самых разных комбинаций, которые, однако, не должны так отличаться друг от друга, чтобы пришлось предполагать разрыв в потоке человеческого опыта, и в то же время не быть настолько условными, чтобы казаться порождением теории, а не действительности»¹. Используя общие категории и концепты, даже если они кажутся на первый взгляд обманчивыми метафорами, ученый создает посылку для выявления объективно действующих законов². Он опирается на базовые представления, которые определя-

¹ *Берлин И.* Естественная ли наука история? // *Он же.* Философия свободы. М., 2001. С. 118-119; *Он же.* Понятие научной истории // Подлинная цель познания. М., 2002. С. 77-78.

² *Берлин И.* Естественная ли наука история... С. 75; *Он же.* Понятие научной истории... С. 30-31.

ют, по выражению И. Берлина, «центральные концепты», такие, как «человек», «общество», «история», «развитие» и так далее³. С другой стороны, категории, в которых отражается опыт разных поколений, разные⁴. Различия между понятиями и категориями характеризуют стадии роста самосознания индивидов и обществ⁵. Поэтому мыслитель настаивает на том, что восстанавливать события прошлого надо не в «наших» терминах и категориях, а в терминах тех, кто жил тогда, когда происходили описываемые события, кто непосредственно воспринимал события прошлого и на кого они влияли. В продолжение своих рассуждений И. Берлин напоминает историку: мысленно перенося себя в прошлое, пытаюсь постичь концепты и категории, которые отличаются от тех, что использует он сам, исследователь не может быть уверенным в успехе так же, как не может отказаться от поставленной задачи⁶.

В этой связи нельзя не подчеркнуть, что социокультурный концепт – безусловно один из важнейших теоретических аспектов современного когнитивного направления исторического исследования. Его неотъемлемой частью выступает изучение, собственно говоря, концепта как адекватного средства анализа социокультурных явлений исторического прошлого⁷. Еще в 1928 г. С.А. Аскольдов-Алексеев в своей статье «Концепт и слово» определил самую существенную сторону указанного термина как познавательного средства: «В проблеме познания это “нечто” носит название концепта, под которым

³ Берлин И. Естественная ли наука история... С. 76; *Он же*. Понятие научной истории... С. 32-33.

⁴ Берлин И. Разрыв между естественными и гуманитарными науками // Подлинная цель познания... С. 396.

⁵ Берлин И. Разрыв... С. 407.

⁶ Берлин И. Естественная ли наука история... С. 112; *Он же*. Понятие научной истории... С. 70-71.

⁷ Подробнее см.: Вин Ю.Я. Социокультурный концепт — выбор метода в историческом исследовании: теоретические аспекты когнитивной истории // Проблемы исторического познания. М., 2009. С. 124-142.

надо разумать два его вида “общее представление” и “понятие”». Развивая эту мысль, ученый называл концепт мысленным образованием, замещающим в процессе мышления предметы и конкретные представления⁸.

С тех пор зарубежная историческая наука накопила богатый опыт изучения исторически сложившихся концептов. Прекрасным примером тому служит хорошо известный фундаментальный многотомный труд «Основные исторические понятия: исторический лексикон политическо-социального языка в Германии» (Штуттгарт, 1972 – 1997), создателей которого отличает незабываемый интерес к социально-политическим понятиям⁹. Всестороннее рассмотрение каждого из представленных на страницах названного труда «основных понятий» (“Grundbegriffe”) наделяет его системными чертами, которые позволяют видеть в представленных там понятиях, хотя заимствованная из романских языков форма «Konzept» фактически авторами не была использована, подлинно научные «концепты». Согласно Н.Е. Копосову, немецкое понятие «Begriff», английское «Concept», а также русское «концепт» адекватно воплощают собой идею «схватывания» сути явления¹⁰. Рассказывая об этом, российский ученый под-

⁸ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 268 и далее. Также см.: Семенова Н.В. Базовые категории текста: когнитивный аспект представления подтекстовой информации. Уфа, 2008. С. 42-43; Плотникова А.М. Когнитивная семантика. Екатеринбург, 2008. С. 22.

⁹ Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. v. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1972-1997 (Далее — GGB). Bd. I-VIII. Подробнее см.: Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка Раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живовова. М., 2009. С. 6-9; Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 9 и далее.

¹⁰ Копосов Н.Е. История понятий... С. 13.

черкивает, сколь огромное влияние на английскую и французскую историографию оказало немецкая «история понятий», которая, став органической частью «лингвистического поворота» названных отраслей исторической науки, в свою очередь, испытывала на себе их непосредственное воздействие¹¹.

Впрочем, европейские коллеги немецких историков, в том числе медиевисты, продвигались по намеченному пути вполне самостоятельно. Убедительным доказательством этому является монография С. Рейнолдс «Королевства и общины в Западной Европе. 900 – 1300» (Оксфорд, 1984)¹². На страницах указанной книги с целью характеристики принципиальных сторон средневекового социума исследовательница неоднократно обращается к концептам. Так, она характеризует концепты, относящиеся к сфере права, социально-экономическим и политическим аспектам исторического процесса, сделав ряд наблюдений методологического характера¹³. В частности, медиевистка постоянно обращает внимание на очевидные расхождения между средневековым восприятием и современными научными представлениями. Они предопределяют не просто неизгладимую разницу концептов настоящего времени и исторического прошлого, а порою отображают отсутствие соответствующих воззрений в ушедшую эпоху¹⁴. Поэтому медиевистка призвала постигать историческое прошлое посредством анализа концептов, которыми руко-

¹¹ *Копосов Н.Е.* История понятий... С. 21-26. О концепции «лингвистического поворота» подробнее см.: *Он же.* Как думают историки... С. 11 и далее, 219-220, 284-294. Там же указана основная литература.

¹² Подробнее см.: *Вин Ю.Я.* Социокультурный концепт... С. 129-130.

¹³ См.: *Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe. 900-1300. Oxford, 1984. P. 17, 20, 45, 59-60 etc., 141, 203, 221, 314, 323 etc., 336-337.

¹⁴ См.: *Reynolds S.* Kingdoms and Communities... P. 59 etc., 73-74, 141, 203, 324, 337.

водствовались люди изучаемой эпохи, а не полагаться на современные исследователю представления¹⁵.

Что касается концепта «свобода», то в современном научном понимании она выступает как «культуроспецифичный концепт», который обуславливает определенным способом концептуализацию окружающего мира, и тем самым отображает и увековечивает господствующее в обществе мировоззрение¹⁶. Лингвокультурологи относят наименование социокультурного концепта «свобода» к ряду стилистически нейтральных слов, которые оказываются многозначными, что дает исследователю богатый материал для когнитивной интерпретации¹⁷. Действительно, в спонтанности естественных процессов индивид в первую очередь обнаруживает факт несвободы своего поведения, которым он учится овладевать в ходе социализации с помощью средств культуры. Присвоение же культурного опыта — от орудийных действий до нравственных норм — требует произвольных, то есть сознательных усилий, основанных на акте свободного выбора и самостоятельного поступка в неопределенной жизненной ситуации¹⁸.

Универсальность идеи свободы определена ее сущностью, которая заключается в устранении ограничений. Это мотив сохраняет актуальность во все времена и в любом обществе¹⁹. Приводимое положение представляется тем многозначнее, чем явственнее различима разница вос-

¹⁵ Reynolds S. Kingdoms and Communities... P. 332-333.

¹⁶ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 434-435 и далее.

¹⁷ Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2010. С. 198.

¹⁸ Петухов В.В. Природа и культура // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1991. № 4. С. 73. О свободе как возможности выбора подробнее см.: Балашов Л.Е. Практическая философия. М., 2001. С. 180 и далее.

¹⁹ Стефанова О.С. О концепте свобода // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста. Пятигорск, 2007. С. 132.

приятия семантики понятия «свобода» в странах Запада и России. Свобода выбора ясно выражена в западноевропейской ментальности, самобытный же русский эквивалент этого понятия, как думают некоторые ученые, предполагает прежде всего освобождение от ограничений, накладываемых обществом на личность и, в конечном итоге, снятие самоограничений²⁰. В конечном счете научное описание концепта «свобода» оправдывает приложение этого слова только к таким ситуациям действительности, которые характеризуются уравновешенностью разрешений и запретов на выбор субъектом его действий²¹. Памятуя о глубокой историчности указанных представлений о свободе, отступающих на ранних этапах истории общества перед объективной необходимостью, следует принять тот аргумент современной философии, что при любых коллизиях существования человека научное восприятие свободы зиждется на ее толковании в качестве внутренней основы человеческого бытия и культуры²². С точки зрения права, предполагающего несколько вариантов истолкования свободы, ее прежде всего толкуют как независимость от внешнего принуждения²³. В своей соотнесенности с религией, правом и моралью свобода предстает как гарантированная правом возможность²⁴.

Свобода человека возникает с зарождением, если так можно сказать, самой культуры, которая устанавливает посредством всякого рода правил, норм, ценностей,

²⁰ См.: *Елизарова Г.В.* Культурологическая лингвистика: Опыт исследования понятия в методических целях. СПб., 2000. С. 61 и далее.

²¹ Подробнее см.: *Кошелев А.Д.* К эксплицитному описанию концепта «свобода» // *Логический анализ языка: Культурные концепты* / Отв. Ред. Н.Д.Арутюнова. М., 1991. С. 61-64.

²² См.: *Алексеев С.С.* Философия права. М., 1999. С. 85; *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996. С. 175-177; *Он же.* Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 169-170 и далее.

²³ Подробнее см.: *Сорокина Ю.В.* Введение в философию права. М., 2008. С. 75 и далее.

²⁴ *Сорокина Ю.В.* Введение... С. 96 и далее.

традиций и иных форм культурной детерминации, собственные ограничения поведения людей. Иначе говоря, тогда как в природе жизнедеятельность человека сдерживают биологические и физические условия его существования, а также доступные технические ресурсы, то в культуре равнозначными функциями наделена свобода, призванная с помощью запретов, законов и прочих своих, социокультурных по сути²⁵, средств защитить жизнь и достоинство человеческого индивида²⁶. Поэтому концепт свободы, как никакой иной, неотъемлемо обусловлен правом. Естественно-правовые концепции Нового времени рассматривают свободу как абсолютную ценность. Она получает объективированное выражение в процессе становления личности, когда возникает потребность зафиксировать ее свободу в нормативном порядке. Тогда в свободе начинают видеть основополагающую идею – принцип права²⁷.

Содержание и пределы человеческой свободы условно предопределяет ее исторически изменчивый характер. Это, наверное, главная мысль, которую воплощает обширный коллективный очерк «Свобода» («Freiheit») в упомянутом ранее историческом лексиконе основных исторических понятий²⁸. Во введении к этому очерку В. Конце, один из идейных вдохновителей и ведущих авторов лексикона, декларирует взаимосвязность семантики понятия «свобода» с принадлежностью к общности («Gemeinschaft») и установленному политическому порядку²⁹. В практически всеобъемлющем хронологическом диапа-

²⁵ Подробнее см.: *Петухов В.В.* Природа и культура... 1991. № 4. С. 77; Там же. 1992. № 3. С. 48.

²⁶ О защите индивида, его личности с помощью культурных норм, реализуемых в конкретных способах и формах общественной организации, подробнее см.: *Петухов В.В.* Природа и культура... 1992. № 3. С. 52 и далее.

²⁷ *Сорокина Ю.В.* Введение... С. 268.

²⁸ GGB. Bd. 2. S. 425-542.

²⁹ Ibid. S. 425-426. О В. Конце см.: Brockhaus Enzyklopädie / 19. Aufl. Mannheim, 1987. Bd. 4. S. 673.

зоне очерка значительное место отведено освещению представлений о свободе эпохи Античности и Средневековья³⁰. Это позволяет авторам очерка наметить преемственность в приложении концепта «свобода» как фундаментального научного понятия к анализу его позитивного содержания. Оно изначально, обозначив в греческом полисе и Древнем Риме противопоставление «свободных» и «рабов», служило для выражения равенства полноправных граждан перед законом. Уже в древности, как показывают авторы очерка, содержание «свободы» определяла борьба за политическую власть и права³¹. Важнейшим фактором средневекового осмысления понятия «свобода» становится христианство. Оно, согласно постулатам соответствующего раздела очерка, отправляясь от новозаветных толкований, выводит на передний край «суверенную свободу» («die souveräne Freiheit») с сопутствующим ей святоотеческим преданием, касающимся «полновластия». Иисуса и ветхозаветными законами. Евангельские притчи диктуют и социальные аспекты понимания свободы, подразумевающие терпимость к установленному общественному порядку, включая противостояние господ и рабов³². И, наконец, если следовать логике авторов рассматриваемого очерка, не может быть опущено провозглашение свободы церкви. Именно из этого проистекает и свобода вероисповедания, и правовой статус института церкви как сумма ее «свобод» и абсолютная свобода от государства³³.

В то же время средневековое преобразование общества немислимо, по определению специального раздела очерка, без «сословной свободы» («ständische Freiheit»), которая обозначила концепт права (der Rechtsbegriff) с сословно выраженной свободой и присущими ей правами и привилегиями³⁴. В этом свете поднят не только вопрос о

³⁰ GGB. Bd. 2. S. 426-456 u. a.

³¹ Ibid. S. 426-427 u. a., 430-432 u. a.

³² Ibid. S. 436-437 u. a.

³³ Ibid. S. 441-442 u. a.

³⁴ Ibid. S. 446 u. a.

систематизации права средневековыми юристами и формировании концепта свободы как многократного градуирования по разрядам «свобод» и «привилегий»³⁵. Вслед тому поставлена проблема личнопредметной свободы. Основные положения излагаемой в этой связи концепции формулируются словно правовые максимы, начиная с того, что «... свобода без необходимой власти, чтобы ее защищать, не может существовать» («Freiheit ohne die nötige Macht. Sie zu schützen, nicht bestehen könne»)³⁶. В ряду привлекающих внимание следует отметить также мысль о том, что концепт персональной свободы не был абстрактным термином, но обусловлен местом, занимаемым в социальной пирамиде. Вплоть до конца сословного общества типичным признано «смещение» «свободы» и «несвободы». Гарантией свободы для незащищенного индивида оказывалась его «самопередача» («Selbübergabe») господину³⁷. Все это позволяет заявлять о том, что «свобода» была «центральным концептом» («ein Zentralbegriff») сословного общества³⁸. И это хорошо объясняет, почему надлежательная дань отдана также проблеме корпоративной свободы, точнее говоря — корпоративно-сословным свободам, определяющим судебные-правовые аспекты государственной политики. В их числе выделяется непосредственное соотнесение концепта свободы с иммунитетом, юрисдикцией и податными обязанностями³⁹.

Воздавая должное авторам очерка «Свобода» исторического лексикона, наметившим ориентиры ее изучения, нужно сказать, что во многих случаях путеводными вехами изучения свободы служат системные сопоставления этого понятия с другими фундаментальными концептами. В первую очередь «свобода» оказывается сопоставлена с «властью» и «собственность». Правда, второму из

³⁵ Ibid. S. 447.

³⁶ Ibid. S. 447-448.

³⁷ Ibid. S. 448-449.

³⁸ Ibid. S. 450.

³⁹ Ibid. S. 450-452.

названных сопоставлений принципиальное значение придано при рассмотрении эпохи Великой французской революции⁴⁰. Нельзя не видеть того, что это решение находит адекватное понимание в научной литературе. Ведь идея «свободы» эпохи Великой французской революции и, тем более, современные научные понятия, которые формировались в рамках определенных исторических и правовых направлений и школ, в корне отличаются от средневековых представлений о свободе. Они далеко не всегда совпадали у представителей различных социальных групп населения, а иногда получали довольно различимые региональные особенности⁴¹.

Со всей определенностью можно утверждать, что изучение концепта «свобода» в Средние века непременно связано с его широким пониманием как феномена, опосредующего отношения собственности и социального строя в свете религиозных учений Средневековья. Исходя из указанных взаимосвязей средневековой сословности, которой свойствен широкий диапазон градаций — от полноправия до зависимости, в современной науке делается вывод о бесспорном влиянии свободы на содержание отношений собственности. «Свобода» в ее преломлении к Средневековью находила выражение в предоставлении тех или иных полномочий, таких, как права владения, пользования и распоряжения⁴².

Затрагивая вопрос о социальности средневекового человека, непременно нужно подчеркнуть, что современное ему общество ни в отношении собственности, ни власти, конечно же, никакого равенства между людьми не знало. И если ощущение нечто подобного могло возникнуть в общественном сознании той эпохи, то рассмотрение того допустимо только в плоскости религиозных воззрений. Христианская догма насаждала в головах простых

⁴⁰ Ibid. S. 519-525.

⁴¹ Подробнее см.: *Rösener W. Bauern im Mittelalter*. München, 1986. S. 228-229 ff.

⁴² *Скловский К.И. Собственность в гражданском праве*. М., 1999. С. 48.

смертных мысль об их равенстве перед Богом, тогда как идея равноправия взывала к царству небесному⁴³. С позиций господствующего вероучения социальное положение человека не казалось неизбежным отрицанием или нарушением свободы личности, ибо в рамках религиозного мировосприятия Высшая личность — Абсолютное, чьим неотъемлемым атрибутом являлась свобода. И, стало быть, Бог создает, искупает и «усовершенствует» свободную тварь. Но поскольку человек в земном бытии, согласно религиозным представлениям, отъединяется от Абсолютного, он отступает от совершенной свободы Создателя к царству необходимости⁴⁴. Средневековые еще вовсе не утратило норм традиционного общества, в соответствии с которыми вступающего во взаимоотношения с другими людьми человека характеризовали адскриптивные, то есть приписываемые статусы. Они ориентировали на общественное восприятие индивида не дифференцировано, а в их совокупности. Тем самым в глазах окружавших человека социальных партнеров его образ обретал неделимую целостность. Благодаря тому во внимание бывали приняты не просто пол, возраст и место в социальной иерархии. При всем богатстве природных и социальных индивидуальных черт как их общественную значимость, так и социальное положение члена общества определяли исходя из принадлежности к той или иной семье, роду, общине без расчленения статуса человека на отдельные элементы⁴⁵. «Его принадлежность к различным группам представляет, — согласно концепции О. Розеншток-Хюсси, — все времена, в которых он должен жить». Именно в принадлежности больше, чем к одной общественной группе, религиозный мыслитель усматривает сущность человека и его мышления, мотивируемого неизбежностью изменений⁴⁶.

⁴³ Ср.: *Ивин А.А.* Философия истории. М., 2000. С. 49, 248-249.

⁴⁴ Ср.: *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 316-318.

⁴⁵ Ср.: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 38-39.

⁴⁶ См.: *Розеншток-Хюсси О.* Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000. С. 504-505.

В этом свете сословное деление общества служит своеобразным идеалом, претворенным в средневековом сознании с присущими ему представлениями о равенстве перед судом Божиим и взаимосвязанности правовых статусов свободы и несвободы крестьянства⁴⁷. Поэтому отправным пунктом изучения непрерывной чреды выстраивающихся в человеческую судьбу событий оправданно признать представления о свободе, то есть культурной формы бытия, которая выступает в качестве универсального принципа деятельности. Истолкованная в таком смысле свобода, в отличие от известной формулы Ф. Энгельса, предполагает внеинстинктивный выбор действия или поступка, говоря иными словами, свобода воплощается как акт внутреннего самоопределения человека. Его нельзя вычеркнуть из истории⁴⁸. Люди, наделенные способностью делать каждодневный выбор, даже заведомый по его характеру, чувствовали и переживали, грешили и испытывали страх, молились и постигали окружающий их мир. И в этом смысле слова они оставались свободны, хотя их действия и поступки относятся скорее, как считает вслед за А.Я. Гуревичем Л.М. Баткин, к сфере необходимости⁴⁹. В целом же свобода человека традиционного общества охватывает все то, что не противоречит сложившимся традициям и служит их воспроизводству. «Культура» указанной эпохи тождественна вступлению индивида на отведенное ему по традиции в данном социуме место⁵⁰. Так, в Древнем Риме «свобод-

⁴⁷ *Oexle O.G.* «Die Statik ist ein Grundzug des mittelalterlichen Bewußtsein»: Die Wahrnehmung sozialen Wandels im Denken des Mittelalters und das Problem ihrer Deutung // Sozialer Wandel im Mittelalter: Wahrnehmungsformen, Erklärungsmuster, Regelungsgemechanismen / Hrsg. v. J. Miethke, K. Schreiner. Sigmaringen, 1994. S. 48-49 ff., 52 ff., 67-68.

⁴⁸ *Гречко П.К.* Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 18-19.

⁴⁹ *Баткин Л.М.* О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей: Человек в истории, 1994. М., 1994. С. 26.

⁵⁰ См.: *Петухов В.В.* Природа и культура... 1991. № 4. С. 77.

ными» (*liberi*) называли детей, рожденных в законном браке, который относился к сфере публичного права. Собственно говоря, этот брак и заключали ради появления на свет полноправных преемников⁵¹. Ведь для них положительное содержание «свободы» определяло римское гражданское полноправие. Понятия «свобода» (*libertas*) и «гражданство» (*civitas*) служили для обозначения двух граней по сути одного и того же социального статуса⁵².

Средневековая свобода рождалась в горниле многовековой плавки новообразованного социума, формировавшего сословия господствующего класса и крестьянства. Для представителей господствующих кругов феодального общества идея свободы смыкается с идеей знатности и получением привилегий, в противоположность непривилегированному состоянию. Для социальных низов, положение которых предопределяло сеньориальное подчинение чужой воле, ее олицетворением стали «дурные обычаи» и личные повинности, а свобода заключалась в освобождении от них в ходе сложного процесса получения отдельных прав⁵³. Поэтому сложившаяся в Средние века свобода предстает в виде раздробленной совокупности «вольностей»⁵⁴. В их свете своеобразие средневекового понимания свободы обуславливали отнюдь не «личные свободы», а «суверенная» индивидуальность⁵⁵. Впрочем, свободу не воспринимали как свободу мышления, поскольку помыслить, согласно убеждению О. Розеншток-Хюсси, можно было только закон, а связи между свободой и законом оказывались абсолютны⁵⁶.

⁵¹ См.: *Розеншток-Хюсси О.* Избранное... С. 114-116.

⁵² См.: *Дубровский И.В.* Свобода и не свобода // *Словарь средневековой культуры.* М., 2007 (Далее — ССК). С. 451.

⁵³ *Дубровский И.В.* Свобода и не свобода... С. 454 и далее; Он же. *Деревня* // Там же. С. 138.

⁵⁴ См.: *Дубровский И.В.* Свобода и не свобода... С. 460.

⁵⁵ См.: *Ивин А.А.* Философия... С. 280-281.

⁵⁶ См.: *Розеншток-Хюсси О.* Избранное... С. 377-378.

Итак, современные научные концепции и средневековые представления о свободе существенно разнятся. Как подчеркивает зарубежная медиевистика, различия выражены на уровне самосознания субъектов – средневековому человеку оставалось чуждым дифференцированное отношение к своему бытию⁵⁷. Это положение в первую очередь применимо к крестьянству. Прежде всего хотелось бы снять вопрос об уместности по отношению к нему отождествления понятия «свободы» с философским восприятием творчества как возможности самореализации сущностных сил и потенций индивида. В этом смысле «свобода», согласно яркому определению М.К. Мамардашвили, заключается в способности преобразовывать, претворять, чтобы воссоздавать нечто, бесконечность производящее, секретизирующее, то есть критерий успешности – свобода действия, высвобождение свободы...⁵⁸ В указанном аспекте личная свобода крестьянина является производной от принятых форм хозяйствования и, в конечном своем итоге – от отношений частной собственности⁵⁹. Поэтому в научном смысле слова «свобода» земледельцев выступает как функция формирующихся отношений собственности и соответственно – производственных отношений. Их развитие неоспоримо предопределяло вычленение общественно значимого индивида и возникновение личности⁶⁰.

Говоря о Средневековье, во внимание должно принимать тот факт, что тогда крестьянская собственность на орудия и средства труда еще не успела отрешиться от человечески вещного синкретизма, а собственность предста-

⁵⁷ Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen / Hrsg. v. P. Dinzelsbacher. Stuttgart, 1993. S. 514 ff.

⁵⁸ Мамардашвили М.К. Стрела познания: набросок естественно-исторической гносеологии. М., 1996. С. 290.

⁵⁹ Ср.: Барулин В.С. Социально-философская антропология: Общие начала социально-философской антропологии. М., 1994. С. 125-126, 215 и далее.

⁶⁰ Ср.: Барулин В.С. Социально-философская антропология... С. 132 и далее.

вителей господствующего класса была неотделима от сословно-корпоративных привилегий⁶¹. В результате средневековую свободу отличала сугубая корпоративность – ее порождала принадлежность к определенной социальной группе, слою, сословию, для представителя которого свобода являлась выражением не его индивидуальных прав, а общественного положения его сословной группы⁶². Именно она обеспечивала обладателю «свободы» полноправное положение хозяйствующего субъекта в коллективе. Для его члена «свобода» наполнялась реальным позитивным содержанием. Правда, это главным образом было свойственно варварскому миру⁶³. В условиях развитого феодального общества такая свобода в ее приложении к крестьянству превращается в анахронистической пережиток родоплеменных дофеодальных порядков⁶⁴.

Поступательный ход истории выдвигает на первый план «свободу» с «негативным», по обозначению отечественных историков, смыслом. Придерживающиеся указанной позиции в толковании «свободы» медиевисты, и одним из первых среди них следует назвать А.И. Неусыхина, предполагают отсутствие у ее носителей определенных форм личной и материальной зависимости, упразднение символизирующих зависимость обязанно-

⁶¹ Барулин В.С. Социально-философская антропология... С. 140-141.

⁶² См.: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 203; *Он же*. Начало феодализма в Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 325; *Он же*. Категории средневековой культуры М., 1984; Тоже // Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 162-163.

⁶³ Неусыхин А.И. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 149.

⁶⁴ См.: Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973. С. 173-174.

стей и ограничений дееспособности⁶⁵. Разумеется, необходимо признать, что в этом плане медиевистика следует общетеоретическим положениям исторической науки. Здесь имеются в виду концепции «позитивной» и «негативной» свободы, столь ярко выраженные в творчестве И. Берлина⁶⁶. Его исходной посылкой является тезис: «Принудить человека — значит лишить его свободы». Из этой позиции философ выводит концепцию негативной свободы. Ее сущность выражает постулат о том, что человек свободен в той степени, в какой никто не вмешивается в его деятельность. В этом смысле «быть свободным» значит «не испытывать стороннего вмешательства»⁶⁷. Но каковы бы ни были принципы, определяющие сферу чуждого «вмешательства», будь то «естественный закон», «естественное право» или «общественный договор», которые перечисляет в ряду прочих концептов И. Берлин, свобода в указанном смысле остается «свободой от»⁶⁸. Это «негативная» свобода в ее «классическом» виде, который предполагает «свободу от» ограничений в противоположность позитивной «свободе чего-то». Речь идет об универсальной схеме, которая обрета-

⁶⁵ *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII в. М., 1956. С. 32. Анализ концепции «позитивной» и «негативной» свободы, предложенной А.И. Неусыхиным см.: *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание: (Методологические аспекты). Томск, 1973. С. 119-120. Также см.: *Бессмертный Ю.Л.* Сеньория в системе феодальной эксплуатации крестьянства // *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма.* М., 1986. Т. 2. С. 505.

⁶⁶ Подробнее см.: *Berlin I.* Two Concepts of Liberty // *Idem.* Four Essays on Liberty. London; Oxford, 1969. P. 118-172. = *Берлин И.* Два понимания свободы // *Он же.* Философия свободы. М., 2001. С. 122-185. Также см.: *Он же.* «Не ведайте ни страха, ни надежды» // *Подлинная цель познания.* М., 2002. С. 124-161.

⁶⁷ *Berlin I.* Two Concepts of Liberty... P. 121 etc. = *Он же.* Два понимания свободы... С. 125 и далее.

⁶⁸ *Berlin I.* Two Concepts of Liberty... P. 126-127 etc. = *Он же.* Два понимания свободы... С. 131 и далее.

ет специфику, наполняясь национальным содержанием⁶⁹. Безусловно И. Берлин вполне отчетливо осознавал указанное обстоятельство, утверждая, что для «негативной» свободы принуждение выступает как непререкаемое зло. Оно оправдано стремлением к тому, чтобы избежать большее зло. Эта доктрина, по мнению ученого, родилась в Новое время, тогда как в Древности вряд ли поднималась проблема индивидуальной свободы как осознанного политического идеала. К тому же указанный концепт свободы, разделяя присущее ей принуждение, несовместим с самоуправлением и демократией⁷⁰. «Позитивный» же смысл свободы появляется тогда, когда встает вопрос о том, «кто мной правит?». Исторически этот смысл свободы может быть даже старше, чем проблема «невмешательства». Главное – «позитивное» понимание свободы предполагает «свободу для»⁷¹. Сущность понятия позитивной свободы проистекает из желания быть хозяином самому себе. Оно не просто зиждется на безусловном отрицании принуждения и рабства, а на праве свободного волеизъявления. Позитивная свобода, и вряд ли кто либо еще показывает лучше и убедительнее, чем это делает И. Берлин, опирается на формирование личности⁷².

Однако справедливости ради следует сказать, что выявленная дихотомия не была оригинальна для Средневековья, будучи рождена Античностью в форме концепта «положительной свободы», противопоставляемого накладываемым на человека обществом ограничениям⁷³. Рожденный тогда концепт противопоставлял свободу рабству. В средневековой Европе противопоставление «свободы» и «серважа» было положено в основание сословного деления общества, тем самым получившего теоретическое обоснова-

⁶⁹ Стефанова О.С. О концепте свобода... С. 133-134.

⁷⁰ Berlin I. Two Concepts of Liberty... P. 128 etc. = *Он же*. Два понимания свободы... С. 133 и далее.

⁷¹ *Ibid.*, P. 129-131. = *Там же*, С. 135-136.

⁷² Berlin I. Two Concepts of Liberty... P. 131-134 etc. = *Он же*. Два понимания свободы... С. 136-140 и далее.

⁷³ См.: Вежбицкая А. Семантические универсалии... С. 435-438.

ние его системы социальной дифференциации⁷⁴. Вполне успешно восприняв античное наследие, средневековая юридическая мысль объявляла устами легистов «свободу» природной дееспособностью человека⁷⁵. В средневековую эпоху античное, исходившее из естественно-правовых воззрений противопоставление «свободы» и «несвободы» превращается в расплывчатую, лишенную четких границ доктрину, отягощенную библейскими постулатами о равенстве всех людей перед Богом и их общественном неравенстве⁷⁶. В конечном счете заимствование античной по происхождению идеи дихотомии «свободы» и «рабства» образованными кругами средневекового общества оказывалось очевидным образом чересчур схематичным, чтобы доподлинно отражать его социальную структуру. Ее обуславливала система многочисленных переходных от зависимости к «свободе» градаций «полусвободы», в которых крестьяне видели прежде всего разного рода проявления привилегированного правового положения, выражаясь другими словами – его «улучшения»⁷⁷.

В этом свете безусловно показательна характеристика свободы, построенная на ее противопоставлении крепостной зависимости, которое последовательно проводил в своих трудах М. Блок. Он, в частности, объяснил, как в Средние века ушло в прошлое античное, по его словам, «расщепление», разделявшее свободного человека и раба, лишенного доступа к публичным институтам и, тем

⁷⁴ См.: Köhn R. Wahrnehmung und Bezeichnung von Leibeigenschaft... S. 307-308.

⁷⁵ См.: Schmagge L. Mobilität und Freiheit im Mittelalter // Die Abenländische Freiheit vom 10. zum 14. Jahrhundert: Der Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im Europäischen Vergleich / Hrsg. v. J. Fried. Sigmaringen, 1991. S. 309.

⁷⁶ Graus F. «Freiheit» als sociale Forderung. Die Bauernbewegungen im im Spätmittelalter // Die Abenländische Freiheit... S. 409-410 ff., 412-413 ff., 431.

⁷⁷ Köhn R. Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11. – 13. Jahrhundert) // Die Abendländische Freiheit... S. 384-385.

самым, поставленного вне общества⁷⁸. В рамках историко-правового направления наглядным примером тому может служить концепция сельской общины, которую предложил в свое время Т. Майер, обобщив результаты многолетних исследований своих сподвижников из «Констанцкого кружка по средневековой истории»⁷⁹. В ряду главных факторов подъема сельских общин в странах средневековой Западной Европы Т. Майер и его коллеги называли «власть» и «господство» («Herrschaft»), административные и судебные полномочия, а также права и привилегии, как и, соответственно, выдвинутые на передний план «свободу» или «несвободу» крестьянства⁸⁰.

Для средневекового крестьянина достижение статуса лично свободного человека означало ликвидацию сословного неполноправия⁸¹. Впрочем, даже получение хартий вольности не обеспечивало автоматического перехода от «несвободы» к «свободе»⁸². При этом зарубежные медиевисты склонны рассматривать дифференцированно

⁷⁸ См.: *Block M.* Mélanges historiques. Vol. I. Paris, 1963. P. 261-285, 286-355; *Idem.* La société féodale. Paris, 1968. P. 355-381, particulièrement 363.

⁷⁹ См. протоколы заседаний кружка «Констанцкого ряда» 1957–1958 гг. и, в частности, протокол № 76 научной сессии 30 сентября – 3 октября 1959 г. Соответственно см.: Theodor Mayer und der Konstanzer Arbeitskreis: Theodor Mayer zum 80. Geburtstag. Konstanz, 1963. S. 48-49; Theodor Mayer zum Gedenken. Sigmaringen, 1974. S. 43.

⁸⁰ См.: *Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen / Hrsg. v. Th. Mayer.* Konstanz; Stuttgart, 1964. Bd. 1. S. 7-9; Bd. 2. S. 465-495, bes. 465-466, 467-468 ff. Об интерпретации концепта «Herrschaft» в современной немецкой медиэвистике подробнее см.: *Goetz H.-W.* Moderne Mediävistik: Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung. Darmstadt, 1999. S. 174-175 ff., 193 ff. Также см.: GGB. 1982. Bd. 3. S. 1-102.

⁸¹ См.: *Гутнова Е.В.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI – XV вв.). М., 1984. С. 301, 307 и другие.

⁸² См.: *Reynolds S.* Government and Community in Western Europe. 900-1300. Oxford, 1984. P. 141.

личную и коллективную свободу. В первую очередь это касается письменных гарантий прав представителей господствующего класса, получавших корпоративную «свободу»⁸³. Точнее говоря – не «свободу», а «свободы», поскольку подразумевается предоставление суверенами юридических полномочий и податных привилегий, которые в Средневековье власть уступала сначала церкви, а затем городским коммуна⁸⁴. В определенных исторических условиях юридическо-правовые нормы устанавливаемой «свободы» становились заметным социокультурным стимулом урегулирования споров и взаимных претензий бюргеров и местных землевладельцев⁸⁵. Вместе с ними, согласно насаждаемой в западной науке формально-правовой концепции, освобождались и сельские общины, получавшие собственные «законы»⁸⁶. В этом смысле «свободы» указывали на самостоятельность и независимость определенных территорий и поземельных общин, привилегированность правового положения индивидов и групп, их освобождения от крепостной и личной зависимости. Контраст индивидуально-личных и коллективно-корпоративных «свобод» нивелировало их содержание, предполагавшее административные, юридические и политические полномочия, распространявшиеся в отношении индивидов и собственности⁸⁷. На таких научных позициях выстраивается концепция «крестьянской свободы», скажем, Х. Вундер. Фактическим ее критерием признана самостоятельность крестьянского хозяйства. Однако в качестве главной черты сельской общины высвечивается ее правовая и юридическая дееспособность наряду с судеб-

⁸³ См.: Ibid., P. 131.

⁸⁴ *Vergauteren F.* Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVe siècle // Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVe siècle: Colloque Intern. Spa, 5-8 IX 1966. Bruxelles, 1968. P. 13-14 etc.

⁸⁵ *Heilfurth G.* Das Rechtselement der «Freiheit» als Soziokulturelles Movens im Bergbau // Das Recht der kleinen Leute... S. 69-71 u. a.

⁸⁶ *Vergauteren F.* Les libertés urbaines et rurales... P. 24-25.

⁸⁷ *Köhn R.* Freiheit... S. 352-353 ff., 375 ff., 382-383 ff.

ной компетенцией органов общинного управления⁸⁸. В этом смысле Х. Вундер следовала своему именитому предшественнику – К. С. Бадеру, который, выстраивая свою общинную теорию, правда, практически избегает непосредственного обсуждения проблемы свободы как таковой за исключением, пожалуй, нескольких разрозненных сюжетов. Они, тем не менее, рисуют самобытную картину правоотношений жителей средневекового села. Так, вопрос о «свободе» затрагивается ввиду анализа характера феодального иммунитета крупного собственника и, в частности, «свобода» раскрывается как неотъемлемое полномочие в непосредственной связи с судебными правами, предоставленными представителям феодального аппарата управления, или проистекающими из иммунитета притязаниями феодала на «свободу» и сельский «мир» (Frieden)⁸⁹. В свою очередь концепт «соседской свободы» («nachbarliche Freiheit»), по мнению немецкого историка, включает в себе указание на обустройство внутренней территории села и получает объяснение в качестве метафоры «сельского мира» (Dorffrieds)⁹⁰. Принципиальные пояснения К. С. Бадера по поводу концепта «свободные общины» («Freie Dorfgemeinde»). Эпитет «свободная» в его приложении к общине выражал, по словам ученого, многообразные представления, опосредованные «освобождением» от поземельной и судебной зависимости, тогда как формы свободного мышления в Средневековье признаны относительными⁹¹. С указанной точки зрения отличие между «свободной» и «несвободной» сельской общиной представляются не более как доминирующей юридической конструкцией, которая не находит в материалах источников никакой опоры. И, вероятно, потому правовые формы «свободной» общины в ее историческом

⁸⁸ См.: Wunder H. Die bäuerliche Gemeinde... S. 44-45 ff.

⁸⁹ Bader K.S. Das Mittelalterliche Dorf als Frieden- und Rechtsbereich. Weimar, 1957. S. 168, 174-175, 211, 225 u. a.

⁹⁰ Bader K.S. Das Mittelalterliche Dorf... S. 89.

⁹¹ Bader K.S. Dorfgemeinschaft und Dorfgemeinde... S. 103-104.

развитии признаны всецело несущественными, несмотря на то, что по сути речь должна была бы идти о коммуналном движении, а не «действии и ограничении» («Geltung und Beengung»)⁹². Напрямую же с сельской общиной вопрос о «свободе» соотнесен как противопоставление ее «несвободе», точнее говоря – социально-правовой зависимости, при обсуждении внутренней структуры общинного села, социального устройства и прав землепользования односельчан, реализуемых в форме их солидарности (Genossenschaft)⁹³.

Как известно, советская медиэвистика рассматривала положение сельской общины согласно однозначной модели распространения феодальной зависимости крестьянства: с появлением вотчины, то есть с завершением процесса феодализации, по словам С. Д. Сказкина, община-марка из общины свободных крестьян превращалась в зависимую, чаще всего крепостную общину⁹⁴. Предполагалось, что «феодалы лишили общины их свободы», подчиняя «своей цели – производству и присвоению феодальной ренты». Ради того господа сохраняли хозяйственные распорядки, с одной стороны. С другой — объединение крестьян в общину, даже подчиненную в целом феодалу, облегчало им сопротивление «хищническим устремлениям» представителей господствующего класса. Поэтому нельзя представить себе средневековой феодальной деревни, как утверждает С. Д. Сказкин, вне общинной организации⁹⁵. В этом свете вполне оправданно видеть в сельской общине сословный институт, который складывается в период господства серважа и крепостничества. Указанной научной позиции отдают должное и многие зару-

⁹² Bader K.S. Dorfgenossenschaft und Dorfgemeinde... S. 323-324.

⁹³ Bader K.S. Dorfgenossenschaft und Dorfgemeinde. Köln; Graz, 1962. S. 269-270.

⁹⁴ Сказкин С.Д. Очерки по истории западно-европейского крестьянства в Средние века // Он же. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 78.

⁹⁵ Сказкин С.Д. Очерки... С. 262.

бежные специалисты, такие, как В. Рэзенер, заявивший о том, что крепостная зависимость без сомнения является главной чертой средневекового крестьянства, что служит отправным положением для дальнейших суждений названного ученого о данной проблеме⁹⁶. Правда, вопрос, собственно говоря, о сельской общине при этом отступает далеко на задний план, тогда как вперед выдвигаются различные аспекты крестьянско-поместных отношений, регулируемых при ее (общины) посредстве⁹⁷. Благодаря тому, без сомнения, отождествление современными историками средневековой общины с сословным институтом объясняет, как было продемонстрировано, ее идентификацию в качестве «крестьянской». Правда, указанная атрибуция сама по себе не раскрывает исконной социальной стратификации сельской общины. Как заявила Х. Вундер, «крестьянская община» никак не может быть техническим термином с точным определением, содержание которого, по мысли историка, наполняет сообразно «иммунитет» или «автономия». В рассматриваемом понятии должна сохраняться, выражаясь языком немецкой ученой, фактическая «возможность действия» («Wirkungsmöglichkeiten»), как и связность крестьянской семьи с местной общиной, хотя не всякая точка зрения, прибавляет Х. Вундер, подразумевая обозначение «крестьянская община», с равной обстоятельностью могла бы быть представлена⁹⁸. Не удовлетворившись перечислением ряда ведущих идей (Leitbegriffe) – «господство и товарищество», «свобода», «автономия», «самостоятельность», историк признает принципиальные стороны средневековой общины, если опустить детали, во-первых, в ее организующей силе; во-вторых, в солидарности; в-третьих, в отношениях между местной общиной и остальным обществом⁹⁹. С этих научных позиций «крестьянская

⁹⁶ Rösener W. Bauern im Mittelalter... S. 214 ff.

⁹⁷ См.: Rösener W. Bauern im Mittelalter... S. 47-48, 62-65, 87.

⁹⁸ См.: Wunder H. Die bäuerliche Gemeinde... S. 23-24.

⁹⁹ См.: Ibid., S. 24.

община» получала автономию и иммунитет в результате политической экспансии, хозяйственного и демографического роста на вновь колонизируемых землях в условиях укрепления там личной свободы крестьян¹⁰⁰. В конечном счете, однако, «крестьянская община», по словам Х. Вундер, не была никакой самостоятельной формой «крестьянской совместной жизни», а представляла противоположный полюс власти и поместью (буквально «господству» – «Herrschaft»), с которым общину разделало обширное пространство напряженных отношений¹⁰¹.

Конечно, до тех пор, пока центральной категорией картины мира средневекового крестьянина оставался его труд на земле, именно в нем он искал спасения души¹⁰². Крестьяне были убеждены в том, что именно труд делает их свободными¹⁰³. Но нужно помнить о том, что в средневековом обществе и свобода не исключала повиновения закону, обычаю, традиционным нормам поведения¹⁰⁴. Тому не противоречили также отношения зависимости¹⁰⁵. Некоторые обязанности, возлагаемые на сельских земельных собственников, они выполняли безотносительно того, были ли они свободны или зависимы, поэтому различия между свободными и несвободными селянами далеко не всегда бывали ясны¹⁰⁶. Поэтому юридическая пестрота крестьянской несвободы плохо поддается систематизации.

¹⁰⁰ См.: *Ibid.*, S. 58-61 ff.

¹⁰¹ См.: *Ibid.*, S. 78-79.

¹⁰² Гуревич А.Я. Крестьяне // ССК. С. 243.

¹⁰³ Там же, С. 244.

¹⁰⁴ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса... С. 199; *Он же*. Начало феодализма... С. 323.

¹⁰⁵ Ср.: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса... С. 201; *Он же*. Начало феодализма... С. 324; *Он же*. Категории средневековой культуры... С. 159; *Бессмертный Ю.Л.* Сеньория в системе феодальной эксплуатации крестьянства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2. С. 505-506.

¹⁰⁶ См.: *Reynolds S. Government and Community // New Cambridge Medieval History*. Cambridge, 2004. Vol. 4, Part 1. P. 115, 119 etc.

и¹⁰⁷. А разделение «свободных» и «несвободных» внутри крестьянского сообщества препятствовало его единству¹⁰⁸. Эту отчетливо видимую и воспринимаемую в Раннее Средневековье сторону крестьянского сословия, проистекавшую как следствие объединявшего земледельцев физического труда, постепенно уничтожают ведущие их по пути расслоения различия свободы и несвободы¹⁰⁹. Под прямым воздействием новых хозяйственных и социальных условий жизни различия между свободными и несвободными, полусвободными и закрепощенными группами сельского населения утрачивают свое прежнее значение. Вследствие их смешения они постепенно замещаются вновь формирующимися многочисленными категориями зависимых крестьян, правовой статус которых определяло личное подчинение собственнику земли¹¹⁰.

По этому поводу необходимо сказать, что в Средние века личная зависимость приобретает расчлененный характер. С одной стороны, продолжает сохраняться прямая производственно-бытовая зависимость друга от друга членов первичных социальных ячеек общества, таких как сельские общины. С другой – с течением веков нарождаются и начинают преобладать различные формы социально-политической зависимости, predeterminedенные усложнением сословно-корпоративной структуры общества. Они, конечно, обуславливаются характером господствующих в данную эпоху отношений собственности и служат выражением степени общественной интеграции человека, когда неизмеримо возросла роль подчинения непосредственных производителей обладателям сословно-политических привилегий¹¹¹. В указанных исторических условиях отягощенное узами личной зависимости крестьян-

¹⁰⁷ Дубровский И.В. Свобода и не свобода... С. 456.

¹⁰⁸ См.: Reynolds S. Government and Community... P. 112 etc.

¹⁰⁹ Ср.: Oexle O.G. «Die Statik... S. 52.

¹¹⁰ См.: Rösener W. Bauern im Mittelalter... S. 205-206.

¹¹¹ Ср.: Барулин В.С. Социально-философская антропология... С. 118-122 и далее.

яство понимало свободу как противоположность сеньориальному подчинению и связывало ее с ослаблением податного гнета, видело в свободе «жизнь по собственному праву»¹¹². Важнейшим признаком того считалась возможность для средневекового крестьянина менять своего господина, которую открывало отсутствие или упразднение зависимости лично-наследственного характера, что, как правило, складывается в результате длительного держания земельного участка¹¹³. Помимо того для представителей различных социальных групп средневекового общества неотъемлемой частью их свободы становилась возможность и право передвижения – их мобильности и миграции¹¹⁴. В конечном итоге выдвигаемое в ходе средневековых крестьянских движений требование «свобод» вопреки их конкретному содержанию, предопределявшему возникновение привилегированных групп, приобретало сугубо социальный характер, который означал ограничение равенства жителей в масштабах деревни. Тем не менее, лозунг, призывавший крестьян к достижению «свободы», на исходе Средневековья фактически, независимо от форм изъяснения, становился фактором формирования социального облика «деревенской общности» («Dorfgemeinschaften») ¹¹⁵.

Однако концепты «свободы» и «несвободы» первого периода Развитого Средневековья были менее просты и универсальны, как заявляет С. Рейнолдс, нежели то, во что они превращаются впоследствии¹¹⁶. В этом смысле несомненным познавательным потенциалом наделены суждения Х. Вундер, понявшей вопрос о взаимообусловленно-

¹¹² См.: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса... С. 192; *Он же*. Начало феодализма... С. 318.

¹¹³ Бессмертный Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII - XIII вв. М., 1969. С. 337.

¹¹⁴ Schmutge L. Mobilität und Freiheit im Mittelalter // Die Abenländische Freiheit... S. 307-324, besonders 308-310 ff.

¹¹⁵ Ср.: Graus F. «Freiheit» als sociale Forderung... S. 432-433.

¹¹⁶ Reynolds S. Government and Community... P. 141-142.

сти крестьянской свободы и крестьянской общины указанного времени. Благодаря скепсису в восприятии соотношения между названными общественными явлениями немецкая специалистка ставит под сомнение тот факт, что «крестьянская свобода» была предварительным условием «общинной свободы». Несмотря на очевидные региональные отличия «крестьянской свободы», община существовала повсюду. Одновременно правовой статус каждого отдельного крестьянина, находящегося в личной зависимости, не препятствовал образованию крестьянской общины¹¹⁷. С другой стороны, характеризуя «крестьянскую свободу» в Развитое Средневековье, Х. Вундер подчеркивает, что сельская община не просто контролировала хозяйственную и социальную организацию, но и отдельных ее членов¹¹⁸. Наблюдения историка немецкой общины над путями ее формирования во вновь колонизируемых областях показывают, что правовой статус поселенцев в качестве «свободного крестьянина» или просто «свободного», вовсе не обладал всеобъемлющей значимостью. «Общинная свобода» требовала прежде всего «натурализации» в виде суда низшей инстанции¹¹⁹. Более того, «общинная свобода» отнюдь не означала «личной свободы» членов общины. Она стояла над квалификацией правового положения отдельного человека¹²⁰. И потому, раскрывая правовое положение «свободного села», Х. Вундер ставит акцент на «свободном суде». Сам по себе он не формировал никакого местного союза, но служил для живущих в крестьянской общине «свободных», то есть в их особом правовом статусе, опорой их «свободы»¹²¹.

Описанные подходы к средневековому пониманию свободы, вероятно, вполне отвечают изложенным ранее суждениям И. Берлина. Согласно его концепции, в конеч-

¹¹⁷ Ср.: Wunder H. Die bäuerliche Gemeinde... S. 18 ff.

¹¹⁸ См.: *Ibid.*, S. 46.

¹¹⁹ См.: *Ibid.*, S. 61-62.

¹²⁰ См.: *Ibid.*, S. 72.

¹²¹ См.: *Ibid.*, S. 77.

ном итоге, независимо от степени выражения «негативной» или «позитивной» свободы, чаянья как отдельного человека, так и социальных групп предопределяло их устремление к общественному признанию. Его отсутствие всегда воспринималось как попрание свободы. Именно факторы такого рода, какова бы ни была их природа, вызывали к жизни требование признать искомый статус и желание бороться за него. В улучшении социального статуса люди видели свободу, даже если самое представление о ней становилось настолько туманным, что оно легко смешивалось с понятиями «статус», «солидарность», «братство», «равенство», за которыми в глазах каждого современного человека стоят представления о независимости¹²². Может быть, историческую эволюцию этих представлений, разделив полемический задор И. Берлина, утверждающего в своем толковании «свободы» демократический плюрализм мнений о выполнении морального долга, делающего человека свободным, уместно рассматривать как извечный конфликт между двумя пониманиями свободы?¹²³ Разве можно оспорить заявление философа о том, что подлинная свобода человека состоит в его самореализации и самоуправлении, что деятельность человека находит объяснение в хорошо осознаваемых им мотивах и целях, которые предопределяют согласно свободной воле собственный выбор индивида?!¹²⁴ Иначе говоря, самая свобода всегда выступала в качестве заветной цели человека – она давала ему возможность выбора, без которого нельзя оставаться человеком¹²⁵.

¹²² См.: *Berlin I. Two Concepts of Liberty...* P. 154-162. = *Он же. Два понимания свободы...* С. 164-173.

¹²³ См.: *Ibid.*, P. 162-163 etc. = *Он же. Два понимания свободы...* С. 178-179 и далее.

¹²⁴ См.: *Берлин И. «Не ведайте ни страха, ни надежды»...* С. 124 и далее, 126-127 и далее, 134 и далее, 140 и далее, 149-151 и далее.

¹²⁵ См.: *Берлин И. Стремление к идеалу // Он же. Философия свободы...* С. 18. = *Он же. Поиски идеала // Подлинная цель познания...* С. 15-17.

Правда, в целом для понимания социокультурной роли «свободы» в Средневековье необходимо еще раз напомнить о том, что тогда в качестве, по выражению Э. Фромма, первичных уз, связывавших человека с обществом, выступала принадлежность индивида церкви и словию¹²⁶. В соответствии с полной детерминированностью образа жизни и социального поведения средневекового человека общество отнюдь не лишало индивида его свободы, продолжает свои рассуждения названный философ и психолог. «Индивида» как такового еще не существовало, хотя он и обладал достаточными возможностями выражения своей личности в труде и эмоциональной сфере¹²⁷. И как следствие этого, и в средневековом праве, и в учениях церкви статус личности получал сугубо религиозную окраску – свобода трактовалась как исключительная прерогатива Творца, открывавшего перед человеком путь к спасению. Тем самым христианство, наделив человека божественным достоинством, подвигло его к свободному выбору своего жизненного пути и исполнению морального долга¹²⁸. Проповедуя смирение, церковь переносила идею свободы из социально-политического плана в спиритуальный и способствовала тем самым перестройке общественного сознания на новый лад¹²⁹. Божественный замысел воплощался в терминах божией и человеческой воли, то есть божественного детерминизма и свободы воли¹³⁰. Тем не менее, как и в других традиционных обществах, в Средневековье свобода продолжала покоиться на придании человеческой культуре «потустороннего», внеземного значения, воплощенного в мифологических и религиозных представ-

¹²⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 31.

¹²⁷ Там же, С. 44-45.

¹²⁸ Ср.: Гуревич А.Я. Начало феодализма... С. 319-320 и далее; *Он же*. Категории средневековой культуры... С. 159-161.

¹²⁹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвующего большинства // Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 283.

¹³⁰ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2006. Т. 2. С. 89, 96.

лениях людей. В этих условиях человек ощущал себя свободным лишь в той мере, в какой выступал выразителем верования и преданий, отвечавших традиционным для данной культуры образчикам религиозных воззрений общественных убеждений. Отступление от них воспринималось как раскол, ведущий изгоев к социальной отверженности¹³¹.

Таким образом, концепт «свобода» в приложении к Средневековью надлежит рассматривать в широком смысле слова с его пониманием в «негативном» и «позитивном» плане. Этот концепт оказывается вполне адекватным аналитическим средством воссоздания основных черт социокультурных явлений прошлого. Как показывает пример социокультурного концепта средневековой свободы, он обеспечивает допустимые пределы непосредственного сопоставления современных научных концепций и средневековых воззрений на «свободу». При всем разнообразии толкований названного понятия бесспорны принципиальные отличия понимания «свободы» в Средние века и в современности. В методологическом плане, очевидно, важна взаимосвязность концептов «свобода», «собственность», «власть» и других социально-политических характеристик социума. Одним из главных отличий восприятия «свободы» эпохи Средневековья несомненно являлось господствующая система религиозных взглядов. На их фоне концепции интеллектуалов новейшего времени, рассматривающих «свободу» как воплощение творческого начала человека, выглядят далеко не всегда допустимым вторжением современного ученого в «потусторонний» мир средневекового человека, где представления о «свободе» утрирует каждодневная рутина традиционного бытия.

Литература

Алексеев С.С. Философия права. М., 1999.

¹³¹ *Белик А.А., Резник Ю.М.* Социокультурная антропология: (историко-теоретическое введение). М., 1998. С. 170-171.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1928.

Балашов Л.Е. Практическая философия. М., 2001.

Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.

Барулин В.С. Социально-философская антропология: Общие начала социально-философской антропологии. М., 1994.

Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей: Человек в истории, 1994. М., 1994.

Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология: (историко-теоретическое введение). М., 1998.

Берлин И. Два понимания свободы // *Он же.* Философия свободы. М., 2001. С. 122-185.

Берлин И. Естественная ли наука история? // *Он же.* Философия свободы. М., 2001.

Берлин И. «Не ведайте ни страха, ни надежды» // Подлинная цель познания. М., 2002. С. 124-161.

Берлин И. Поиски идеала // Подлинная цель познания. М., 2002.

Берлин И. Понятие научной истории // Подлинная цель познания. М., 2002.

Берлин И. Разрыв между естественными и гуманитарными науками // Подлинная цель познания. М., 2002.

Берлин И. Стремление к идеалу // *Он же.* Философия свободы. М., 2001.

Бессмертный Ю.Л. Сеньория в системе феодальной эксплуатации крестьянства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2.

Бессмертный Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII - XIII вв. М., 1969.

Вин Ю.Я. Социокультурный концепт — выбор метода в историческом исследовании: теоретические аспекты когнитивной истории // Проблемы исторического познания. М., 2009. С. 124-142.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры М., 1984.

- Гуревич А.Я.* Крестьяне // Словарь средневековой культуры. М., 2007.
- Гуревич А.Я.* Начало феодализма в Европе // *Гуревич А.Я.* Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1.
- Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич А.Я.* Средневековый мир: Культура безмолствующего большинства // *Гуревич А.Я.* Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2.
- Гутнова Е.В.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI – XV вв.). М., 1984.
- Дубровский И.В.* Деревня // Словарь средневековой культуры. М., 2007.
- Дубровский И.В.* Свобода и не свобода // Словарь средневековой культуры. М., 2007.
- Елизарова Г.В.* Культурологическая лингвистика: Опыт исследования понятия в методических целях. СПб., 2000.
- Живов В.М.* История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка Раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живовова. М., 2009.
- Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание: (Методологические аспекты). Томск, 1973.
- Ивин А.А.* Философия истории. М., 2000.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996.
- Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996.
- Каган М.С.* Философская теория ценности. СПб., 1997.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006.
- Копосов Н.Е.* Как думают историки...
- Кошелев А.Д.* К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1991.
- Мамардашвили М.К.* Стрела познания: набросок естество-и исторической гносеологии. М., 1996.
- Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII в. М., 1956.

- Неусыхин А.И.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1.
- Петухов В.В.* Природа и культура // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1991. № 4.
- Петухов В.В.* Природа и культура // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1992. № 3.
- Плотникова А.М.* Когнитивная семантика. Екатеринбург, 2008.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2010.
- Розениток-Хюсси О.* Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2006. Т. 2.
- Семенова Н.В.* Базовые категории текста: когнитивный аспект представления подтекстовой информации. Уфа, 2008.
- Сказкин С.Д.* Очерки по истории западно-европейского крестьянства в Средние века // *Он же.* Избранные труды по истории. М., 1973.
- Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М., 1999.
- Сорокина Ю.В.* Введение в философию права. М., 2008.
- Стефанова О.С.* О концепте свобода // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста. Пятигорск, 2007.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990.
- Bader K.S.* Das Mittelalterliche Dorf als Frieden- und Rechtsbereich. Weimar, 1957.
- Bader K.S.* Dorfgemeinschaft und Dorfgemeinde. Köln; Graz, 1962.
- Berlin I.* Two Concepts of Liberty // *Idem.* Four Essays on Liberty. London; Oxford, 1969.
- Block M.* La société féodale. Paris, 1968.
- Block M.* Mélanges historiques. Vol. I. Paris, 1963.
- Brockhaus Enzyklopädie / 19. Aufl. Mannheim, 1987. Bd. 4.
- Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen / Hrsrg. v. Th. Mayer. Konstanz; Stuttgart, 1964.
- Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen / Hrsrg. v. P. Dinzelbacher. Stuttgart, 1993.

Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. v. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1972-1997. Bd. I-VIII.

Goetz H.-W. Moderne Mediävistik: Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung. Darmstadt, 1999.

Graus F. «Freiheit» als soziale Forderung. Die Bauernbewegungen im Spätmittelalter // Die Abenländische Freiheit vom 10. zum 14. Jahrhundert: Der Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im Europäischen Vergleich / Hrsg. v. J. Fried. Sigmaringen, 1991.

Heilfurth G. Das Rechtselement der «Freiheit» als Soziokulturelles Momen im Bergbau // Das Recht der kleinen Leute...

Köhn R. Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11. – 13. Jahrhundert) // Die Abenländische Freiheit vom 10. zum 14. Jahrhundert: Der Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im Europäischen Vergleich / Hrsg. v. J. Fried. Sigmaringen, 1991.

Köhn R. Wahrnehmung und Bezeichnung von Leibeigenschaft...

Oexle O.G. «Die Statik ist ein Grundzug des mittelalterlichen Bewußtsein»: Die Wahrnehmung sozialen Wandels im Denken des Mittelalters und das Problem ihrer Deutung // Sozialer Wandel im Mittelalter: Wahrnehmungsformen, Erklärungsmuster, Regelungsgemechanismen / Hrsg. v. J. Miethke, K. Schreiner. Sigmaringen, 1994.

Reynolds S. Government and Community in Western Europe. 900-1300. Oxford, 1984.

Reynolds S. Government and Community // New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2004. Vol. 4, Part 1.

Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe. 900-1300. Oxford, 1984.

Rösener W. Bauern im Mittelalter. München, 1986.

Schmagge L. Mobilität und Freiheit im Mittelalter // Die Abenländische Freiheit vom 10. zum 14. Jahrhundert: Der Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im Europäischen Vergleich / Hrsg. v. J. Fried. Sigmaringen, 1991.

Theodor Mayer und der Konstanzer Arbeitskreis: Theodor Mayer zum 80. Geburtstag. Konstanz, 1963.

Theodor Mayer zum Gedenken. Sigmaringen, 1974.

Vergauteren F. Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVE siècle // Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVE siècle: Coloque Intern. Spa, 5-8 IX 1966. Bruxelles, 1968.
Wunder H. Die bäuerliche Gemeinde.

Е.Д. Браун

**СОЗДАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ПРАВИТЕЛЕЙ В «НОВЫХ
ХРОНИКАХ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ»
РОБЕРТА ФАБИАНА**

Аннотация: Статья посвящена изучению политических взглядов Роберта Фабиана, автора «Новых хроник Англии и Франции». Исследовательница раскрывает основные качества, присущие идеальным королям и «дурным правителям» с точки зрения лондонского купца, для которого важнее всего были стабильность, мир и порядок в государстве.

Ключевые слова: Роберт Фабиан, идеальный правитель, Войны Роз, политические взгляды, лондонское купечество.

Об авторе: Браун Елена Давыдовна, кандидат исторических наук, доцент РГГУ. Москва, 125993, Миусская площадь, 6. braun-helen@yandex.ru

Elena Brown

**MAKING OF STEREOTYPES OF RULERS IN THE “NEW
CHRONICLE OF ENGLAND AND FRANCE”
BY ROBERT FABYAN**

Abstract: The paper studies the political views of Robert Fabian, author of "The New Chronicles of England and France." The researcher reveals the fundamental qualities of the ideal kings and "bad rulers" in terms of a London merchant, for whom the most important thing was the stability, peace and order in the state.

Key words: Robert Fabyan, ideal ruler, Wars of the Roses, political views, London merchants.

About the Author: Elena Brown, PhD in History, associate professor of the Russian State University of Humanities. Moscow, 125993, Miusskaya square, 6. braun-helen@yandex.ru

«Новые хроники Англии и Франции» Роберта Фабиана – один из самых известных исторических текстов начала XVI столетия. Эта хроника была создана около 1504 г. и сразу же стала удивительно популярной. Только в XVI в. сочинением Фабиана пользовались Томас Мор, Эдуард Холл, Роберт Холинshed и многие другие.

Вплоть до настоящего времени «Новые хроники» являются одним из основных источников по истории Войн Роз. Дело в данном случае не в качестве труда Фабиана, а в количестве исторических сочинений, повествующих об указанном конфликте. Исследователи, изучающие историю Войн Роз, находятся буквально на «голодном пайке», поэтому каждый нарратив, созданный современниками конфликта, ценится буквально на вес золота. Однако, постоянное привлечение хроники Фабиана в качестве исторического источника вовсе не означает, что упомянутый текст сколько-нибудь хорошо изучен. Как ни странно, самым фундаментальным исследованием на этот счет до сих пор остается статья Генри Эллиса, написанная еще в 1811 г.¹

Существование столь удивительного парадокса можно отчасти объяснить характером использования «Новых хроник». Несмотря на то, что времена Ланглуа и Сеньбоса давно отошли в прошлое, нарратив Фабиана продолжает оцениваться по классической позитивистской методике. Ценность «Новых хроник» фактически приравнивается к достоверности фактов политической истории Англии второй половины XV в., содержащихся в упомянутом тексте.

С этой точки зрения хроники Фабиана изучены более чем подробно. Давно установлено, что Роберт Фабиан иногда приукрашивал события, в частности целый ряд эпизодов Войн Роз был им существенно переработан. В качестве наиболее характерного примера можно указать на описание гибели принца Эдуарда Ланкастера в битве при Тьюксбери (1471). В соответствии с более ранними источниками, принц был убит в ходе сраже-

¹ *Ellis H.* Preface to the New chronicles of England and France // *Fabyan R.* The new chronicles of England and France /Ed. by H. Ellis. L.: Wilke and Robinson, 1811., P. i-xxi.

ния²; по версии Фабиана, наследник династии Ланкастеров был обезглавлен уже после окончания битвы по приказу Эдуарда IV Йорка³. Неудивительно, что нарратив Фабиана традиционно рассматривается как не самый достоверный исторический источник⁴.

Существует и еще один момент, отдаляющий исследователей от изучения сочинения Фабиана. Дело в том, что на рубеже XV – XVI вв. в Англии появилось целых три лондонских хроники – это хроника известная по названию манускрипта «Вителлиус...» (окончена около 1501 г.), хроника Фабиана, и, наконец, «Большая лондонская хроника» (завершена примерно в 1511 – 1512 гг.). Все три текста очень похожи, их авторы основывались, во-первых, на некоем, не дошедшем до нас, историческом сочинении и, во-вторых, пользовались материалами лондонских архивов.

Указанные хроники отличаются, главным образом, степенью подробности в изложении фактов⁵. В этом отношении нарратив Фабиана находится, если можно так выразиться, посередине. Вителлиус описывает события Войн Роз крайне сжато; в то же время, содержащиеся в этой хронике факты выдерживают самую строгую проверку. «Хроники Англии и Франции» - со-

² *Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum. Vol. 1. Oxford, 1684. P. 555; Chronicles of London / Ed. Ch. Kingsford. L., 1977. P. 184.*

³ *Fabyan R. The new chronicles of England and France /Ed. by H. Ellis. L.: Wilke and Robinson, 1811., P. 662. (Далее: Fabyan).*

⁴ *Hanham A. Richard III and his early historians, 1483-1535. L.: Clarendon Press, 1975. P. 110; Womersley D. Divinity and State. Oxford: Oxford Scholarship Online, 2010. P. 15-17; Carpenter Ch. The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, c.1437–1509. Cambridge: Cambridge univ. press, 1997. P. 65-68; Барз М.А. Шекспир и история. М.: Наука, 1979. С. 18.*

⁵ *Gransden A. Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century. L., 1996. P. 245-246; Hanham A. Ibid.*

чинение гораздо более пространное, но все «новые» подробности, отличающие повествование Фабиана от бесстрастного Вителлиуса, вызывают серьезные сомнения. «Большая лондонская хроника» сообщает множество мелких исторических деталей, но соответственно, уменьшается и степень ее достоверности. Таким образом, историки, в зависимости от собственных пристрастий, предпочитают ориентироваться либо на краткий, но безупречно правдивый Вителлиус, либо на куда более красноречивую «Большую лондонскую хронику».

Однако, при ближайшем рассмотрении, именно хроника Фабиана оказывается самой интересной из трех, ведь это единственный источник, авторство которого не вызывает ни малейших сомнений. О создателе Вителлиуса мы знаем только то, что он был лондонцем, простолюдином достаточно обеспеченным для того, чтобы на досуге придаться изучению истории. Относительно авторства «Большой лондонской хроники» существуют лишь неподтвержденные гипотезы. В частности, в 30-х гг. XX в. британский исследователь А. Томас предположил, что этот текст также вышел из-под пера Роберта Фабиана⁶. В настоящий момент мнения историков разделились, часть из них вслед за А. Хэнхем полагает, что Фабиан не имел к созданию «Большой хроники» никакого отношения⁷, другие соглашаются с аргументацией А. Томаса⁸.

Главный довод А. Томаса состоит в том, что автор «Большой хроники», называет себя членом гильдии купцов, торговавших мануфактурой, в которой состоял и Роберт Фабиан. Томас был убежден в том, что практически в одно и то же время в одной и той же гильдии не могло быть двух человек, имевших настолько схожие

⁶ *Thomas A.H.* Op. cit. P. lxiv.

⁷ *Wolf D.R.* Reading History in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 11-36; *Hanhm A.* Op. cit. P. 114-116.

⁸ *Gransden A.* Op. cit. P. 245-246.

увлечения. На наш взгляд, именно это предположение открывает новые перспективы для исследования. Мы знаем, что за 11 лет лондонцами было создано три похожих хроники, при этом двое из трех авторов принадлежали к одной купеческой гильдии, т.е. должны были хорошо знать друг друга. То, что эти двое были незнакомы с автором Вителлиуса крайне маловероятно. Возможно, в начале XVI в. в Лондоне существовал кружок интеллектуалов, занимавшихся изучением истории Англии. Проверка этой гипотезы требует углубленного изучения лондонских архивов. В настоящее время это всего лишь предположение автора статьи.

Итак, основное преимущество «Новых хроник Англии и Франции» перед двумя другими историческими текстами состоит в том, их автор, если можно так выразиться, величина известная. На поверку Роберт Фабиан (? – 1513) оказывается весьма любопытной личностью. Это был преуспевающий купец, торговавший мануфактурой, владелец девяти маноров в Эссексе, шериф (1493) и олдермен (с 1497 г.) По всей видимости, Фабиан не отличался излишним честолюбием. В 1502 г. он под предлогом бедности сложил с себя обязанности олдермена⁹. Скорее всего, Фабиан желал избежать сомнительной, с его точки зрения, чести стать мэром Лондона. Мотивы этого поступка до конца не ясны. Возможно, Роберт Фабиан действительно считал должность мэра разорительной, может быть, он опасался вмешиваться в политику в столь беспокойные годы, или просто хотел иметь больше времени для научных занятий.

Роберт Фабиан отличался завидной усидчивостью и прилежанием – он накопил немалое богатство, создал хронику в полторы тысячи страниц, перевел с латыни несколько поэм и сочинил десятки стихов. Даже свою последнюю волю автор «Новых хроник» изложил с ред-

⁹ *Ellis H.* Op. cit. P. ii.

кой основательностью. Его завещание длиной более чем в 6 000 слов содержит, в том числе, детальнейшие указания относительно его собственных похорон. Фабиан считал необходимым оговорить количество и цену кусков мяса на поминках, число тарелок и вилок, плату священникам, критерии отбора плакальщиков и многое, многое другое¹⁰. К семейной жизни Фабиан относился не менее серьезно – он был женат всего один раз, но произвел на свет 16 детей.

Вышедшие из под пера Фабиана «Новые хроники Англии и Франции» представляют собой довольно интересный образец исторической мысли. Свое сочинение Фабиан построил на солидном фундаменте французских и латинских текстов¹¹. Автор «Новых хроник» цитирует Гомера, Вергилия, Цезаря, Тацита, Святых Августина и Иеронима, Павла Диакона, Григория Турского, Беду Достопочтенного, Годфрида Монмутского, Винсента из Бове, Фруассара, Кэкстона и др.

В лучших традиция средневековой хронистики Фабиан начинает свое повествование от Адама и добирается до норманнского завоевания лишь в седьмой части. «Новые хроники Англии и Франции» делятся на два тома. Это разделение красноречиво свидетельствует об авторской позиции Фабиана. Второй том Роберт Фабиан начинает с правления Ричарда Львиное Сердце, он подчеркивает, что только с этого времени появляется возможность поведать о «настоящей истории».

Под «настоящей историей» Фабиан подразумевает, в первую очередь, историю Лондона, основанной на документах городских архивов. В начале второго тома «Хроник» их автор считает своим долгом перечислить

¹⁰ *Fabyan R. The Will // Fabyan R. The new chronicles of England and France /Ed. by H. Ellis. – L.: Wilke and Robinson, 1811. P. iii-xiii.*

¹¹ *Payne M.T. Robert Fabyan and the Nuremberg Chronicle // Library 2011 Volume 12, Issue 2. Oxford, 2011. P. 164-169.*

имена всех лондонских мэров, шерифов и олдерменов; в стихах прославить свободы лондонцев, рассказать о всех городских районах и о каждом из лондонских храмов. Само повествование в английской части «Новых хроник» выстроено по периодам правления лондонских мэров («mayers year»). Рассказы о войнах, судебных процессах, эпидемиях и т.п. неизменно прерываются известным клише – «и все это продолжалось до конца этого года правления мэра». Затем следует обязательное указание на то, кто стал следующим мэром, а кто олдерменами. Повествование об общенациональных событиях традиционно возобновляется словами «... и эта война / эпидемия / распря продолжилась также в год правления мэра X».

Фабиан описал историю Англии и Франции глазами преуспевающего торговца, горячего патриота Лондона. Эта очевидная пристрастность дает возможность использовать «Новые хроники» для реконструкции политических идей данной социальной группы. Следует подчеркнуть, что исследователи, занимающиеся историей политических концепций, как правило, опираются на совершенно другие виды источников (политические трактаты, парламентские документы и, письма монархов и т.п.).

Разумеется, в «Новых хрониках Англии и Франции» политические идеи присутствуют, так сказать, в скрытой форме. Не случайно долгое время хронике Фабиана считали «не более чем совокупностью хронологических записей»¹². Взгляды Фабиана на то, каким должен быть идеальный правитель, что такое тирания, каковы обязанности государя по отношению к своим подданным, можно выявить лишь после тщательного анализа. Однако, именно это обстоятельство позволяет наде-

¹² *Kingsford Ch.* Preface to 1905 edition of the *Chronicles of London* // *Chronicles of London*. Oxford: Clarendon Press, 1905. P. xxxii-xxxiii

яться, что полученный таким путем материал будет в чем-то более объективен, чем свидетельства, почерпнутые из политических трактатов, памфлетов и других «открытых» источников.

Итак, попытаемся проанализировать политические воззрения Роберта Фабиана. В данном случае наша задача существенно облегчается тем, что история для Фабиана – это, в первую очередь, история королей. В прологе к «Новым хроникам» подчеркивается, что основной целью их автора было «описать... королей и принцев, которые прежде правили... расположить их в должном порядке... рассказать... как долго они царствовали и насколько успешно»¹³.

К заявленной цели Фабиан, подобно огромному большинству хронистов, движется путем довольно сухого изложения политических событий. Оценочные характеристики в «Новых хрониках» встречаются не часто, за одним исключением – рассказ о правлении каждого сколько-нибудь примечательного монарха Роберт Фабиан неизменно завершает неким подобием краткой характеристики. Это могут быть латинские стихи, достаточно вольно переведенные на английский, собственные вирши Фабиана, или пара абзацев в прозе.

Анализ указанных фрагментов, а также сравнительно редких оценочных суждений, встречающихся в рассказах о политических событиях, позволил условно разделить описанных Фабианом монархов на четыре группы. Это идеальные короли; правители, совершавшие и хорошие, и дурные поступки; тираны; и, наконец, те, кого можно назвать «незначительными королями» т.е. те, кого хронист по тем или иным соображениям никак не оценивает. В упрощенном виде результаты данного анализа изложены в Таблице 1.

¹³ *Fabyan. P. 2.*

Итоговая картина выглядит весьма любопытно. В количественном отношении число королей первых трех категорий почти совпадает – семь идеальных монархов; девять правителей, в деятельности которых Фабиан видел и плохое, и хорошее; шесть тиранов. При этом почти все короли, правившие Англией до Норманнского завоевания, а также значительная часть французских монархов не удостоиваются отдельных характеристик. На первый взгляд, Фабиан кажется не более чем беспристрастным наблюдателем, констатировавшим, что в истории Англии и Франции хорошего и дурного было примерно поровну, но в основном преобладала серость – большинство правителей не вызывают у хрониста почти никаких эмоций. Однако, в этом случае, как и во многих других, банальные подсчеты почти ничего не дают. При ближайшем рассмотрении картина разительно меняется.

Категория идеальных монархов по составу участников, пожалуй, наименее интересна. Это король Артур, Ричард Львиное Сердце, Эдуард I Длинноногий, Эдуард III, Генрих V, Людовик Святой, и, наконец, Генрих VII Тюдор. То, что Фабиан описывает этих правителей в безупречно восторженных выражениях, вполне естественно. В средневековой историографии крайне сложно найти неидеализированное описание короля Артура, Ричарда Львиное Сердце или Людовика Святого. Практически все хроники эпохи Столетней Войны дают более чем хвалебную характеристику королям-завоевателям – Эдуарду I, Эдуарду III и Генриху V¹⁴.

Из сплоченной когорты прославленных героев и святых разительно выделяется только один персонаж – Генрих VII. Фабиан буквально рассыпается в комплиментах в адрес основателя династии Тюдоров. Генрих VII

¹⁴ *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. – М.: Квадрига, 2010. С. 50-58.

именуется «доблестным», «прекрасным», «благородным», «превосходным» королем, подарившим своим подданным «мир и спокойствие... справедливость», он якобы был окружен горячей народной любовью, «все христианские государи, наслышанные о его доброй славе, стремились... заключить с ним союз»¹⁵. Очевидно, что эти дифирамбы несколько преувеличены и вряд ли полностью отражают взгляды хрониста. Фабиан должен был восхвалять царствующего монарха хотя бы потому, что Генрих VII, как любой узурпатор, исключительно трепетно относился к собственной репутации. Автор «Новых хроник» довольно откровенно выразил свое мнение о степени творческой свободы, допустимой по отношению к правящему монарху. Он писал: «Очень важно правдиво описывать деяния королей... но только когда король уже умер и ушел в мир иной, люди могут говорить без страха о том, что они ранее боялись открыть»¹⁶.

Необходимо подчеркнуть, оценочные характеристики «добрых королей» (*good kings*) в хронике Фабиана достаточно стереотипны – все монархи, за вычетом уже упоминавшегося Генриха VII, обладают почти одинаковым набором качеств. Практически каждая характеристика начинается с восхваления воинской доблести, причем подчеркивается, что все эти короли не только обладали талантом полководца, но и проявляли личную доблесть на поле брани¹⁷.

Не менее важным качеством идеального монарха, с точки зрения Фабиана, было благочестие. Данное понятие должно было включать в себя три характеристики – во-первых, личное благочестие короля, т.е. молитвы, соблюдение постов и т.п. Во-вторых, то, что можно условно назвать внешним благочестием – основание мо-

¹⁵ *Fabyan*. P. 678.

¹⁶ *Ibid*. P. 281.

¹⁷ *Калмыкова Е.В.* Указ. соч. С. 64-67.

настырей, паломничества и, конечно же, отсутствие конфликтов с церковными властями. В-третьих, это благочестивая, истинно христианская кончина. В «Новых хрониках» смерть идеального монарха неизменно напоминает хорошо организованный нравоучительный спектакль. Каждый из «добрых королей» перед кончиной собирает придворных, которые играют роль своеобразной скорбящей массовки. Далее монарх либо наставляет своего преемника или будущего регента в деле управления государством, либо милосердно прощает своих врагов. Так, смертельно раненый Ричард Львиное Сердце якобы велел призвать к себе того, кто выпустил роковую стрелу. Узнав, что его убийца мстил за своих родных, Ричард простил его и приказал «отпустить с миром»¹⁸.

По мнению Фабиана, каждый идеальный монарх также должен был поддерживать мир и порядок в королевстве, сохранять справедливые законы. Личные качества правителей, восхваляемые в «Новых хрониках», еще раз подтверждают существование указанной триады. Фабиан неизменно описывает «добрых королей» как людей благородных, храбрых, благочестивых, мудрых и справедливых.

Очевидно, что в данном случае политические воззрения Фабиана практически не отличаются от взглядов огромного большинства его современников. Хрестоматийная триада королевских добродетелей воспроизведена в «Новых хрониках» без каких бы то ни было отступлений.

Гораздо больше материала для анализа дают описания монархов, в деятельности которых Фабиан видел и положительные, и отрицательные стороны. Это все «норманнские» короли, Генрих II, Эдуард II, Ричард II, Эдуард IV, Генрих VI и единственный в этой категории французский король – Людовик XI. Попробуем разо-

¹⁸ *Fabyan*. P. 309-310.

браться, что в личности и в правлении указанных монархов Фабиан одобряет, а что отвергает.

Наиболее очевиден случай так называемых «норманнских королей». Еще в начале Столетней войны французское происхождение существенно повредило популярности Вильгельма Завоевателя и его прямых потомков¹⁹. К началу XVI в. ситуация ничуть не изменилась, на поверку Фабиан оказывается ярким англосаксонистом. Он подчеркивает, что «норманнская кровь» перестала течь в жилах английских королей после смерти Генриха I, если не раньше, так как все потомки Вильгельма Завоевателя вступали в брак с англичанками²⁰. Забавно, но в данном случае память Роберта Фабиана оказывается удивительно избирательной. Он успешно «забывает» о том, что основатель династии Плантагенетов Генрих II был наполовину французом. По мнению Фабиана, именно Генрих II «вернул саксонскую кровь на трон Англии», ибо по матери он был истинным англосаксов²¹. Причина этой ментальной эквилибристики вполне понятна – несмотря на целую серию узурпаций, английские короли XV – XVI вв. осмысливали себя и как потомки Генриха Плантагенета, и как истинные англичане.

Если говорить о конкретных положительных и отрицательных качествах «норманнских королей», то Фабиан отмечает, что Вильгельм Завоеватель был блестящим полководцем, искусно владел оружием, отличался храбростью и благочестием. К числу его славнейших деяний Вильгельма автор «Новых хроник» относит дарование лондонцам первой хартии.

В то же время, основатель норманнской династии не вписывается в стереотип мудрого правителя, т.к. он не сохранил «старые добрые законы», более того «он создал

¹⁹ *Калмыкова Е.В.* Указ. соч. С. 49-50.

²⁰ *Fabyan.* P. 269.

²¹ *Ibid.*

новые королевские леса в графстве Саутгемптон... приказал разрушить несколько церквей на расстоянии 30 миль, чтобы наполнились они [эти места] дикими зверями, а также установил жестокие и тяжелые законы, чтобы они [животные] множились»²². Наконец, Фабиан подчеркивал, что Вильгельм I «унижал англичан, так что в его время не было почти ни одного англичанина, который занимал бы хоть какую-то должность»²³.

Характеристики Вильгельма Рыжего и Генриха I довольно похожи. Фабиан отмечал их верность слову и полководческие таланты, но осуждал за жестокость и распутство²⁴.

Было бы логично, если бы Генрих II, при котором, по выражению Фабиана, на английский трон «вернулась саксонская кровь», попал в разряд «добрых королей». Автор «Новых хроник» действительно отмечает целый ряд достоинств этого монарха – храбрость, полководческие таланты, «расширение пределов королевства», красноречие и образованность. Однако, все эти положительные черты почти полностью дезавуировались конфликтом с церковью. Фабиан подчеркивает, что после убийства Томаса Бекета Генрих II «правил в печали и горестях»²⁵. Правление «в печали и горестях», как мы позже увидим, в «Новых хрониках» является тем безошибочным критерием, по которому можно отличить тирана. По-видимому, как и многие его современники, Фабиан расценивал конфликт с церковью как тяжчайший грех, совершив который, король лишается любви и поддержки подданных. По мнению автора «Новых хроник», на счету Генриха II совершил ряд менее тяжелых проступков – он поощрял вражду сыновей, чтобы сохранить власть, был «нетверд в обещания», и, наконец, «привечал иноземцев».

²² Ibid. P. 247.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 253, 260.

²⁵ Ibid. P. 272.

Один из наиболее одиозных английских королей - Эдуард II – теоретически должен был бы оказаться среди тиранов. Фабиан сообщает, что этот монарх был непостоянен, «пренебрегал обществом лордов и всех честных людей», зато окружал себя фаворитами, он не занимался делами государства, пьянствовал и неумеренно предавался плотским утехам. Однако, по мнению Роберта Фабиана все эти грехи были искуплены тем, что король перед смертью раскаялся и принял мученическую кончину²⁶.

Столь же непопулярный, как и Эдуард, Ричард II также описывается как исключительно неудачный правитель (он отстранял от себя достойных людей и приближал низкороджденных, раздавал имущество короны, уделял мало времени государственным делам, был непостоянен, наконец, инспирировал гражданскую войну)²⁷. Но, как и в случае с Эдуардом II, то обстоятельство, что Ричард стал жертвой узурпации, почти полностью обеляет его в глазах Фабиана.

Это суждение автора «Новых хроник» заслуживает более детального рассмотрения. Фабиан утверждает, что Ричард II был «благородным принцем, который, к сожалению, поддался дурным советам». Между тем, в начале XVI в. сколько-нибудь положительно отзываться об этом монархе было, мягко скажем, недальновидно. Генрих VII стремился всячески подчеркнуть свое родство с династией Ланкастеров, поэтому узурпация 1399 г. неизменно осмысливалась как счастливое избавление Англии от тирании. В частности, именно так она характеризуется в сочинении, написанном по заказу Генриха VII – «Истории Англии» Полидора Вергилия²⁸. Вероятно, в данном

²⁶ Ibid. P. 417.

²⁷ Ibid. P. 543.

²⁸ *Polydore Vergil Anglica Historia* (1555 version). /Ed. D.J. Sutton. Irvine, 2005. Liber XX, 28. Режим доступа: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/contents.html>.

случае дело было в резко отрицательном отношении Фабиана к государственным переворотам. Более подробно мы остановимся на этом вопросе чуть ниже.

Еще один пункт, в котором Роберт Фабиан резко расходится с придворной английской историографией – это оценка правления Генриха VI Ланкастера. После прихода к власти Тюдоров этого короля попытались полностью реабилитировать, более того в Рим было подано прошение о причислении Генриха VI к лику святых. Официальный взгляд на правление Генриха VI был зафиксирован в некоем подобии жития, созданном Джоном Блэкменом в самом начале XVI в.²⁹ В нем последний король из династии Ланкастеров описан как миротворец, человек исключительного благочестия, неизмеримой доброты, украшенный почти что всеми мыслимыми добродетелями, за исключением разве что воинских.

В «Новых хрониках» образ Генриха VI обрисован гораздо менее благосклонно. Фабиан обвиняет Генриха VI в клятвопреступлении – тот якобы нарушил клятву жениться на дочери герцога Арманьяка и вступил в негодный Богу брак с Маргаритой Анжуйской. В «Хрониках Англии и Франции» Генрих VI описан как правитель благочестивый, но слабый; он передал всю власть жене и допустил, чтобы королева развязала гражданскую войну³⁰. То, что Фабиан был весьма далек от восхваления Генриха VI, подтверждается также отсутствием связной характеристики этого монарха. На наш взгляд, это не что иное как сознательное умолчание. По-видимому, Фабиан решил не подводить итогов царствования Генриха VI для того, чтобы не писать о нем плохо, то есть, чтобы не слишком выделяться из общего хвалебного хора.

²⁹ *Blackman J.* Henry the Sixth. A reprint of Joth Blackman's memoir with translation and notes by M.R. James. Cambridge: The University Press, 1919.

³⁰ *Fabyan.* P. 618.

Столь же мало согласуется с позицией официальной тюдоровской историографии мнение Фабиана об Эдуарде IV. В правление Генриха VII придворные историки описывали Эдуарда Йорка как узурпатора и клятвopепреступника, который к концу жизни превратился в настоящего тирана³¹. Фабиан дает принципиально иную картину – его Эдуард IV почти полностью соответствует образу идеального монарха – он красив, силен телом, храбр и доблестен, он легко победил французов и обложил их данью. Даже в том, что Эдуард IV узурпировал трон, Фабиан не видит ничего непоправимого. В пику тюдоровской пропаганде, автор «Новых хроник» подчеркивает, что династические притязания Йорков были вполне законны³².

Стоит отметить, что в данном случае, как и во всех остальных, Фабиан оценивает события Войн Роз с точки зрения коренного жителя Лондона. Известно, что Эдуард IV был необычайно популярен в столице, в частности, во время противостояния Йорков и Ланкастеров лондонцы дважды открывали перед ним ворота столицы; более того, именно жители Лондона в 1461 г. попросили Эдуарда IV принять корону. Не случайно, рассказывая о реставрации Эдуарда в 1471 г., Фабиан отмечает, что тот вернул себе трон не после битвы при Тьюксбери, а в тот момент, когда войска Йорков вошли в столицу³³. Одним из главных достоинств Эдуарда IV с точки зрения Фабиана было то, что этот правитель «привечал лондонцев», а единственным недостатком – печально знаменитые беневоленции³⁴.

В разряд королей, совершавших как хорошие, так и дурные поступки, попадает также один французский монарх – Людовик XI. Необходимо подчеркнуть, что

³¹ *Polydore Vergil* Anglica Historia. Liber XXIV, 26.

³² *Fabyan*. P. 661.

³³ *Ibid*. P. 661.

³⁴ *Ibid*. P. 664.

сочинение Фабиана может быть названо «Хроникой Франции и Англии» лишь условно – львиная доля внимания уделяется тому, что происходит на Британских островах. Правление Людовика XI довольно подробно описано прежде всего потому, что он был почти современником Фабиана. Портрет Людовика XI, нарисованный в «Новых хрониках» не слишком благосклонен – этот король якобы захватил власть против воли своего отца, который хотел передать престол младшему сыну, он «отказался от общества лордов, возвышал злодеев и низкородных»³⁵, и, что самое страшное, вмешивался в управление Парижем и притеснял горожан за то, что те неохотно давали ему займы³⁶. Единственным достоинством Людовика XI в «Хрониках Англии и Франции» оказывается благочестие.

Анализ оценок, которые Фабиан дает королям по тем или иным причинам не вписывающимся в стереотип идеального монарха, позволяет усомниться в правильности описанной выше иерархии королевских добродетелей. Роберт Фабиан чаще всего критикует королей за то, что те оказались плохими правителями – вводили новые несправедливые законы, не сохраняли мир и порядок в королевстве, притесняли подданных поборами и т.п. Фабиан, безусловно, восхищался королями-рыцарями и королями-завоевателями, но считал ли он воинскую доблесть главным достоинством «доброго короля»? Оценка правления Генриха II показывает, что это не так – и благочестие, и управленческие качества на деле оказывались более значимыми.

Внести ясность в создавшуюся ситуацию поможет анализ качеств, которые Фабиан считал абсолютно недопустимыми для любого правителя. В «Новых хрониках Англии и Франции» исключительно негативно описыва-

³⁵ Ibid. P. 644.

³⁶ Ibid. P. 665.

ются шесть монархов – Стефан, Иоанн Безземельный, Ричард III, Филипп V Длинный, Филипп VI Валуа и Карл VII. Безошибочным индикатором, по которому можно узнать тирана на страницах «Новых хроник» является уже упоминавшееся выше словестное клише – «он правил в горе / досаде / тревоге / печали / окруженный всеобщей ненавистью». Эта смысловая конструкция фиксирует отсутствие гармонии между королем и его подданными – в результате каких-то действий монарха нормальное функционирование общественного тела нарушается, и тиран оказывается в некоем духовном вакууме.

Итак, что же может отвратить подданных от их законного властелина? В четырех из шести описанных Фабианом случаев это узурпация престола. Степень обоснованности обвинений в государственном перевороте данном случае не важна. Очевидно, что те же Филипп VI и Карл VII Валуа были узурпаторами исключительно с точки зрения англичан. Главное, что для Фабиана сам факт захвата власти является достаточным основанием для того, чтобы причислить нового монарха к тиранам.

В этом вопросе имеет смысл разобраться более подробно. Автор «Новых хроник» действительно категорически осуждает узурпации и узурпаторов... за исключением двух случаев. Речь идет об основателе династии Ланкастеров Генрихе IV и основателе династии Йорков Эдуарде IV. Было бы соблазнительно отнести положительную характеристику Эдуарда IV на счет его популярности среди лондонцев. Отсутствие критики Генриха IV также можно объяснить политическими мотивами – в правление Тюдоров критиковать основателя дома Ланкастеров было откровенно небезопасно. Тем не менее, на наш взгляд, дело в другом. Фабиан отмечает, что и Генрих IV, и Эдуард IV пришли к власти «при поддержке лордов и общин королевства»³⁷. Именно поэтому их дей-

³⁷ Ibid. P. 577, 666-667.

ствия оцениваются хронистом как допустимые. Насильственная смена правителя никогда не вызывает одобрения Фабиана, но она может быть отчасти оправдана, если производится с одобрения народа. О том, что автор «Новых хроник» крайне отрицательно относился к государственным переворотам, красноречиво свидетельствует следующий факт – Фабиан воздерживается от безоговорочного осуждения даже самых одиозных монархов, если они стали жертвами узурпации.

Помимо узурпации, веским основанием для причисления короля к тиранам является конфликт с церковью. В «Новых хрониках» за это осуждается, в частности, Иоанн Безземельный. Фабиан отмечает, что этот король был одним из «величайших грешников» в истории³⁸. Разумеется, «на счету» Иоанна Безземельного не только несогласие с Папой, но и конфликт с «лордами и общинами... нарушение мира и спокойствия»³⁹.

Безусловно, самым удивительным персонажем в категории тиранов является Филипп V Длинный. Короткое царствование этого монарха (1316 – 1322) было небогато событиями, и, на первый взгляд, не дает веских оснований для обвинения его в дурном правлении. С точки зрения Фабиана ситуация выглядит иначе – он отмечает, что все французы ненавидели короля Филиппа, более того болезнь, унесшая жизнь короля «пала на него из-за молитв всего народа»⁴⁰. Собственно, Филипп V провинился только одним – он существенно повысил налоги.

Таким образом, с точки зрения Фабиана, «добрый король» должен получить власть только законным путем, он ни в коем случае не должен ссориться с церковью, нарушать мир и порядок в королевстве или угнетать подданных налогами. Любопытно, что двое из «дурных ко-

³⁸ Ibid. P. 320.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. P. 434.

ролей» – Стефан и Ричард III – описываются в «Новых хрониках» как доблестные воины⁴¹, однако в глазах Фабиана полководческие таланты и личные подвиги на поле брани никоим образом не обеляют их в глазах потомков.

Проведенный анализ позволяет говорить о наличии у Фабиана оригинальной политической концепции и собственных взглядов на историю Англии. Несмотря на то, что «Новые хроники Англии и Франции» традиционно считаются одним из примеров трансформации истории в интересах династии Тюдоров⁴², это утверждение верно лишь в отношении царствования Ричарда III. Последний из Йорков действительно изображается в «Хрониках» именно таким, каким его хотела видеть тюдоровская пропаганда – узурпатором, тираном и убийцей племянников⁴³. В остальном Фабиан оказывается достаточно независимым в оценках. Он осуждает узурпацию Генриха IV, критикует Генриха VI за безволие и неспособность предотвратить гражданскую войну, утверждает, что Йорки имели законное право на престол, наконец, с очевидной симпатией описывает правление Эдуарда IV.

Образ идеального монарха, созданный на страницах «Новых хроник», несколько отличается от традиционного для XV в. клише. Качеством, по которому можно безошибочно узнать «доброе короля», является не благочестие и не воинская доблесть. Успешные войны, рыцарские подвиги, паломничества и основание монастырей не могут соперничать с тем, что действительно важно. Монарх должен, прежде всего, заботиться о процветании своих подданных – не нарушать «старые добрые законы»

⁴¹ Ibid. P. 264, 672.

⁴² *Kingsford Ch. English Historical Literature in the Fifteenth Century*. Oxford: Oxford Historical Literature, 1913. P. 101; *Hanham A. Op. cit.* P. 110.

⁴³ *Fabyan. P. 673.*

и не вводить новых, ни в коем случае не повышать налоги (одного этого достаточно, чтобы превратить «доброего правителя» в тирана), не брать займы у городов. Идеальный король обязан поддерживать мир и порядок в королевстве и не допускать конфликтов. Ему также следует покровительствовать англичанам (разумеется, в первую очередь лондонцам) и не приближать к себе иностранцев.

Фабиан категорически осуждает тиранов, но, по его мнению, у подданных все же нет права на восстание. Свержение «дурного правителя» можно отчасти оправдать, если оно произошло при поддержке «лордов и общин», но даже такой переворот является несмыслаемым пятном на репутации нового монарха.

Как и следовало ожидать, перед нами политический идеал горожанина, в меру благочестивого и, в сущности, равнодушного к завоевательным походам. По-видимому, на заре Нового времени лондонцы продолжали мыслить средневековыми категориями – правитель нужен для того, чтобы охранять границы государства, поддерживать внутренний мир и порядок. Реформы и прочие инициативы совершенно излишни – «доброму королю» следует жить за свой счет и не вмешиваться в дела подданных.

Литература

Blacman J. Henry the Sixth. A reprint of Joth Blackman's memoir with translation and notes by M.R. James. Cambridge: The University Press, 1919.

Fabyan R. The new chronicles of England and France /Ed. by H. Ellis. L.: Wilke and Robinson, 1811.

Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum. Vol. 1. Oxford, 1684. P. 555; *Chronicles of London / Ed. Ch. Kingsford.* L., 1977.

Polydore Vergil Anglica Historia (1555 version). /Ed. D.J. Sutton. Irvine, 2005. Liber XX, 28. Режим доступа: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/contents.html>.

- Carpenter Ch.* The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, c.1437–1509. Cambridge: Cambridge univ. press, 1997.
- Ellis H.* Preface to the New chronicles of England and France // Fabyan R. The new chronicles of England and France /Ed. by H. Ellis. L.: Wilke and Robinson, 1811. P. i-xxi.
- Gransden A.* Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century. L., 1996.
- Hanham A.* Richard III and his early historians, 1483-1535. L.: Clarendon Press, 1975.
- Kingsford Ch.* Preface to 1905 edition of the Chronicles of London // Chronicles of London. Oxford: Clarendon Press, 1905. P. i-xlviii.
- Kingsford Ch.* English Historical Literature in the Fifteenth Century. Oxford: Oxford Historical Literature, 1913.
- Payne M.T.* Robert Fabyan and the Nuremberg Chronicle // Library 2011 Volume 12, Issue 2. Oxford, 2011. P. 164-169.
- Wolf D.R.* Reading History in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Womersley D.* Divinity and State. Oxford: Oxford Scholarship Online, 2010.
- Барг М.А.* Шекспир и история. М.: Наука, 1979.
- Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010.

Идеальные короли	Монархи, в правлении которых сочеталось и плохое, и хорошее	Осуждаемые короли	«Незначительные короли»
<p>АНГЛИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Король Артур • Ричард Львиное Сердце • Эдуард I Длинноногий • Эдуард III • Генрих V (Наиболее восторженная характеристика). • Генрих VII Тюдор 	<p>АНГЛИЯ</p> <p>Все норманнские короли</p> <ul style="list-style-type: none"> • Вильгельм Завоеватель • Вильгельм Рыжий • Генрих I • Генрих II • Эдуард II • Ричард II • Эдуард IV • Генрих VI 	<p>АНГЛИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Стефан (узурпатор) • Иоанн Безземельный • Ричард III Йорк (Самая негативная характеристика) 	<p>АНГЛИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Огромное большинство ранних монархов, которые никак не характеризуются. • Генрих III • Эдуард V • Генрих IV
<p>ФРАНЦИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Людовик Святой 	<p>ФРАНЦИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Людовик XI 	<p>ФРАНЦИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Филипп V Длинный • Филипп VI Валуа (узурпатор) • Карл VII (узурпатор) 	<p>ФРАНЦИЯ</p> <p>Почти все французские монархи (на них в большинстве случаев вообще отсутствуют отдельные характеристики)</p>

Л.В.Столярова, П.В.Белусов

**МАТЕРИАЛЫ УГЛИЧСКОГО
СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О ГИБЕЛИ
ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ В 1591 Г.: НОВЫЙ
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка совместить историческое исследование с психиатрическим. Авторы пришли к выводу, что наиболее вероятной причиной гибели царевича Дмитрия была серия непрекращающихся эпилептических припадков, а не полученное в результате этих припадков ранение. Авторы также опровергли версию об отравлении матери Дмитрия, Марии Нагой.

Ключевые слова: царевич Дмитрий, патография, эпилепсия, Мария Нагая, отравление.

Об авторах: Столярова Любовь Викторовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. lvsto@mail.ru

Белусов Пётр Владимирович, врач высшей квалификационной категории, психиатр-психотерапевт.

Lyubov Stoljarova, Peter Belousov

**INVESTIGATIVE MATERIALS OF THE CASE
OF THE DEATH OF TSAREVICH DMITRY IN
UGLICH, 1591: A NEW ESSAY IN HISTORICAL
RECONSTRUCTION**

Abstract: This article attempts to combine historical and psychiatric approaches. The authors conclude that the most probable cause of death of tsarevich Dmitry was a series of incessant seizures, and not the wounds, received during these attacks. The authors also refute the version of poisoning of Dmitry's mother, Maria Nagaya.

Key words: Prince Dmitry, patography, epilepsy, Maria Nagaya, poisoning.

About the Authors: Lyubov Stoljarova, Doctor of History, senior researcher at the Institute of World History of RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A. lvsto@mail.ru

Peter Belousov, doctor of the highest qualification, psychiatrist and psychotherapist.

«*Семен Годунов*: Ты помнишь -
Когда, падучим схваченный недугом,
Упал на нож и закололся он -
Ты помнишь...
Борис: Ну?
Семен Годунов: Нагие оболгали
Тебя, что будто...
Борис: Помню басню их.
Ну, что ж? Когда б и вправду так случилось,
Как мог воскреснуть он?
Семен Годунов: Убийцы, мол,
Ошиблися - зарезали другого.
Борис (вставая):
Кто смеет это говорить? Его
Весь Углич мертвым видел! Ошибиться
Не мог никто!»
(*А.К.Толстой. Царь Борис*)

«И мальчики кровавые в глазах...»
(*А.С.Пушкин. Борис Годунов*)

15 мая 1591 г. в удельном Угличе гул набатного колокола возвестил о смерти на княжеском дворе младшего брата царя Федора восьмилетнего сына Марии Нагой и фактического наследника престола царевича Дмитрия. Сразу же родилась версия о злодейском убийстве царевича и названы злоумышленники: сын дьяка Михаила Битяговского Данила, его племянник Никита Качалов и сын царевичевой мамки Осип Волохов. Вместе с самим дьяком и еще несколькими посадскими людьми и слугами они были зверски убиты толпой. Вскоре началось следствие, которое велось боярином Василием Ивановичем Шуйским, окольным Андреем Петровичем Луп-Клешниным, дьяком Елизарием Даниловичем Вылузгиным и представлявшим патриарха Иова крутицким митрополитом Геласием¹. В результате

¹ Подробнее см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 153-154; см. также: *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 225; *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов.

деятельности комиссии появилось Следственное дело, которое 2 июня было доложено царю Федору и Освященному собору. В нем утверждалось, что небрежением Нагих царевич закололся ножом во время игры с ребятами-«жильцами» «в тычку», в припадке «черной болезни падучей»². По распоряжению правительства Федора Ивановича, Нагих разослали по тюрьмам. Мать царевича – Марию Нагую – насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане – участники волнения – подверглись ссылке в Сибирь³.

М., 1983. С. 71-72; *Он же*. Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1988. С. 147-163; *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 104-110 и др.

² РГАДА. Ф. 148: «Угличская Следственная комиссия во главе с князем В.И. Шуйским», Оп. 1. Д. 1. Издания текста Следственного дела см.: Следственное дело об убиении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольниким Андреем Петровичем Клешниным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103–123; *Суворин А.С.* О Дмитрие Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В.[К]. Клейн. М., 1913; *Таймасова Л.* Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006. С. 417–459 (репринт издания 1906 г.). Выдержки из Следственного дела опубликованы В.Н. Козляковым (Дневник Марины Мнишек. М., 1995. Приложение С. 162-166 (по СГГД)), а затем переизданы Л.Е. Морзовой (*Морозова Л.Е.* История России: Смутное время. М., 2011. С. 32-37 (по публикации В.Н. Козлякова)). Козляковым и Морозовой воспроизведены распросные речи Михаила, Григория и Андрея Нагих, Василисы Волоховой, а также челобитная Русина Ракова. В настоящее время авторами готовится новое дипломатическое и факсимильное издание Угличского следственного дела.

³ *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 154.

Летом 1606 г. в условиях начала Крестьянской войны вновь всплыло имя царевича Дмитрия – на сей раз будто бы «чудом спасшегося» от убийц. Правительство царя Василия Шуйского канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г.⁴ С тех пор в публицистике, а позднее в исторической и художественной литературе бытуют две версии о гибели Дмитрия Угличского: о его убийстве и о «самозаклании»⁵.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Историография вопроса подробно исследована А.А.Зиминым (см.: *Зимин А.А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 92-94).*

Царевич Дмитрий Иванович. Икона начала XVII в.

Русская подпись Лжедмитрия I

В XIX в. интерес к угличской драме проснулся вновь: Н.М. Карамзин мастерски нарисовал драму царя-убийцы Бориса Годунова в своей «Истории государства Российского». Эта тема нашла продолжение в грандиозной национальной трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», которую поэт посвятил памяти Карамзина. В свою очередь Пушкинская трагедия легла в основу либретто оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов». Эти произведения, вошедшие в золотой фонд русской и мировой культуры, еще больше способствовали распространению версии о причастности Годунова к гибели царевича Дмитрия.

Однако точка в этом вопросе не поставлена. Действительно ли Борис Годунов хладнокровно устранял соперника, предвидя раннюю кончину царя Федора Ивановича и то, что тот так и останется бездетным? Действительно ли царскому шурина (а Федор Иванович был женат на сестре Годунова Ирине) удалось просчитать ход событий на ближайшие семь лет вперед? Почему мать царевича Дмитрия и ее родственники Нагие немедленно назвали имена убийц и кто были эти люди? Почему Следственная комиссия, возглавляемая боярином Василием Шуйским, пришла к выводу о не причастности Годунова к событиям 15 мая 1591 г., а спустя всего несколько лет Мария Нагая признала в Лжедмитрии I своего чудом спасшегося сына? Почему Василий Шуйский впоследствии еще дважды спешно пересматривал решение Следственной комиссии и настаивал на признании виновности Бориса Годунова в этом деле? Загадка так и остается неразгаданной, превратившись в настоящий детектив конца XVI в.

Царевич погиб еще ребенком, причем очень и очень больным. Пытаясь решить вопрос о том, мог ли он сам заколоть себя ножом в припадке «черной болезни падучей», историки нередко консультировались по этому поводу с врачами. И опять не получали однозначного ответа, хотя медики и не уставали повторять, что в припадке эпилепсии больные нередко наносят себе увечья, в том числе – смертельные. Смерть в результате несчаст-

ных случаев у больных эпилепсией до сих пор, даже при современном состоянии медицины, встречается достаточно часто. Тем не менее, следует помнить, что наиболее частыми причинами смерти у больных эпилепсией по статистике являются утопление и травмы головы, а вовсе не ножевые ранения, в том числе – в шею. Ни историки, ни медики не сомневались, что малолетний наследник престола погиб от того, что у него было перерезано горло, а не от ранения в живот или, скажем, сердце.

Копия рукописи с подписями свидетелей. Текст, написанный черными чернилами на светлом фоне, содержит несколько строк рукописного текста. Визуально текст выглядит следующим образом:

Копия рукописи с подписями свидетелей. Текст, написанный черными чернилами на светлом фоне, содержит несколько строк рукописного текста. Визуально текст выглядит следующим образом:

Копия рукописи с подписями свидетелей. Текст, написанный черными чернилами на светлом фоне, содержит несколько строк рукописного текста. Визуально текст выглядит следующим образом:

Угличское следственное дело. Подписи свидетелей

Обстоятельства гибели царевича Дмитрия комментировались не только историками, но и врачами, занимающимися историей медицины и криминалистики в России, в частности – судмедэкспертами. Однако неврологи и психиатры-эпилептологи никогда прежде сами систематически не исследовали сохранившиеся источники о событиях 15 мая 1591 г. Они только давали свое заключение по вполне четко сформулированному историками вопросу: «Мог ли царевич заколоть себя сам во время приступа болезни?». Впрочем, однозначный ответ так и не прозвучал.

Скорая расправа над лицами, обвиненными в убийстве Дмитрия Угличского, почти не оставила шан-

сов получить сколько-нибудь достоверные сведения о «годуновском следе» в этом деле. Допрошены были лишь насмерть перепуганные женщины, сопровождавшие царевича во время прогулки (заметим, что одна из них – Василиса Волохова – была до полусмерти избита), «робятки жильцы», с которыми играл царевич, а также стряпчий Семейка Юдин - случайный свидетель, наблюдавший за трагедией из окон дворца.

Не было зафиксировано и тщательно описано точное место гибели большого мальчика и наличие ран на его теле. Можно только предполагать, где на самом деле развернулась трагедия. Местоположение выстроенной в 1692 г. церкви Дмитрия на Крови в Угличе только очень приблизительно очерчивает территорию, на которой состоялась игра царевича с «робятками» в ножички и где он встретил свой последний час. Мы не знаем ни положения мертвого тела мальчика, ни то, как относительно туловища были расположены его руки, ни то, сжимал ли он, уже мертвый, свой ножичек и действительно ли смертельная рана была нанесена этим, а не каким-то другим оружием и действительно ли эта рана была в области горла.

Как нарочно, все следы были уничтожены сразу же после смерти царевича: кормилица Арина Тучкова немедленно схватила его, еще живого или уже умирающего на руки, примчавшаяся на место трагедии царица Мария Нагая затеяла расправу над Василисой Волоховой, и обе они затоптали все следы. Дело довершили дьяк Михаил Битяговский, метавшийся по двору, прискакавший на коне пьяный Михаил Нагой, а также сбегавшиеся на зов колокола посадские и слободские люди, подгородные крестьяне, казаки с судов, ярыжки. Впрочем, о сохранении следов никто и не озаботился.

Нож не сохранился и, по-видимому, даже не были предприняты попытки его отыскать. «Ножи, и палицу, и сабли, и самопалы», обильно политые свежей «курячью кровью», которые Нагие в ожидании следственной комиссии спешно побросали на тела убитых 15 мая угличан, никакого отношения к гибели царевича не имели:

«...да велѣл палицу желѣсную добыт(ь). И тѣ ножи и палицу велѣл [...] Михаило Нагой покласти на тѣ люди, кото[рые] побиты: на Осипа Волохова, да на Дани[ла] на Михайлова с(ы)на Битяговского, да на Ми[ки]ту на Качалова, да на Данила на Трет(ь)яков[а] для того, что де будто се тѣ люди ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣзали...». Эта одна из первых зафиксированных источниками инсценировок, связанных с фальсификацией улик, могла бы показаться сегодня бесхитростной до наивности и даже вызвать улыбку. Однако в этой мистификации отразились судорожные попытки Нагих оправдать кровавую расправу с якобы «убийцами царевичу» и избежать обвинений в мятеже и измене. Кроме того, избранный Нагими способ имитировать следы преступления ярко свидетельствует о примитивном уровне практической криминалистики в России в конце XVI в.

Еще в Смутное время родилась версия о чудесном спасении младшего сына Ивана Грозного, который будто бы избежал гибели, будучи подменен другим мальчиком. Именно ее старательно придерживался Лжедмитрий I, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича Угличского. Версия о спасении подлинного Дмитрия получила распространение в специальной историко-криминалистической и судебно-медицинской литературе. Так, судмедэксперт и историк медицины Н.Ф. Неделько высказал предположение о том, что смертельное ранение на внутреннем дворе царевичева дворца в Угличе получил не Дмитрий, а совсем другой мальчик. Его будто бы специально держали при царевиче Нагие, предвидя, что царевича рано или поздно попытаются устранить. И во дворе с «робятками жильцами» играл в тычку не подлинный Дмитрий, а его двойник. Наследника престола Нагим удалось вовремя спрятать, вывезя его из Углича. О вероятной подмене наследника, по мнению Неделько, свидетельствуют и уничтожение улик, и намеренная их фальсификация, и будто бы странное поведение царицы, и недоступность тела мертвого ребенка для освидетельствования, а также то, что

Следственная комиссия явилась в Углич, уже имея заранее заготовленное решение по делу, суть которого сводилась к доказательству непричастности к трагедии Бориса Годунова⁶. Совсем недавно появилась книга Л.Ю. Таймасовой, в которой автор попыталась примирить существующие версии гибели царевича Дмитрия Угличского и предположила, что все они – «...убийство, несчастный случай и спасение – соответствуют истине»⁷. Однако подобная точка зрения не выдерживает критики.

1. Смерть царевича Дмитрия

«Воротынский: Ужасное злодейство!

Полно точно ль Царевича сгубил Борис?

Шуйский: А кто же?»

(А.С.Пушкин. Борис Годунов)

Каковы же реальные события, связанные с гибелью царевича Дмитрия? Располагает ли наука достаточными и достоверными свидетельствами источников, которые могли бы быть интерпретированы с позиций современной психиатрии? Иными словами, имеются ли основания для составления патографии царевича Дмитрия – особой области психиатрических исследований, занимающейся изучением исторических личностей сквозь призму их болезней – настоящих или мнимых? Может ли патография царевича Дмитрия пролить свет на обстоятельства его гибели 15 мая 1591 г. в Угличе?

В источниках болезнь царевича Дмитрия именуется «падучей», «падучим недугом», «немочью падучей», «недугом», «болезнью», «черным недугом». Так в XVI-XVII вв. в России определялась эпилепсия⁸ – хрониче-

⁶ Неделько Н.Ф. Угличская трагедия (судебно-медицинские аспекты смерти царевича Дмитрия Ивановича) // Сибирский медицинский журнал. 2006 год, июнь. № 4. Т. 62. С. 90.

⁷ Таймасова Л. Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006. С. 26.

⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 108-109, 176; М., 1988. Вып. 14. С. 120-121.

ское заболевание, которое возникает преимущественно в детском или юношеском возрасте и характеризуется разнообразными параксизмальными расстройствами, а также типичными изменениями личности, нередко достигающими выраженного слабоумия со специфическими клиническими чертами. На отдаленных этапах болезни могут возникать острые и затяжные психозы⁹.

Впервые понятие, означающее состояние человека, пораженного некой силой, появилось в трудах Авиценны (Абу Али ибн Сины) в IX в. Название болезни происходит от греч. ελι-λαμβάνω - занимать, охватывать, нападать, попадать, наткнуться на что-либо¹⁰. Латинскими эквивалентами этого понятия, под которыми это заболевание фигурирует в античных и средневековых источниках, являются morbus sacer, morbus divinus (священная болезнь), а также morbus lunaticus (лунная болезнь). Как известно, «священную болезнь» упоминали Гераклит и Геродот. В средневековой Европе эпилепсия именовалась также «болезнью св. Иоанна», который будто бы страдал этим недугом¹¹. В X-XI вв. появились понятия «падучий дьявол» и «падучая болезнь». В XIII в. в Европе распространилась точка зрения о том, что падучей можно заразиться через дыхание больного¹².

Заболевание царевича Дмитрия носило наследственный характер. Очень вероятно, что какой-то формой эпилепсии, сопровождавшейся выраженными изменениями личности, страдал отец Дмитрия царь Иван Грозный¹³.

⁹ Руководство по психиатрии в двух томах / Под ред. акад. АМН СССР А.В.Снежневского. М., 1983. Т. 2. С. 3.

¹⁰ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. Стб. 495-496.

¹¹ Руководство по психиатрии... С. 3.

¹² Эпилепсия и судорожные состояния у детей... С. 17-18.

¹³ Ковалевский И.П. Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1901; Глаголев Д.М. Душевная болезнь Иоанна Грозного // Русский архив. 1902. № 7; об эпилепсии Грозного прямо писала создатель его патографии крупный отечественный психиатр Н.Д.Лакосина.

Польский хронист Рейнгольд Гейденштейн оставил любопытное свидетельство о том, что старший сын Ивана IV царевич Иван Иванович перед смертью в 1581 г. пережил приступ эпилепсии, спровоцированный отцовским ударом «осном» (острием посоха) в висок: «или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер»¹⁴.

Умственно неполноценным был средний сын Ивана Грозного Федор. Английский посол в Россию Джильс Флетчер писал, что царь Федор Иванович «...росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и не деятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется... Он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен»¹⁵. По словам Петра Петрея, Федор был «от природы простоватый и тупоумный»¹⁶. Не имея охоты заниматься государственным управлением, царь Федор Иванович «находил свою отраду в образах и духовных делах, иногда бегал сам по церквам, благовестил и звонил в колокола»¹⁷. По словам того же Петрея, Иван Грозный нередко упрекал царевича в том, что «он больше походит на пономарского, чем на великокняжеского сына»¹⁸. Шведский король говорил о московском госу-

¹⁴ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889. С. 242.

¹⁵ *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 122.

¹⁶ *Петр Петрей.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // *Исаак Масса, Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 271.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

даре, что русские называют его на своем языке словом «durak». Папский нунций Антонио Поссевино сообщал, что умственное ничтожество Федора граничит с идиотизмом. Согласно источникам, русскому царю с трудом давалось исполнение придворных церемоний, которые до крайности его утомляли¹⁹. «Черным недугом» (эпилепсией) болел дальний родственник Ивана Грозного князь Иван Михайлович Глинский²⁰, о котором Флетчер писал, что он «очень прост и почти полоумный»²¹. Младший брат царя Юрий (Георгий) Иванович мог страдать органическим поражением головного мозга, следствием которого была его глухонмота.

Все сыновья Ивана Грозного, не говоря о нем самом, отличались патологической жестокостью, чрезмерной религиозностью, мстительностью и злопамятностью, что свидетельствует о наличии специфических характерологических изменений личности, вероятно, либо в связи с наличием заболевания эпилепсией, либо в связи с предрасположенностью к ней. Иван IV рос исключительно злобным мальчишкой. Как известно, уже лет в 12 любимейшей его забавой было «бессловесных» (т.е. кошек и собак) «крови проливати», сбрасывая их с высоты. Чуть повзрослев, он переключился на людей: с ватагой сверстников носился верхом по московским площадям и рынкам, чтобы «...всенародных человек, мужей и жен бити и грабити». В 1543 г. Иван IV впервые вынес смертный приговор. По наущению Глинских он приказал своим псарям схватить и убить ненавистного князя Андрея Михайловича Шуйского. Великому князю в то время было всего 13 лет. Официальный летописец писал об этой казни верноподданнически льстиво: «И от тех мест начали бояре бояться, от государя страх имети и послушание». В сентябре 1545 г. 15-летний гос-

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов... С. 20.

²⁰ *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. М., 1977. Вып. 38. С. 123

²¹ *Флетчер Д.* О государстве Русском... С. 34, 65.

ударь уже приказывал отрезать язык Афанасию Бутурлину «за невежливое слово». Спустя год 16-летний монарх повелел отсечь головы своим бывшим любимцам – боярам Воронцовым и князю Ивану Кубенскому. С возрастом созерцание казней и пыток своих истинных и мнимых врагов стало доставлять Ивану IV истинное садистическое наслаждение²². Патологическая жестокость сочеталась в Грозном с исключительной религиозностью. Еще в юности он выучил наизусть множество библейских и евангельских текстов, заботился о сохранении порядка церковных служб и благоустройстве церкви. Считал себя наместником бога на земле и возглавлял монашеское «братство», истреблявшее «крамолу», сочинял церковные каноны, обличал монахов и одновременно составлял синодики для поминовения убитых по его приказу лиц.

Царевич Иван Иванович не уступал отцу ни сластолюбием, ни набожностью, ни гневливостью, ни исключительной жестокостью. Голландский купец Исаак Масса, составивший записки о России, писал: «Второй сын [Грозного]... был назван по отцу Иваном и по своей натуре и повадкам чрезвычайно походил на него, и можно было предполагать, что он превзойдет своего отца в жестокости, ибо всегда радовался, когда видел, что проливают кровь»²³. Царевич Иван Иванович наряду с отцом лично участвовал в опричных казнях, соперничая в изощренности и жестокости с профессиональными палачами (массовые казни 25 июля 1570 г. в Москве). Дикие забавы и кровавые потехи занимали и воображение слабоумного Федора Ивановича. Увлеченный ежеднев-

²² Свидетельства невероятной жестокости Ивана IV содержатся, например, в записках Петра Петрея: *Петр Петрей*. История о великом княжестве Московском... С. 238-263.

²³ *Исаак Масса*. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // *Исаак Масса, Петр Петрей*. О начале войн и смут ... С. 20.

ными длительными молитвами, еженедельно ездивший на богомолье и любящий колокольные звоны, он упивался кровавым зрелищем кулачного и медвежьего боя.

Чудовищный по своей необузданной жестокости нрав отца сызмальства проявился в царевиче Дмитрие. Так, Конрад Буссов писал: «...он однажды приказал своим товарищам по играм, молодым дворянским сынам, записать имена нескольких князей и вельмож и вылепить их фигуры из снега, после чего стал говорить: “Вот это пусть будет князь такой-то, это — боярин такой-то”, и так далее, “с этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак” — и с этими словами стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой руку, у третьей ногу, а четвертую даже проткнул насквозь. Это вызвало в них страх и опасения, что жестокостью он пойдет в отца, ужасавшего своим жестокосердием, Ивана Васильевича, и поэтому им хотелось, чтобы он уже лежал бы подле отца в могиле. Особенно же хотел этого правитель (а его снеговую фигуру царевич поставил первой в ряду и отсек ей голову), который подобно Ироду считал, что, как учит известная пословица: “*Melius est praevenire quam praeveniri*” (Лучше предупредить события, чем быть предупрежденным ими), — в этом деле мешкать нельзя; нужно вовремя обезвредить юношу, чтобы из него не вырос тиран»²⁴. О детских играх маленького Дмитрия, жестоких и оскорбительных для Бориса Годунова и его приближенных, вслед за Буссовым пространно говорит Петр Петрей²⁵. Авраамий Палицын передает слух, что Димитрий часто “в детских глумлениях глаголет и действует” оскорбительно в отношении окружения царя Бориса²⁶. Флетчер свидетельствует об удивительной для 6-7-летнего мальчика садистической

²⁴ Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 80.

²⁵ Петр Петрей. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 272.

²⁶ Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комментарии О.А.Державиной и Е.В.Колосовой, М.; Л., 1955. С. 102.

жестокости: «...младший брат царя, дитя лет шести или семи..., содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих... Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых годах в нем начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда из него течет кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкою гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут»²⁷. Безусловно, глумление маленького мальчика над вылепленными из снега фигурами Бориса Годунова и других вельмож, подогревалось и провоцировалось Нагими. Однако сам факт участия Дмитрия в игровой инсценировке казней вкупе со склонностью к жестокому обращению с животными и любовью к созерцанию крови говорит о том, что семена ненависти, которые Нагие сеяли в царевиче, попадали на благодатную почву. Ею была измененная недугом личность наследника.

Источники свидетельствуют, что заболевание проявилось у царевича Дмитрия еще в раннем детстве (едва ли не в младенчестве). Так, во включенных в Следственное дело показаниях губного старосты Ивана Муринова говорится, что «...пришла на него старая болезнь падучий недуг». Рассыльщики показали, что «...и презже тово ... на нем была ж та болезнь по месяцам безпрестанно». Авдотья Битяговская свидетельствовала, что «многажды бывало, как ево станет бити недуг...». В наказе приставу Роману Михайловичу Дурову, встречавшему литовского посланника Павла Волка весной 1592 г. говорилось: «А нечто учнут спрашивать о князе Углетцком, Дмитрее о углецком, каким обычаем его не стало, и Ратману мольти: Князь Дмитрея не стало судом божиим. А был болен черным недугом, таково на нем

²⁷ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 21

было при роженье, еще с млада была на нем та болезнь» (курсив наш. – Л.С., П.Б.)²⁸.

Заболевание царевича также проявлялось в приступах помрачения сознания, когда он был особенно агрессивен по отношению к окружающим: «как на него болезнь придет, и царевича как станут держать, и он в те поры ест в нецывень²⁹ за что попадется». Царевич «едал» в болезни руки у жильцов, постельниц, «боярнь» и был в беспамятстве; не помнил что делал и не мог отвечать за свои поступки. Поколел мать сваей³⁰, «кусал руки» у Андрея Нагого, а когда во время приступа искусал руки дочери Андрея, то «едва у него Ондреву дочь Нагова отнесли». Авдотья Битяговская показала, что «многажды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони, и он им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Эпилептические изменения личности возникают далеко не у всех больных эпилепсией. Чаще они наблюдаются у тех, кто заболел с раннего детства, страдал частыми припадками, мало и нерегулярно лечился. У больных обычно имеется склонность к дисфории (мрачное, угрюмое настроение), эксплозивность с застойностью аффекта, усиление влечений, сочетание злобной мстительности и злопамятности со слащавой сентиментальностью. У этих больных появляются мелочная аккуратность, скупость, недоверие к людям, властолюбие, тщательная забота о своих интересах в ущерб другим. Личностные изменения продолжают в сосредоточении интересов на собственной персоне, соблюдением ис-

²⁸ Подробнее об этом эпизоде см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 166.

²⁹ «В нецевень» - т.е. в беспамятстве (см.: *Словарь русского языка XI-XVII вв.* Вып. 11. С. 346).

³⁰ Свая, свайка – большой толстый гвоздь или шип с утолщением (головкой), служащий для метания в лежащее на земле кольцо (см.: *Словарь русского языка XI-XVII вв.* М., 1996. Вып. 23. С. 101).

ключительно своих выгод. У больного эпилепсией падает способность усваивать абстрактные знания, быстро слабеет творческое воображение. При затруднении в умственной работе нарастает аффективное напряжение, становится все более трудно отличать существенное от второстепенного, постепенно беднеет запас слов, все больше страдает память (как кратковременная, так и долговременная), однако избирательно надолго запечатлевается и легко воспроизводится все, связанное с отрицательным аффектом. Поэтому больные эпилепсией люди не забывают самых мелких обид, невнимательного отношения к себе. Критическое отношение к своему состоянию утрачивается рано, заметно нарушается моторика, обнаруживается тяжеловесность, медлительность движений, неловкость, скупость жестов, бедность мимики, а также плохая дифференциация тонких движений (ручная неумелость). Больные эпилепсией не любят новых людей, смены обстановки, перемены занятий. Для них характерна фанатичная религиозность, которая дает себя знать беззаветной приверженностью к усвоенным идеалам, которые воспринимаются буквально, без учета ситуации и которые, с точки зрения больного, не подлежат никаким коррективам³¹.

Что же говорят источники о состоянии здоровья Дмитрия Угличского в день его гибели? В опубликованной в 1864 г. А.Ф. Бычковым «Повести об убиении благоверного царевича князя Димитрия Ивановича всеа Руси Углицкаго» содержится ряд бытовых деталей, не противоречащих данным Следственного дела и отсутствующих в других произведениях, посвященных гибели царевича. Бычков пришел к выводу, что «Повесть» была составлена «современником, бывшим близким ко двору царевича или имевшим знакомство с лицами, к нему принадлежавшими» и подчеркивал, что в «Повести» нет «ни одной черты, которая давала бы возможность запо-

³¹ Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. Л., 1985. С. 385-386.

дозреть ее достоверность»³². В «Повести» говорится о гибели царевича «по повелению изменника злодея Бориса Годунова». Царевичевы «душегубцы» Никитка Качалов и Данилка Битяговский будто бы «кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвев пала на землю, и ему государю царевичу в ту пору киняся перерезали горло ножом, а сами злодеи вскричали великим гласом».

Детально изучивший «Повесть» С.Ф.Платонов датировал ее временем не ранее 1606 г., обнаружил в ней ряд несообразностей и счел ее произведением мало достоверным, а потому не заслуживающим доверия как исторический источник³³. Соглашаясь с Платоновым в том, что описание сцены убийства в «Повести» лишено черт достоверности, мы, тем не менее, склонны думать, что содержащиеся в ней описание эпилептического припадка царевича в высшей степени достоверно и могло основываться на каких-то неизвестных или несохранившихся источниках, отражавших реальную картину заболевания Дмитрия Угличского.

По свидетельству Василисы Волоховой, сохранившемуся в Следственном деле, у царевича отмечались припадки за три дня до смерти (12 мая). Еще раньше – на Пасху и «в великое говенье» – царевич также пережил тяжелые приступы эпилепсии, зафиксированные источниками. Последняя серия припадков у царевича длилась несколько дней. Они начались во вторник, и только на третий день Дмитрию «маленько стало полегче». Согласно «Повести», 15 мая «...царевич по утру встал дряхл с постели и голова у него, государя, с плеч покатилося». Вероятно, при пробуждении ребенок перенес эпилептический припадок на фоне имеющейся у не-

³² Бычков А.Ф. Повесть об убиении царевича князя Дмитрия // ЧОИДР. М., 1864. Кн. 4: Смесь. С. 1-4. Здесь и далее текст «Повести» цитируется по этому изданию.

³³ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 366.

го астении. О причинах астенического состояния царевича источники не дают оснований судить уверенно. Оно могло быть как следствием недоедания в Великий пост и возможного авитаминоза, так и проявлением его болезни. Несмотря на утреннюю слабость и припадок, он пошел с матерью к обедне и стоял со всеми службу в душном помещении, где горели свечи и источали тяжелый аромат благовония. К моменту гибели царевич всего один раз ел. Затем Мария Нагая отослала сына играть во двор «в тычку ножиком» с четырьмя сверстниками («с робятками жильцами») – сыновьями кормилицы и постельницы Петрушей Колобовым и Баженом Тучковым, а также Иваном Красенским и Гришей Козловским. Согласно «Повести», «...царевич пошел к обедне и после евангелия у старцев Кириллова монастыря образы принял, и после обедни пришел в свои хоромы, и платье переменял и в ту пору с кушаньем взошли и скатерть постлали и Богородицын хлебец священник вынул, и кушал царевич по единожды днем..., и после того похотел испити, и ему, государю, поднесли испити, и испивши, пошел с кормилицею погуляти...».

Итак, ярким солнечным днем, в жару, больной эпилепсией астенизированный мальчик, одетый в тяжелые великокняжеские одежды, выходит на улицу. В таких обстоятельствах естественно ожидать приступа, который не замедлил случиться. В руках у тяжело больного мальчика - «ножичек» для игры «в тычку». Эпилептики нередко наносят травмы себе и окружающим во время припадка. Способ, каким царевич 15 мая «на заднем дворе... тешился» с «робятками» был явно выбран неудачно, т.к. являлся очевидно опасным. Тот факт, что мать царевича отправила больного ребенка играть с ножом в руках, а его мамка, нянька и постельница спокойно наблюдали за этой игрой, пока не случилась трагедия, с позиций теперешнего исследователя выглядит, по меньшей мере, странным. Однако Р.Г.Скрынников объяснял такое поведение взрослых «привычками и нравами чванливой феодальной знати, никогда не расставав-

шейся с оружием»³⁴. Ученый пишет о том, что сабля и нож на бедре являлись признаком благородного происхождения их владельца, почему сыновья знатных персон в России были привычны к оружию с ранних лет³⁵. К этому можно только добавить, что в эпоху средневековья, когда не сформировались еще представления об особенностях детской психофизиологии, дети считались всего лишь взрослыми маленького роста. Соответственно они носили те же одежды и играли в те же игры, что и их взрослые современники, с той только разницей, что модели и того, и другого были иного (меньшего) размера. Не сформировались в России XVI в. и представления о том, что больному «падучей болезнью» нужен особый охранительный режим и не должны быть доступны колющие и режущие предметы. Привычное поведение заслонило здравый смысл. Поэтому нет ничего удивительного в доступности царевичу «ножичка» в период явного обострения его недуга.

Материалы Следственного дела содержат детали, позволяющие врачу-психиатру уверенно реконструировать обстоятельства гибели царевича Дмитрия Угличского. Непосредственные свидетели трагедии обратили внимание, что во время рокового приступа болезни, когда царевич «набрушился» горлом на нож, его «било долго». Это ключевые слова, необходимые для понимания картины происходившего. Василиса Волохова свидетельствовала: «...бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло, и било его долго». Ей вторит Семейка Юдин: «бросило его о землю и било его долго». То же показывает Федор Огурец: «...тут его ударило о землю, и он, бьучись, ножом сам себя поколол». Согласно показаниям Марьи Самойловой, «...его бросило о землю, а у него был ножик в руках, и он тем ножиком сам покололся». То же сообщили четверо царицыных

³⁴ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 20, 71-72.

³⁵ *Скрынников Р.Г.* Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1988. С. 147-163.

детей боярских: «...и его де бросило о землю, и било его долго». Истопники свидетельствуют: «...и пришла на него старая болезнь падучий недуг, и его в те поры ударило о землю, и он на тот нож набрушился сам». Этим показаниям соответствуют слова губного старосты Ивана Муринова «...и в те поры пришла на него немочь падучая, зашибло его о землю и учало его бити и в те поры он поколосся ножом по горлу сам». Русин Раков показывает: «...и в те поры на него пришла падучая немочь и зашибло... его о землю, и учало его бити» и т.д.

Безусловно, достаточно изученный историками механизм составления Следственного дела, а также специфика записи расспросных речей в XVI в. вносят определенные коррективы в достоверность этих показаний³⁶. Тем не менее, не останавливаясь сейчас на специфических проблемах источниковедения, еще раз заметим, что с точки зрения современной психиатрии материалы Следственного дела содержат высоко достоверные описания последнего приступа болезни царевича. Эти описания не оставляют сомнения, что смерть царевича наступила не в следствии обычного приступа эпилепсии, а в результате развившегося у него наиболее драматического состояния в эпилептологии – эпилептического статуса. Во время эпилептического статуса припадки следуют один за другим с очень короткими паузами («било его долго»), не восстанавливается сознание, значительно нарушено дыхание, нарушен гомеостаз и воз-

³⁶ См., например: *Веселовский С.Б.* Отзыв о труде В.К.Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитри 15-го мая 1591 г.» // Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 156-189; *Богданов А.П.* Филиграноведение в современном исследовании: загадка дела о смерти царевича Дмитрия // *Богданов А.П.* Основы филиграноведения: История, теория, практика. М., 1999. С. 201-306.

никает непосредственная угроза жизни³⁷. Во время эпилептического статуса больные находятся в глубокой прострации. Характерными считаются бесконечно повторяющиеся тонические судороги с выраженным напряжением мышц и постепенно нарастающим цианозом, достигающим фиолетовой окраски кожи лица. Тонические судороги сменяются клоническими, во время которых слышно kloкочущее дыхание. Черты лица больного заостряются. Зрачки расширяются настолько резко, что возникает впечатление агонии больного. Пульс нитевидный, частый, прощупывается с трудом. Нарушения внешнего дыхания при эпилептическом статусе наиболее значительны. Они часто проявляются в виде ритмически повторяющихся циклов асфиксии, примерно в четверти случаев развивается окклюзия верхних дыхательных путей вследствие западения языка и свисания мягкого неба, утраты глоточного и кашлевого рефлексов и аспирации рвотных масс. Особенно часто наблюдается рвота при эпилептическом статусе у детей³⁸. Даже при современном состоянии неотложной медицинской помощи погибает каждый четвертый ребенок, переживающий состояние эпилептического статуса³⁹. Обычный приступ эпилепсии продолжается всего несколько минут и никак не может быть охарактеризован словами «было... долго».

Далеко не все допрошенные в ходе следствия лица дали показания об обстоятельствах гибели царевича Дмитрия. Подавляющее большинство не сообщило о характере (колотая, резаная, колото-резаная) и локализации раны царевича (на горле, на теле). Никто не указал, имеются ли следы крови на одежде и теле Дмитрия,

³⁷ См., например: *Кириллов В.А.* Эпилептический статус. М., 1974; *Он же.* Судорожный эпилептический статус. М., 2003.

³⁸ Эпилептический статус и другие судорожные состояния // Руководство для врачей скорой помощи / Под ред. *В.А.Михайловича.* Л., 1990. С. 491; см. также С. 492-493.

³⁹ Там же.

а также на одежде и руках других лиц, находившихся во время гибели мальчика рядом с ним. Никто не уточнил, каковы эти следы и как расположены. Уже одно это позволило бы сделать заключение о том, мог ли царевич ранить себя сам или смертельную рану ему нанес кто-то другой. Мы не знаем ни положения мертвого тела мальчика, ни то, как относительно туловища были расположены его руки, ни то, сжимал ли он, уже мертвый, свой ножичек или он был отброшен в сторону, воткнут в землю, оставался в ране и т.п. Наконец, нигде, ни в одном документе не говорится о том, что Следственная комиссия осмотрела тело царевича и удостоверилась в том, что он погиб именно от ножевого ранения (например, в горло). Более того, Нагие особо позаботился о том, чтобы укрыть тело царевича от посторонних глаз под предлогом «чтоб хто царевича тела не украл».

Версию о насильственной гибели царевича озвучили, в первую очередь, Нагие. Об убийстве сына сразу же закричала Мария Нагая, что показали непосредственные свидетели гибели царевича. Вслед за этим Василиса показала, что царица с братом распорядились убить «душегубцев»: «...и царица, де, Марья и Михаило Нагой велели убить Михаила Битяговского и Михайлова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова. А говорила, де, царица миру: то, де, душегубцы царевичю».

То, что царица наравне с братьями инициировала избиение «злодеев», приказав ударить в набат, показал пономарь Федор Огурец («и как прибежал к церкви к Спасу и к [не]му встречу бежит Кормового дворца стряпчеи Субота Протопопов, и велел ему у Спаса в колокол звонити, да ударил ево в шею и велел ему силно звонити, а говорил ему Субота перед Григорьем Нагим, а сказал, что ему велела звонить царица Марья, и он потому и звонил в колокол»). О расправе над Осипом Волоховым на глазах царицы поведал следственной комиссии архимандрит Феодорит: «А Осипа Волохова привели при них, при нем, при архимарите при Феодорите, и при игумене Саватее, к церкви Спасу перед царицу, тол-

ко чуть жива, и тут ево перед царицею прибили до смерти». Царица не остановила и глумление над Авдотьей Битяговской и ее дочерьми. Напротив, она как будто жаждала крови: «А Михайлову жену Битяговского з двумя дочерми привели тут же к Спасу и хотели их побити ж, и он, архимарит Феодорит и игумен Саватеи, ухватили Михайлову жену Битяговского з дочерми и отняли их, и убити их не дали. И посадцкие люди Михайлову жену и дочереи держали у Спаса».

Михаил Нагой в своих распросных речах рассказал следующее: «ззвонили в городе у Спаса в колокол, а он, Михайло, в те поры был у себя на подворье и чаял он того, что горит... бежал он к царевичу на двор, а царевича зарезали». Показания Андрея Александровича Нагого в отношении насильственной смерти Дмитрия менее определены: «царевич ходил на заднем дворе и тешился с робята, играл через черту ножом, и закричали на дворе, что царевича не стало, и збежала царица сверху; а он, Ондреи, в те поры сидел у ествы и прибежал туто ж к царице, а царевич лежит у кормилицы на руках мертв; а сказывают, что его зарезали, а он тово не видал, хто его зарезал».

Григорий Нагой сразу же после трагедии как будто поддержал версию об убийстве царевича. Именно он сменил царицу, уставшую бить Василису Волохову, принявшись орудовать поленом: «и царица, де, велела ее тем же поленом бити по боком Григорью Нагово». Однако на следствии Григорий Федорович ничтоже сумняшеса показал, что царевич погиб в результате несчастного случая: «...поехали они, Михайло, брат ево, да он, Григореи, к себе на подворье обедать; и только они пришли на подворье, ажно ззвонили в колокола, и они чаели, что загорелося, и прибежали на двор, ажно царевич Дмитриеи лежит, набрушился сам ножом в падучеи болезни».

Достаточно уклончиво, не поддержав прямо ни версию о самозаклании, ни версию об убийстве царевича, высказался на следствии духовник Григория Нагого поп Богдан: «сказали, что царевича Дмитрея не стало». Игумен Алексеевского монастыря Савватий сообщил,

что «слуги... сказали, што царевич Дмитрий зарезан, а тово не ведают, хто его зарезал». Воскресенский архимандрит Феодорит показал то же самое: «слуги..., пришотчи, сказали, что они слышали от посадцких людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а того неведомо, хто его убил»⁴⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что в материалах Следственного дела нигде не называется имя Бориса Годунова. А.А.Зимин предполагал, что не отличавшийся смелостью князь Василий Шуйский не решился упомянуть всесильного правителя даже в форме опровержения его причастности к убийству, хотя среди сторонников версии о насильственной гибели Дмитрия наверняка были лица, убежденные в прямой заинтересованности в этом царского шурина⁴¹.

Среди материалов дела есть показания лиц, ничего не сказавших об обстоятельствах гибели царевича Дмитрия: поп Степан, холоп Михаила Нагого Бориска Афанасьев, стряпчий Суббота Протопопов, пищик дьяка Михаила Битяговского Степанка Корякин, конюх Данилка Григорьев, сторож Дьячей избы Евдоким Михайлов и «добрые» посадские люди.

Только трое⁴² (Василиса Волохова, Иван Муринов, Михаил Григорьев) уточнили, что царевич погиб, по-

⁴⁰ *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 162-163.

⁴¹ Там же. С. 163.

⁴² А не «все очевидцы гибели Дмитрия», как утверждал Р.Г.Скрынников (см.: *Скрынников Р.Г.* Россия накануне Смутного времени. С. 81). Важно заметить, что из этих троих могла непосредственно наблюдать картину смерти царевича только Василиса Волохова. В момент смерти рядом с царевичем были три взрослые женщины (мамка, кормилица и постельница) и четверо маленьких «жильцов» - сверстников царевича. Стряпчий Семейка Юдин мог видеть случившееся из окна. Таким образом, из восьми непосредственных свидетелей драмы о ранении горла сообщил только один – мамка Василиса Волохова (см. также: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен... С. 98). Нельзя не заметить, что жильцы Василису в своих показаниях

лоснув себя по горлу («сам себя поколол в горло», «он покололся ножом по горлу сам», «он себя поколол сам в горло»). Большинство свидетелей и участников трагедии показали, что Дмитрий умер, напоровшись на нож («набросился на нож», «ножом покололся», «бьючися, ножом сам себя поколол», «накололся ножом сам», «покололся ножом сам», «накололся ножом в черной болезни», «себя поколол ножом сам», «на нож сам накололся», «и он тою сваею, которою играл, покололся», «и он накололся»). При этом неясно, в какой момент было получено роковое ранение: во время конвульсий, когда царевич «бился» на земле, или «летячи» – при падении.

Известно, что крупнейший детский эпилептолог профессор Р.А. Харитонов, консультировавший эксперта-криминалиста И.Ф. Крылова по вопросам, связанным с гибелью царевича, вынес следующее заключение: «...царевич Дмитрий страдал эпилепсией с психомоторными и генерализованными судорожными припадками. Описываемые картины припадков⁴³ соответствуют действительности. Царевич не мог сам зарезать себя ножом ни во время малого припадка, ни во время психомоторного припадка. Царевич нанести себе повреждения сам не мог, так как во время большого припадка больной всегда выпускает из рук предметы, находящиеся в руках»⁴⁴.

не упомянули, заявив, что на дворе с царевичем были «только они, четыре человека жильцов, да кормилица, да постелница». Причина «забывчивости» жильцов не ясна. Подробнее об этом см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 157-158. Кроме того, очевидно, что показания жильцов записаны в некоем обобщенном пересказе, скрывшем детали наблюдаемой мальчиками трагедии (см.: *Полосин И.И.* Социально-политическая история... С. 230, 237; ср.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 158).

⁴³ Имеются в виду описания припадков царевича в Следственном деле, с которыми проф. Р.А.Харитонova ознакомил И.Ф.Крылов. – *Л.С., П.Б.*

⁴⁴ *Крылов И.Ф.* Были и легенды криминалистики. Л., 1987. 216 с

Пытаясь найти выход из весьма затруднительного положения, в которое поставило судебно-медицинского эксперта заключение профессора Харитонов, И.Ф.Крылов предложил свою версию развития угличской драмы. Он предположил, что царевич был непреднамеренно убит неосторожно брошенным кем-то из «рбятков» ножом во время игры⁴⁵.

Еще одну версию гибели Дмитрия высказал Ю.А. Молин. Он считал, что царевич случайно напоролся на нож, который во время игры в «тычку» уже был брошен кем-то из мальчиков (т.е. не находился у Дмитрия в руке) и воткнулся в землю рукоятью так, что острое его было обращено вверх. Упав во время припадка, царевич напоролся на него горлом и погиб. Впрочем, Молин считал весьма вероятным и другое: царевич все-таки «самозаклался», поскольку нож, который он держал в руке во время игры, не обязательно должен был выпасть в первые десятки секунд приступа. Только во второй фазе большого эпилептического припадка – фазе клонических судорог – мышцы расслабляются и из рук выпадают прежде зажатые в них предметы. Этим нескольким десяткам секунд первой фазы припадка – фазы тонических судорог - вполне было достаточно, чтобы царевич ударил себя по горлу⁴⁶.

Поскольку о ранении в горло прямо говорит непосредственная участница и свидетельница гибели мальчика Василиса Волохова, сомневаться в том, что нож пришелся по горлу, как будто не приходится. Однако была ли эта рана смертельной? Если при ножевом ранении горла повреждается сонная артерия, или яремная вена, или нерв, ведущий к сердцу (сосудисто-нервный пучок), смерть наступает мгновенно от остановки сердца или в считанные минуты после повреждения крупных сосудов. Неизбежна мгновенная фатальная кровопотеря. Обращает на себя внимание, что упоминаний крови и описания

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997. 304 с

фонтанирующего кровотечения, которое невозможно не заметить и вряд ли можно забыть, ни в одном источнике (и прежде всего – в Следственном деле) нет. Возможно образование пульсирующей гематомы внутри шеи, которая, постепенно увеличиваясь, сдавливает сосуды и трахею, и вызывает гипоксию головного мозга и смерть. Но и в этом случае ребенка не могло «бить долго», а это значит, что смерть царевича наступила не в результате ножевого ранения шеи*, а от эпилептического статуса. Иными словами, как бы не рассматривать трагедию в Угличе 15 мая 1591 г. – как следствие злонамеренных действий рвущегося к власти Бориса Годунова (смерть царевича не была ему невыгодна!), или как несчастный случай и «самозаклание», - ясно, что гибель царевича произошла не в результате «самозаклания» и не в результате ранения его в шею мнимыми или явными преступниками. Царевича убила его болезнь.

Косвенно о том, что царевич погиб вследствие эпилептического статуса, свидетельствует поведение взрослых женщин (мамки Василисы Волоховой, кормилицы Арины Тучковой и постельницы Марьи Колобовой), сопровождавших его на прогулке, и матери – царицы Марии Нагой. Материалы Следственного дела не дают твердых оснований заключить, в какой момент трагедии возле царевича оказалась его мать: когда царевич уже умер, или когда находился в агонии (напомним, что больной, переживающий эпилептический статус, внешне не отличим от агонизирующего). Состояние царевича было настолько тяжелым, а проявления болезни незабываемо и необычно страшными, что бывшие при нем мамка, кормилица и постельница не только не сумели, но, испугавшись, и не попытались оказать ему никакой помощи. Такое поведение взрослых в момент гибели царевича вызывало недоумение историков. Н.И. Косто-

* Благодарим за консультацию о ранениях шеи и их последствиях хирурга высшей квалификационной категории, к.м.н. П.С.Глушкова (Центральная клиническая больница РАН).

маров, например, видел в этом странном поведении мамки, няньки и постельницы косвенное свидетельство тому, что гибель мальчика не была случайной, и что он был убит: «Спрашивается, как бы ни были просты женщины, окружавшие ребенка, но возможно ли предположить, чтоб они все были до такой степени глупы, чтобы после всего того, что царевич уже делал, давали ему играть с ножом? И неужели мать, которую он ранил, не приняла мер, чтобы у мальчика не было в руках ножа? Допустим, однако, что несчастный больной царевич был предоставлен на попечение таких дур, каких только можно было, как будто нарочно, подобрать со всей Московской земли. Способ его самоубийства чересчур странный. Он играет в тычку с детьми, с ним делается припадок; судя по тому, как он кусал девочке руки, бросался на жильцов и постельниц и даже ранил мать сваею, надобно было ожидать, что царевич ударит ножом кого-нибудь из игравших с ним детей, - нет, он сам себя хватил по горлу!»⁴⁷. Материалы Следственного дела позволяют судить о том, что прежде, когда у царевича случались припадки, его хотя бы пытались «держать», чтобы предупредить нанесение им травм себе и окружающим «в нецывень» («...многожды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати...»), «...как на него болезнь придет, и царевича как станут держать...»). В день трагедии у кормилицы Арины Тучковой только и хватило сил, что взять его, умирающего или уже умершего, на руки. Впрочем, как уже говорилось, больному ребенку в состоянии эпилептического статуса нередко нельзя помочь даже в условиях современной медицины. В XVI в. сделать это было совершенно невозможно.

Подведем итоги. 1) Царевич Дмитрий страдал эпилепсией с генерализованными судорожными припадками и их эквивалентами, выражавшимися в помрачении сознания (сумеречное сознание) и агрессивном по-

⁴⁷ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М., 1990. Кн. 1. С. 61.

ведении по отношению к окружающим. 2) Смерть царевича Дмитрия наступила, по-видимому, в результате серии непрекращающихся эпилептических припадков (эпилептического статуса). 3) Во время непрекращающихся эпилептических припадков царевич Дмитрий мог получить рану в горло, которая, однако, вряд ли была смертельной. 4) В источниках отсутствуют сведения о том, что в отношении царевича Дмитрия предпринимались какие-либо меры медицинского характера, способные смягчить проявления его заболевания (в лучшем случае его «держали» и оттаскивали от других во время приступа). Не исключено приглашение к нему ведунов и ведуний в наиболее острые периоды болезни (Андрюшки Мочалова, «жоночки уродливой» и др.), которые не лечили его, а только «портили». Косвенно это говорит о тяжести течения его болезни, которая практически ничем не купировалась, быстро прогрессировала и не давала надежды на сколько-нибудь стойкую ремиссию. Царевич Дмитрий был обречен.

2. Джером Горсей о событиях мая-июня 1591 г. в Угличе и в Москве *

...Архангел Михайло,
создай ты мне с небеси свой золот ключ,
а булатен замок – замкнути ми
у всякого ведуна и у ведуньи кожаны губы,
а костяны зубы, и всякое в нем лихое лихорадество,
хто станет на меня... лихо думати и меня портити.
(*Заговор от порчи, из рукописи XVII в.*⁴⁸)

Гибель Дмитрия Угличского обросла домыслами и слухами. Версия о злодейском убийстве, выдвинутая

* Сердечно благодарим С.М. Каштанова, внесшего в наше исследование исправления редакционного характера и оказавшего авторам неоценимую помощь в уточнении перевода и интерпретации исследуемого фрагмента «Записок» Дж. Горсея.

⁴⁸ Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 184.

Нагими, получила продолжение немедленно. Видимо, еще до приезда в Углич комиссии Шуйского (т.е. ок. 19 мая) распространился слух, что мать погибшего – вдовья царица Мария Федоровна – находится при смерти. Единственным достоверным описанием состояния Марии Нагой после гибели сына оказались записки английского дипломата Джерома Горсея (Jerome Horsey). В них говорится, что брат царицы Афанасий Нагой («empress' brother») среди ночи примчался в Ярославль и постучался в ворота Английского двора – резиденции прибывавших в Россию англичан. Именно там находился в это время Джером Горсей, высланный из Москвы из-за ссоры с дьяком Андреем Щелкаловым. Сообщив, что «царевич Дмитрий мертв», Нагой утверждал, что «...царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа»⁴⁹ («The Tsarevich Dmitrii is dead; [...] and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off»⁵⁰). Он умолял Горсея о помощи и

⁴⁹ Здесь и далее за основу перевода записок Дж. Горсея на русский язык взят перевод А.А.Севастьяновой: *Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990.* Напомним, что «Записки» Горсея переведены А.А. Севастьяновой по изданию 1856 г., а фрагмент о ночном визите Нагого в Ярославль – по изданию 1626 г.: *Горсей Д. Записки. С. 44, примеч. 67, см.: Там же. С. 130.* Об изданиях и переводах «Записок» Дж. Горсея, а также о причинах обращения к фрагменту о ночном визите по изданию 1626 г. см.: [Севастьянова А.А.] Предисловие: Джером Горсей и его сочинения о России // *Горсей Д. Записки. С. 5–46, особенно С. 28.* Перевод А.А.Севастьяновой известия Горсея о визите Афанасия Нагого был нами исправлен и уточнен. Все случаи несогласия авторов настоящей статьи с переводом А.А. Севастьяновой и уточнения этого перевода оговариваются в примечаниях. Цитирование Горсея по нашему переводу также оговаривается специально.

⁵⁰ Здесь и далее английский текст «Записок» Дж. Горсея воспроизводится по изданию: Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by

просил дать ему «какое-нибудь средство» («help and give some good thing») для несчастной матери царевича⁵¹.

Приведем это свидетельство Горсея по изданию Л. Берри и Р. Крамми: «...The emperor and council would have me remove for a while to Iaroslavl', 250 miles thence. Many other things passed not worth the writing, sometimes cheerful messages, sometimes fearful. God did miraculously preserve me. But one night I commended my soul to God above other, thinking verily the time of my end was come. One rapped at my gate at midnight. I was well furnished with pistols and weapons. I and my servants, some fifteen, went with these weapons to the gate. "O my good friend, Jerome, ennobled, let me speak with you". I saw by moonshine empress' brother, Afanasii Nagoi⁵², the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii, who were placed but twenty-five miles thence at Uglich. "The Tsarevich Dmitrii is dead; his throat was cut about the sixth hour by the d'iaki; some one of his pages confessed upon the rack by Boris his setting on; and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off; help and give some good thing for the passion of Christ his sake". "Alas! I have nothing worth the sending". I durst not open my gates. I ran up, fetched a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me) and a box of Venice treacle. "Here is what I have! I pray God it may do her good". Gave it over the wall, who hied him post away. Immediately the watchmen in the streets raised the town and told how the Prince Dmitrii was slain. Some four days before, the suburbs of the Moscow was set on fire and twelve thousand houses burned. Boris his guard had the spoil, and four or five soldiers suborned, desperate fellows hired to endure the rack, confessed, and so was published that the Tsarevich Dmitrii, his mother the empress, and the

L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison, Vilwaukee and London, 1968. P. 357–359.

⁵¹ Rude & Barbarous Kingdom. P. 357.

⁵² В издании 1626 г.: Alphonassy Nagoie.

Nagois their family, had hired them to kill the emperor and Boris Fedorovich and set the Moscow on fire. This was so published to move the peoples' hearts to hatred against the prince, his mother, and family. But it was too gross a falsehood and abhorred of all men in general, as God did not long after recompense and revenge with as fearful and palpable an example, to show that he is just in all his doings and turns the wicked devices and devilish practices of men to open shame and confusion. The bishop of Krutitsa was sent, accompanied with five hundred gunners and divers noblemen and gentlemen, to bury this Prince Dmitrii under the high altar in St. John's, I take it, in Uglich. Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family. The sick, poisoned empress was presently to be shorn a nun to save her soul by sequestering her life, made dead to the world, all her allies, brothers, uncles, and friends, officers and servants, dispersed in displeasure to divers secret dens not to see light again»⁵³ («...Царь и совет отослали меня на время в Ярославль, за 250 миль отсюда»⁵⁴. Много других происшествий случилось со мной, их вряд ли стоит описывать. Известия, которые доходили до меня, были иногда приятны, иногда ужасны. Бог чудом сохранил меня. Но однажды ночью я предал свою душу богу, думая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь. У меня в запасе было много пистолетов и другого оружия. Я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием.

– Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой.

⁵³ Rude & Barbarous Kingdom. P. 357–359.

⁵⁴ В переводе А.А.Севастьяновой «за 250 миль», что неточно. У Горсея «250 miles thence», т.е. «за 250 миль отсюда» (т.е. от Москвы). Под «милью» Горсей, видимо, подразумевал «версту», ибо в милях это расстояние равняется 159, а в верстах – 240 (см.: Rude & Barbarous Kingdom. P. 357. Note 4).

Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата бывшей (покойной?) вдовствующей царицы⁵⁵, матери юного царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе.

– Царевич Дмитрий мертв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; [он] признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа; именем Христа заклинаю тебя, помоги мне, дай какое-нибудь средство!

– Увы! У меня нет ничего действенного.

Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, что дала мне королева) и корбочку венецианского териака.

– Это все, что у меня есть. Дай бог, чтобы ей это помогло.

Я отдал все через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит царевич Дмитрий, а четырьмя днями раньше были подожжены окраины Москвы и сгорело двенадцать тысяч домов. Стража Бориса занималась мародерством [после пожара], а четверо или пятеро подкупленных солдат, отъявленных мерзавцев (парней), нанятых для перенесения пытки, признались⁵⁶, и было

⁵⁵В переводе А.А.Севастьяновой «вдовствующей царицы», тогда как у Горсея Мария Нагая определяется как «the late widow empress». Это свидетельствует о том, что Горсей писал или по крайней мере редактировал эту часть своих «Записок» после 20 июня 1612 г., когда Мария Нагая (в иночестве Марфа) уже умерла и могла быть названа «бывшей (т.е. покойной) вдовствующей царицей».

⁵⁶Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «Страж Бориса захватил добычу, но четверо или пятеро подкупленных солдат (жалкие люди!) признались на пытке, и было объявлено, будто бы царевич Дмитрий» (см. у Горсея: «Boris his guard had the spoil, and four or five soldiers suborned, desparate fellows hired to

объявлено, будто бы царевич Дмитрий, его мать царица и весь род Нагих наняли их для того, чтобы убить царя и Бориса Федоровича⁵⁷ и сжечь Москву. Все это объявили народу, чтобы разжечь ненависть против царевича, его матери и их семьи. Но эта гнусная клевета вызвала только страшное отвращение у всех. Бог вскоре послал расплату за все это, столь ужасную, что стало очевидно, как он, пребывая в делах людских, направляет людские злодейства к изобличению. Епископ Крутицкий был послан с 500 стрельцами, а также с многочисленной знатью и дворянами для погребения царевича Дмитрия в алтаре св. Иоанна (как мне кажется) в Угличе. Вряд ли все думали в то время, что тень Дмитрия явится так скоро и приведет к гибели Бориса Федоровича и всей его семьи⁵⁸. Больную, отравленную царицу вскоре постригли в монахини, чтобы спасти ее душу путем изоляции ее от (светской) жизни, и она умерла для света, а все ее приверженцы, братья, дядя, друзья, чиновники и слуги были разбросаны в опале по разным тайным темницам, дабы не увидели вновь божьего света»⁵⁹).

endure the rack, confessed, and so was published that the Tsarevich Dmitrii...»).

⁵⁷ Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «...его мать царица и весь род Нагих подкупили их убить царя и Бориса Федоровича» (см. у Горсея: «...and so was published that the Tsarevich Dmitrii, his mother the empress, and the Nagois their family, had hired them to kill the emperor and Boris Fedorovich...»).

⁵⁸ Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «Вряд ли все думали в то время, что тень убитого царевича явится так скоро и погубит весь род Бориса Федоровича» (см. у Горсея: «Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family»).

⁵⁹ Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «Больную, отравленную царицу постригли в монахини, принося ее светскую жизнь в жертву спасения души, она умерла для света. Все ее родственники, братья, дяди, приверженцы, слуги и чиновники были разбросаны в опале по разным секретным темницам, осужденные не увидеть больше божьего света» (см. у Горсея:

Обычно свидетельство о ночном визите Нагого в Ярославль рассматривается историками в связи с изучением разных версий гибели царевича Дмитрия и, в первую очередь, в связи с вопросом о причастности к этому Бориса Годунова, будто бы подославшего к нему убийц. Наиболее подробно этот фрагмент «Записок» Горсея был исследован Морин Перри (1980). Перри анализирует все свидетельства Горсея о гибели царевича Дмитрия в Угличе. Сопоставив тексты изданий Горсея 1626 и 1856 гг. с рукописью «Записок» в той их части, где описывается ночной визит Нагого, Перри предложила новое прочтение этого фрагмента. Вместо оборота «его горло перерезано дьяками... один из его слуг признался на пытке...», Перри читает «его горло перерезано... сыном дьяка, одним из его слуг: [он] признался на пытке...». Исследовательница пришла к выводу о том, что в изложении обстоятельств гибели царевича «Записки» Горсея не противоречат русским источникам и, в частности, Следственному делу, в которых убийцей наследника назван сын государева дьяка Михаила Битяговского Данила⁶⁰.

Вместе с тем в качестве источника, содержащего сведения о болезни Марии Нагой после событий 15 мая 1591 г., «Записки» Горсея ранее систематически не изучались. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел и посвящена анализу записанного Горсеем сообщения об отравлении царицы, полученного им вскоре после трагедии 15 мая. Поскольку зафиксированное Горсеем свидетельство содержит специфические сведения медицинского характера («...отравлена, ...вылезают

«The sick, poisoned empress was presently to be shorn a nun to save her soul by sequestering her life, made dead to the world, all her allies, brothers, uncles, and friends, officers and servants, dispersed in displeasure to divers secret dens not to see light again»).

⁶⁰ *Perrie M. Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 8. P. 38–39.*

волосы, ногти, слезает кожа»), статья писалась историком в соавторстве с практикующим врачом.

Как известно, «Запискам» Джерома Горсея свойственна хронологическая многослойность. Горсей не раз возвращался к написанному, подвергая его редактированию и доработке. Окончательно его записки были отредактированы уже в XVII в. Тогда же подверглись корректировке (или были заново написаны) заметки о гибели царевича Дмитрия и о ночном визите в Ярославль Нагого. Во всяком случае, эти заметки завершаются фразой, имеющей важное датирующее значение: «Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family» («Вряд ли все думали в то время, что тень Дмитрия явится так скоро и приведет к гибели Бориса Федоровича и всей его семьи»⁶¹). Из этой фразы следует, что Джером Горсей писал о событиях в Угличе (1591 г.), уже зная о смерти Бориса Годунова, о гибели его сына Федора и появлении Лжедмитрия I (1605 г.). Он даже знал о смерти Марии Нагой, т.к. назвал ее «late» (ум. в 1612 г.). Иными словами, даже если ночной визит Нагого «на немецкий двор английских немцев» в Ярославле действительно состоялся, его описание подверглось переработке.

Однако сохранилось и другое известие Горсея об обстоятельствах смерти царевича Дмитрия. Оно содержится в его письме лорду-казначею Уильяму Сесилу (William Cecil, 1st Baron Burghley). Письмо было написано буквально по горячим следам, а именно 10 июня 1591 г. (т.е. спустя всего 26 дней после трагедии): «19-го числа... случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет... был жестоко и изменнически убит; его горло было перерезано в присутствии его дорогой матери, императрицы; случились еще многие столь же необыкновенные дела, которые я не осмелюсь описать не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это

⁶¹ Перевод наш. – Л.С., П.Б.

неприятно и опасно»⁶². Обращает на себя внимание ошибочная дата: днем гибели малолетнего царевича Горсей называет не 15, а 19 мая. В «Записках» Горсей пишет о волнениях, вспыхнувших «четырьмя днями раньше», т.е. как раз 15 мая, правда, не в Угличе, а на окраинах Москвы. 19 мая в Углич прибыла Следственная комиссия. Она еще только готовилась начать работу, итоги следствия были неизвестны, убитая горем царица переживала тяжелое психическое расстройство – реактивную депрессию, у нее выпадали волосы, слезали ногти и тело покрылось экземой. От кого узнали в Ярославле о гибели царевича, неясно. На основании «Записок» Горсея можно подумать, что первым вестником был «брат» царицы «Афанасий Нагой», постучавшийся в ворота Горсея, вероятно, 19 мая 1581 г. Но весть о прибытии в Углич Следственной комиссии мог привезти в Ярославль и кто-то другой.

Проявления болезни Марии Нагой, воспринятые ее родственниками как признаки отравления, зафиксированы Горсеем со слов Нагого, по-видимому, довольно точно. Они хорошо известны медикам. Однако свидетельствуют они о том, что вовсе не яд, а острая психическая травма стала причиной такого ее состояния. С позиций современной психиатрии, реакцией на острую психическую травму (в данном случае – гибель ребенка) могут стать выпадение волос и появление нервной экземы (у Марии Нагой «слезает кожа»)⁶³. Лицо, руки, ноги, все туловище покрывается

⁶² [Севастьянова А.А.] Письма Джерома Горсея // *Горсей Д. Записки*. С. 227–244, особенно С. 233. Первую публикацию писем в русском переводе см.: *Лурье Я.С.* Письма Джерома Горсея // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия историч. наук. Л., 1941. Вып. 8. № 73. С. 199–201.

⁶³ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства (руководство для врачей). М., 1986. С. 261–267. Наряду с экземой в роли соматических эквивалентов чрезмерных эмоциональных перегрузок могут выступать зуд, рециди-

пузырьками, которые вскрываются и оставляют после себя сочащуюся прозрачную жидкость. Заболевание начинается обычно с лица и кистей рук и постепенно распространяется по всему кожному покрову. Кожа непрерывно зудит, интенсивно краснеет, мокнет. Постепенно на ней образуются чешуйки и корочки. Она шелушится и кажется, что «слезает». Больной непрерывно чешет зудящую кожу, от чего она «слезает» еще сильнее, расчесывает себя в кровь. Появляются трещины, кожа делается очень сухой. Течение этого заболевания может осложниться присоединением инфекции, и тогда на коже образуются пустулы (гнойные пузырьки) и гнойные корки. Зуд непрерывно усиливается, он невыносим, мешает спать, не дает покоя. Невротическая реакция организма при этом только усиливается. Остро начавшаяся экзема постепенно приобретает хроническое течение, которое может тянуться годами.

Кожные дериваты – ногти и волосы – в качестве реакции на психотравму «вылезают» не сразу и начинают страдать по прошествии нескольких (обычно 1–2) дней⁶⁴. Стало быть, ночной визит Нагого к Горсею состоялся не в ночь трагедии, а спустя несколько дней после нее. Вероятно, это произошло между воскресеньем 16 мая и вторником 19 мая, когда Нагие в обстановке крайнего нервного напряжения и страха ожидали следственной комиссии из Москвы.

вирующая крапивница, псориаз и красный плоский лишай, а также нейродермит (Там же. С. 261),

⁶⁴ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. С. 262. Кожная симптоматика и спровоцированная ею психогения могут усиливать расстройства настроения, связанные с собственно психотравмирующим воздействием, в данном случае – внезапной гибелью ребенка (*Смулевич А.Б.* Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М., 2003. С. 151–154; *Смулевич А.Б., Иванов О.Л., Львов А.Н., Дороженко И.Ю.* Психодерматология: Современное состояние проблемы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2004. № 11. С. 4–13).

Нередко на фоне аффективных расстройств происходит постепенное, а иногда и чрезвычайно быстрое обесцвечивание волос. Кроме того, волосы становятся тусклыми, безжизненными как старый парик, легко обламываются и секутся, свисают прямыми прядями. Возможно развитие диффузного, очагового и тотального облысения⁶⁵. Ногтевые пластинки становятся шероховатыми, бугристыми, исчерчиваются продольными и (чаще) поперечными полосами, отличаются повышенной ломкостью в продольном направлении. На ногтях образуются трещины, по ходу которых возможно расщепление, расслоение и отпадение кусочков ногтя. Патологический процесс развивается быстро, захватывает многие ногти, при этом дистрофические нарушения имеют одну и ту же степень развития⁶⁶.

Какие-то из перечисленных симптомов поражения кожи и ее дериватов после психической травмы наблюдали у царицы ее родственники. Нагой довольно точно описал эти симптомы Горсею, зафиксировавшему их (тоже весьма точно) в обороте: «...the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off...». Мария Нагая, скорее всего, в это время слегла, была равнодушна к происходящему, и у ее окружения сложилось полное впечатление, что она отравлена и находится при смерти. Именно эту, казавшуюся в тот момент такой правдоподобной, версию: убийства царевича и покушения на убийство его матери, и излагал Горсею Нагой, умолявший англичанина дать ему некое чудодейственное средство для царицы, о котором был, видимо, наслышан.

«Средством», которое Горсей выдал Нагому, оказалась банка с чистым прованским маслом (англичанин писал о «небольшой склянке с бальзамом, которую дала... королева» [«a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me)»]) и коробочка венецианского териака («a box of Venice treacle»). Прован-

⁶⁵ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. С. 262.

⁶⁶ Там же. С. 263.

ское масло вряд ли облегчило страдания царицы. Поскольку окружение Марии Нагой считало, что ее отравили, вероятнее всего, что масло из «склянки» Горсея ей давали перорально, как бальзам, предлагая его пить какими-то небольшими дозами. Возможно, учитывая состояние ее кожи, масло использовали как мазь и покрывали им больную кожу царицы. Если масло, принятое внутрь, не могло ни помочь, ни навредить несчастной, то использованное в виде мази то же масло было способно только усугубить ее положение и вызвать инфекцию (масло – питательная среда для микробов). А вот венецианский териак Горсея мог, пусть и не сразу, заметно облегчить страдания больной. Териаком (или териакком Андромаха, греч. θήριον, лат. Electuarium theriacale, Theriaca) называлось мнимое универсальное противоядие, которое будто бы излечивало все без исключения отравления⁶⁷. Слово «териак» восходит к персидскому كاهارت «teryak» – «опиум». Первый териак, согласно легенде, был изобретен царем Митридатом VI Евпатором (126–64 гг. до н. э.). Постоянно опасаясь быть отравленным, Митридат VI ставил опыты на преступниках и будто бы создал некое универсальное противоядие, названное по его имени «митридациумом». Митридациум настолько обезопасил организм царя от ядов, что когда возникла опасность попасть в римский плен, царь вынужден был заколоться мечом, ибо все известные яды не причиняли ему вреда. Победитель Митридата Помпей Великий, ворвавшись в его дворец, якобы в первую очередь дал приказ разыскать чудодейственный митридациум⁶⁸.

⁶⁷ Подробнее см.: Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales Sous la direction d'A. Dechambre et L. Lereboullet. Paris, 1887. Т. XVII. P. 172–175; *Nicolas Lémery*. Pharmacopée universelle. Nyon, J.-T. Hérisant, 1764. Т. II. P. 685–688; *Семенченко В. Ф.* Хроника фармации. М., 2007. С. 162, 242, 429.

⁶⁸См.: ru.wikipedia.org < **Териак** и особенно: [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/History/berg/ob_opasn.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/berg/ob_opasn.php)

В Риме териак был впервые составлен врачом императора Нерона Андромахом Старшим (отсюда его другое название – териак Андромаха). Именно Андромах будто бы изменил название снадобья на «териак» или «митридациум-териак». Считается, что именно это средство принимала мать Нерона Агриппина из опасения быть отравленной сыном. Клавдий Гален (131–201 гг.) также интересовался териакком. Его рецепты изготовления универсального противоядия оставались в силе до начала XIII в. Териакком пользовали своих больных медики арабского Востока. Согласно легендарному преданию, халиф Мотавекким во время пиршеств подвергал своих гостей укусам змеи и затем излечивал их териакком⁶⁹.

Готовый териак представлял из себя мягкую темно-серую пасту, по консистенции похожую на мед. Со временем смесь затвердевала, ее резали на куски и изготавливали пастилки. Эти пастилки и употребляли в качестве лечебного средства. Иногда из пастилок териака готовили микстуру (одна часть териака на шесть частей коньячного спирта). Поскольку териак использовали в качестве снадобья от всех разновидностей ядов и при любых отравлениях, считалось, что чем сложнее его состав, тем действеннее лекарство. Поэтому средневековые медики непрерывно совершенствовали рецептуру териака, вводя в его состав все большее число ингредиентов. Известно, например, что нюрнбергский териак состоял из 65 ингредиентов, а французский териак XVI–XVII веков – из 71. Бывало, что количество частей в составе териакков доходило до ста. Впрочем, иногда териак вымешивали буквально из того, что оказывалось у аптекаря под рукой. Крупнейшими центрами изготовления териакков в средние века считались Константинополь, Каир, Генуя и Венеция. Именно венецианский териак, или «трикл» уже в XIII в. окончательно затмил своих

Сердечно благодарим Е.Б. Бергер за указание на эту свою публикацию.

⁶⁹ Там же.

соперников и снискал славу наиболее действенного противоядия⁷⁰. В багаже Джерома Горсея именно он впервые, как кажется, прибыл в Россию⁷¹ и был использован в лечении царицы Марии Нагой.

Изучение сохранившихся от эпохи средневековья рецептов териака оставляет впечатление, что универсальное противоядие составлялось таким образом, чтобы наряду с необязательными компонентами (истолченная змеиная и бобровая кожа, шампиньоны, ладан, чечевица и др.) в его состав обязательно входили такие тра-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Териак приготавливали в аптеках России вплоть до 1917 г. К этому времени его официальная рецептура («пропись») включала в себя всего 9 компонентов (т.е. значительно меньше, чем в средневековой Европе и значительно меньше, чем должно было быть в венецианском териаке Горсея): “Rhiz. Angelicae p. 6,0, Rhiz. Serpentariae, p. 3,0, Rhiz. Valerianae p. 2,0, Bulbi Scillae p. 2,0, Rhiz. Zedoariae p. 2,0, Cort. Cinnamomi p. 2,0, Ferr. sulfur, p. 1,0, Myrrhae, p. 1,0, Mel. depur, p. 75,0” (см.: Териак // Большая медицинская энциклопедия, онлайн версия: <http://bigmeden.ru/article/>). Как видно из «прописи», такой териак состоял из 6 частей корня дягиля (Rhizus Angelicae radix), 3-х частей корня серпентария (Rhizus Serpentariae), 2-х частей корня валерианы (Rhizus Valerianae), 2-х частей морского лука (Bulbi Scillae), 2-х частей цитварного корня (Rhizus Zedoariae), 2-х частей коры коричневого дерева (Cortex Cinnamomi), 1-й части сульфата железа, 1-й части мирры (Myrrhae), 75 частей очищенного меда (Mellis depur). Обращает на себя внимание, что в состав позднего «русского» териака важнейший компонент средневековых териakov – опий – уже не входил. Да и сам териак, судя по его составу, утратил свои свойства «универсального противоядия» и был показан при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, связанных с недостаточным сокоотделением, спастическими болями и вторичной железодефицитной анемией. Кроме того, его могли применять при истощении нервной системы в качестве седативного средства. Этот териак обладал также противовосполительным и мочегонным действиями и мог купировать болевой синдром.

вы и вещества, которые оказывали 1) послабляющее (цветы черной бузины, фенхель, кора крушины, тмин, кориандр, анис, тысячелистник, корень солодки, корень алтея), 2) мочегонное (корень петрушки, шиповник, кудреватый дягиль, анис, можжевельник, мята, шалфей, эвкалипт и др.), 3) противовоспалительное (ромашка), 4) успокаивающее (мята, пустырник, валериана, зверобой) и даже 5) наркотическое (опий) действие. Иными словами, в состав териakov входили вещества, имевшие разностороннее фармакологическое действие. Если иметь в виду, что териак мыслился именно как противоядие, то очищение кишечника, стимуляция деятельности желудочно-кишечного тракта и почек могли привести к определенному терапевтическому эффекту. Териак Горсея неизбежно должен был активизировать экскреторную систему больной, способствовать выведению из ее организма избытка воды, соли, продуктов обмена веществ, а также ядов.

Обращает на себя внимание, что в состав венецианского териака, которым пользовали Марию Нагую, как и в состав любого из средневековых териakov, непременно входили корень валерианы (*Valeriana officinalis*), зверобой (*Hypericum perforatum*) и опиаты. Валериана традиционно использовалась и как противоядие, и как действенное успокоительное. Она должна была несколько смягчить ощущение тревоги, которая, несомненно мучила Марию Нагую. Зверобой был довольно сильным антидепрессантом, который мог ослабить проявления душевной тоски царицы. Опием и опиатами с древнейших времен врачи пользовали своих больных для снятия у них болевого синдрома. Это наркотическое вещество, безусловно, могло облегчить и мучения Марии Нагой, испытывавшей постоянный кожный зуд и боль. Впрочем, корень валерианы при длительном его применении мог несколько усугубить депрессию, а вот для хорошего клинического эффекта зверобой (как антидепрессант растительного происхождения) нужно было принимать не менее двух недель.

Необратимость утраты и связанные с этим тяжелые, драматические переживания вызывают у человека психическое расстройство, которое в современной медицине называется реактивной депрессией (от лат. *depressio* подавленность) или реактивным психозом. Это состояние характеризуется подавленным настроением в течение длительного времени (от двух недель и более), упадком сил, потерей интереса к жизни. Обычно такое состояние усугубляется чувством вины, тревоги и страха, неспособностью концентрироваться и принимать решения, наличием навязчивых мыслей о смерти и даже самоубийстве, нарушениями сна, ощущений жжения в груди и других симптомов соматического заболевания (например, появлением экземы, выпадением волос и др.). Состояние реактивного психоза может характеризоваться не только депрессией, но и наличием стабильных бредовых идей, связанных с психотравмирующей ситуацией, а также галлюцинациями⁷². То, что после гибели единственного сына царица переживала тяжелейшую реактивную депрессию, сомнений не вызывает. На это указывают не только известие Джерома Горсея, но и материалы Следственного дела, позволяющие реконструировать ее поведение и состояние в момент трагедии и в течение нескольких дней после нее.

Вероятно, состояние царицы определялось не только реактивной депрессией. Не исключено, что следствием пережитой Марией Нагой внезапной острой психической травмы стали бредовые идеи отношения и преследования, сопровождавшиеся выраженными страхом и тревогой, чем объясняется ее дальнейшее поведение. Согласно Следственному делу, она, как только увидела сына мертвым, принялась что есть силы избивать Василису Волохову: «и царица Марья забежала на двор и по-

⁷² Руководство по психиатрии. В двух томах / Под ред. А.В. Снежневского. М., 1983. Т. 2. С. 366–386; Психиатрия: Справочник практического врача / Под ред. А.Г. Гофмана. М., 2006. С. 300–311.

чала ее, Василису, царица Марья бити сама поленом, и голову ей пробила во многих местех»⁷³. Избивая Волохову, царица выкрикивала обвинения и назвала имена предполагаемых убийц, «будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрея зарезали». Стоны и крики Василисы Волоховой, умолявшей царицу «дати сыск праведной», поскольку «сын ее [Волоховой] и на дворе не бывал», не возымели эффекта. Царица обезумела от душевной боли и продолжала избивать Волохову до тех пор, пока силы не покинули ее. Тогда за полено ухватился брат царицы Григорий Нагой, которому безутешная мать «велела ее [Василису] тем же поленом бити по боком». Василису избили до полусмерти, и «чють живу покинули замертва».

С позиций современной психиатрии такое поведение царицы можно трактовать как проявление реактивной тотальной ажитации, которая возникает по типу короткого замыкания, продолжается считанные минуты и на высоте которой сужается сознание⁷⁴. В избиении Волоховой следует видеть неукротимую гомицидную реакцию ярости, которая несла в себе отзвук древней реакции защиты детей от надвигающейся опасности⁷⁵. Вероятно, у Марии Нагой начал развиваться реактивный паранойд: избивая Волохову, она расправлялась с матерью предполагаемого убийцы, которого, согласно материалам Следственного дела, даже не было в момент трагедии на территории дворца.

Однако царица не могла успокоиться. Колокольный звон привлек на место трагедии «многих людей посадцких и всяких людей». Мария Нагая велела схватить Василису («взяти посадцким людем»), и обесчестить ее: «мужики... взяли и ее ободрали, и простоволосу ее держали перед ца-

⁷³ Здесь и далее материалы Угличского следственного дела цитируются по подлиннику (РГАДА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1).

⁷⁴ *Портнов А.А.* Общая психопатология. М., 2004. С. 233.

⁷⁵ Там же. С. 232.

рицею». Такие действия царицы, безусловно, оглушенной горем, папахивали садистической жестокостью: к физическим мучениям своей жертвы Мария Нагая добавила глубокие нравственные страдания.

Затем царица в сопровождении своего двоюродного дяди Андрея Александровича Нагого проследовала в церковь св. Спаса. Мертвого царевича Андрей Нагой нес на руках. Однако бредовые идеи, захлестнувшие Марию Нагую, все еще руководили ее сознанием. Царица жаждала крови. Возле церкви на ее глазах убили Осипа Волохова: «а Осипа Волохова привели к царице в верх, к церкви к Спасу, и тут ево перед царицею убили до смерти».

Спустя два дня после гибели сына Нагая вспомнила и повелела разыскать («добыть») «жоночку уродливую», которая жила у Михаила Битяговского и иногда «для потехи» была звана к царице. Ее обвинили в том, что она «будтос(ь)... ц(а)р(е)вича портила?». Мария Нагая распорядилась «ее убить ж». Царица все еще судорожно продолжала искать виноватых. Казнь юродивой была исключительно жестокой: «жоночку Михаилову, розстреляв, в воду посадили». Обращает на себя внимание тот факт, что юродивую Михаила Битяговского казнили подобно тому, как в Германии XVI в. казнили женщин, уличенных в изготовлении ядов (сначала пытали, затем топили)⁷⁶.

Возле мертвого тела сына царица находилась несколько дней (по крайней мере – до приезда комиссии Шуйского)⁷⁷. Видимо, тогда наступила следующая ста-

⁷⁶ *Панова Т.* Средневековая Русь: Яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 115.

⁷⁷ Как известно, Нагие опасались кражи мертвого тела царевича. Григорий Нагой показал на допросе, что он вынужден был заботиться «...чтоб хто царевича тела не украл». Та же мысль отчетливо прослеживается в распросных речах Андрея Александровича Нагого, что «...он был у царевича тела безотступно, и тело... царевичево внес в церковь». Впрочем, эти показания связаны с объяснениями обстоятельств побития угли-

дия депрессивного расстройства Марии Нагой – стадия внутреннего принятия трагедии. Царица постепенно если не смирилась с происшедшим, то приняла его как совершившийся факт. Мария Нагая должна была неминуемо слечь, испытывать глубочайшую тоску, апатию к происходящему и мало реагировать на внешние раздражители. У нее стали выпадать волосы и слезать кожа, а спустя еще какое-то время – и ногти. Ее тело покрылось зудящей мокнувшей коркой, которую она постоянно расчесывала. В этот момент окружение царицы и должно было прийти к заключению, что она отравлена и при смерти. Один из Нагих поспешил на Английский двор в Ярославле к Джерому Горсею в надежде получить у него противоядие для царицы.

Териак Горсея принес некоторое облегчение страданиям Марии Нагой, но она все еще была очень плоха: депрессия делала свое дело. Сил царицы хватило, по видимому, только на то, чтобы присутствовать на допросах Тучковой и Колобовой. Больше царицу не трогали. Своих показаний Следственной комиссии она, как известно, не давала. В день отъезда комиссии она призвала к себе митрополита Геласия, и вручила ему свое «челобитье». Было ли оно продиктовано ею самой, или составлено от ее имени Нагими – неизвестно. Весьма вероятно, что родственники Марии Нагой каким-то образом участвовали в его составлении. После неблагоприятного для них решения о том, что царевич закололся сам («царевичю Дмитрею смерть учинилась Божьим судом»), царицыно «челобитье» было для Нагих последней надеждой облегчить свою участь.

Положение Марии Нагой изначально было незавидным и не могло не наложить отпечаток на ее личность. Выйдя замуж в 1580 г. совсем юной (вряд ли ей было больше 16–18 лет), она, тем не менее, скоро наску-

чан, когда первые четыре дня после кончины наследника (15 мая) до приезда Следственной комиссии (вечер 19 мая) Углич был фактически в руках Нагих.

чила 50-летнему царю (стала «не угодна ему»). Иван Грозный не испытывал к Нагой особенной привязанности, а сама его женитьба на ней – шестой или седьмой по счету супруге – не могла считаться законной (церковь признавала каноническими не более трех браков⁷⁸).

⁷⁸ Согласно 50-му правилу Василия Великого, даже третий брак является нарушением церковных канонов: «...на троебрачие нет закона». Самому Ивану Грозному после смерти первых трех жен (Анастасии Романовны, Марии Темрюковны и Марфы Собакиной) для заключения четвертого брака – с Анной Алексеевной Колтовской – потребовалось специальное решение церковного собора. Услужливое согласие церкви на четвертый брак (правда, при условии покаяния царя и наложения на него епитимии – «ради его теплого умиления и покаяния») было получено после того, как Иван Грозный пояснил, что из-за болезни и скоропостижной смерти Марфы Собакиной он не успел вступить с ней в подлинные супружеские отношения. Как известно, Анна Колтовская вскоре была насильственно пострижена в монахини, а царь женился на Анне Григорьевне Васильчиковой. Однако Васильчикова вскоре скончалась, и супругой царя стала вдова Василиса Мелентьева («женище»). Этот брак Ивана Грозного вряд ли был церковным. В русских источниках, содержащих поименное перечисление жен Ивана Грозного, о Василисе Мелентьевой не говорится. Исключение составляет Хронограф XVII в. (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 194, 229). Имя Василисы не упоминается даже тогда, когда сообщается не о шести, а о семи браках Грозного. В записках иностранцев глухо сказано, что русский царь был женат семь раз (см., например: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 123; *Масса Исаак.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 29; *Петрей Петр.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и об-

Свою последнюю супругу Иван Грозный выбрал из ближайшего окружения, составлявшего государев Двор: Мария Нагая была дочерью окольного Федора Федоровича Нагого (Федца). Грозному ее сосватал Афанасий Федорович Нагой, родной дядя будущей царицы. Согласно Горсею, царь женился на Нагой, дабы успокоить наследника, бояр и свое ближайшее окружение, взволнованных слухами о его готовящемся бегстве в Англию: «...Сам он не сумел сохранить дело в тайне, и вскоре его старший сын царевич Иван, и его любимцы и бояре узнали об этом. Заметив это, царь решил успокоить их и женился снова, на пятой⁷⁹ жене, дочери Федора Нагого, очень красивой девушке из знатного и великого рода, от нее родился его третий сын по имени Дмитрий Иванович»⁸⁰. Это известие Горсея о мотивах, которыми царь руководствовался, вступая в свой последний брак, косвенно свидетельствует о прохладном отношении царя к жене и о том, что безразличие Ивана Грозного к Марии Нагой не было загадкой для современников.

Свадьба Ивана IV и Марии Нагой состоялась вскоре после ухода Стефана Батория из Великих Лук и была обставлена весьма скромно, не по царскому чину. На ней гуляли наиболее близкие Ивану Грозному лица из состава государева Двора. Посаженым отцом («в отца место») был царевич Федор Иванович, а «тысяцким» – царевич Иван Иванович. На свадьбе присутство-

народовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. С. 270). После смерти Василисы Мелентьевой седьмой женой государя стала Мария Нагая (см.: *Зимин А.А.* В канун. С. 86; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 133–134). Семен Иванович Шаховской называет Марию Нагую шестой женой Ивана Грозного (РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 847).

⁷⁹ Здесь у Горсея Мария Нагая названа именно пятой (а не шестой или седьмой) женой Ивана Грозного «...Married again the fifth wife, the daughter of Fedor Nagoi...» (*Rude & Barbarous Kingdom...* P. 286).

⁸⁰ *Горсей Д.* Записки. С. 68-69.

вали также думные дворяне Михаил Андреевич Безнин и Игнатий Петрович Татищев. В сохранившемся свадебном разряде Ирина Годунова – жена царевича Федора – упомянута, а вторая жена царевича Ивана Феодосия Михайловна Соловая⁸¹ – нет (в 1579 г. она была пострижена за бездетность под именем Пелагеи (Параскевы, Прасковьи) и удалена в монастырь)⁸².

В последние годы жизни Иван Грозный оказался одержим идеей породниться с английской правящей династией и перебраться в Англию. Потерпев неудачу в сватовстве к королеве Елизавете Английской, он сделал попытку жениться на племяннице королевы – Марии Гастингс⁸³. Почувствовать себя женихом Ивану Грозному вовсе не помешал тот факт, что на момент сватовства Мария Нагая была беременна (январь – октябрь 1582 г.). О потенциальной английской невесте царь узнал от придворного лекаря – англичанина Роберта Якоби (Романа Елизарьевича). Как только 25 ноября 1581 г. новый лейб-медик прибыл в Москву, царь Иван поручил главе Аптекарского приказа Богдану Яковлевичу Бельскому, дьяку Андрею Яковлевичу Щелкалову и Афанасию Федоровичу Нагому (дяде царицы и ее недавнему свату) расспросить Якоби о Марии Гастингс. Весной 1582 г. в Лондон был отправлен посол Федор Андреевич Писемский, которому поручили переговоры с английской ко-

⁸¹ Как известно, Иван Иванович был женат трижды. Первая его жена, дочь боярина Богдана Юрьевича Сабурова, была пострижена в Суздальский Покровский монастырь 4 ноября 1571 г. Третья его жена (с 1580 г.) – Елена, дочь боярина Ивана Васильевича Шереметева Меньшова, овдовев, получила в кормление-вотчину Лух (*Зимин А.А.* В канун. С. 91, 265, примеч. 36).

⁸² Там же.

⁸³ Подробнее об истории этого сватовства и последовавших за ним событиях см., например: *Зимин А.А.* В канун. С. 95–97; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 145–146; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2006. С. 436–437; *Морозова Л.Е., Морозов Б.Н.* Иван Грозный и его жены. М., 2005. С. 244–250.

ролевой о женитьбе русского царя на ее племяннице, о заключении военного союза и о приглашении в Россию мастеров и ратных людей из Англии. Удивительно, но и рождение царевича Дмитрия (19 октября 1582 г.) как препятствие к новому супружескому союзу Иван Грозный не рассматривал.

Жалея племянницу, королева отвечала свату, что та «не красна лицом» и к тому же нездорова. Пообещав после выздоровления Марии Гастинс прислать царствующему жениху ее «парсон», Елизавета Английская фактически уклонилась от прямого ответа. В 1584 г. предложение русского царя было окончательно отклонено со ссылкой на нездоровье невесты и ее несогласие переметить вероисповедание⁸⁴.

Отказ не охладил жениховский пыл царя Ивана, который грозился, захватив казну, приехать в Англию и жениться на какой-нибудь другой «племяннице» королевы, если та все-таки не пришлет ему невесту в Россию добровольно⁸⁵. Однако 18 марта 1584 г. после очередного приступа болезни, случившегося с ним во время игры в шахматы, Иван Грозный умер, так и не разведясь с Марией Нагой и не женившись на англичанке.

Согласно летописным данным, после смерти Ивана Грозного в 1584 г. «у бояр было меж собою сметенье великое». Новый летописец, составленный около 1630 г., безусловно на основании более ранних источников сообщил о том, что в ночь смерти Грозного Борис Годунов «с своими советники возложи измену на Нагих и их поимаху и даша их за приставы»⁸⁶. Участь Нагих решалась всей Думой: они были потенциально опасны действующей власти возможными политическими авантюрами в пользу малолетнего царевича Дмитрия. Нагие были не одиноки: та же участь постигла и других, «коих жаловал царь Иван». «Изменники» были разосланы по

⁸⁴ См., например: *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 145–146.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 232, 195; Там же. Т. 14. СПб., 1910. С. 35.

дальним городам, кто-то заключен в темницу. Их дома подверглись разорению, а поместья и вотчины розданы новым владельцам.

Коронация Федора Ивановича состоялась 31 мая 1584 г. Царевич Дмитрий с матерью и родней был отправлен в Углич, определенный Иваном Грозным младшему сыну в удел. В Угличе при царице Марии состояли отец Федор Федорович (ум. ок. 1590 г.), двоюродный дядя Андрей Александрович и братья Михаил и Григорий Федоровичи. Ссылке подверглись двое⁸⁷ сыновей Александра Михайловича Нагого: Андрей оказался в Арске, Михаил (до того – воевода в Казани) был отправлен в Кокшайск, а затем в Уфу, Афанасий – в Новосиль. Их троюродный брат Иван Григорьевич находился в Кузьмодемьянском остроге, а затем в новопостроенном городе на Лозьве. Оттуда он был переведен в Казань; в дальнейшем, его ждала новая опала и вологодская тюрьма. Дядя царицы Семен Федорович Нагой вместе с сыном Иваном Семеновичем служил в Васильсурске, еще один дядя – Афанасий Федорович – был сослан в Ярославль⁸⁸.

Нагие, попавшие в опалу вскоре после смерти Ивана Грозного, высланные из Москвы и удаленные от трона, не могли не думать о грозящих попытках устранения царевича Дмитрия. Ведь в случае смерти царя Федора Ивановича бездетным (а так оно и вышло), Дмитрий оказался бы единственным законным претендентом на российский престол. Он пользовался титулом царевича и был офици-

⁸⁷ Предположение А.А.Зимины об отправке в Арск Андрея Александровича Нагого (*Зимин А.А.* В канун. С. 111) основано на более поздних данных (1599-1602 гг.), см.: Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974. С. 86 (7107 г.), 98 (7108 г.), 117 (7109 г.), 133 (7110 г.). В 1580-х годах в Арске были другие воеводы: голова Гаврила Щекин (Щепин), князь Андрей Куракин (Разрядные книги 1475-1598 гг. М., 1966. С. 340, 348, 378, 390). Что касается Андрея Александровича, то в 1591 г. он находился не в Арске, а в Угличе.

⁸⁸ *Зимин А.А.* В канун. С. 111.

альным наследником, пока у его брата Федора не было детей⁸⁹. Флетчер прямо писал, что жизнь царевича находилась «в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». То, что Дмитрий был рожден от неканонического брака своего отца, вряд ли бы стало ему препятствием на пути к трону. Напомним, что когда под его именем объявился Лжедмитрий I и заявил свои права на престол, никто и не вспомнил, от какого по счету брака Ивана Грозного – шестого или седьмого – был рожден царевич. Это просто не имело тогда значения.

Тем не менее, Мария Нагая с самого своего вступления в брак жила в непрерывном страхе за свою судьбу, постоянно думая о своем хрупком статусе и сомнительном положении седьмой жены царя – венчанной, но вряд ли законной. Ощущение нестабильности и постоянно грозящей опасности, ожидание гнева венценосного супруга, за которым последуют развод и, в лучшем случае, насильственное пострижение в монахини и ссылка в отдаленный монастырь, не могли не сделать ее тревожной, подозрительной и мнительной. Жизнь, словно испытывая ее на прочность, то возносила ее, то буквально вышибала почву из-под ног. Мария Нагая неизменно оказывалась в положении человека, севшего не в свои сани, и живущего в ожидании, что ей на это непременно укажут, причем самым унижительным для нее способом, так, что пострадают не только ее положение и без того

⁸⁹ В связи с этим интересно наблюдение С.М. Каштанова над интитуляцией царских грамот, в которых с осени 1591 г. (т.е. сразу после гибели царевича Дмитрия) рядом с именем царя Федора Ивановича появляется имя царицы Ирины, сестры Бориса Годунова. Каштанов полагает, что новая интитуляция могла быть «заблаговременным заявлением претензий новой династии» и косвенно свидетельствует о причастности Годунова к гибели Дмитрия Угличского. – См.: *Каштанов С.М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина* // ВИ. М., 1965. № 1. С. 43–44.

сомнительный статус, но и самая жизнь. Мария Нагая постоянно оказывалась инструментом в чьих-то руках и была заложницей чужих замыслов. С ее помощью родной дядя – царский сват – протаптывал дорогу к высокому положению Нагих у трона. Тот же дядя Афанасий Федорович был ввязан в матримониальные планы Грозного в Англии. Она с трепетом ждала своей беременности – надежды на рождение наследника и, в связи с этим, стабилизации своего статуса. Мария с ужасом осознавала, что ее сын не вызывает интереса у венценосного отца (последние месяцы беременности Нагой и рождение царевича Дмитрия пришлось на пик сватовства царя к Марии Гастингс). Смерть мужа и последовавшая за ней опала Нагих, восшествие на престол пасынка – Федора Ивановича, ссылка в Углич и надежды Нагих подобраться к трону в случае смерти нового царя бездетным делали ее жизнь исключительно драматичной и наполненной тревогой. Положение нелюбимой и едва ли не отвергнутой жены должно было сформировать у нее заниженную самооценку. Эта молодая и красивая женщина, скорее всего, была унылой и дисфоричной. Вероятно, постоянная борьба за существование и сознание зависимости от своего единственного, маленького и очень больного ребенка, плюс честолюбивые планы ее родственников Нагих – все это способствовало формированию устойчиво-стереотипного поведения. Она неизменно приспособливалась свою жизнь к новым обстоятельствам, принимая их как веление судьбы.

Душный воздух постоянных страхов, бессилия и злобного недовольства Нагих своим положением в Угличе при фактическом правителе – государевом дьяке Михаиле Битяговском – подпитывался тревогой за жизнь царевича. Слухи о готовящемся убийстве наследника, его матери и других Нагих щекотали нервы и расплзались по стране, оседали в сознании, фиксировались иностранцами. Так, в опубликованном впервые в 1591 г. труде английского дипломата и поэта Джильса Флетчера (Giles Fletcher) о России говорилось следующее: «Младший брат

царя, шести или семи лет... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но в опасности, как я слышал, из-за попыток устранить его путем заговора тех, кто простирает свои помыслы на трон, если царь умрет без потомства»⁹⁰. Позднее эта же версия о готовившемся убийстве царевича Дмитрия и его матери была повторена Горсеем.

Способ убийства наследника и вдовой царицы у Горсея сомнений не вызывал, и он прямо писал о будто бы готовящемся отравлении: «Был также раскрыт заговор с целью отравить и убрать молодого князя, третьего сына прежнего царя, Дмитрия, его мать и всех родственников, приверженцев и друзей, содержащихся под строгим присмотром в отдаленном месте у Углича»⁹¹.

В средние века и новое время отравление было одним из излюбленных способов устранения политических соперников. Безусловно эффективное, наименее заметное и почти безопасное для боящегося быть уличенным злоумышленника, оно (в зависимости от избранного отравителем яда) могло действовать мгновенно или же, в случае методичного применения ядовитого вещества в малых дозах, вызывало необратимую смерть не сразу⁹², а в ре-

⁹⁰ Цит. по: [Севастьянова А.А.] Комментарии // Горсей Д. Записки. С. 199, примеч. 191.

⁹¹ Горсей Д. Записки. С. 107.

⁹² В древности и средневековье отравители чаще всего пользовались мышьяком, точнее – триоксидом мышьяка, который надолго вытеснил другие яды: белый порошок, незаметно подмешанный в пищу или напиток, не изменял их вкуса и сам не имел ни вкуса, ни запаха. Иными словами, обнаружить мышьяк в еде было практически невозможно. Именно поэтому, боясь отравления, прибегали к практике пробы кушанья другим человеком или животным (собакой). Специалистам в области судебной медицины известно, что большая доза мышьяка убивает сразу, тогда как введение мышьяка в пищу малыми дозами приводит к смерти при явлениях гастроэнтерита. Сомнений в естественной смерти в таком случае не возникало, а определять наличие токсинов в теле умершего еще не умели.

зультате накопления токсичных веществ в организме⁹³. Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе рассле-

Отравители пользовались также сернистыми соединениями мышьяка, сурьмой, ярь-медянкой (окись меди) и др. Из ядов животного происхождения наиболее употребимыми были порошки из шпанской мухи, жабы, желчи гадюки и др. В средние века нередко прибегали и к использованию ядовитых растений (белая акация, бузина, жимолость обыкновенная, ландыш майский, лютик, плющ, наперстянка, белена черная, белладонна, волчье лыко, дурман обыкновенный и др., всего ок. 700 видов растений) и грибов. Подробнее см.: *Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина с древности до наших дней. М., 2011. С. 90–91, см. также С. 92–100.

⁹³ В связи с этим обращают на себя внимание выводы антропологов, работавших над изучением костных останков и восстановлением мягких тканей лица по черепу московских великих княгинь и цариц. Подтвердилось, что некоторые из них умерли насильственной смертью, подвергаясь медленному методичному отравлению. Такая судьба, в частности, постигла мать Ивана Грозного Елену Глинскую и его первую жену царицу Анастасию Романовну. Представляет интерес, что в останках Марфы Собакиной, умершей вскоре после свадьбы и, по предположению современников, отравленной, ни солей ртути, ни мышьяка в опасных для жизни количествах не выявлено. Не исключено, что если «царская невеста» и была отравлена, то какими-то ядами растительного происхождения, может быть – травами или грибами. Довольно высокое содержание солей ртути и мышьяка в костных останках царицы Ирины Годуновой, напротив, по предположению антропологов, об отравлении не свидетельствует. В соответствии с медицинскими представлениями средневековья, малыми дозами препаратов ртути и мышьяка ее могли лечить от бесплодия и, вероятно, от заболеваний костной системы (у царицы выявлен порок в развитии костей таза, который не позволял ей вынашивать детей). В костных останках Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича было обнаружено большое количество ртути – признаков возможного острого или хронического отравления ее препаратами (см.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. С. 184; *Панова Т., Пежемский Д.* Отравили! Жизнь и смерть Елены

дования гибели царевича Дмитрия в показаниях («расспросных речах») Василисы Волоховой и челобитной вдовы дьяка Михаила Битяговского Авдотьи всплыли угличские ведуны – «жоночка уродливая», которая будто бы «ц(а)р(е)вича портила», «ведуны и ведуньи», постоянно «добываемые» Нагими к царевичу, и Андрюшка Молчанов, якобы вороживший «сколко... государь долговечен и государыня царица». Авдотья Битяговская прямо связывала расправу над мужем с тем, что государев дьяк выказывал Нагим недовольство присутствием возле царевича «ведунов и ведуний»: «...Жалоба, государь, мне на Михайла да на Григорья на Ногих: велел, государь, тот Михайло да Григорей убить мужа моего Михаила и сына моего Данила по недружбе, что, государь, муж мой Михайло говорил многжда да и бранился с Михаилом за то, что он добывает безпрестанно ведунов и ведуней к царевичу Дмитрею, а ведун, государь, Ондрюшка Молчанов тот безпрестанно жил у Михаила, да у Григорья, да у Ондреевы жены Нагово у Зеновьи. И про тебя, государя, и про царицу Михайло Нагой тому ведуну велел ворожить, сколко ты, государь, долговечен и государыня царица. То есми, государь, слыхала у мужа своего». Ведуны и ворожеи нередко выступали в роли отравителей, виртуозно владея искусством приготовления ядов наряду со средневековыми алхимиками, аптекарями и врачами. Именно с ними связывались «сглаз» и наведение «порчи», т.е. причинение заболевания и даже смерти колдовством⁹⁴.

Глинской. Историко-антропологическое исследование // Родина. 2004. № 12. С. 26–31. Об использовании ядов как средстве устранения политических соперников см.: *Панова Т.* Средневековая Русь. С. 110–115; ср.: *Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина. С. 90–100). Таким образом, мы видим, что и врачи, и отравители XVI–XVII вв. пользовались однотипным арсеналом токсинов – травы, грибы, мышьяк, ртуть.

⁹⁴ *Панова Т.* Средневековая Русь. С. 115; *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 263.

Известно, что, работая над своими записками, Флетчер, бывший в России сравнительно недолго (в 1588–1589 гг.), пользовался консультациями Горсея, который прожил в Московии без малого два десятилетия – с 1573 по 1591 гг. – и хорошо знал ее историю и порядки. В связи с этим неясно, появились ли у Флетчера записи о заговоре против Дмитрия Угличского и Нагих под влиянием Горсея или независимо от него. В первом случае степень достоверности этого известия заметно снижается. Кроме того, как уже говорилось, Горсей неоднократно редактировал и переписывал свои «Записки», в том числе, и постфактум, уже зная итог разворачивавшихся у него на глазах событий. Начатое в 1589/90 г., «Путешествие» в основных чертах было закончено Горсеем в 1592/93 г., но окончательную редакцию получило только к 20-м годам XVII в.⁹⁵ Когда у Горсея появилась запись о готовящемся отравлении царевича и его матери – до или после событий мая 1591 г. и визита Нагого – неясно. Поэтому оценить степень достоверности известия Горсея о заговоре отравителей также вряд ли возможно.

Совершенно очевидно другое. Реальной власти в руках Нагих не было, и положение царевича и его родственников в Угличе мало напоминало положение старых удельных князей. Нагие могли действовать только именем царевича. Власть в Угличе осуществлялась государевым дьяком Михаилом Битяговским, он же фактически ведал материальной стороной содержания царевича и его родни в Угличе. Содержания этого явно не хватало. Нагие не могли быть довольны. И все-таки в них жила надежда подобраться к трону вместе с единственным наследником бездетного Федора – царевичем Дмитрием. Страхи перед возможным отравлением царевича, вероятно, стали каждодневным кошмаром Нагих.

К опасениям мнимым примешивались и реальные. Нагие не могли не отдавать себе отчета в том, что царевич тяжело и опасно болен. Ворожба, ведуны, ведуньи и юридивые в удельном дворце и на дворе Битяговских

⁹⁵ *Зимин А.А.* В канун. С. 152.

только усиливали нездоровую атмосферу вокруг мальчика. Мысль о его насильственной смерти вынашивалась постепенно, но мгновенно созрела на месте трагедии. Не случайно Нагие так легко озвучили ее и оказались так скоры на расправу со «злоумышленниками». Все страхи и подозрения нескольких лет опалы Нагих вырвались наружу. Нетрудно представить их состояние, когда в те несколько дней нервного и страшного ожидания расправы за мятеж и измену (убийство государева дьяка и разгром государевой Дьячей избы), прошедших от момента гибели царевича до приезда следственной комиссии в Углич, стало ясно, что и царица Мария отравлена. Сомнений в том, что это отравление, в то время и быть не могло: в конце XVI в. никаких представлений о психотравме, депрессии и реактивном психозе не было. Чаще всего проявления этих недугов списывались на отравление, а также сглаз, порчу, последствия ведовства и пр.

Среди родственников царицы были два Афанасия⁹⁶ – двоюродный дядя царицы, сын Александра Михайловича Нагого, оказавшийся после смерти Ивана Грозного в Новосили – одном из укрепленных пунктов оборонительной линии на южных рубежах Московского государства, и родной ее дядя Афанасий Федорович Нагой (сослан в Ярославль в 1584 г.). Джером Горсей указал, что ночью к нему явился брат царицы: «I saw by moonshine empress' brother, Afanasii Nagoi, the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii» («Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата покойной (бывшей?) вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия»). Брата Афанасия у царицы не было. У нее

⁹⁶ Пользуемся генеалогической таблицей рода Нагих, составленной В.Д. Назаровым и являющейся рукописным Приложением к его докладу «Григорий Иванович и Иван Григорьевич Нагие: отец и сын на царской службе», прочитанному 23 мая 2011 г. в РГАДА на Научных чтениях, посвященных юбилею А.Л. Хорошкевич (далее: *Назаров В.Д.* Приложение к докладу).

имелись только родные братья Михаил и Григорий и ни одного двоюродного или троюродного брата с этим именем⁹⁷. В.Б. Кобрин отождествлял Афанасия с Афанасием Александровичем⁹⁸. Однако как мог этот человек явиться из Новосили в Ярославль, ничего не зная о событиях в Угличе?

Ряд ученых полагает, что ночным визитером Горсея был царицын дядя Афанасий Федорович, названный ее «братом» по ошибке. Такой версии придерживались, например, Р.Г. Скрынников, А.А. Зимин, М. Перри и новейший издатель Записок Горсея А.А. Севастьянова⁹⁹. Однако Л. Берри и Р. Крамми, сославшись на «Русскую родословную книгу» А.Б. Лобанова-Ростовского и «Русский биографический словарь», заметили, что Афанасий Федорович Нагой умер в Ярославле еще в 1585 г.¹⁰⁰. В.Д. Назаров в статье «Нагие» указывает в качестве даты смерти Афанасия Федоровича 1585 г.¹⁰¹. Берри и Крамми предположили, что Горсей перепутал имя приезжавшего к нему Нагого: им был не Афанасий, а Ан-

⁹⁷ Двоюродными, трюродными и четверюродными братьями царицы были восемь представителей рода Нагих: Иван Семенович, Петр Афанасьевич, Андрей Андреевич, Александр Михайлович, Василий Михайлович, Богдан (Стефан) Михайлович, Никифор Иванович и Гаврило Иванович. Оба известных Афанасия Нагих – Афанасий Федорович и Афанасий Александрович – приходились ей дядьями, а не братьями: они были сыновьями Федора Михайловича и Александра Михайловича Нагих (*Назаров В.Д.* Приложение к докладу).

⁹⁸ *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 88.

⁹⁹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б.А.Романова. Л., 1971. С. 188; *Он же.* Борис Годунов. М., 1983. С. 82-84; *Зимин А.А.* В канун. С. 169; *Perrie M.* Jerome Horsey's Account... P. 40; [*Севастьянова А.А.*] Комментарий // *Горсей Д.* Записки. С. 204–205, примеч. 251–252.

¹⁰⁰ *Rude & Barbarous Kingdom.* P. 375, note 5.

¹⁰¹ СИЭ. М., 1966. Т. 9. Стб. 871.

дрей¹⁰². Между тем Афанасий Федорович Нагой был жив в 1588 г. 21 декабря 1588 г. он пожертвовал Троице-Сергиеву монастырю 50 руб. по душе своего умершего сына Петра¹⁰³.

По мнению Р.Г. Скрынникова, Афанасий Федорович был в 1591 г. не только жив, но и являлся одним из самых деятельных участников политической борьбы 1590-х годов, превратившим Ярославль едва ли не в центр антигодуновского заговора¹⁰⁴. А.Л. Станиславский и С.П. Мордовина полагали, что А.Ф. Нагой «умер около 1598 г.»¹⁰⁵. Это утверждение сопровождалось глухой ссылкой на троицкий синодик¹⁰⁶. Никаких обоснований своей точки зрения авторы не давали. О дате смерти А.Ф. Нагого или о каком-либо вкладе по его душе сведений нет. В последнее время С.М. Каштанов занимался отождествлением лиц, упомянутых в указанном синодике до и после Афанасия Нагого¹⁰⁷. Ниже приводятся его наблюдения и выводы.

Непосредственно перед Афанасием названа его жена Татьяна, а перед ней – Александр Борисович Щекин, вклад по которому сделал кн. А.И. Хворостинин 2

¹⁰² Rude & Barbarous Kingdom. P. 375, note 5.

¹⁰³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подготовили Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М., 1987. С. 70. Л. 234; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 247, 348. № 3423.

¹⁰⁴ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 188.

¹⁰⁵ *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 180, примеч. 13.

¹⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 27.

¹⁰⁷ Приносим благодарность А.В. Кузьмину за помощь в работе над л. 26 об. – 27 троицкого синодика (№ 41) и С.М. Каштанову за сообщенные наблюдения.

февраля 1592 г.¹⁰⁸. Сразу после Афанасия в синодике значится инок Нифонт Хитрово. Возможно, это Никита Васильевич Хитрово. Его вклад в Троицу относится к 1 октября 1559 г.¹⁰⁹, но дата смерти неизвестна. За ним идет Иван Юренев. Это уже деятель XVII в. В боярской книге 1627 г. И.И. Юренев числился среди выборных дворян по Коломне¹¹⁰. После Ивана Юренева синодик упоминает инока Паисею Нелединского. Он может быть отождествлен с Петром Михайловым сыном Нелединского, который отдал в Троицу по душе родителей село в Бежецком Верхе. Это произошло в 1571/72 г.¹¹¹. Дата смерти самого П.М. Нелединского неизвестна. Если он умер через 20 лет после смерти родителей, его кончину надо отнести к 1591/92 г. Но такое допущение совершенно произвольно.

После Паисия Нелединского в синодике названа инок Маремьяна. Над ее именем сделана надпись: «Ку[рцева] жена [А]л(е)Цѣвичя, Плещѣва Сѹчина». Вероятно, имеется в виду жена Афанасия (Алексея) Ивановича Курцева, дочь Федора (или Ивана?) Очина-Плещеева Старого. 5 марта 1542 г. Никита Фуников сын Курцов дал в Трице-Сергиев монастырь вкладом «по матери своей Мартемьяне» 49 руб. 30 ал. 2 д.¹¹². Далее в синодике стоит имя «Захаріа» и над ним надпись «дѣт[и]». Речь идет, по-видимому, о Захарии Ивановиче Очине-Плещееве, по которому его брат Никита дал вклад 26 декабря 1591 г.¹¹³. После Захарии написано

¹⁰⁸ Вкладная книга. С. 87. л. 307 об.

¹⁰⁹ Там же. С. 105. Л. 377; Кормовая книга. С. 131, 286, 347. № 824, 3403.

¹¹⁰ Боярская книга 1627 г. / Подгот. текста и вступ. статья М.П. Лукичева и Н.М.Рогожина. Под ред. и с предисл. В.И.Буганова. М., 1986. С. 124. Л. 389 об.

¹¹¹ Вкладная книга. С. 143. Л. 549 об.; Кормовая книга. С. 315, 369. № 192, 1599.

¹¹² Вкладная книга. С. 68. Л. 226 об.; Кормовая книга. С. 306. № 1386.

¹¹³ Вкладная книга. С. 42. Л. 118.

«Иванна». Надпись над этим именем не поддается прочтению. Скорее всего, тут могло быть слово «Сѹчины» или «Сѹчина». Это предположение основано, во-первых, на том, что упомянутые в синодике рядом Захария и Иван были братьями. Их брат Никита Иванович Очин-Плещеев делал свой сторублевый вклад не только по Захарии, но и по Иване, о чем прямо говорится в записи от 26 декабря 1591 г. Во-вторых, слово над именем «Иванна» должно было быть связано со словом «дѣти» над именем Захарии. Эти два надстрочных слова представляли собой единую надпись, растянутую над двумя словами. Отсюда предположение, что надпись в целом гласила «дѣти Сѹчина» или «дѣти Сѹчины».

Следующее лицо, кого предписывается помянуть в синодике, - инока Ираида. Надстрочная надпись раскрывает тайну этого имени: «Михаилова жена [Бул]гаква». Во вкладной книге есть запись: «100-го году, октября в 4 день по Орине Михаилове жене Матфеевича Булгакова дал вкладу Петр Васильевич Годунов денег 50 рублей»¹¹⁴. Видимо, Ирина Булгакова умерла незадолго до 4 октября 1591 г.

Идентификацию имен можно было бы продолжить, но кажется и так теперь понятно, почему Станиславский и Мордовина датировали смерть А.Ф.Нагого временем «около 1593 г.»: некоторые близкие к нему по синодику лица, чья смерть поддается датировке, умерли либо в конце 1591 г., либо в начале 1592 г. Скорее всего, Афанасий Федорович Нагой и его жена Татьяна погибли тоже не в 1593 г., а в 1591 – 1592 гг., но не до, а после, а может быть, в результате майских событий 1591 г.

Во всяком случае, после того, как стало ясно, что 1585 г. является ошибочной датой смерти А.Ф. Нагого, намного увеличилась вероятность того, что именно с ним общался Горсей ночью в Ярославле. Поскольку Горсей твердо помнил редкое для английского слуха имя Афанасий, переименованное им на «Альфонасий»

¹¹⁴ Там же. С. 108. Л. 394.

(«Alphonassy Nagoie»), это был его хороший знакомый. Только близкий приятель мог явиться к опальному англичанину в неурочное время, неофициально и с расчетом на понимание и сочувствие. К тому же, найти ночью английский двор в Ярославле было бы, наверное, сложно иногородцу, жителю Углича, в то время как житель Ярославля, каковым являлся Афанасий, легко ориентировался в местной топографии. Горсей не говорит, что его ночной гость приехал из Углича. Неизвестно, был ли Горсей знаком с Андреем Александровичем Нагим и решился ли бы тот покинуть Углич в столь критический момент¹¹⁵. Более вероятен другой сценарий: к Афанасию прибыл из Углича доверенный человек Нагих, рассказал ему о случившемся и попросил оказать помощь. Смерть Афанасия Федоровича и его жены в конце 1591 или начале 1592 г. говорит о многом. Они могли поплатиться жизнью и за обращение к Горсею, и за связь с угличскими Нагими.

Итак, между 16 и 19 июля 1591 г. состоялся ночной разговор Нагого с Горсеем, записанный последним по памяти. Если сведения медицинского характера выглядят в нем вполне правдоподобными и косвенно подтверждаются материалами Следственного дела, то точность воспроизведения англичанином всех деталей этого разговора вызывает определенные сомнения. Во-первых, обращает на себя внимание нарочитая беллетризация самого эпизода встречи, описанного в духе детективного романа. Разговор взволнованного Нагого с перепуганным насмерть англичанином происходит ровно в полночь, под покровом темноты, и только одинокая луна освещает лицо незваного визитера («But one night...»; «...One rapped at my gate at midnight...»; «...I saw by moonshine empress' brother...»). Горсей напуган заранее, еще не зная, ни кто стучится в его ворота, ни почему.

¹¹⁵ На следствии А.А. Нагой говорил, что находился при теле царевича «неотступно». Как же он мог при этом ездить в Ярославль?

При этом испуг дипломата так силен, что он «едва не отдал Богу душу». Одновременно Горсей не забывает указать на свою полную боеготовность и то, что в его распоряжении находился целый штат вооруженных слуг (15 человек) и арсенал («God did miraculously preserve me...»; «...I commended my soul to God above other, thinking verily the time of my end was come...»; «...I was well furnished with pistols and weapons»; «I and my servants, some fifteen, went with these weapons to the gate...»). В таком контексте зловещая история, рассказанная ночью, носит не то романтический, не то героический флер.

Во-вторых, Горсей прямо говорит об умолчаниях, которые делает сознательно: «...Many other things passed not worth the writing, sometimes cheerful messages, sometimes fearful...». Оборот об умолчаниях помещен в «Записках» сразу после упоминания о ссылке Горсея «царем и советом» («emperor and council») за 250 миль от Москвы и непосредственно перед рассказом о ночном визите Нагого на Английский двор. Безусловно, он мог означать как отказ от повествования об отдельных событиях в Русском государстве, случившихся за период ссылки вообще, но и содержал намек на то, что и изложение последующих событий не обойдется без корректив и купюр. Это тем более вероятно, что уже 10 июня 1591 г. Горсей прямо писал Уильяму Сесилу о «многих... необыкновенных делах», которые он и описать не смеет, и «не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно». Какой опасности ждал Горсей в Ярославле, загодя вооружившись и окружив себя охраной? Почему был так напуган, что едва не испустил дух, когда в его ворота настойчиво постучались? Что заставило его не на шутку испугаться за свою жизнь (а он готовился защищать ее с оружием в руках), и, тем не менее, вступить в контакт с ночным гостем? В-третьих, почему именно у Горсея родственник царицы искал «что-нибудь действенное», говоря о

ее отравлении, ведь англичанин не был ни медиком, ни знахарем? Горсей явно не договаривает.

Как известно, еще среди современников тех трагических событий распространился слух, что малолетний наследник был заблаговременно спрятан родственниками, а вместо него был убит другой мальчик. В частности, Жак Маржерет прямо писал о том, что Борис Годунов готовил убийство царевича. Но поскольку «многие вельможи, отправленные в ссылку, были в дороге отравлены», Мария Нагая «и некоторые другие вельможи... сумели подменить его и подставить на его место другого [ребенка]», который позднее и погиб в Угличе¹¹⁶. Маржерет побывал в России при Лжедмитрии I, состоял у него на службе и конечно же излагал официальную версию, бытовавшую при его дворе¹¹⁷. Несмотря на то, что версия о подмене наследника другим мальчиком явно не состоятельна, впоследствии она была подхвачена некоторыми исследователями Смутного времени. Более того, сторонники версии спасения подлинного Дмитрия не исключали вероятности, что царевич Дмитрий был укрыт Нагими, и не без помощи Горсея¹¹⁸. Именно участием последнего в судьбе царевича объясняют строки письма лорду Сесилу о «многих... необыкновенных делах», о которых Горсею было бы писать «опасно». Однако версия о сокрытии подлинного Дмитрия Горсеем кажется нам маловероятной и даже фантастической. Кроме того, она противоречит сведениям о болезни царицы, переживавшей тяжелейшую психическую травму, которые нашли подтверждения в Следственном деле.

В изложении разговора с Нагим у Горсея перемешались впечатления от событий, отстоявших друг от друга на несколько дней и даже лет, но объединенные

¹¹⁶ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 124–125.

¹¹⁷ *Зимин А.А.* В канун. С. 169.

¹¹⁸ См., например: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? С. 89.

темой угличской трагедии 15 мая. Некоторые из них Дж. Горсей фиксировал как непосредственный участник и свидетель, о других узнавал из разных источников – по преимуществу устных. Весть о смерти царевича 15 мая могла достичь Москвы на следующий день, т.е. 16 мая. Из Москвы на место трагедии незамедлительно выехал пристав Темир Засецкий, прибывший в Углич 18 мая. 19 мая сюда приехала следственная комиссия Шуйского, а также митрополит Крутицкий Геласий – для погребения царевича, которое состоялось 22 мая. Все признаки мнимого отравления Марии Нагой (включая поражение ногтей), на деле являвшиеся проявлениями соматизированной депрессии, должны были возникнуть в течении первых 4–5 дней после гибели царевича. Вероятно, что реактивная паранойя царицы, ярко обозначившаяся 15–16 мая в поиске злоумышленников (избиение Волоховой, гибель Осипа Волохова, казнь юродивой), померкла на фоне усиливающегося депрессивного состояния. Царица слегла 17–18 мая, а 18–19 мая из Углича в Ярославль пришли вести о происшедшем. Дата 19 мая содержится в письме Горсея лорду Сесилу (барону Берли) как дата гибели царевича Дмитрия. Вероятно, эта дата соответствует времени приезда в Ярославль вестника от Нагих и свидания Афанасия Нагого с Горсеем. Горсей сообщает о пожарах в Москве, как о произошедших не после, а до трагедии в Угличе («...some four days before...») – следствие ошибки информаторов Горсея или его собственной памяти. Маловероятно, что Горсей ошибался здесь намеренно¹¹⁹. Вместе с тем, он намеренно или невольно излагает антигодуновскую версию событий в Угличе и Москве в мае-июне 1591 г.

Почему Комиссией Василия Шуйского не было раздута дело об «отравлении» царицы? В Следственном деле нет ни малейших намеков на ее болезнь, и только отсутствуют ее показания. В расспросных речах род-

¹¹⁹ *Зимин А.А.* В канун. С. 175–176.

ственников царицы и, прежде всего, Михаила и Андрея Нагого, нет ни слова о царицыном недуге. В чем же дело?

Не исключено, что комиссия явилась в Углич, заранее имея решение об итогах следствия. Это решение не должно было скомпрометировать действующую власть, но должно было дать возможность наказать Нагих (т.е. устранить их от трона окончательно и бесповоротно). Вывод комиссии о самозаклании Дмитрия вследствие небрежения Нагих и «божьим судом» как нельзя лучше отвечал этой задаче. По распоряжению правительства царя Федора Ивановича, родственников вдовой царицы разослали по тюрьмам, а саму Марию Нагую насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане – участники волнения – подверглись пыткам, массовым казням и ссылке в Сибирь во вновь построенный городок Пелым. Углич запустел.

В начале XVII в. царевич Дмитрий как бы «воскрес» для истории. Самозванцы Лжедмитрий I в 1605–1606 гг. и Лжедмитрий II в 1607–1610 гг. выдавали себя за чудом спасенного сына Ивана IV. В ответ на это правительство царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.) канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г. На сей раз утверждалось, что по наущению Бориса Годунова к царевичу были подсланы зарезавшие его убийцы. С тех пор бытуют две версии о гибели Дмитрия Угличского. Одна объясняет его смерть убийством, другая – «самозакланием»¹²⁰. Однако как бы ни рассматривать причину смерти царевича, очевидно, что смерть маленького больного мальчика в удельном Угличе оказалась прологом к событиям Смутного времени. Династический кризис и пресечение династии Ивана Калиты на московском

¹²⁰ Предложенную нами гипотезу о гибели царевича вследствие развившегося у него эпилептического статуса см.: *Белюсов П.В., Столярова Л.В.* Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // *Медицинская экспертиза и право.* 2010. № 2. С. 49–54.

престолу, деятельность в России и Европе самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II (первому из них удалось на целый год стать венчанным на царство государем), Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция были тесно связаны с событиями мая 1591 г. в Угличе и развивались по сценарию, так или иначе определенному кончиной царевича Дмитрия.

Литература

- [Севастьянова А.А.] Комментарии // *Горсей Д.* Записки. С. 172-214.
- Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales Sous la direction d'A. Dechambre et L. Lereboullet. Paris, 1887. Т. XVII.
- Nicolas Lémery.* Pharmacopée universelle. Nyon, J.-T. Hérisant, 1764. Т. II.
- Perrie M.* Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 8.
- Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of 16th Century English Voyagers / Ed. by L.E.Berry, R.O.Crummey. Madison, Vilwaukee and London, 1968.
- Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004.
- Белоусов П.В., Стоярова Л.В.* Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 2. С. 49-54
- Буссов К.* Московская хроника. М.; Л., 1961.
- Бычков А.Ф.* Повесть об убиении царевича князя Дмитрия // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1864. Кн. 4. Смесь. С. 1-4.
- Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей [Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина]. М., 1977. Вып. 38.
- Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.
- Винокур Г.О.* Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годуну» А.С.Пушкина. М., 1999.
- Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889.
- Глаголев Д.М.* Душевная болезнь Иоанна Грозного // Русский архив. 1902. № 7.

- Горсей Д.* Записки о России. XVI- начало XVII в. / Пер. и сост. *А.А.Севастьяновой.* М., 1990.
- Гузева В.И.* Эпилепсия и неэпилептические пароксизмальные состояния у детей. М., 2007.
- Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
- Зимин А.А.* Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 92-94.
- Капитанов С.М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // ВИ. М., 1965. № 1. С. 39-44.
- Кириллов В.А.* Эпилепсия. М., 1990.
- Кириллов В.А.* Эпилептический статус. М., 1974.
- Кириллов В.А.* Судорожный эпилептический статус. М., 2003.
- Клейн В.К.* Дело розыскное 1591 году про убийство царевича Дмитрия Ивановича на Угличе. М., 1913 (фототипическое воспроизведение текста).
- Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989
- Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.
- Ковалевский И.П.* Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1901.
- Колупаев Г.П., Ключев В.М., Лакосина Н.Д. и др.* Экспедиция в гениальность: Психобиологическая природа гениальной и одаренной личности. Патографические описания жизни и творчества великих людей. М. 1999.
- Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. М., 1990. Кн. 1.
- Крылов И.Ф.* Были и легенды криминалистики. Л., 1987.
- Крылов И.Ф.* Были и легенды криминалистики. Л., 1987. 216 с
- Личко А.Е.* Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. Л., 1985.
- Лурье Я.С.* Письма Джерома Горсея // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия историч. наук. Л., 1941. Вып. 8, № 73. С. 199-201
- Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж.Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. *Ан. Береловича, В.Д.Назарова, П.Ю.Уварова.* М., 2007.
- Масса Исаак.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей //

- Исаак Масса, Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997.
- Морозова Л.Е., Морозов Б.Н.* Иван Грозный и его жены. М., 2005
- Наследственные нарушения нервно-психического развития детей: Руководство для врачей / Под ред. *П.А.Темина, Л.З.Казанцевой.* М., 2001.
- Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков. М., 2002.
- Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина с древности до наших дней. М., 2011.
- Панова Т.* Средневековая Русь: Яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 115
- Панова Т., Пежемский Д.* Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: Историко-антропологическое расследование // Родина. 2004. № 12. С. 26-31.
- Петр Петрей.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // *Исаак Масса, Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14; М., 1978. Т. 34.
- Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963.
- Психиатрия: Справочник практического врача / Под ред. *А.Г.Гофмана.* М., 2006. С. 300-311.
- Руководство по психиатрии в двух томах / Под ред. акад. АМН СССР *А.В.Снежневского.* М., 1983. Т. 2.
- Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1909. Т. 13
- Семенченко В.Ф.* Хроника фармации. М., 2007
- Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комментарии *О.А.Державиной и Е.В.Колосовой,* М.; Л., 1955.
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б.А.Романова. Л., 1971.
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1983.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2006.

Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1988.

Следственное дело об убиении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольным чиним Андреем Петровичем Клешиным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103-123.

Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1988. Вып. 14.

Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1986. Вып. 11.

Смулевич А.Б. Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М., 2003

Смулевич А.Б., Иванов О.Л., Львов А.Н., Дороженко И.Ю. Психодерматология: Современное состояние проблемы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 2004. № 11. С. 4-13.

Суворин А.С. О Дмитрие Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906.

Таймасова Л. Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006.

Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства (руководство для врачей). М., 1986

Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В.[К].Клейн. М., 1913

Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.

Эпилепсия и судорожные состояния у детей: Руководство для врачей / Под ред. *П.А.Темина, М.Ю. Никаноровой.* М., 1999.

Эпилептический статус и другие судорожные состояния // Руководство для врачей скорой помощи / Под ред. *В.А.Михайловича.* Л., 1990. С. 491-493.

И.Е. Андронов

БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК В «МАГДЕБУРГСКИХ ЦЕНТУРИЯХ»

Аннотация: Статья посвящена изменению принципов работы с источниками в XVI в. на примере лютеранской историографии. Подход авторов «Магдебургских центурий» к изучению Библии как исторического источника оказался более рациональным, чем у их предшественников. На конкретных примерах исследователь показывает, как это приводило к повышению профессионализма исторического исследования.

Ключевые слова: историописание, Библия, лютеранские историки, «Магдебургские центурии», история Церкви.

Об авторе: Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 119991, Ленинские горы, 1. mistermatto@mail.ru

Ilya Andronov

BIBLICAL TEXTS AS A SOURCE IN “MAGDEBURG CENTURIES”

Abstract: The article is devoted to the study of principles of working with sources in the 16th century on the example of the Protestant historiography. The approach of the authors of “Magdeburg Centuries” to the study of the Bible as a historical source turned out to be more rational than the one of their predecessors. The author demonstrates on ad hoc examples how this has led to an advance in professional historical research.

Key words: historical writing, Bible, Lutheran historians, “Magdeburg Centuries”, Church history.

About the Author: Ilya Andronov, PhD in history, associate professor of Lomonosov Moscow State University. Moscow, 119991, Leninskiye Gory, 1. mistermatto@mail.ru

Научная революция в сфере исторического знания, состоявшаяся на заре Нового Времени, затронула, прежде всего, принципы работы с источниками. Новаторские

элементы были наиболее заметны в той области историографии, которая получила в XVI в. самый мощный толчок для развития – в истории Церкви. Первая крупная церковная история, при создании которой впервые в этой дисциплине была сделана ставка на революционное обновление научного аппарата, была написана коллективом историков-лютеран под руководством Матиаса Флация Иллирика и издана в 1559 – 1574 гг.¹

Это сочинение, за которым в историографии закрепилось название «Магдебургские Центурии», служило краеугольным камнем всего идеологического здания лютеранской церкви. Выраженная в нем историческая концепция отталкивалась от восприятия первого века (точнее, эпохи Христа и Апостолов, представленной в Новом Завете) как времени образцового порядка, исторического идеала, от которого Церковь понемногу стала отступать в последующие времена. Практически вся деятельность большинства христиан – церковных авторов, принявших новую религию римских императоров, а затем все более широкого круга людей – вела к постепенному отходу от этого идеального порядка.

Два события в этой схеме имеют для авторов «Центурий» эпохальное значение – поворот Римской империи в сторону христианства (часто символически именуемое как «обращение Константина») и перемены VIII в., свя-

¹ *Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. Basileae, apud Iohannem Oporinum. 13 Vv. 1559-1574* (Далее – ЕН)

занные с деятельностью Карла Великого. Великое историческое полотно, которое центуриаторы успели довести до конца XIII в., делится этими событиями на три мощных пласта, первым из которых является история доконстантиновой Церкви. В исторической литературе в целом устоялось мнение² о том, что Древняя Церковь имеет для центуриаторов (и в целом для лютеранской историографии) подчиненное смысловое значение и поэтому она была исследована с меньшим вниманием и глубиной. Ирена Баккус недавно пыталась оспорить этот тезис³, одновременно уточняя само понятие Древней Церкви и доводя его до конца VI в. Началом же собственно «церковной истории» для замечательной американской исследовательницы стал момент появления первых сочинений Отцов Церкви. Это логично, особенно если принять во внимание, что первым признаком начавшегося постепенного отхода от идеального порядка как раз стали различные «искажения» (*depravationes*), проявившиеся как в появлявшихся из-под их пера сочинениях, так и одновременно с этим в практике христиан и светских властей.

Следует отметить, что весь исторический материал, собранный авторами «Магдебургских Центурий», сортировался по 16 основным критериям, а затем излагался в отдельных посвященных столетиям томах в 16 отдельных главах. Главы эти суть следующие:

1. Самая короткая глава без заглавия – краткое содержание истории в описываемое столетие, формулируемое как *propositio* или *argomentum*.

² Решающую роль в формировании этого положения (как и многих других) сыграла фундаментальная книга П. Польмана *Pomlan P. OFM L'élément historique dans la controverse religieuse du XVIe siècle*. Gembloux, J. Duculot. 1932.

³ См. *Bakus I. Historical Method and Confessional Identity in the era of the Reformation (1378-1615)*, Leiden-Boston, 2003.

2. О географическом распространении церкви (De loco et propagatione ecclesiae)
3. О преследовании и мирном существовании Церкви (De persecutione et tranquillitate Ecclesiae)
4. Об учениях (De doctrina; эта глава бывает посвящена трудам богословов, состоянию богословия)
5. О ересь (De haeresibus; эта обычно описывает труды и деятели, противодействовавших в рамках богословской дискуссии персонажам из гл. 4)
6. О ритуалах и церемониях (De ritibus et ceremoniis)
7. Об организации и управлении церковью (De politia et gubernatione ecclesiae)
8. О расколах (De schismatibus)
9. О Соборах (De synodis)
10. О биографиях епископов и богословов (De Episcoporum et Doctorum vitis; разумеется, каждый раз глава 10 тесно переплетается с гл. 4 и ей вторит)
11. О еретиках (De Haereticis; вторит гл. 5)
12. О мучениках (De Martyribus; вторит гл. 3)
13. О чудесах (De Miraculis)
14. Об иудеях (De Rebus Iudaicis)
15. О других религиях, помимо Церкви Христовой (De aliis Religionibus extra Ecclesiam Christi; и здесь изложение обычно начинается с иудаизма)
16. Об политических изменениях (De motibus et mutationibus in Imperiis politicis)

В двух частях первого тома по этим 16 разделам систематизирована информация, собранная из источников о времени Иисуса и апостолов, в первую очередь – из Нового Завета. Но «Магдебургские Центурии» начинаются не с «искажений», а с изображения идеального порядка I в. – эпохи Христа и Апостолов. Этим событиям посвящена первая «Центурия», вышедшая в 1559 г. в двух томах. Материал был разделен между ними таким образом, что первый том описывает «церковную историю» (которой на самом деле еще нет, речь идет только

о зарождении понятия Церкви) времени Христа, а второй – времени апостолов. Современные исследователи практически игнорируют первый том «Центурий», поскольку она не вполне укладывается в общепринятое представление об исторической концепции книги. Более того, она по форме является не историческим сочинением (рассказом о процессе, развивающемся во времени), а фактически зарисовкой статичной картины, ставшей для всей концепции своего рода отправной точкой.

Одной из главных сюжетных линий на протяжении всей ткани исторического повествования «Центурий» была проблема церковных имуществ. Обычно этот материал расположен в VII главах всех томов сочинения.

Разумеется, основным, доминирующим источником первой центурии является Священное писание: первой ее части – главным образом Евангелия, а второй – Деяния апостолов и Послания апостольские. Изредка встречаются и ссылки на Апокалипсис. Другие источники, в полном соответствии с иерархией локусов, разработанной в ходе Второй Схоластики и сформулированной Мельчором Кано⁴, имеют подчиненное значение. Чаще всего цитируются произведения Иосифа Флавия («Иудейские древности») и Евсевия Кесарийского («Церковная история»), хотя упоминаются они на порядок реже Библии. Языческие античные авторы – философы, историки и прочие – вообще игнорируются. Собственно, доверие к Иосифу Флавию (единственному языческому автору, чей труд привлечен в первой Центурии в качестве источника) объяснялось тем, что благодаря известной вставке о христианах он считался вполне благонадежным.

⁴ Об этом подробнее см. *Андронов И.Е.* Учение о локусах и методология истории в XVI столетии. В: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 5, ч. 1, 2011. С. 205-211.

Как уже говорилось, доверие к текстам, не относящимся к библейским, было невысоким, их цитирование чаще всего подразумевало скрытую полемику с ними. Например, в доктринально самой важной главе тома – четвертой – другие авторы вообще не цитируются, но зато на них основана глава V «О ересях». Эта глава, в частности, свидетельствует о хорошем знакомстве центуриаторов с широким кругом литературы. Для описания ересей используются и авторы, которым центуриаторы доверяют «в целом» – Ириней, Евсевий, Феодорит Киррский, Тертуллиан и другие (разумеется, для написания этой главы привлекались также локусы из Священного Писания).

Эти замечания носят предварительный характер, поскольку после знакомства с «учением о локусах» Мельчора Кано принципы иерархии локусов стали общим местом, и в описанных выше предпочтениях центуриаторов нет ничего нового. Это «новое» начинает проявляться при анализе конкретного использования библейских цитат, при изучении методов работы с источником и оценок извлеченным из них событиям и историческим реалиям.

Показательным – в том числе для иллюстрации методологии «Центурий» – представляется эпизод с Ананием и Сапфирой (Деян 5:1-11). В Деяниях апостолов есть два персонажа с именем Анания. В данном случае нас интересует человек, пытавшийся обмануть апостолов и поплатившийся за это жизнью. Библейский эпизод с этим человеком и его женой позволял трактовать его различным образом, и сделанные центуриаторами выборы и предпочтения представляются весьма характерными.

Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, ² утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов.

³ Но Петр сказал: Анания! Для чего *ты допустил* сатане вложить в сердце свое *мысль* солгать Духу Святому и утаить из цены земли?

⁴ Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце своем? Ты солгал не человекам, а Богу.

⁵ Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это.

⁶ И, встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили.

⁷ Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся.

⁸ Петр же спросил ее: скажи мне, за столько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько.

⁹ Но Петр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут.

¹⁰ Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее.

¹¹ И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это.

Латинский текст Вульгаты (перевода Библии св. Иеронима)⁵:

vir autem quidam nomine Ananias cum Saffira uxore sua

vendidit agrum ² et fraudavit de pretio agri conscia uxore sua

ed adferens partem quandam ad pedes apostolorum posuit

³ dixit autem Petrus

⁵ Следует помнить, что текст Вульгаты по внешнему виду отличается от современных изданий Библии и определяется слабо выраженной в латинском языке эпохи Иеронима пунктуацией, а следовательно, графической разбивкой текста на предложения.

*Anania cur temptavit Satanas cor tuum mentiri te
Spiritus Sancto
et fraudare de pretio agri
4 nonne manens tibi manebat
et venundatum in tua erat potestate quare posuisti in
corde tuo hanc rem non es mentitus hominibus sed Deo
5 audiens autem Ananias haec verba cecidit et
expiravit
et factus est timor magnus in omnes qui audierant
6 surgentes autem iuvenes amoverunt eum
et efferentes sepelierunt
7 factum est autem quasi horarum trium spatium
et uxor ipsius nesciens quod factum fuerat introiit
8 respondit autem ei Petrus
dic mihi si tanti agrum vendidistis
at illa dixit etiam tanti
9 Petrus autem ad eam
quid utique convenit vobis temptare Spiritum Domini
ecce pedes eorum qui sepelierunt virum tuum ad
ostium et efferent te
10 confestim cecidit ante pedes eius et expiravit
intranses autem iuvenes invenerunt illam mortuam
et extulerunt et sepelierunt ad virum suum
11 et factus est timor magnus in universa ecclesia
et in omnes qui audierunt haec*

В завершающем второй том первой Центурии Указателе локусы о двух Ананиях из Деяний апостолов – первосвященнике и муже Сапфиры – представлены вперемешку, и лишь в некоторых случаях первый уточняется как *Anania pontifex*. На приведенный выше короткий рассказ из Библии в Указателе имеется 14 ссылок. Это означает, что 11 новозаветных стихов были распределены на 14 локусов и впоследствии систематизированы исходя из критериев «Метода». Вот в каком

виде приведены в Указателе локусы на интересующего нас Ананию⁶.

Ananias et Sapphira 511.59 a diabolo dementati 135.38 a Petro excommunicati 498.24 quomodo excusserint fidem 174.5 desperationis exempla 278.56 et excommunicationis 358.54 et 404.7.52 item hypocriticae poenitentiae 342.49 et quod fides possit amitti 276.33

Ananiae et Sapphiraе historia 63.45 et 555.30 exemplum 378.18 lapsus 356.39 peccatum in III praecceptum 296.54

Рассмотрим эти локусы по порядку.

511.59 В главе 7 «Об управлении Церковью» описывается раннехристианская традиция накладывать покаяния – «грехи и грешников порицали и бранили, на них провозглашался гнев Господень до тех пор, пока они не раскаются». «Петр так выговорил Анании и Сапфире, что они тотчас же умерли».

135.38 Этот локус, как и многие другие, помещен в центральной главе тома (III. «Об учении Церкви», De doctrina), охватывающей столбцы с 33 по 478 из общего числа 682. В этом месте обсуждается деятельность Врага рода человеческого (после раздела De angelis следует De angelis malis, seu diabolis). В длинном перечислении разных приемов, при помощи которых он манипулирует людьми, присутствует и наш в такой форме: *Satanas Ananiae et Sapphiraе cor implevit, ut mentirentur Spiritui Sancto, et fraudarent de precio agri*. «Сатана преисполнил сердце Анании и Сапфиры, чтобы они солгали Духу Святому и утаили из цены земли». Отметим глагол *impleo*, часто встречающийся на страницах «Центурий», и характерное для «Центурий» альтернативное написание слова *pretium* (в форме *precium*). Эта форма характерна для позднесредневековой латыни и не может считаться аномалией или особенностью только данных ав-

⁶ EH I II Ff 6 v (Index).

торов или текста. В остальном лексика библейского источника полностью сохранена.

498.24 Раздел главы VI «О церемониях или ритуалах Церкви», посвященная ритуалу церковного отлучения, начинается со слов «Апостолы использовали церемонию отлучения, которую передали впоследствии служителям их Церкви; ибо Петр в пятой главе Деяний наложил отлучение на Ананию и Сапфиру». Далее следуют другие многочисленные примеры из Посланий к Тимофею, Титу и т. д.

174.5 В главе *De doctrina*, раздел «О смертных грехах». Главный тезис: «Смертные грехи разрушают веру, изгоняют Святой дух и уничтожают совесть». Этот тезис иллюстрируется множеством цитат из Посланий апостольских, среди которых упоминание нашего эпизода почти потерялось. «Анания и Сапфира, сговорившись об обмане относительно цены за проданную землю, которую уже раньше даровали общине, лишаются Духа Святого».

278.56 В той же главе очень пространный раздел «Об оправдании грешника перед лицом Господа». Эта проблема была важнейшей в лютеранской теологии, и особенное внимание к ней центуриаторов более чем оправдано. Они, конечно, отстаивают принцип «оправдания верой единой», и по этой причине перечисляют множество новозаветных фактов по порядку их отношения к принципу и понятию веры. Противными вере качествами объявляются неверие, колебания, отвращение других от веры и так далее; Анания и Сапфира, причём только они, иллюстрируют понятие «отчаяние».

358.54, 404.7 и .52. В той же главе велась речь и о церковных отлучениях. Анания и Сапфира стали примерами верующих, умерших после отлучения. Второй случай – из той же главы, раздел «Об отправлении тайнств». «В образах Анании и Сапфиры представлены примеры отлучения». Перед нами пример самостоятель-

ной трактовки библейского эпизода. Очевидно, центуриаторы нарушают принцип историзма и экстраполируют на библейские времена явление, сложившееся значительно позже. Распространенный в историографии Возрождения грех. «Оригинальная» ошибка их в том, что они не обратили внимание на отсутствие в Библии самого слова *excommunicatio*, а это означает и отсутствие понятия в известной центуриаторам форме. Третий эпизод (404.52) находится в ряду обстоятельств, сопровождавших отправление отлучений. «Не была свободна от негодования и та сентенция, с которой Петр выступил против Анании и Сапфиры».

342.49 В той же главе, разделе «О покаянии», Анания и Сапфира только упомянуты как пример «лицемерных и смертоносных покаяний», которые, как провозглашается несколькими строками ранее, отличаются от «истинных и спасительных».

276.33 Центуриаторы рассуждают о том, что в истинной вере необходимо постоянство, и верующий не может расслабляться и забывать о неустанной вере. «Павел уже в 1 Кор 10 учит на примерах из Ветхого Завета, что те, кто хорошо начал, могут лишиться веры и пропасть, даже если намерения их были благими. Соответственно, тот, кому кажется, что он хорошо стоит на ногах, должен (постоянно) заботиться, чтобы не упасть. Сюда относятся и примеры Анании и Сапфиры, Деян 5, Симона Волхва, Деян 8, Лжеапостолов, учивших, что без обрезания по обычаю Моисееву вы не можете спастись, Деян 15».

63.45, 555.30. В первом эпизоде смерть Анании и Сапфиры служит примером одного из чудес Нового Завета, которыми он превосходит Ветхий. Чудо было в том, что они умерли «услышав голос Петра, говоривший, что они солгали Святому Духу». Второй помещен в главу X *De vitis doctorum*, где первым в роли учителя выступает Симон Петр. Он является, на наш взгляд, ключевым.

Эпизод с Ананией и Сапфирой является довольно деликатным для толкования со стороны лютеран. Стяжательство римской Курии было одним из основных обвинений, выдвинутых Лютером и поддержанных его последователями. Казалось бы, данный эпизод давал возможность сформулировать претензию, однако в этом случае центуриаторы вступили бы в противоречие с тезисом о безусловном почитании Писания. Те, кто вел себя подобно Ананию и Сапфире перед лицом не апостолов, а представителей более поздней церкви, удостаивались, напротив, всяческого сочувствия центуриаторов. Очевидно, поскольку истинность Писания не обсуждалась, не подлежали критике и моральные оценки, выносимые в нем.

Таким образом, гнев Петра и вообще весь пафос данного отрывка должен был быть истолкован в другом ключе, и в наиболее полной форме этот ключ представлен во фрагменте 555.30 и далее. Текст Библии адаптирован для читателя XVI в. таким образом, что читатель воспринимает его как удивительно современный, а заодно «проникается духом Центурий», усваивая нужную авторам интерпретацию фрагмента. Эта интерпретация уводит читателя в сторону от обсуждения стяжательства Церкви (этот мотив станет само собой разумеющимся во множестве мест более поздних Центурий), обращая его внимание на другие аспекты.

Вот латинский текст фрагмента; курсивом выделены слова, добавленные центуриаторами и не встречающиеся в тексте библейского эпизода.

Ananias vendiderat agrum, ac fraudaverat de precio, sua uxore conscia, afferens partem quandam ad Apostolorum pedes, *quasi totum id quod accepisset offerrent*. Petrus autem *mendacium hoc peculiari Spiritus sancti revelatione intellegens*, Ananiam his verbis alloquitur: Anania, cur tentavit Satanas cor tuum, mentiri te spiritui sancto, et fraudare de precio agri? *Nonne poteris retinere*

agrum, vel etiam precium quod ex venditione accepisti, libere in tua potestate habere? Quare maluisti mentiri? Non es mentitus hominibus, sed Deo. Ananias hac voce tanquam excommunicationis fulmine audita, mox corruit, et expiravit.

Post tres horas Sapphira, quid de marito factum esset ignara, advenit, cui Petrus: Dic mihi, inquit, *mulier*, tanti ne agrum vendidisti? At illa *affirmat*. ibi Petrus eam *quoque suis seriis verbis affatur: Cur inter vos conspiravistis, inquit, tentare spiritum Domini? Ecce pedes eorum qui sepelierunt virum tuum, ad ostium sunt, et efferent te. Mulier haec audiens, confestim et ipsa viribus destituta collabitur, et animam exhalat. Voluit autem Christus hac severitate in istis suis initiis Ecclesiae declarare, se mendacium serio execrari, et in aliis quoque puniturum esse.*

В русском переводе это может выглядеть следующим образом:

Анания продал землю и утаил из цены с ведома своей жены, принеся некоторую часть к ногам Апостолов, и сделал вид, что они пожертвовали все, что он получил. Но Петр, который по Откровению раскрыл этот имущественный обман, обратился к Анании с такими словами: Анания! Для чего ты допустил Сатане вложить в сердце свое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Не мог ли ты не продавать землю или же спокойно удерживать в твоей власти деньги, полученные от продажи? Почему же ты предпочел солгать? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав этот громоподобный приговор к отлучению, Анания вскоре рухнул и умер.

Через три часа подошла Сапфира, не зная, что произошло с мужем. Петр сказал ей: Скажи-ка, *женщина*, за столько ли продали вы землю? Она *подтвердила*. И тогда Петр обратился к ней со следующими тяжкими словами: *Зачем вы сговорились между собой иску-*

силье Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. *Услыхав это, женщина вдруг и сама лишилась чувств, повалилась и испустила дух. Тем самым Христос счел нужным такой суровостью при самом зарождении своей Церкви заявить о решительном осуждении обмана и о том, что другие и впредь будут за него наказаны.*

Мы видим, что выпущен момент о юношах, вставших и унесших тело Анании. Забыли в начале упомянуть, что Сапфира – жена Анании, но это, видимо, обыкновенная небрежность: читателям XVI в. действующие лица этой истории были хорошо известны. Из отрывка исчезли оба упоминания о «великом страхе»; они, очевидно, очень важны для понимания текста Деяний апостолов, но совершенно не нужны историкам-лютеранам, сфокусировавшим свое внимание на логической, а не эмоциональной, аргументации.

Главное же различие заключается в следующем: яркие синонимы, приблизившие не очень четкий текст Иеронима к позднесредневековой латыни, сфокусировали внимание на моменте обмана, сговора и его раскрытия. Чудесна в новом тексте не только кара, постигшая злополучных супругов, но и способ раскрытия апостолом Петром попытки утаить средства («по Откровению»). Более четко обозначена имевшаяся в распоряжении Анании возможность вообще ничего не продавать и, соответственно, не жертвовать общине.

Библейский вариант не говорит ни слова об отлучении супругов от Церкви: кара смертью незамедлительна, одномоментна и не допускает двоякого толкования. Вариант центуриаторов сложнее: налицо отлучение (как мы знаем, об отлучении в связи с Ананией и Сапфирой речь велась и в других локусах, расположенных в других частях книги), воспринятое супругами с такими

эмоциями, которые привели их к эффектной с точки зрения мизансцены кончине.

Резюме, которое центуриаторы вывели из этого эпизода, тоже весьма красноречиво. Во-первых, чудо смерти Анании и Сапфиры было совершено не Петром и не Богом (Богом-Отцом), а непосредственно Иисусом Христом (уже казненным и вознесшимся), действовавшим по особому плану. Обман – это грех, наказанием за который может быть смерть; это открывает широкий простор для самого сурового осуждения любого деяния, которое может подпасть под категорию обмана. При описании первого века христианства, в который Церковь торжествовала, время осуждения деяний отдельных людей еще не настало. В первой центурии авторы «разбрасывают камни», сообщая о замысле Божиим, о программе, в соответствии с которой будут карать других людей, а сами центуриаторы будут судить деятелей более поздних эпох.

Однако продолжим рассмотрение локусов.

378.18 Этот эпизод самый неинтересный. Констатируется, что злые люди живут среди добрых, подобно Анании и Симону Волхву.

356.39 И крещеные люди могут согрешить, поскольку корень зла внутри них не удален и может породить дурные плоды. Снова Анания и Сапфира оказываются в компании Симона Волхва – все они совершили свои злодеяния, будучи уже крещеными.

296.54 В длинном списке «прегрешений против третьей заповеди» (имеются в виду, конечно, заповеди Христовы, а не десять ветхозаветных заповедей на Скрижалях) последними следуют Анания и Сапфира, виновные в грехе «Утаивать что-либо из имущества, собранного для общего пользования общиной». Вы видим, наконец, в чем заключалось, на взгляд центуриаторов, их преступление – не в попытке обмана Бога, а в попытке использовать в личных целях имущество общины.

Итак, мы видим, что приведенные выше краткие формулировки «Указателя» в большинстве случаев не только показывают контекст, в который помещен данный локус, но и (в случае краткости данного локуса) практически исчерпывают его содержание. Можно отметить, что при составлении некоторых локусов центуриаторы не особенно утруждали себя вопросами стилистики. Они полностью передавали библейскую реалию словами Вульгаты, лишь кое-где добавляя от себя единичные слова, более яркие и призванные подчеркнуть что-то концептуально для них важное – например, происки дьявола (не «искушал» (*temptarit*), а «преисполнил» (*implevit*)). В других случаях (например, из столбца 555) текст Вульгаты подвергался основательной перелицовке. Никакого особенного пиетета перед вербальным оформлением Слова Божьего центуриаторы, как мы видели, не испытывали, и это проявилось не только в повседневной практике последователей Лютера, но и даже при создании ученых латинских сочинений. Пренебрегая формой, центуриаторы стремились сберечь суть; в частности, во всех процитированных локусах текста ссылка на Деяния апостолов (только книгу, т. е. Act. 5) имеется.

Однако, этот эпизод важен нам не сам по себе. Конечно, библейский отрывок не мог интерпретироваться авторами «Центурий» под каким-либо другим, отличным от канонического углом зрения. При этом вопрос о происхождении церковного имущества, последующего обогащения Церкви имел для исторической концепции «Центурий» особую важность. Дело в том, что фундаментальный тезис о необоснованности претензий Рима на главенство в христианском мире опирался именно на идею узурпации власти, а в этом процессе одним из основных был материальный ресурс. В поздних томах «Центурий» собраны и в самом красноречивом виде представлены все разнообразные способы незаконного обогащения, и этот поворот сюжета, конечно, был оче-

виден авторам с самого начала работы. Как мы знаем, по версии центуриаторов, отход Церкви от идеального состояния начался во II веке. Теория распределения исторических событий по столетиям – «Центуриям» - давно обсуждается и осуждается в специальной литературе. Уточним, с нашей стороны, что ощущение некоторой искусственности вызывает не столько распределение дат и интерпретация событий, сколько помещение тех или иных тенденций внутрь определенных столетий, причем эти тенденции могут быть мелкими и вне данного столетия малозаметными, а могут и значительно выходить за пределы одного тома и проявляться на материале ряда веков. В полной мере это замечание касается проблемы материального существования христианской Церкви в первые века. Как и на что жили те, кто донес искру учения Христа сквозь гонения до самых времен Константина? В какой момент и по какой конкретной причине наметился отход от «идеального состояния»? Как этот процесс видели центуриаторы и как оценивали его? Рассмотрим связанные с церковными имуществами вопросы подробнее.

Первая часть первого тома «Центурий» посвящена эпохе Иисуса Христа; библейские тексты не позволяют исследователям «выжать» из них никакой информации на тему «имущества Церкви», помимо широко известной. Исходя из представлений о самодостаточности Библии как источника, Центуриаторы вынуждены отделаться самыми общими замечаниями и не искать, как это вообще является «правилом I центурии», других исторических свидетельств. Поскольку время Иисуса являет собой «идеальный порядок», получается, что за этим недостатком информации и молчанием историков скрывается историческая реальность, которая центуриаторов полностью устраивает. Вот как характеризуется обстановка с церковными имуществами (гл. VII «Об управлении Христом Церковью») первом томе первой центурии:

О церковных имуществах.

Выполняя свою миссию, Христос не имел никаких доходов, никаких владений, никаких сокровищ; при этом он бережливо распоряжался милостыней, полученной от других людей. Из истории следует, что хранение и распоряжение ею было поручено Иуде: Иоан 13. Лука в главе 8 рассказывает, что Магдалина, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие служили ему именем своим. Он также наказывал ученикам, чтобы они не предавались алчности и накопительству. Матф. 10. Тем не менее, он учит их кормиться платой и вознаграждением⁷.

В данной цитате приковывает внимание последняя сентенция, не подтверждаемая в тексте «Центурий» никакими цитатами. Слова *stipendiis et mercede* допускают, в общем, различные толкования, на все они ограничиваются понятием платы за услуги, причем почти всегда – в денежной форме. Предположение «висит в воздухе», не опираясь на цитату из заслуживающего полного доверия центуриаторов источника, и по этой причине не находит развернутой аргументации. В то же время, основной обличительный пафос первой части первой центурии посвящен «крайне расстроенным и плачевным»

⁷ ЕН I I 270.25-35. Отметим, что если первая отсылка (на Евангелие от Иоанна) – это свободная интерпретация Писания, то вторая (на Евангелие от Луки) – свидетельство почти точной цитаты. Ср. “*Narrat Lucas capite 8. quod Magdalena et Iohanna uxor Chuzae procuratoris Herodis, et Susanna, et aliae multae Christo ministraverint de facultatibus suis*” (ЕН I I 270.30-34) и “*Maria quae vocatur Magdalene de qua daemonia septem exierant et Iohanna uxor Chuzae procuratoris herodis et Susanna et aliae multae quae ministrabant eis de facultatibus suis*” (Lc 8:2-3). Отметим, по обыкновению, точность цитаты (изменение глагольного времени и выпуск несущественной с точки зрения контекста информации вполне объяснимы).

делам в «церкви иудеев». Что ж, обратимся к построенной вокруг «Деяний апостольских» второй части первого тома. Имел ли эпизод с Ананией и Сапфирой хотя бы косвенное отношение к сформулированной в «Магдебургских Центуриях» концепции формирования земного богатства Церкви?

Во второй части первого тома произведения, названного «Церковная история», логично было бы начать разговор собственно о Церкви, коль скоро она воспринимается как результат деятельности Иисуса Христа, которому был посвящен том предыдущий. Конечно, ни о какой «римской» Церкви речи быть еще не может; под названием «иерусалимская церковь» (*hierosolymitana ecclesia*, причем чаще всего с маленькой буквы) фигурирует совокупность апостолов, действовавших независимо и далеко друг от друга.

Поначалу иерусалимская церковь, как по причине взаимной и крепкой любви друг к другу и единства, так и из-за насилия гонителей, имела общую кассу, в которую они по доброй воле делали взносы для общего пользования. Сперва этой кассой ведали апостолы, как обычные распорядители. Однако по мере роста числа последователей им не удавалось одновременно распоряжаться столом и участвовать в собраниях и молитвах, и тогда с согласия Церкви для управления казной были избраны Диаконы – семь известных своей честностью мужей, исполненных Духа святого и мудрости. Долго ли длилась эта общность имущества в Иерусалиме, отнюдь не ясно⁸.

Анализ информации о более поздних временах, собранной в Деяниях св. апостолов и их Посланиях (а также отчасти у Евсевия), в целом не проливает много света на материальную сторону жизни раннехристианских общин, хотя в нем встречаются, на наш взгляд,

⁸ ЕН I II 514.

свидетельства исключительной скрупулезности работы авторского коллектива.

После убийства Стефана, когда преследования стали более частыми, сообщают, что все рассеялись, кроме Апостолов: Деян. 8. Сообщается также, что один из семи, Филипп, был в Кесарии, Деян. 21, когда Павл в последний раз отправился в Иерусалим. Остались ли прочие диаконы в Иерусалиме или на их место были избраны другие люди, или же общность имущества в этот момент расстроилась, точно не известно. Из того же, что антиохийские верующие при Клавдии послали с Варнавой и Савлом своим братьям в Иудею собранные средства, Деян. 11, а также из того, что Павел принес в Иерусалим собранное для святых, Рим. 15 и Деян. 24, можно сделать вывод, что вплоть до тех самых времен они пользовались общим имуществом. Однако, о том, для бедных ли предназначалось собранное, упомянутое в Гал. 2, мы оставляем каждому возможность судить самостоятельно.

Stephano Interfecto, cum increbresceret persecutio, omnes quidem dispersi, praeter Apostolos, dicuntur: Act. 8. Et Philippus, unus ex septem, Caesareae fuisse dicitur, Act. 21, cum Paulus postremo iret Hierosolymam. Sed an reliqui diaconi manserint Hierosolymis, aut alii sint substituti, an vero communio rerum eo tempore cessarit, incertum est. Ex eo autem, quod discipuli Antiocheni sub Claudio fratribus in Iudaea habitantibus subsidium miserunt per manum Barnabae et Sauli, Act. 11. et quod Paulus Hierosolymam ad sanctos collectam attulit, Rom. 15. et Act. 24 colligi posse videtur, eos adhuc rerum communione et etiam tempore usos esse. Sed cum in pauperes ea collata dicantur Gal. 2, suum cuique hac in re relinquimus iudicium⁹.

⁹ ЕН I II 514-515.

Некоторые моменты из этой цитаты требуют пояснения. Поставим при этом себя на место центуриаторов, принципиально не пользовавшихся для толкования библейских текстов другими источниками, кроме Библии – так им предписывали и соображения иерархии аргументов (локусов), и общий принцип лютеровского учения *Sola scriptura*.

Что касается Филиппа, то для центуриаторов важно то, что, хотя они сами и ограничиваются библейски-иносказательным «один из семи», в тексте Деяний св. апостолов он именуется «диаконом». Это слово в греческом языке когда-то означало «служащий», «служитель», и, как мы уже знаем, применялось для обозначения хранителей общей казны. Достаточно обратиться к главе 21 Деяний, чтобы понять, что перемещения учеников между Кесарией и Иерусалимом описываются в этом тексте довольно общим образом. Центуриаторы не ставят перед собой задачи разобраться, где были остальные, поскольку единственный известный им бесспорный источник больше никак этот вопрос не освещает. Они не стесняются сообщить об этом и своему читателю; отсутствие информации тоже очень важно и отнюдь не тождественно незнанию. Констатированное отсутствие информации позволяет аргументированно возразить тому, кто попытается представить картину с семью «распорядителями казны», досочинив ее выгодным для себя образом. Информации в Библии нет, и это не может быть, по мнению центуриаторов, случайно. Ее отсутствие должно интерпретировать как свидетельство о том, что она – по крайней мере, применительно к веку апостольскому – не так уж и важна.

Антиохийские христиане (к слову, как сообщают Деяния св. апостолов, первые, кто себя назвал этим словом) называются в этом фрагменте Вульгаты (*Act. 11*) *discipuli* (в русском синодальном переводе «ученики», см. Деян. 11:26, 29), поскольку цитируемому фрагменту

непосредственно предшествовал рассказ о благовествовании в этом городе Варнавы и Савла. Центуриаторы подхватывают это же слово, не реконструируя контекст целиком. Что они передавали с Варнавой и Савлом? В Вульгате сказано, что отдельные «ученики» решили послать собранное сообразно возможностям каждого в качестве помощи (*prout quis habebat... in ministerium mittere*, Акт. 11:29), как они и поступили. Понятно, слово *ministerium* в XVI веке в данном контексте употреблять было уже нельзя, и пришлось очень осторожно заменить его гораздо более понятным, но совершенно не библейским *subsidium*. Подобный шаг в отношении слова *sanctus* (*ad sanctos*, «для святых», Рим. 15:31) сделан не был, поскольку это слово широко употребляется в Послании к римлянам как синоним понятия «уверовавший, верующий», в нашем сегодняшнем узусе – «христианин»

Наконец, шедевр профессионализма центуриаторов – толкование фрагмента из Послания к Галатам. Во второй главе Послания довольно сложно обнаружить те слова, которые центуриаторы могли иметь в виду. Здесь вновь, как и в Рим.15 и в Деян. 24, речь идет о последнем путешествии апостола Павла в Иерусалим. Центуриаторы исходили из предположения (видимо, отчасти интуитивного), что именно это путешествие является наилучшей иллюстрацией принятых между апостолами взаимоотношений, и если уж искать следы информации об их денежных делах, то следует исчерпать именно этот сюжет. Это путешествие апостола описывается (или только упоминается) в целом ряде новозаветных текстов, и цитировать все центуриаторам не было никакой необходимости, особенно с учетом того, что другие фрагменты либо ничего не могут добавить к обсуждаемому имущественному вопросу, либо их информация по сравнению с вышеприведенной несущественна. Вторая книга Послания рассказывает главным образом об отношениях Кифы и Иоанна к апостольству Павла среди

язычников, а также о противостоянии Павла и Петра. Что же они разглядели в этой главе Послания авторы «Магдебургских Центурий»?

Обнаружить зацепку в тексте этой небольшой главы Послания удалось далеко не сразу, при том, что она расположена в первых же строках. Мы предположили, что секрет заключается в интерпретации следующих строк.

Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита.

² Ходил же по откровению и предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался.

[...]

⁶ И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного, Бог не взирает на лицо человека. И знаменитые не возложили на меня ничего более.

⁷ Напротив того, [...]

⁹ и узнавши о благодати, данной мне, Иаков и Ки-фа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им – к обрезанным,

¹⁰ только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности.

Гал. 2:1-10

В версии Вульгаты:

deinde post annos quattuordecim iterum ascendi Hierosolyma cum Barnaba adsumpto et Tito

² *ascendi autem secundum revelationem et contuli cum illis evangelium quod praedico in gentibus*

seorsum autem his qui videbantur

ne forte in vacuum currerem aut cucurrissem

[...]

⁶ *ab his qui videbantur esse aliquid
quales aliquando fuerint nihil mea interest
Deus personam hominis non accipit
mihi enim qui videbantur nihil contulerunt*

⁷ *sed e contra [...]*

⁹ *et cum cognovissent gratiam quae data est mihi
Iacobus et Cephas et Iohannes qui videbantur
columnae esse*

*dextras dederunt mihi et Barnabae societatis
ut nos in gentes ipsi autem in circumcisionem*

¹⁰ *tantum ut pauperum memores essemus
quod etiam sollicitus fui hoc ipsum facere*

Все кажется довольно понятным: Павел, Варнава и Тит пришли в Иерусалим, где показали руководителям местной общины последователей Христа, каким образом они проповедают язычникам. Получив их одобрение, апостолы получили благословение на дальнейшую проповедь и отправились. Однако «почитаемые столпами» Иаков, Кифа (то есть Петр) и Иоанн упоминаются не в начале отрывка, где идет речь о целевой аудитории показательной проповеди, а к концу, где речь идет об одобрении. Случайно ли это?

Наше внимание приковало выражение *qui videbantur* – «которые были видны», то есть мужи «видные», «заметные», встречающееся во 2 и 6 стихе (слова *qui videbantur* в 9 стихе являются частью оборота *qui videbantur columnae esse* «почитаемые столпами» и лишь случайно совпадают с семантически наполненным и законченным словосочетанием из 2 и 6 стиха). Соответствует ли оно по степени высказываемого уважения и даже пиетета тому, которое используется в качестве эпитета трех выдающихся лидеров? Конечно, нет. Ход мысли авторов «Центурий», принципиально не пользовавшихся другими текстами для разъяснения Писания,

был следующий: Павел выступал перед людьми, «видными» в ином отношении. Создатели современной версии латинской Библии, принятой на II Ватиканском соборе, считают необходимым уточнить среди сравнительно немногих корректировок именно это выражение – *qui observabantur*, т. е. «люди, которые были на виду». Может помочь слово *seorsum*, которое следует принимать как наречие «отдельно». Необходимо затребовать помощь оригинального текста – греческого. Гал. 2:2 выглядит следующим образом:

ἀνέβην δὲ κατὰ ἀποκάλυψιν · καὶ ἀνεθέμην αὐτοῖς τὸ εὐαγγέλιον ὃ κηρύσσω ἐν τοῖς ἔθνεσιν, κατ' ἰδίαν δὲ τοῖς δοκοῦσιν, μὴ πως εἰς κενὸν τρέχω ἢ ἔδραμον.

Здесь встречается выражение *κατ' ἰδίαν*, которое допускает толкование «в частности» с оттенком «особо», «отдельно». В латинском языке, видимо, самым близким словом будет *seorsum*, и потеря оттенка при переводе очевидна. Мы докопались до сути: Павел сотоварищи проповедовали во время своего последнего визита в Иерусалим разным людям, причем отдельно – людям, занимающим в обществе привилегированное положение, пользующимся особым авторитетом. И здесь нам поможет древнегреческий язык. Слово *δοκοῦσιν* является формой дательного падежа множественного числа причастия настоящего времени активного залога *δοκοῦν*, восходящего, в свою очередь, к глаголу *δοκέω* – «казаться». Субстантивированное причастие *οἱ δοκοῦντες* в значении «могущественные, влиятельные люди» встречается и у Еврипида, и у Платона. Таким образом, оно даже «древнее» Евангелия и принадлежит к стилистическому страту древнегреческого языка, отлично знакомого центуриаторам (вспомним, что Флаций толковал Аристотеля еще в бытность свою

преподавателем в Виттенберге, задолго до начала работы над «Центуриями»¹⁰.

Итак, очевидно, что Павел, Варнава и Тит шли в Иерусалим не специально для того, чтобы выступить перед другими апостолами, а с другой целью. Выступая перед иерусалимскими верующими, они не забыли и, говоря сегодняшним языком, «вип-персон». Но что в контексте вышесказанного означает встречающееся в Гал 2:10 напоминание о нищих¹¹?

Вероятно, пришедшие в Иерусалим еще не раздали местным нищим того, что принесли с собой из Антиохии. Это значило, что они обязаны были не просто оказать помощь нуждающимся, а выступить «перераспределителями» общей собственности, накопленной в Антиохии. В этом случае собранное (в Центуриях *collecta* или даже *collata*) отождествляется с имуществом Церкви в целом, о котором и ведется речь в данном фрагменте. Могло оно и означать обычное напоминание о том, что в дальнейшей деятельности следует помнить о беднейших слоях, не ограничивая аудитории своей проповеди людьми «видными». Таким образом, дальнейшие умозаключения читателя могут пойти как по пути интерпретации собственности для помощи бедным как одной из приоритетных линий повседневной деятельности апостолов (а вслед за ними – и Церкви в целом), так и в сторону менее обязывающего толкования слов и понятий Писания. Во втором случае

¹⁰ Отметим, что перевод св. Иеронима *qui videbantur* оказывается самым точным этимологически, но, увы, затрудняет интерпретацию текста, особенно сегодняшнему читателю.

¹¹ Отметим также, что русский текст, как это часто бывает, точнее соответствует греческому, чем латинскому Вульгаты. Встречающееся в тексте Послания к Галатам *πτωχός* правильно переводить словом «нищий», в то время как латинское *pauper* соответствует самому нейтральному и распространенному из греческих синонимов – слову *πένης*.

стих с «нищими» (Гал. 2:10) может не связываться логически со стихами о «знаменитейших» (Гал 2:2 и 2:6). Это значит, что читатель отталкивается от текста второй главы Послания как от перечисления событий одно за другим, а не как от глубоко структурированного послания, в котором нет места случайным совпадениям. Как бы то ни было, центуриаторы проявили в обработке данного эпизода сразу несколько своих лучших профессиональных качеств.

Во-первых, их безусловной заслугой является то, что они заметили данный эпизод на фоне других локусов Писания, из которых можно было бы почерпнуть информацию о церковных имуществах. Фактически одно слово означало для них целый сюжетный поворот. Во-вторых, они хорошо разбирались в смысле этих слов, понимая, что данный фрагмент, как и текст Писания в целом, не подлежит «простой» интерпретации с соблюдением единства эпистемиологического подхода. В-третьих, они не стали навязывать своего мнения и делать глубокомысленные выводы, если текст Писания не дает им такой возможности. Они сознательно воздерживаются от догадок и «додумывания» текста, избегая даже невысказанных конъектур. Одновременно они пользуются своим излюбленным в I томе приемом – «закрывают» тему, по которой нет возможности вынести очевидный вердикт. Оставляя возможность каждому интерпретировать Писание по-своему, они не только действуют в соответствии с лютеровской доктриной, приглашая читателя самостоятельно толковать Библию, но и предотвращают возможные махинации с этим локусом, лишая силы возможную попытку их опровержения сторонниками поиска «единственно верной точки зрения».

Подробный анализ приведенной выше цитаты позволяет нам по-новому увидеть и методологические глубины и пределы «Центурий», Из этой цитаты мы видим не только эпистемиологические пределы реконструкции истории I в. по библейским источникам, но и то, как бе-

регли центуриаторы мельчайшие фрагменты источника, могущие дать хоть какую-то информацию. Нахождение «позитивной» информации в Послании к Галатам производит сильное впечатление. Очевидно, такой уровень «вытягивания» информации из источника, такая тщательная его проработка были недоступны исследователям-одиночкам, особенно в те далекие времена.

Как мы видим, в «Центуриях» соблюдается основополагающий принцип лютеранства – Библия толкуется только через саму Библию (принцип *Scriptura sola*), но при этом собственные умозаключения ученых мужей могут быть использованы для разъяснения мест, оставшихся непонятыми. Как только привлекается другой источник сведений, не входящий в состав Священного Писания, критицизм авторов приобретает право на существование, и «мушки из Магдебурга» себя не ограничивают.

А что дальше? А дальше выясняется, что по поводу других городов и земель никакой «позитивной» информации найти не удалось. «Насчет того, была ли подобная общность имуществ в других церквях, ни истории не рассказывают, ни представляется возможным выяснить другим способом». В тексте и Деяний св. апостолов, и Посланий найдены свидетельства о том, что у римских, коринфских, фессалоникийских и многих других христиан имелось свое имущество, которое никак не соотносилось с имуществом христиан в Иерусалиме и даже других крупных городах. У ведущих лидеров новой религии, оказывается, также отмечалось также наличие собственности. В частности, центуриаторы указывают на Иоанна, а также на «авторов Послания к Евреям и Послания Иакова». Евсевий, правда, пытался утверждать, что крещенные Марком жители Александрии пользовались всем имуществом общца, но был раскритикован центуриаторами: и Филон, на которого ссылался Евсевий, писал о эссеях, а не о христианах, и умозаключения самого Евсевия суть ни что иное, как конъектуры. К слову, этот мо-

мент – единственный в разделе «О церковных имуществах», отталкивающийся не от библейского источника. Сам же Библия настойчиво подтверждает тезис о том, что ранние христиане «каждый в отдельности вносили в общую кассу, сообразно своему достатку, во время массовых соборщ» (*in publicis congressibus*)¹². И Павел, и Петр упоминают о «церковном имуществе» - это понятие им хорошо известно. Подробно разбирается вопрос о том, могли ли распоряжаться общим имуществом только «диаконы», и об ответственности одних «материально ответственных лиц» перед другими (в частности, Тимофея перед Павлом). Подробно перечисляются все фрагменты из Писания, по которым можно заключить, что из общего фонда выплачивались суммы не только нуждающимся нищим, вдовцам и старикам, но и «служащим Церкви». Правда, отмечается в тексте «Центурий», конкретные суммы выплат церковникам восстановить уже не удастся. Наконец, отдельно подчеркивается и доказывается, что содержание деятелей Церкви было вполне достаточным, чтобы обеспечить их пищей и одеждой (*victus et amictus*), однако и сами они не злоупотребляли поддержкой из общего имущества, и другим воспрещали. И Петр, и Павел указывали, что стремление к роскоши и богатству является признаком жадности псевдоапостолов.

Мы видим, что в Новом Завете все фрагменты, позволяющие делать хоть какие-то умозаключения по поводу церковных имуществ, подобраны скрупулезно. Некоторые из них цитируются неоднократно. В частности, небольшой локус из Первого послания к Тимофею (1 Тим. 5¹³) цитируется и в качестве констатации знакомства Павла с понятием «церковное имущество», и по поводу финансовых взаимо-

¹² ЕН I П 515.30-31.

¹³ Здесь (ст. 16) апостол Павел указывает, например, что следует поддерживать материально только тех вдов, у которых нет родственников среди верующих.

отношений Тимофея и Павла, и для доказательства, что Церковь, помимо непосредственно трудящихся на ее благо людей, содержала и нуждающихся.

Самое интересное в разделе *De bonis Ecclesiae* – это не то, что в ней есть, а то, чего в ней нет: ни одной ссылки на главу 5 Деяний св. апостолов, в которой приводится рассказ об Анании и Сапфире! Новый Завет изучен доскональным образом, все имеющиеся отношение локусы тщательно подобраны и прокомментированы, иногда – при помощи сложных и неочевидных умозаключений. Некоторые локусы «свидетельствуют» не единожды, и с помощью этого приема картина становится полной, производит впечатление исчерпывающей. С другой стороны, история об Анании и Сапфире хорошо известна, потому что приводится, как мы видели, также неоднократно. В то же время она могла бы превосходно проиллюстрировать тезис об общности имуществ верующих, о традиции сбора пожертвований прилюдно, о руководящей роли предстоятелей, наконец, о личном участии апостола Петра! И такой материал не был использован! Отметим также умозаключение, сделанное центуриаторами по поводу Анании и Сапфиры в 174.5: обманщики утаили из цены поля, которое уже было пожертвовано общине. Для главы о церковных имуществах это сообщение могло бы иметь особенную ценность, поскольку (если бы оно было бесспорно истинным) свидетельствовало бы, например, о том, что общине дарились не только средства, но и земельные фонды, продать которые было обязанностью жертвователей, и т. п. Центуриаторы сознательно пренебрегают этой информацией, несмотря на то, что она значительно разнообразила бы и обогатила соответствующую главу. Пренебрегают они и «великим страхом», который мог бы свидетельствовать о большом скоплении народа на этих собраниях (*in publicis congressibus*), и некоторыми другими важными деталями. Почему яркий эпизод об

Анании и Сапфире, тщательно проанализированный в ряде локусов и представленный в самых различных главах «Центурий», обойден молчанием там, где ему самое место – в разделе «О церковных имуществах»? Может быть, все дело в жестокости наказания? Ведь «отлучение», о котором в библейском отрывке нет ни слова и о котором говорят центуриаторы, может выглядеть натяжкой! Нам представляется, что закончившаяся закономерной смертью Анании и Сапфиры кара вполне соответствует по «тональности» лютеровской критике Рима вообще и должна была особенно привлекать именно гнесиолютеран – течения «непримиримых», лидером которых являлся руководитель проекта «Центурий» Матиас Флаций Иллирик.

Тезис о случайном пропуске эпизода при составлении раздела *De bonis ecclesiae* мы отвергнем как категорически неприемлемый: напротив, мы видели ряд примеров, когда один локус использовался несколько раз. Это, в свою очередь, могло свидетельствовать о том, что в коллективе авторов одной работой по распределению локусов по темам занимались несколько человек, каждый из которых «пристраивал» данный локус на то или иное место. Такое совпадение, при котором все они дружно пропускают широко известный рассказ об Анании и Сапфире, будет просто невероятным. Причины пренебрежения этим ярким эпизодом никак не освещены, и мы выдвинем следующую версию.

В библейском эпизоде присутствуют не только наставления, но и последовательное описание событий, конфликт, в котором противопоставляются отрицательные персонажи (обманщики Анания и Сапфира) и положительные, персонифицированные в апостоле Петре (ибо сложно считать «юношей» персонажами конкретными, а не обобщением или даже не иносказательным метафорическим приемом). Таким образом, в противостоянии Анании и Петра мы видим персонифицирован-

ное столкновение Зла и Добра. Если же попытаться вычлени из этого библейского рассказа «позитивную» информацию для исторической книги, получится, что действие, которое должно проиллюстрировать интересное для историков явление, совершено людьми неправедными, к тому же незамедлительно наказанными. Таким образом, это действие может быть поставлено (как центуриаторами, так и будущими критиками «Центурий» от лица римской Курии) под сомнение с точки зрения морали. Когда действие совершается апостолами, пресвитерами или простыми праведниками, оно вполне «годится», так как в эпоху «золотого века» деяния праведников служат основной моделью реализации этого идеального порядка вещей.

Сюжет Деяний апостольских и Посланий сконцентрирован вокруг распространения новой веры и гонений на нее. Таким образом, персонажи представляют либо христиан, либо их врагов. Анания и Сапфира – злодеи среди ранних христиан, и таких неправедников на страницах Деяний и Посланий апостольских немного (один из них – Симон Волхв, несколько раз упомянутый на страницах второго тома первой центурии вместе с Ананией). Конечно, строгость Петра при наказании этих двух обманщиков тоже потребует своего объяснения: может ли их разоблачение заканчиваться смертью? Закономерно ли это? Подавляющее большинство локусов, на которые центуриаторы ссылаются, описывают взаимоотношения людей внутри христианской общины. Во времена описанного в «Магдебургских Центуриях» своеобразного «Золотого века» христианской истории внутри этих общин собираются в основном люди положительные, контрастирующие с современным центуриаторам развратом, и на контрасте с ними особенно сподручно будет в последующих томах бичевать различные «искажения», допущенные римской Курией. Таким образом, центуриаторы предпочли замолчать информа-

цию, безусловно выигрышную для их реконструкции, дабы не быть обвиненными в очернении библейского прошлого, в поиске негативной информации о христианах эпохи «идеальной Церкви».

На основании вышеизложенного можно сделать важный вывод о том, что «Магдебургские Центурии» стали большим шагом вперед в деле интерпретации Библии как исторического источника. Мельчор Кано не знал, что не все локусы Писания равны между собой. Центуриаторы, первыми столкнувшись с необходимостью сопоставить между собой абсолютно все локусы Священного Писания, были вынуждены допустить их неравенство и, вследствие этого, дифференцировать свое к ним отношение. Конечно, даже «отвергнутые» или обойденные вниманием локусы уступают место только другим фрагментам Писания, и ни что другое не способно их опровергнуть. Тем не менее, уже первые лютеранские историки делают важнейший шаг по пути рационализации использования Библии как исторического источника, превыше всего (пусть и исходя из глубокого конфессионального интереса) ставя профессионализм исторического исследования.

Литература

Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. XIII Vv. Basileae, apud Io. Oporinum, 1559-1574. Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae, opus varia rerum, hoc praesertim tempore scitu

dignissimarum, cognitione refertum..., cum Praefatione Matth. Flacii Illyrici. Basileae, Oporinus, 1556.

Baur F. Ch. Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen, 1852.

Bibl V. Der Briefwechsel zwischen Flacius und Nidbruck. In: Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich. Wien. XVII. Jahrgang (1896), S. 1-24, XVIII. Jahrgang (1897), S. 201-238; XIX. Jahrgang (1898), S. 96-110; XX. Jahrgang (1899), S. 83-116.

Bibl V. Nidbruck und Tanner. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien und zur Charakteristik König Maximilians II. Wien, 1898.

Duch A. Eine verlorene Handschrift der Schriften Bernos von Reichenau in den Magdeburger Centurien. In: Zeitschrift für Kirchengeschichte, LIII. Band, (1934), S. 417-435.

Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Freiburg, 1967.

Nigg W. Die Kirchengeschichtsschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München, C. H. Beck, 1934.

Schaumkell E. Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Ludwigslust, 1898.

Schottenloher K. Handschriftensätze zu Regensburg im Dienste der Zenturiatoren (1554-1562). In: Zentralblatt für Bibliothekswesen. XXXIV. Jahrgang (1917), S. 67-82.

Schulte J.W. Beiträge zur Entstehungsgeschichte des Magdeburger Centurien. In: Bericht der Philomathie in Neisse, Bd. 19, 1874-1877, S.50-154.

Städlin C.F. Geschichte und Literatur der Kirchengeschichte. Hannover, 1827.

Steinmann M. Aus dem Briefwechsel des Basler Buchdruckers Johannes Oporinus. In: Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. 69 (1969), S. 103-203.

Strecker K. Quellen des Flacius Illyricus. In: Zeitschrift für deutsches Altertum und Deutsche Literatur. 66. Band, 1. H. (1929), S. 65-67.

Лебедев А. П. Церковная историография в главных её представителях с IV по XX в. СПб., 1903.

М.П. Айзенштат

**ИСТОРИЯ КАК КОМПОНЕНТ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПОЛЕМИКИ БРИТАНИИ 1750-
1770-Х ГГ.**

Аннотация: Статья посвящена повседневным представлениям британских парламентариев об истории. Автор показывает роль исторических примеров в парламентской дискуссии. Особенно показательным является обращение членов парламента к историческому опыту Англии (в частности, к событиям XVII в.) в то время, когда назревал конфликт между Великобританией и её американскими колониями.

Ключевые слова: представления об истории, парламент, исторический опыт, Английская буржуазная революция XVII в.

Об авторе: Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. m.aizen@mail.ru

Marina Aizenshtat

**HISTORY AS A COMPONENT OF PARLIAMENTARY
POLEMIC IN BRITAIN, c. 1750 – c. 1780.**

Abstract: The article is devoted to the everyday notions about the history of the members of British Parliament. The author demonstrates the role of historical examples in parliamentary debates. Especially significant is the treatment by the members of parliament of the historical experience of England (in particular, the events of the 17th century.) at the period of acute conflict between Britain and its American colonies.

Key words: ideas about history, Parliament, historical experience, 17th-century English Revolution.

About the Author: Marina Aizenshtat, Doctor of History, senior researcher at the Institute of World History of RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A. m.aizen@mail.ru

Изучение истории исторического знания на протяжении последних десяти-пятнадцати лет вышло за границы исследования историописания, представлений того или иного автора об истории, методов, целей и задач ее изложения и т.д. Был поставлен вопрос как, о так

сказать, «физической» судьбе рукописи автора – ее публикации, распространении, формировании библиотек; так и «духовной», интеллектуальной жизни текста – понимании и осознании его читателем, ретрансляции прочитанного, либо собственном осмыслении прошлого. Сотрудниками Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН¹ и в другими исследователями успешно разрабатывается более широкий подход; в их работах на конкретном материале изучен отклик читателей, судьба рукописей и их издание. Таким образом, обозначилась тенденция к расширенному, разноплановому изучению истории исторического знания, немаловажное место в котором заняла и проблема его значимости в политических дискуссиях².

Среди проблем такого расширенного изучения истории исторического знания источники периода Новой истории позволяют более подробно остановиться на теме осознания истории и ретрансляции собственных представлений.

В XVIII столетии в наиболее полной мере и то, и другое проявилось в политической полемике. Эти дискуссии велись на страницах журналов и в памфлетах, в редких предвыборных столкновениях кандидатов, наконец, в стенах парламента в ходе парламентских дебатов. На протяжении столетия двор терял свои политические функции, а парламент постепенно превращался в средоточие политической жизни королевства. При этом, исто-

¹ См., например, *Марина Бобкова*. Историческое знание в Западной Европе раннего Нового времени. Историографическая революция эпохи катастроф. Монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 529 С.; *Бобкова М.С., Мереминский С.Г.* (отв.ред.). Терминология исторической науки. Историописание. М., 2008.; *Мереминский С.Г.* (отв.ред.) *Формы и способы презентации времени в истории*. М., 2009; *Айзенштат М.П.* (отв. ред.) *Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории*. М., 2012; и др.

² *Айзенштат М.П.* (отв. ред.) *Исторический факт как аргумент политической полемики*. М., 2011.

рия, прошлое в парламентской практике занимали важное место в силу существования прецедентного права и роли традиционализма в жизни британского общества. Именно они предопределяли необходимость знания истории членами парламента, особенно наиболее честолюбивыми политическими и государственными деятелями, которые стремились выдвинуться на государственном поприще. Обращение к парламентской дискуссии позволяет выявить представления о прошлом довольно однородного социального слоя – дворянства, на тот момент наиболее образованной части общества. Выходцы из дворянских семей составляли подавляющее большинство в обеих палатах. Таким образом, они являются своего рода репрезентативной группой³. А анализ высказываний членов такой группы дает возможность изучения взглядов на историю на повседневном уровне в конкретные периоды истории страны.

Полемика, которая велась в стенах обеих палат в XVIII в., представлена в «Парламентской истории Англии»⁴. Ее отзвуки можно встретить в дневниках, переписке, мемуарах участников. Но именно дискуссию тех лет в наиболее полном объеме представляет только «История», хотя и вторичный по своему характеру источник. Дебаты были реконструированы по журналам палат, сохранившимся материалам современников, по прессе, и опубликованы в начале XIX в. Несмотря на вторичность издания и неизбежные лакуны, «Парламентская история» сохраняет свое значение для исследования эпохи. Она предоставляет возможность изучения не только политической истории, законотворческой деятельности депутатов,

³ О проблеме источников для изучения представлений о прошлом различных социальных групп см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С.77-99.

⁴ The Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. L.(Далее – PH)

но и ознакомления с духом эпохи, настроениями и взглядами определенной социальной группы, заседавшей в парламенте. В том числе их видение прошлого и того места, которое оно занимало в дискуссиях, протекавших в парламенте. Ранее проведенный автором настоящей статьи анализ дебатов середины века оказался успешным⁵. Были выявлены любопытные подробности, важные как для исследования истории исторического знания, так и для изучения политической истории.

Среди наиболее значимых особенностей исторических взглядов парламентариев в 50-е гг. XVIII в. необходимо отметить отношение к событиям середины XVII столетия. Его с полным основанием можно характеризовать как очень осторожное, что напрямую было связано с парадоксальной политической ситуацией. Государственно-политический режим Британии XVIII в. был установлен в результате Славной революции, когда, по сути, произошел дворцовый переворот, и был принят Билль о правах. Сомнения в праве свержения «плохого монарха» с трона ставили под угрозу сложившуюся систему разделения властных полномочий и статуса парламента. В то же время немислимым представлялось и оправдание бунта подданных и последовавшей казни короля. В связи с этим отдельные упоминания становились своего рода предостережением, намеком на возможные трагические последствия неверных решений. Имя короля Карла I практически не упоминалось.

Далее, это – схематичное, упрощенное представление об истории страны. Завоеванием германских племен объяснялось формирование социальной структуры и социальных связей, статуса отдельного человека; всей системы землепользования. Дворянство и фригольдеры

⁵ *Айзенштат М.П.* Прошлое как компонент парламентской полемики / Исторический факт как аргумент политической полемики. С.137-149; *Она же.* Политика и история в Британии в середине XVIII в. / Британская ойкумена российской новистики. Казань, 2010. С.121-128.

рассматривались прямыми потомками завоевателей, а остальные жители королевства – прямыми потомками местного населения. По сути, подобная точка зрения являла собой отрицание развития общества.

Не менее важными оказались выявленные подробности политической жизни королевства. К ним следует отнести, прежде всего, нарушение закона о выборах. Избрание не двух, как это утвердилось в парламентской практике с XIV в., а более «рыцарей» от графств, несмотря на предусмотренные суровые наказания. Хотя и редкие, единичные решения шерифов свидетельствовали о нарастающих на местах политических разногласий со времени восшествия Вильгельма Оранского. Таким образом, можно утверждать, что политическое размежевание после Славной революции принимало и такие необычные формы.

Полемика по результатам выборов в графстве Оксфорд позволила выявить и другое нарушение. А именно, допуск к выборам копигольдеров при наличии цензового для фригольдеров дохода. Дискуссия показала, что они повсеместно участвовали в выборах в Уэльсе и в некоторых других графствах Англии. Тогда как право избирать в парламент копигольдеры получили лишь благодаря первой парламентской реформе, проведенной в 1832 г.

Анализ дебатов 1770-х годов дает возможность провести сравнительный анализ, обозначить те общие и отличительные черты, а также динамику обращения к прошлому в парламентской полемике.

1750-е гг. – время относительно стабильное с точки зрения внутривнутриполитической истории страны. 1770-е годы существенно отличаются от них. Начало промышленной революции и сопутствующих ей перемен социального и политического характера, отзвуки дела Д. Уилкса, зарождение радикального движения, нарастание напряжения в отношениях с американскими колонистами и начало войны с ними⁶. Схематично упомянуты

⁶ Подробнее о политической ситуации обоих десятилетий см.: *Айзенштат М.П.* Британия нового времени. Политическая

только наиболее важные события нового десятилетия. И апелляция к истории в стенах парламента явилась как отражением, так и проявлением этих событий и изменений в жизни страны. Прежде всего, обратим внимание на объем опубликованных материалов дебатов⁷. На этом увеличении освещения хода дебатов сказалась, на наш взгляд, близость ко времени издания самих томов, которая обеспечила более подробную информацию. Существенную роль сыграло противостояние парламента и лондонского Сити. Его результатом стал доступ журналистов на заседания парламента и возможность публиковать отчеты о них в газетах. Но решающую роль сыграли длительные дебаты, посвященные ситуации в Америке, подготовке к войне и началу военных действий.

Характерным отличием стало также и упоминание статутов прежних правителей. В середине столетия оно было частым и довольно подробным, порой звучал их длинный перечень. В 1770-е годы такие упоминания существенно сократились. Это можно объяснить, в первую очередь, проявлением изменений в жизни общества: появились дела, которые не имели прецедента. Среди них: индийский билль, разрешение иностранцам вкладывать деньги в вест-индские плантации, бостонское чаепитие. Не имел аналогов и вопрос о литературной собственности (авторского права). Издательское дело расширялось, владельцы типографий печатали книги без ведома авторов и не выплачивали им гонораров. В силу этого – парламентариям приходилось ссылаться уже не на столь отдаленное прошлое, как прежде. Все реже звучали ссылки на законы, принятые ранее правле-

история М., 2007; *Она же*. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009; *Семенов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

⁷ РН, v. 14. 1747-1753. L., 1813; v.15. 1753-1765. L., 1813; v. 16. 1765-1771. L., 1813; v.17. 1771-1774. L., 1813; v.18. 1774-1777; v.19. 1777-1778. L., 1814; v.20. 1778-1780. L., 1814.

ния Елизаветы I. Чаще всего встречается обращение к временам правления первых Стюартов – т.е. первой половине XVII в.⁸

Важным отличием стало отсутствие прежнего единодушия в палатах. 1750-е гг. – время безраздельного правления вигов. Из-за того, что тори потеряли своего покровителя наследника престола принца Фридриха, налицо была слабость оппозиции. В 1770-е гг. складывалась иная ситуация, когда монарх отстранил вигов от власти. Однако оппозиция окрепла. Именно представители вигов чаще прибегали к примерам из прошлого. Наиболее характерна такая апелляция для Э. Берка. Пожалуй, можно утверждать, что фраза «обратимся к истории прежних времен» являлась характерной для духа его выступлений⁹. Ч. Фокс использовал в своих речах примеры из истории реже, скорее даже эпизодически. В этом сказывался не столько уровень образования, знаний, сколько склонность Берка к размышлениям, анализу происходивших событий.

Расширилась география упоминаемых исторических событий. Приводились примеры из истории Рима и Афин; раннего Нового времени Франции, Испании, Австрии, Швеции, Нидерландов, Китая. Из упоминаемых античных историков кроме Тацита – звучали имена Ливия и Фукидид¹⁰.

Какую роль играла история в парламентской полемике? Прежде всего, ей отводились назидательные функции. История выступала в роли ментора, учителя. Неоднократно звучали слова: «история учит». В наиболее спорных, либо сложных ситуациях могли раздаться такие слова: «пусть этот пример станет для нас уроком»¹¹.

⁸ См., например: РН, v. 18. P.1144, 1146, 1207,1210, 1216, 1221; v. 19. P. 82-86, 111-115, 125-126, 300-302; v. 20. P. 60, 69, etc.

⁹ См., например: РН, v. 18.P. 1154.

¹⁰ См., например: РН, v. 18. P. 886, 1032, 1049, 1061, 1073, 1169; v.19. P. 29, 37, 119, 203, 489, 528; v. 20. P. 4-5, etc.

¹¹ См., например: РН, v. 16. P.651; v. 18. 1154.

Обращение к истории служило для подкрепления собственной позиции. «Наша история – это компендиум прецедентов», говорил Уильям Мередит¹². И действительно, прошлое предоставляло аргументы для всех противоборствующих сторон: Так, законность исключения Д.Уилкса из числа членов парламента сторонники правительства обосновывали подобными примерами. Они утверждали, что такие же действия властей в прошлом не спровоцировали «беспокойства» народа, и не привели к волнениям. А глава кабинета Лорд Норт ссылался на прецеденты наказаний городов при обсуждении ситуации с мятежным Бостоном и др.¹³.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на нередкое упоминание ошибок правителей прежних времен. Такие упоминания становились своего рода предостережением от неверного (по мнению оратора) шага. Когда обсуждался вопрос об аресте олдерменов лондонского Сити, было сказано, буквально, следующее. Яков II отправил в тюрьму 7 епископов и результат не замедлил сказаться, а именно - заключенные стали героями. При этом ораторы ссылались не только на действия правителей Британии, но и монархов других стран¹⁴.

Естественно, история Британии превалировала в речах членов депутатского корпуса. Главными действующими лицами прошлого выступали парламент, народ и монархи.

Понятие «народ» не раскрывалось ни в одной из речей в 1770-е гг. Хотя в десятилетие середины века также не встречалось подробного перечисления тех социальных групп и их характеристик, которые бы дали возможность понять представления парламентариев о народе. Тем не менее, дискуссия о копигольдерах показала, что для определенной части парламентского кор-

¹² См., например: РН, v. 17. P. 30.

¹³ См., например: РН, v. 16, p 814; v. 18 P. 1180, 1148; v. 19. P. 77, 203.

¹⁴ См., например,: РН, v. 17. P. 134; v. 18. P. 1036.

пуса народ являл собой потомков местных завоеванных жителей Альбиона.

Парламент на протяжении своей истории обычно характеризовался как защитник прав народа, выступавший против власти короны. На протяжении веков он стоял на страже свободы личности и свободы собственности, безопасности и порядка, и т.д.¹⁵ В истории парламента обычно выделялись акты конституционного характера – Великая Хартия Вольностей и Билль о правах, упоминалась также Петиция о праве.

При этом неизменно сохранялись представления прошедших лет, а среди них особое место заняло утверждение о ежегодных выборах в парламент. Этот тезис был обусловлен своеобразным толкованием ранней истории Англии. Наиболее ярким и регулярным изложением такой истории стали выступления олддермена Соубриджа.

Суть его речей сводилась к следующим положениям. Конституцию впервые ввели саксы. А они ежегодно избирали офицеров. Законы и традиции саксов сохранились при установлении монархии и просуществовали вплоть до норманнского завоевания. Тогда и был нанесен удар по «нашей превосходной конституции»; «законную, равноправную и свободную форму управления сменила монархическая тирания». Гражданское право сменило право обычное. С этого времени все смешалось, народ воевал с королями, не доверяя им. Это продолжалось до тех пор, пока не заставили Иоанна Безземельного подписать Великую хартию. Преемник Иоанна восстановил парламент. Однако истинный парламент появился при Эдуарде III. Эдуард постановил, что парламент должен собираться ежегодно, а если необходимо, то и чаще. На протяжении его 50-летнего правления было 44 парламента – отсюда Соубриджем и делался вывод, что сроки полномочий парламента не превышали одного года. И так велось вплоть до Генриха VIII.

¹⁵ РН, v. 17. P. 30; v. 18. P.1015; v. 19. P. 498; etc.

Генрих VIII был тираном, и даже некоторое время правил без парламента, а когда собрал его, то намеревался полностью подчинить своей воле. Этот парламент просуществовал 7 лет до тех пор, пока сами его члены не обратились к королю с петицией, где содержалась просьба о роспуске.

Следующим длительным по времени был Долгий парламент. Однако оратор заявил, что не берется ни осуждать, ни защищать противостояние сторон тех дней, избегая тем самым необходимости высказать оценку произошедших драматических событий

Далее. Реставрация возвратила к жизни парламент, но при Карле II начался подкуп коммонеров. Для того, чтобы покончить с коррупцией после Революции (Славной) принят трехгодичный акт. Он был принят, не смотря на позицию монарха – Вильгельма Оранского. Вильгельм считал, что такие частые выборы обременительны для казны из-за расходов, которые с ними связаны. В 1716 г. через 2 года после восшествия Ганноверов введен 7-летний срок полномочий парламента. Оратор оправдывал эту меру: время было «тревожное» из-за свергнутых, но пытавшихся вернуться на трон Стюартов. По сей день, утверждал Соубридж, в парламенте процветает коррупция. Коммонеры рассматривают себя не представителями народа, а лицами, которые получили собственность и выгодно сдали ее в аренду¹⁶.

Эти идеи Соубридж высказывал ежегодно, каждый раз иницилируя сокращение сроков полномочий парламента¹⁷, но уже более коротко. Тем не менее, осуждение продажности, коррупции, или как он говорил «сервильности» парламента, звучало настойчиво. Таким образом, наблюдается явное противоречие в оценке исторической роли парламента. Противоположные точки зрения не связаны напрямую с принадлежностью оратора к партии вигов или тори. И те и другие в разное время на протяжении века выступали с предложением отдель-

¹⁶ РН, v. 17. P. 322-325.

¹⁷ РН, v.17. P. 691, 1050-1051; v. 18. P. 216-217.

ных частичных реформ наиболее вопиющих недостатков системы представительства, которая сложилась в XIV в. И на протяжении столетий не менялась. Соубридж выступал скорее, как крайний виг.

Все монархи вплоть до восшествия на престол Вильгельма Оранского характеризовались как деспоты, т.е. неограниченные правители¹⁸. Вильгельм Оранский представал «великим человеком, который восстановил свободу в Британии». С его именем связана «Великая революция, принесшая эру свободы, счастья Британии, наконец – «он принес честь имени англичанина»¹⁹. И в высказываниях об этом монархе мы видим те черты, которыми должен обладать идеальный король, «превосходный суверен» - это тот, чьи интересы не расходятся с интересами подданных, а также тот, кто честен с ними.

В противоположность Вильгельму о Стюартах обычно упоминалось в иных тонах, как королях-деспотах. В их политике видели истоки причин обеих революций: они слишком полагались на министров, а в своей деятельности не прислушивались к голосу народа. Если бы они почаще, и более внимательно вчитывались в Великую хартию вольностей и Петицию о праве, то Славная революция «осталась лишь теорией»²⁰, иными словами – она бы не понадобилась. Именно пренебрежение правами народа и объяснялись причины революции.

Однако король имя, которого упоминалось чаще всех других, это Карл I, нередко именовавшийся как «несчастный король»²¹, Поистине поразительным стало также то, что наиболее часто упоминаемым событием прошлого стала революция середины XVII в. Обращение к ней происходило в контексте упоминаний ошибок власти. Уже в январе 1770 г. Э. Берк довольно резко реа-

¹⁸ РН, v/ 16. P. 971; v. 17. P. 1018.

¹⁹ РН, v. 16. P. 971, 973; v. 17. P. 1055, 1018; v. 18. P. 290; v. 19. P. 190.

²⁰ РН, v. 16. P. 748.

²¹ РН, v. 16. P. 721.

гировал на заверения властей в том, что в обществе отсутствует недовольство по поводу Миддлсекских выборов. Берк утверждал: «Министры несчастного Карла I рассказывали те же сказки, что мы слышим сейчас, сегодня прибегают к тому же искусству обмана». Эта фатальная ложь сопутствовала Карлу вплоть до его смертного часа²². Не только в палате общин, но и в верхней палате решение в пользу Лутреля, несмотря на убедительную победу Уилкса на выборах, сравнилось с событиями правления Карла. Лорд Кэмден упоминал корабельные сборы (которые вызвали негодование в народе). Он восклицал: тогда также говорили, что власть действует законно, но парламент отменил их позднее как незаконный сбор²³.

Полковник Барэ при рассмотрении дела газетчиков тоже упомянул «насилие» Карла I, когда он лично вошел в палату, с тем чтобы арестовать 5 ее членов. Этот поступок не имел прецедента. Одним ударом, как Калигула, можно разрушить конституцию, можно отправить в свою Бастилию всех кто защищает свободу нашей страны. Но напрасно надеяться при этом, говорил он, что насилием и террором можно погасить древний огонь свободы острова²⁴.

Обращение к событиям английской буржуазной революции напрямую было связано с непродуманными шагами правительства в отношении американских колоний. По мере нарастания противостояния метрополии и колоний усиливалось политическое размежевание, сказавшееся в оценке политики метрополии. Так, Т. Тауншенд утверждал, что те, кто поднял оружие против короля, действовали безусловно, более того, они заслуживают похвалы²⁵. Р. Ньюдигейт в ответ заявлял, что сам он не является сторонником, защитником каждого акта

²² РН, v. 16. P. 721.

²³ РН, v. 16. P. 963.

²⁴ РН, v. 17. P. 152.

²⁵ РН, v. 17. P. 315.

Карла. Но ни один историк, каковы бы ни были его дарования, не будет защищать тех, кто выступил против Карла I. Один такой попытался, но не добился, ни успеха, ни признаний, т.к. его взгляды не согласуются, ни с религией, ни с правлением²⁶. В этой связи любопытна небольшая дискуссия, отразившая реакцию на информацию о службе 30 января в память о Карле I. Фольстоун признавал, что революция разрушала традиции, но при этом она восстанавливала права англичан²⁷. Более решительно высказался Д. Уилкс. По его мнению, день казни короля надо праздновать как день триумфа. Смерть **первого** Карла (таким образом, он нарушил формулу произнесение имени короля) – это смерть врага свобод страны, который начал войну со своим народом, и был повинен в смерти тысяч ни в чем неповинных подданных. Тиран был повержен. И революция должна оставаться в памяти как самое славное деяние, которое когда-либо происходило в нашей, или другой стране; без революции мы бы не имели конституции и превратились бы в рабов; не имели бы законов ограниченной монархии, а были бы подданными, и находились в полной воле суверена²⁸. По сути, Д. Уилкс высказал радикальный взгляд на историю середины XVII столетия еще до известных сочинений радикальных историков К. Макколей и У. Годвина

По мере развития событий и дальнейшего обострения ситуации с американскими колонистами возрастал мотив сравнения событий кануна Английской, либо Славной революций, настроений колонистов и подданных Карла I. В нижней палате Джонстон утверждал: теперь ясно, что народ Америки преисполнен тем же настроением и решительным духом, и побуждаем тем же энтузиазмом, с которым наши предки восстали против требований короны в дни правления Карла I и встали на защиту высоких доктрин парламентского пре-

²⁶ РН, v. 17. P. 316.

²⁷ РН, v. 18. P. 183.

²⁸ РН, v. 18. P. 183-184/

восходства. В противном случае американцев ждет сокращение их свобод до уровня свобод жителей владений Франции или Испании²⁹.

Таким образом, возрастало число упоминаний английской революции, прежде всего, это проявилось во вновь и вновь повторявшихся сравнений обложение налогом на чай колонистов с корабельными сборами, которые ввел Карл I³⁰. Между тем, симпатии в высказываниях парламентариев были скорее исключением, нежели правилом. Таким исключением стали слова лорда Чатама о конгрессе. Он отозвался о нем, как о более широком и более благоразумном собрании, чем существовали во времени Древней Греции. Во всей древней истории, сказал он, мы не встретим более благородных собраний как конгрессы американцев³¹.

Либеральное крыло обеих палат призывало кабинет, а через него и монарха, к благоразумию. Так, Д.Уилкс утверждал, что обращения, поступающие из Америки, заслуживают особого внимания, и прежде всего, лозунг «нет представительства - нет налогов». Если политика Лондона не будет взвешенной, то впоследствии американцы станут праздновать 1775 год, как мы празднуем 1688 г. Усилия дедов в борьбе за свободу увенчались успехом. И период нашей истории, который наполняет нас гордостью, был восстанием против незаконной власти и основан на законах божьих и людских: праве сопротивления тирану³².

Аргументы, как сторонников правительства, так и оппозиции, пытавшейся предотвратить «силовой вариант» решения вопроса, не ограничивались только аналогиями с революциями XVII в. Вопросы, так или иначе связанные с положением дел в колониях, неизбежно вызвали апелляцию к прошлому, причем форма таких

²⁹ РН, v. 18. P. 60.

³⁰ РН, v. 17. P.1203, 1211

³¹ РН, v. 18. P. 1570.

³² РН, v. 18. P. 238-239. См. также: P. 254.

обращений была различной. Ораторы прибегали к легендам, мифам³³, когда возникал образ отца и сына и отец поступал несправедливо.

Сторонники «наказания» колонистов обращались к событиям истории Рима: тогда неоднократно звучала известная фраза: «Карфаген должен быть разрушен»³⁴. Депутаты, отстаивавшие умеренную политику, прибегали к сравнениям с «разумными», отличавшимся здравым смыслом поступками правителей прошлых лет³⁵. Все эти обращения к историческому опыту явились следствием нарастания политического противостояния в самой метрополии. Особенно провоцировало такие обращения, рассмотрения вопросов, связанных, так или иначе, с подготовкой к войне: и, прежде всего, увеличение ассигнований на армию и флот.

С началом военных действий прошлое не потеряло своей актуальности. Но каждое упоминание тех или иных событий английской истории, либо истории других стран напрямую были связаны с рассматриваемыми вопросами в обеих палатах. Именно исторический опыт служил подкреплением позиции оратора³⁶. В этой связи уместным представляется упоминание высказывания Тауншенда, одного из оппонентов политики правительства. Говоря о военных действиях в Америке, Тауншенд привел в пример поход Кромвеля в Ирландию и жестокость протектора. Но он, заявил оратор, разрушил лишь один город для завоевания всего королевства³⁷.

Основываясь на отдельных высказываниях, сохранившихся в парламентской истории, и в силу вторичности источника, хотелось бы не столько сделать выводы, сколько акцентировать внимание на наиболее важных моментах:

³³ РН, v.18. P. 191, 306, 309, 341,343, 348, 349, 894-895.

³⁴ РН, v. 18. P. 311, 347.

³⁵ РН, v. 18. P. 229.

³⁶ См., например: РН, v. 19. P. 77, 111, 203, 298, etc.

³⁷ РН, v.20. P. 30.

- Обширность и глубина знания истории членами парламента являлись результатом изучения латинского и древнегреческого языков, значительную роль играло самообразование. Необходимо учитывать образ жизни и традиции дворянских семей, когда ребенок практически с рождения окунался в атмосферу прошлого: дом и имение, передававшиеся по наследству, хранившиеся портреты предков, фамильный архив и библиотека, собиравшиеся порой веками и т.д. Немаловажное значение имели также и вошедшие в практику путешествия по Европе для завершения университетского курса;

- в высказываниях членов парламента в ходе полемики четко обозначилось представление об истории страны: это история народа, боровшегося за свои права, парламента и монархов. Вместе с тем, «народ» представлял собой довольно абстрактную субстанцию. Но можно с уверенностью говорить о причислении к «народу» свободных собственников земли, о чем свидетельствует подчеркивание защиты парламентом его прав и собственности;

- нельзя не обратить внимание на обозначившиеся элементы развития, (по сравнению с 1750-ми годами), в политической лексике появляются такие термины, как «период», различные «эры» истории. Важным представляется то, что эти этапы напрямую связаны не просто со сменой монарха или монархов, а сменой характера и образа правления;

- заметно усиливается политическая окраска апелляции к прошлому по сравнению с серединой XVIII в.; спектр оценок исторических событий свидетельствует об углублении политического размежевания тори и вигов, обозначении также и радикальной позиции. Вместе с тем, дискуссий на исторические темы не возникало;

- факты или события истории Британии, реже других стран, занимали особое место в полемике парламентариев. В системе доводов ораторов, отстаивавших собственную позицию по любому вопросу, ссылка на такие факты либо события носила характер неоспоримого,

окончательного аргумента. Что говорило об усилении роли истории, как учителя, указывающего «верный путь»; - необходимо также особо выделить возрастание упоминаний об Английской революции. Проводившаяся аналогия событий – корабельные сборы Карла 1 в прошлом и лозунг колонистов «нет представительства – нет налогов» - очевидна, она лежит на поверхности. В данном вопросе важно не только то, что оппозиция оказывала более массивное давление на правительство с тем, чтобы предотвратить войну с колонистами. Параллели становятся дополнительным весомым аргументом, а то и угрозой возможных последствий. Но нельзя исключать и осмысление событий середины XVII в., когда через опыт прошлого политики стремились определить причины тех или иных событий, выявить образ «хорошего» монарха, что напрямую было связано с современностью, с характером и личностными чертами Георга III и его правления.

Литература

- The Parliamentary history of England. L., 1813-1814, v. 15-20.
- Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М., 2009.
- Айзенштат М.П.* Политика и история в Британии в середине XVIII в./ Британская ойкумена российской новистики. Казань, 2010. С.121-128.
- Айзенштат М.П.* Прошлое как компонент парламентской полемики. / Исторический факт как аргумент политической полемики. С.137-149.
- Айзенштат М.П.* Британия нового времени. Политическая история М., 2007.
- Айзенштат М.П.* (отв. ред.) Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М., 2012.
- Айзенштат М.П.* (отв. ред.) Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011.
- Марина Бобкова.* Историческое знание в Западной Европе раннего Нового времени. Историографическая революция эпохи катастроф. Монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 529 С.

Бобкова М.С., Мереминский С.Г. (отв.ред.). Терминология исторической науки. Историописание. М., 2008.

Мереминский С.Г. (отв.ред.) Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С.77-99.

Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

М.М. Сиротинская

**АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ СЕРЕДИНЫ XIX
ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
«МОЛОДОЙ АМЕРИКИ»**

Аннотация: Статья посвящена политическим взглядам литературно-политического объединения «Молодая Америка». Представители данного течения подчёркивали мировое значение Американской революции для распространения идеалов свободы и демократии по всему миру. «Младоамериканцы» ощущали себя частью трансатлантического сообщества. Автор раскрывает идеи и образы, связанные с восприятием «младоамериканцами» Американской революции и революционного движения в Старом Свете.

Ключевые слова: «Молодая Америка», Американская революция, революции 1848-1849 гг., историческое восприятие.

Об авторе: Сиротинская Мария Моисеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. masha_sirotinskaia@mail.ru

Maria Sirotinskaya

**THE AMERICAN REVOLUTION IN THE CONTEXT OF
MID-NINETEENTH CENTURY EUROPEAN
REVOLUTIONS: A HISTORICAL RECONSTRUCTION OF
“YOUNG AMERICA”**

Abstract: The article is devoted to the political views of literary-political association “Young America”. Representatives of this movement emphasized global importance of the American Revolution to the spread of ideals of freedom and democracy around the world. “Young Americans” felt themselves as a part of trans-Atlantic community. The author reveals the ideas and images related to “young Americans” perception of the American Revolution and the revolutionary movement in the Old World.

Key words: “Young America”, American Revolution, revolutions of 1848-1849, historical perception.

About the Author: Maria Sirotinskaya, PhD in history, senior researcher at the Institute of World History of RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A. masha_sirotinskaia@mail.ru

В предвоенные десятилетия Американская революция, которую иногда называют Войной за независимость¹, занимала немалое место в высказываниях многих сторонников «Молодой Америки». В данной статье предпринята попытка проследить, какие образы Американской революции конструировались «младоамериканцами», каково было понимание «молодыми демократами», в контексте европейских событий середины XIX столетия, собственного революционного наследия, насколько они ощущали свою принадлежность трансатлантическому сообществу.

В середине 1840-х гг. к литературно-политическому объединению «Молодая Америка» относили нью-йоркских интеллектуалов, преимущественно демократов, в частности литературного критика Эверта Дайкинна, литератора, драматурга Корнелиуса Мэтьюза. Из громких имен можно назвать писателя Германа Мелвилла, который по-

¹ Война за независимость североамериканских колоний Великобритании (1775–1783) порой рассматривается более узко, как сугубо военный конфликт, а Американская революция – шире. Она анализировалась рядом выдающихся отечественных историков. См. напр.: *Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; *Фурсенко А.А.* Американская революция и образование США. Л., 1978; *История США: В 4-х тт. Т. 1. 1607–1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов.* М., 1983; *Согрин В.В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980; *Его же.* Основатели США: исторические портреты. М., 1983; *Его же.* Джефферсон: Человек, мыслитель, политик. М., 1989; *Его же.* Исторический опыт США. М., 2010; *Его же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011; и др.

знакомился с Дайкинком в 1846 г. Печатным органом «Молодой Америки» являлся журнал “United States Magazine and Democratic Review”. До мая 1846 г. его редактором был Джон Луис О’Салливен, автор, предположительно, словосочетания “предопределение судьбы” (“Manifest Destiny”, это выражение впервые появилось именно на страницах “Democratic Review” летом 1845 г.).

В конце 1840-х – начале 1850-х гг., в период очередной президентской избирательной кампании (подходил к концу срок президентства вигской администрации М. Филлмора), «Молодая Америка» ассоциировалась с группировкой в Демократической партии – членами Конгресса, политиками, журналистами, бизнесменами. Эдвард Уидмер называет ее «Молодой Америкой-2» (о ней будет идти речь в этой статье). Другой американский историк часто использует термин «новые демократы»². В отечественной историографии она не была предметом специального исследования – исключения представляют труды известного волгоградского американиста И.И. Куриллы³. В целом «младоамериканцы» выражали преимущественно интересы Среднего Запада, Юга Соединенных Штатов, пользовались определенным влиянием в г. Нью-Йорк. Органом «Молодой Америки» в конце 1851–1852 гг. также был “Democratic Review” (редактор – уроженец Кентукки, 40-летний Джордж Николас Сэндерс), издававшийся в Нью-Йорке. В журнале подчеркивалось идеологическое родство с революционными организациями Европы⁴. Многие «младоамери-

² *Widmer E.L.* Young America. The Flowering of Democracy in New York City. N.Y., 1999; *Eyal Y.* The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861. Cambridge, N.Y., Melbourne, 2007.

³ *Курилла И.И.* Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005; и др.

⁴ Летом 1831 г. в Марселе известным итальянским патриотом, горячим приверженцем объединения Италии Джузеппе

канцы» в середине XIX в. выступали в поддержку европейских республиканцев, за территориальную и торговую экспансию США, делали акцент на принципах молодости и прогресса. Можно рассматривать «Молодую Америку» и в более широком социокультурном контексте. Но хотелось бы сразу оговориться, что какого-то общего штаба, единой организации и программы, по видимому, не существовало.

По заключению российских исследователей, в предвоенное десятилетие вопрос о рабстве выходит в центр общественно-политической жизни США. «Молодыми» или «прогрессивными» демократами (так они сами себя называли) не была сформулирована общая позиция по проблеме «особого института», однако можно утверждать, что большинство из них были противниками аболиционистов. “Democratic Review” выдвинул кандидатом в президенты США сенатора из Иллинойса Стивена Дугласа. После поражения кандидатуры последнего на конвенте Демократической партии в Балтиморе в июне 1852 г. «младоамериканцы» поддержали нового президента Франклина Пирса, и ряд из них получили дипломатические назначения: Сэндерс был назначен американским консулом в Лондоне, Сулэ – посланником США в Мадриде, и т.д.

Пьер Сулэ, французский республиканец, осужденный за антиправительственную деятельность, в 1825 г.

Мадзини была основана “Молодая Италия”, а в апреле 1834 г. в Берне (Швейцария) им была создана “Молодая Европа”, включившая ряд национальных ассоциаций. “Акт братства” “Молодой Европы” гласил: человечество объединяет отдельные «семьи народов», но у каждого народа и у каждого индивидуума имеется своя собственная миссия, которая согласуется с миссией всего человечества. В апреле 1847 г. Мадзини была учреждена “Международная Лига народов”. – *Чубарьян А.О.* Российский европеизм. М., 2005. С. 181-183; *Rougemont D. de.* Vingt-huit siècles d’Europe. Paris, 1961. P. 250–253.

покинул Францию. В конечном итоге он поселился в Новом Орлеане, являлся сенатором от штата Луизиана в 1847, 1849–1853 гг. Ярый экспансионист, Сулэ в 1854 г. приобретет печальную известность в связи с т.н. Остендским манифестом, требовавшим аннексии Кубы. Помимо Сулэ, в Конгрессе США к «Молодой Америке» относили сенаторов Джеймса Шилдза (уроженец Ирландии)⁵, Исаака Уолкера (Висконсин), конгрессмена от Калифорнии (1851–1853) Эдварда Маршалла. Хотя некоторые периодические издания характеризовали коммодора Роберта Стоктона, участвовавшего в завоевании Калифорнии во время войны США с Мексикой (1846–1848), как «старого ретрограда»⁶, сам сенатор от штата Нью-Джерси (1851–1853) связывал себя с «молодой и прогрессивной школой демократов»⁷. По-видимому, молодой Стоктон ощущал связь с ранней американской историей – его дедушка Ричард Стоктон подписывал Декларацию независимости.

Томас Девин Райлли⁸ – член «Молодой Ирландии», друг известного ирландского революционера Джона Митчела, после неудачного восстания конфедератов летом 1848 г. бежал в Америку. После того, как в

⁵ Шилдз прославился прежде всего тем, что он – единственный в истории США сенатор, который представлял в Конгрессе три штата: Иллинойс (1849–1855), Миннесоту (1858–1859) и Миссури (1879).

⁶ *Glasgow Weekly Times* (газета выходила в штате Миссури). 1852. May 6.

⁷ [*Bayard S.J.*]. *A Sketch of the Life of Col. Robert F. Stockton; with an Appendix....* N.Y., 1856. P. 131.

⁸ В марте 1854 г., с прискорбием извещая о преждевременной смерти 30-летнего Райлли, корреспондент “*New York Times*” прослеживал определенные этапы его жизненного пути. Ирландский патриот окончил Тринити колледж в Дублине, где выделялся своими математическими и филологическими способностями (*New York Times*. 1854. March 7).

1849 г. прекратился выход в свет газеты “People”, которую Райлли издавал в Бостоне, он, по свидетельству ирландского патриота, поэта Джона Сэвиджа, находясь в Бруклине без работы, занялся серьезным изучением Войны за независимость североамериканских колоний. В конце 1850–1851 гг. Райлли сотрудничал с “American Whig Review”, «органом тори». Его перу принадлежат примерно двадцать статей и заметок в вигском журнале – в то время большинство материалов в периодических изданиях были анонимными. На авторство конкретных статей указывают Сэвидж и корреспондент “New York Times”. Подружившись с Сэндерсом, Райлли входит в редколлегию “Democratic Review”⁹. С журналом сотрудничает журналистка Джейн МакМанус Казно, которой американская исследовательница Л. Хадсон приписывает авторство словосочетания «предопределение судьбы».

Среди использованных автором текстов – протоколы Конгресса США, американская пресса, а также выступления по случаю Дня независимости США, письма, сочинения самих сторонников «Молодой Америки». Революции 1848–1849 гг. в Европе вызвали широкий отклик в Соединенных Штатах, особенно на Северо-Востоке и Западе страны. В 1848 г. в Конгрессе дебатировался характер поздравительных резолюций Французской республике. Однако чаще всего «младоамериканцы» обращались к образу собственной революции в 1851–1852 гг. в связи с приездом в Новый Свет в качестве «гостя нации» Лайоша Кошута. 5 декабря 1851 г. сотни тысяч жителей Нью-Йорка вышли на улицы, чтобы приветствовать бывшего правителя-президента Вен-

⁹ *Savage J.* '98 and '48 The Modern Revolutionary History and Literature of Ireland. N.Y., 1856. P. 375-378; *Mitchel J.* Jail Journal; Or Five Years in British Prisons. N.Y., 1854. P. 303-306; *Idem.* Memoir of Thomas Devin Reilly: A Lecture Delivered by John Mitchel, on the Tabernacle, New-York, on Dec. 29th, 1856. N.Y., 1857. P. 27-28.

грии, освобожденного из турецкого плена (илл. 1). Город был охвачен энтузиазмом, который порой принимал форму массовой истерии. После маркиза де Лафайета Кошут был вторым иностранцем, который был представлен в январе 1852 г. двум палатам Конгресса (активное участие во встрече Кошута в Сенате принял Дж. Шилдз). В моду вошли бороды, мадьярские музыка, танцы, вина и, с легкой руки предприимчивого шляпного мастера Дж. Дженина, – специальные головные уборы с пером. В честь Кошута называли улицы, города и даже графство в штате Айова.

Илл. 1. Встреча Лайоша Кошута на Бродвее (XII.1851)

Лидер мадьярского национально-освободительного движения высказывался за выступление Соединенных Штатов, в союзе с Великобританией, против европейского абсолютизма, в частности против царской интервенции в Венгрию, за оказание помощи, в том числе и материальной, венгерскому народу. Его призывы часто истолковывались как поддержка принципа «вмешательства в пользу невмешательства» (“intervention for non-

intervention”). В январе 1852 г. сенатором-вигом от штата Род-Айленд Дж. Кларком были выдвинуты резолюции о невмешательстве, в обсуждении которых принимали участие и “младоамериканцы”. К концу весны 1852 г., когда массовый энтузиазм в связи с визитом Кошута уступил место равнодушию, дебаты фактически завершились, и предложения не были даже поставлены на голосование. После 6 мая они более не обсуждались. Кошут покидал Новый Свет в июле 1852 г., забытый многими, кто его так горячо приветствовал.

В целом «молодыми демократами» формировалось два превалировавших образа Американской революции: как борьба за национальную идентичность и революция «универсалистская», «в интересах всего человечества».

С одной стороны, Американская революция представляла войной за национальный суверенитет. Для многих из нас значимость Американской революции связывается, прежде всего, со вторым параграфом Декларации независимости (принята Континентальным Конгрессом 4 июля 1776 г.), с философией прав человека. Как провозглашалось в Декларации, «все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди которых – право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью»¹⁰. Журнал “Democratic Review” нередко выдвигал на первый план не только права человека, но и «права наций». Автор статьи «Кризис в Европе» занимался «нациостроительством». Он склонен был рассматривать США не как единое государство, а как Союз, конфедерацию свободных и независимых штатов-республик. По его словам, в процессе борьбы с Великобританией была рождена нация. Сначала североамериканские колонисты сражались за свои права, но,

¹⁰ Цит. по: Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны / Под ред. акад. А.А. Фурсенко. СПб., 1997. С. 697.

когда была пролита кровь, друг другу стали противостоять, «с оружием в руках», две нации¹¹. Это был, в значительной степени, конструкт публициста. Историки спорят по поводу того, когда возникла американская нация¹², однако очевидно: слов «нация», «американцы» Декларация независимости не содержала.

Демократы часто ссылались на работу швейцарского юриста, одного из основоположников современного международного права и политической философии Эмара Ваттеля «Право народов...». Книга была издана на французском языке в 1758 г. и через два года переведена на английский под названием «Право наций...» (Law of Nations). В Америке она была хорошо известна. Как утверждал Ваттель, каждой нации (понятия «нация» и «государство» автором часто отождествлялись) должна быть предоставлена свобода и независимость. Так как люди от природы равны, то «нации, состоящие из людей и рассматриваемые как свободные личности, живущие вместе в естественном состоянии, также от природы равны...». Ни одна нация не имеет права вмешиваться в дела управления другого независимого государства. Швейцарец дал определение суверенному государству:

¹¹ The Crisis in Europe. Number Two. Intervention of the United States // Democratic Review (далее – DR). June 1852. Vol. 30. N 168. P. 560, 567.

¹² См. напр.: *Wood G.* Empire of Liberty A History of the Early Republic, 1789–1815. Oxford; N.Y., 2009. P. 39-40; *Rethinking American History in a Global Age* / Ed. by Th. Bender. Berkeley; Los Angeles; L., 2002. P. 2; *Hendrickson D.* The First Union: Nationalism versus Internationalism in the American Revolution // *Empire and Nation: The American Revolution in the Atlantic World* / Ed. by E.H. Gould, P.S. Onuf. Baltimore, 2005. P. 35-53; etc.

«Всякая нация, которая сама управляет собою, ... представляет собою суверенное государство...»¹³.

Вооруженная интервенция России, подавление ею летом 1849 г. мадьярской революции рассматривались сторонниками «Молодой Америки» как грубое нарушение суверенитета Венгрии. Выражение Соединенными Штатами сочувствия мадьярскому национально-освободительному движению, а также другим европейским «угнетенным национальностям» выводилось из американского опыта. Дуглас, к примеру, в декабре 1851 г. говорил о нарушении «права наций» как Россией, так и Французской республикой, которая ввела в 1849 г. войска в Рим. Один из публицистов “Democratic Review” приходил к выводу, будто Кошут боролся за «децентрализованную республиканскую систему по модели конституции США». В результате войны из «малоизвестной провинции» Венгрия превратилась в нацию¹⁴.

В интерпретации “Democratic Review”, «принцип национальностей», который играл столь значительную роль во многих европейских революциях 1848–1849 гг., становится приметой и XVIII в. Он связывается с республиканизмом. В статье «Римская республика – Рим – Америке» Джордж Вашингтон выступает защитником не только принципов свободы слова, религии, но и «свободных национальностей». Автор высмеивает подарок папы Пия IX: понтифик через посланника США в Риме Льюиса Касса-младшего выразил готовность подарить Соединенным Штатам мраморный блок на сооружение памятника Вашингтону. Подвергается резкой критике поведение Касса-младшего, не признавшего Римскую

¹³ *Ваттель* Э. де. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 25-26, 30-32, 40, 221, 242-244; и др.

¹⁴ Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 70-71; The War in Hungary: Stiles – Henningsen – Görgey // DR. Nov.-Dec. 1852. Vol. 31. N 173. P. 543.

республику в 1849 г.¹⁵. О «темной стороне» «принципа национальностей», проявившей себя в этот период, не произнесено ни слова.

Сэндерс и его друзья постоянно делают акцент на тот вклад, который внесли в борьбу североамериканских колонистов против Великобритании европейские демократы, «приезжавшие к нам тысячами». Героями революции, поборниками принципов национальности и республиканизма объявляются уроженец Ирландии Ричард Монтгомери, шотландский моряк Джон Пол Джонс (в 1779 г. получил звание капитана Континентального флота), а также поляк Тадеуш Костюшко, англичанин, автор нашумевшего памфлета «Здравый смысл» Томас Пейн, прусский военный офицер Фридрих Стейбен, генеральный инспектор Континентальной армии, барон Иоганн де Калб, уроженец Баварии, смертельно раненный в 1780 г. в Южной Каролине, и, конечно же, маркиз де Лафайет. Отнюдь не всегда, как показывают современные исследователи, европейцы руководствовались лишь идеалистическими побуждениями, отправляясь на помощь колонистам в Северной Америке (к примеру, Стейбена на родине обвиняли в гомосексуальных связях, он находился в долгах¹⁶). Однако публицисты “Democratic Review” не жалели эпитетов для характеристики героев. Полу Джонсу, к примеру, была посвящена отдельная статья – панегирик¹⁷.

¹⁵ The Roman Republic – “Rome to America” // DR. Apr. 1852. Vol. 30. N 166. P. 339. В 1854 г. нейтивисты, противники иммигрантов-католиков, в знак протеста против римского влияния выкрали подаренный камень и выбросили его в р. Потомак (блок был заменен в 1982 г.).

¹⁶ The Encyclopedia of the American Revolutionary War A Political, Social, and Military History / Ed. by G. Fremont-Barnes, R.A. Ryerson: In 5 vol. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2006. Vol. 4. P. 1207.

¹⁷ The Crisis in Europe. Number Two // DR. June 1852. P. 562; Eighteen-Fifty-Two and the Presidency // DR. Jan. 1852. Vol. 30.

Особое место отводится помощи Франции. Согласно Девину Райлли, французская помощь «спасла наших отцов от поражения, а нас – от подчиненного положения». Сэндерс в «Обращении к народу Франции» (октябрь 1854 г.) подчеркивает тесные узы, связывающие Францию и США. Американская молодежь, отмечает он, боготворит Лафайета. В духе идеологов Юга редактор “Democratic Review” усматривает аналогии между «правами штатов» (states’ rights) и «правом наций», между положением рабов в Соединенных Штатах и участью «миллионов белых рабов» – итальянцев, венгров, поляков, страдающих от «тирании» деспотизма¹⁸.

Создаваемый в журнале миф о «европейском лице» Американской революции, ее «национальной» окрашенности, обращения к Ваттелю можно объяснить «социальными рамками» настоящего. «Молодые демократы» оказывали поддержку иммигрантам из Старого Света, «угнетенным национальностям» Европы, в особенности венгерскому, итальянскому, ирландскому, польскому национально-освободительным движениям середины XIX столетия. Надо иметь в виду, что в это время более трети населения Нью-Йорка составляли люди, родившиеся вне пределов Соединенных Штатов. После поражения революционного движения в Европе некоторые его участники, «поколение 1848 года», эмигрировали за океан; Демократическая партия стремилась привлечь их голоса.

Рассматривая предвоенные десятилетия и Гражданскую войну в международном контексте (употребляется термин «век революции»), Эндрю Флеш показыва-

N 163. P. 6-7; Progress of Democracy, vs Old Fogy Retrograder. Speech of Marshall, of California // DR. Apr. 1852. P. 291-292; Paul Jones // DR. Febr. 1852. Vol. 30. N 164. P. 153-168; America and Europe: “Peace” and “Foreign Relations” // American Whig Review (далее – AWR). March 1851. Vol. 13. N 75. P. 253.

¹⁸ New York Times. 1854. Oct. 27, June 24.

ет, что события в Европе оказали влияние на интерпретацию американцами Гражданской войны. Как многие северяне, так и южане, отстаивая свои взгляды, прибегали к революционной риторике, опыту Войны за независимость и «европейской революции» середины XIX в. Многие конфедераты обращались к принципу национального самоопределения, развивавшемуся европейскими революционерами, для обоснования национальной идентичности Юга, сецессии. Юнионисты же представляли свое видение «американской национальности», также используя «националистическую» аргументацию, подчеркивали роль Союза, государства, необходимость консолидации¹⁹.

С другой стороны, конструировался и иной образ Американской революции, который порой соседствовал с первым. Она рассматривалась как революция всемирного масштаба, ниспровергнувшая монархию и учредившая республиканскую форму правления, утвердившая суверенитет народа. Как писал автор статьи «Кризис в Европе», по необратимому закону обстоятельств американские революционеры стали республиканцами²⁰. Концепция республиканизма отвергает абсолютизм, наследственную власть, она опирается на конституционные свободы, прежде всего, свободу слова, вероисповедания. Иногда речь идет о демократическом республиканизме. Обосновывается, со ссылками на естественное право, право народа свергнуть деспота-монарха, не выполнившего возложенных на него обязательств, право на революцию.

Это радикальная революция, революция с заглавной буквы, в ней огромную роль играл народ, «рабочие

¹⁹ *Fleche A.M.* The Revolution of 1861: The American Civil War in the Age of Nationalist Conflict. Chapel Hill, 2012.

²⁰ ²⁰ The Crisis in Europe. Intervention of the United States // DR. May 1852. Vol. 30. N 167. P. 401, 406; The Crisis in Europe. Number Two // DR. June 1852. P. 560-562.

классы». Победа досталась дорогой ценой – жизнями множества молодых людей, лишениями народа. «Отцы-основатели», отмечал позднее Сэндерс, были «"крещены" океанскими штормами и пролитой кровью»²¹. В этом смысле трактовка Американской революции в определенной степени созвучна заключению Гордона Вуда. По словам известного американского историка, «республиканизм был радикальной идеологией»: он бросил вызов основным атрибутам и практике монархии – ее иерархичности, системе патронажа и зависимости, предложил новые концепции роли индивидуума²². Большое значение автор статьи «Кризис в Европе», в духе Б. Бейлина²³, придавал интеллектуальной подготовке революции, ее идейным истокам.

Вообще прогресс ассоциировался «младоамериканцами» главным образом с развитием демократического принципа. Эдвард Маршалл (март 1852 г.) признавал, что «отцы-основатели» «сделали больше, нежели какое-либо поколение до них», но их взгляды были ограниченными. Американская революция не решила всех задач: с конца XVIII в. совершен значительный прогресс, который «развил и раскрепостил американское мышление». Он не подразумевает ниспровержения существующих основ, со времен «отцов-основателей» произошло множество «революций». Последние конгрессмен связывает с политическими преобразованиями

²¹ [Stockton R.F.] Remarks of Hon. R.F. Stockton, of New Jersey, on the Presentation of the Resolutions of the Legislature of New Jersey, upon the Compromise Measures. Washington, 1852. P. 6–8; New York Times. 1854. Oct. 27; 32 Congress. 1st Session. Appendix. P. 106.

²² Вуд Г. Радикализм Американской революции // Американский ежегодник 1994 / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. М., 1995. С. 11–13.

²³ Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. Пер. с англ. М., 2010.

эпохи «джексоновской демократии»: завоеванием всеобщего избирательного права, выборностью судей, отменой тюремного заключения за долги. Именно за такой прогресс, по его словам, ратует «Молодая Америка»²⁴ (о рабстве в этом контексте речи нет).

Возникает вопрос: где же социально-экономические преобразования Американской революции, социальные мероприятия Временного правительства Франции в 1848 г., которым отводилось столь значительное место в советской историографии? В своем докладе на он-лайн семинаре «Люди и тексты» (руководитель – д.и.н. М.С. Бобкова) в феврале 2012 г. профессор И.Н. Данилевский подверг анализу порочную практику исторических реконструкций²⁵. О Люксембургской комиссии, рабочем законодательстве, и т.д. «молодые демократы» предпочитали в основном не упоминать, либо говорили с оттенком осуждения. Дуглас, к примеру, оказывая поддержку в марте 1848 г. Французской республике, делал упор на то, что она развивается по американской модели – установлено всеобщее избирательное право, отменены все привилегии, французы сделали большой шаг на пути к самоуправлению. “Democratic Review” также акцентировал внимание на подготовленности жителей Рима к республиканским институ-

²⁴[*Marshall E.C.*]. American Progress, Judge Douglas, the Presidency: Speech of Mr. Marshall, of California, in the House of Representatives, 11 March, 1852, in Reply to the Speech of Mr. Breckinridge, of Kentucky. P. 6-7.

²⁵ См. доклад И.Н. Данилевского и его обсуждение <http://www.worldhist.ru/News/384/8346/> См. также: *Данилевский И.Н.* Исторические реконструкции: методологические ограничения // От текста к реальности: (не) возможности исторических реконструкций / Отв. ред. О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский. М., 2012. С. 3-24.

там²⁶. В статьях 1848 г. «Французская республика» и «Французская революция», которые, предположительно, принадлежат перу Сэндерса, подвергаются критике социалисты и коммунисты, социальное законодательство Временного правительства. Последнее, с точки зрения автора, отражает частное мнение некоторых его членов. Проводится параллель между фурьеристскими фалангами и рабовладельческими плантациями; опасность усматривается в парижском централизме²⁷.

В целом журнал в этот период избегал слова «равенство», применительно к Американской революции. Из памяти публицистов журнала вычеркивалось положение Декларации независимости о том, что «все люди созданы равными». Журналистка Джейн Казно (часто публиковалась под псевдонимом Кора Монтгомери) подчеркивала, что «отцы-основатели» являлись рабовладельцами²⁸. Акт Временного правительства об отмене рабства в колониях Франции (апрель 1848 г.) упоминался как бы между прочим, с порицанием.

Американская революция, как нередко утверждалось, начала политические преобразования в мировом масштабе, ибо развитие идет по восходящей линии по существу к установлению свободных институтов по образцу США во всем мире. Как заявил Р. Стоктон в феврале 1852 г., колонисты боролись «не только за наши собственные интересы, но за интересы и счастье всей человеческой семьи». По словам Т. Биглоу, «наши отцы страдали и боролись не только за Америку. Они были солдатами человечества, отстаивая интересы каждой

²⁶ Congressional Globe. 30th Congress. 1st Session .P. 569; Campaigns of Charles Albert and of the Republicans. Second Campaign of Charles Albert // DR. Oct. 1852. Vol. 31. N 172. P. 311.

²⁷ The French Revolution // DR. Apr. 1848. Vol. 22. N 118. P. 300; The French Republic // DR. July 1848. Vol. 23. N 121. P. 70-73.

²⁸ *Montgomery C.* The Queen of Islands, and the King of Rivers. N.Y., 1850. P. 47.

нации...». Некий Джон С. Парк, выступая 4 июля 1853 г. на банкете в Фанейл-холл в Бостоне по случаю национального праздника США, вспомнил об одном сумасшедшем в Вустере (штат Массачусетс), который, наслушавшись речей в защиту свободы в Европе, громко воскликнул: «Внимание, весь земной шар! Королевства, равнение направо!» Этот человек, утверждал Парк, не столь уж безумен – он попал под влияние Молодой Америки, призывавшей все нации на земле «построиться в колонну Свободы»²⁹.

В этом контексте в “Democratic Review” употреблялись слова «универсальный», «универсализм», говорилось об «универсальных принципах прав человека». Некоторыми последователями «Молодой Америки» использовалась «имперская» риторика. В 1853–1854 г., например, Шилдз и близкий к «молодым демократам» Огюст Белмонт говорили о закладывании основ «нашей могущественной империи», простирающейся от Атлантики к Тихому океану. Выражалась надежда на то, что североамериканская республика осуществит экономическое, интеллектуальное проникновение на Восток (Шилдз не исключал и военное решение)³⁰. Однако все же это были планы на будущее.

²⁹ [Stockton R.F.] Remarks of Hon. R.F. Stockton, of New Jersey, upon Non-Intervention. Delivered in the Senate of the United States, February 2, 1852. Washington, 1852. P. 3; Bigelow T. An Oration Delivered Before the Municipal Authorities of the City of Boston, July 4, 1853. Together with the Speeches at the Dinner in Fanneuil Hall, on that Occasion. Boston, 1853. P. 31, 63-64 (New York State Library. Manuscripts and Special Collections).

³⁰ Коммодор Перри, который совершил в 1852–1854 гг. экспедиции в Японию, являлся тестем Белмонта. Condon William H. Life of Major-General James Shields Hero of Three Wars and Senator from Three States. Chicago, 1900. P. 167; Belmont A. Letters, Speeches, and Addresses of August Belmont. N.Y., 1890. P. 6.

Основной акцент делался на Европу. Революции 1848–1849 гг. объявлялись наследницами Американской. Как подчеркивал один из публицистов, народные массы в Старом Свете в середине XIX в. руководствовались теми же задачами, что и североамериканские колонисты в 1776 г. Не только в коллективной памяти европейских, в частности французских и немецких, демократов, Роберт Блюм, лидер левого крыла Франкфуртского национального собрания (он был расстрелян в ноябре 1848 г. после подавления венского восстания), стал мучеником за дело Революции³¹. В январском 1852 г. номере “Democratic Review” появляется поэма «Блюм живой!», где немецкий демократ ставится в один ряд с Вашингтоном, Костюшко, Монтгомери, Кошутом, Митчелом³². Таким образом, «весна народов» приобретает международное значение, а Американская революция – трансатлантическое измерение. “Democratic Review” в 1852 г. опровергает утверждения о неподготовленности народов Европы к республиканским институтам (в 1848 г. неверие в возможность их успешного функционирования на европейской почве выражала главным образом консервативная часть общественности Северо-Востока США, многие южане³³), высказывается против против-

³¹ См.: *Körner A. Ideas and Memories of 1848 in France: Nationalism, République Universelle and Internationalism in the Goguette between 1848 and 1890 // 1848: A European Revolution? International Ideas and National Memories of 1848 / Ed. by A. Körner. Houndmills; Basingstoke; L., 2000. P. 85-86.*

³² *Blum Lives! // DR. Jan. 1852. P. 36-37.*

³³ Идеолог Юга Джон Кэлхун произнес свои знаменитые слова: французы провозгласили республику, но им еще надо установить ее на прочной основе (*Congressional Globe. 30th Congress. 1st Session. P. 568*). Многие представители Новой Англи опасались радикализма французской революции. – См. подр.: *Сиротинская М.М. Американское общество и Французская республика 1848–1852. М., 2003; Morrison M.A.*

поставления американского и европейского республиканизма. Подобные идеи в это время вызывали серьезные возражения. К примеру, автор вигского журнала “*American Whig Review*” – главного противника “*Democratic Review*” в Нью-Йорке – характеризовал «Молодую Америку» как якобинскую фракцию в Демократической партии, которая поддерживает «красный (или кровавый)» республиканизм и стремится превратить Соединенные Штаты в сборище политических изгнанников Европы. Некоторые публицисты были обеспокоены последствиями массовой эмиграции из Европы³⁴. Именно приезд Кошута в Новый Свет, считал один из современников, способствовал всплеску нейтивизма³⁵.

По заключению американского историка Тимоти Робертса, после первоначального энтузиазма в связи с событиями в Европе усилилась приверженность большинства американцев доктрине «американской исключительности». Лишь уникальная политическая система США, «мирный» опыт Американской революции, полагают они, обеспечивает благополучие республики. Наступил очередной «цикл разочарований», ввиду того, что революционное движение не стало развиваться по американской модели. Однако в дальнейшем, утверждает Робертс, трансатлантический диалог был продолжен реформаторами, противниками «особого института», в

American Reaction to European Revolutions, 1848–1852: Sectionalism, Memory, and the Revolutionary Heritage // *Civil War History*. 2003. Vol. 49. N 2. P. 111-132; etc.

³⁴ The Democratic Nomination // *AWR*. Aug. 1852. Vol. 16. N 92. P. 135-136; см. также: The Policy of Non-Intervention // *AWR*. Jan. 1852. Vol. 15. N 85. P. 8; The Crisis of the Century // *Idem*. Vol. 15. N 86. P. 165-166, 176; etc.; *Southern Quarterly Review*. July 1852. Vol. 6. N 11. P. 221-235.

³⁵ *Perley Poore B. Reminiscences of Sixty Years in the National Metropolis: In 2 vol. Vol. 1. Electronic ed.*

том числе «поколением 1848 года», немецкими иммигрантами, которые интерпретировали борьбу по вопросу о рабстве в контексте европейского революционного опыта. Они усматривали аналогии между нестабильностью политической ситуации в североамериканской республике и обстановкой в Европе. Таким образом, сама Гражданская война, в интерпретации историка, явилась американским ответом на революции середины XIX в. в Старом Свете, вызовом концепции «американской исключительности»³⁶.

Рядом «прогрессивных демократов» обращается основное внимание на близость Америки к Западной Европе и, соответственно, на Атлантический океан. Последний выступает как некое пространство, связывающее Старый и Новый Свет. Меняется само понятие времени: оно ускоряется, пространство между континентами сжимается. По словам Райлли, «каждый день Атлантический океан, разделяющий нас, становится все меньше и меньше; мы с Европой превращаемся в единое целое». «Мы ближе к любой европейской нации, – приходит к выводу Райлли, – нежели Джефферсон в Монтичелло (поместье Джефферсона в Виргинии – М.С.) когда-либо был к Нью-Йорку»³⁷. Сближение Старого и Нового Света объясняется технологическими новшествами, в частности изобретением телеграфа, развитием средств коммуникаций, в особенности установлением регулярного пароходного сообщения между Америкой и Европой, а также появлением дешевой прессы, т.н. «пенни пресс», притоком иммигрантов из Европы, развитием культурных связей между континентами. На митинге в честь капитана Д. Инграхема (сентябрь 1853 г.), освободившего в Смирне сподвижника Кошута Мартина

³⁶ Roberts T.M. *Distant Revolutions 1848 and the Challenge to American Exceptionalism*. Charlottesville; L., 2009.

³⁷ *Russian Ambition* // AWR. Dec. 1850. Vol. 12. N 36. P. 632; *America and Europe...* // Idem. March 1851. P. 257.

Кошту, один из европейских иммигрантов, Воджели, отмечает: в настоящее время требуется меньше времени и денег, чтобы добраться из Филадельфии в Европу, нежели 25 лет назад – из Марселя в Лилль. Он перефразирует слова, будто бы произнесенные послом Испании во Франции при принятии испанской короны внуком Людовика XIV герцогом Анжуйским, под именем Филиппа V (объединение двух корон по существу спровоцировало войну за испанское наследство 1701–1714 гг.): «Пиренеи больше не существуют», как: «Не существует более океана», разделяющего континенты³⁸.

В связи с дискуссиями о внешнеполитическом курсе США в отношении Европы частыми были обращения к имени главнокомандующего Континентальной армией, первому президенту Соединенных Штатов. В Конгрессе как сторонники «Молодой Америки», так и ее противники, постоянно апеллируют к «Прощальному обращению» Дж. Вашингтона 1796 г., которое, как известно, основополагающим принципом поведения североамериканской республики на внешнеполитической арене провозглашало развитие торговых отношений с европейскими государствами при «как можно меньших политических связях» с ними. Данный документ по-разному интерпретируется исследователями³⁹. Иногда он рассматривается как один из краеугольных камней американской политики изоляционизма. С точки зрения «младоамериканцев» Пьера Сулэ и Исаака Уолкера, в его основу легли принципы Прокламации о нейтралитете 1793 г. – это была временная мера, попытка избежать вовлечения США в вооруженный конфликт между Францией и Великобританией. По словам Сулэ,

³⁸ New York Daily Tribune. 1853. Sept. 23; New York Times. 1853. Sept. 23.

³⁹ Обстоятельный историографический анализ “Прощального послания” проведен М.О. Трояновской. – *Трояновская М.О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823)*. М., 2010. С. 103-119.

Вашингтон вовсе не был поборником «бездейственной», «осторожной» политики. Сенатор из Луизианы был против помещения страны в пределы узкого круга, начертанного приверженцами подобной политики. Он иронично отзывался о тех, кто говорит об изоляции (*isolation*) в то время, как «наши плавучие дворцы могут добраться от одного континента к другому за меньшее время, чем требовалось нашим отцам, пятьдесят лет назад, совершить путешествие из Буффало в Филадельфию»⁴⁰.

Исаак Уолкер в декабре 1851 г. также выступил решительным сторонником отказа от «неполитичной, немудрой и несправедливой системы нейтралитета». По его словам, ни Вашингтон, ни другие «отцы-основатели» не считали, что «курс (курс. авт.) на нейтралитет, проводившийся в детские годы североамериканской республики, станет основным *принципом* (курс. авт.) политики США в период их возмужания». «Я, – заявил он, – выступаю за свободу и свободные институты, против рабства и деспотизма во всем мире...», «такая политика согласуется с соображениями безопасности, с нашими интересами и справедливостью». Возможно, столь «смелые» высказывания сенатора можно объяснить вотумом недоверия Уолкеру, объявленным висконсинской легислатурой в 1849 г.: политик не выполнил соглашение, по которому обязывался голосовать в Конгрессе против любых предложений, направленных на распространение невольничьего труда на территории Новой Мексики и Калифорнии. По мнению американского историка Мерля Керти, Уолкер в

⁴⁰ *Soule P.* Speech of Mr. Soule, of Louisiana, on Non-Intervention, Delivered in the Senate of the United States, March 22, 1852. Washington, 1852. P. 36.

целом занимал непоследовательную позицию в отношении проблемы рабства⁴¹.

При этом ни о какой конкретной помощи европейским республиканцам, сроках и методах возможной интервенции речи не шло. Немаловажное значение имели экономические соображения. «Прогрессивные демократы», защитники фритреда, рыночной экономики, стремились извлечь выгоды из расширения торговли с республиками Старого Света, открыть новые рынки сбыта для американских товаров.

Иногда говорилось о «западной цивилизации», «западном мире». Старшему поколению отечественных историков, вероятно, эти рассуждения напомнят о так называемой концепции «атлантической революции». Ее формулировка принадлежит американскому исследователю Роберту Палмеру и французскому историку Жаку Годшо, которые на X международном конгрессе в Риме в сентябре 1955 г. выступили с совместным докладом «Проблема Атлантики с XVIII по XX вв.» (выдвинутые учеными идеи были в дальнейшем развиты в опубликованных ими монографиях). Революции XVIII в., прежде всего Американская и Французская, рассматривались как феномен, присущий «атлантической цивилизации» (ее основу составляет Атлантический океан). Согласно Палмеру, в конце XVIII в. (Годшо в своей книге указывал на 1770–1848 гг.) вся «западная», или «атлантическая цивилизация», т.е. главные государства Западной Европы и Соединенные Штаты, «омываемые» Атлантическим океаном, были охвачены единым революционным движением (которое проявляло себя в разных формах), «демократической революцией»⁴².

⁴¹ Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 105; *Curti M. Isaac H. Walker: Reformer in Mid-Century Politics // Wisconsin Magazine of History*. Aut. 1950. Vol. 34. N 1. P. 3–6, 58–62.

⁴² *Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution A Political History of Europe and America, 1760–1800: In 2 vol. Vol. 1.*

Думается, что, хотя термин «атлантическая революция» еще не вошел в употребление, сторонниками «Молодой Америки» высказывались некоторые идеи, созвучные данной теории. При этом Атлантический океан приобретает, в “Democratic Review”, новую характеристику – это, оказывается, «дорога наций». Апостол «принципов национальности и республиканизма» Пол Джонс, заключал один из авторов журнала, завещал «нашему современному миру» то, что океан является «путем наций» (the highway of nations)⁴³.

Прилагательное «трансатлантический» в “Democratic Review” использовалось, но словосочетаний «эра революций», «атлантический мир», «атлантическое сообщество» в риторике «молодых демократов» обнаружить не удалось. Термин «атлантическое сообщество», как считают специалисты, впервые появился в журнале “New Republic” (февраль 1917 г.) в редакционной статье влиятельного молодого журналиста Уолтера Липпмана, обосновывавшего необходимость вмешательства США в Первую мировую войну на стороне союзников. «Безопасность атлантического пути, – подчеркивал он, – это то, за что Америка должна сражаться», ведь «на обоих берегах Атлантического океана образовалась прочная ткань общего интереса, соединившая весь западный мир»⁴⁴, «мы не можем предать атлантическое сообщество».

«Младоамериканцы» проводили параллели между Американской (иногда Французской) революциями конца XVIII в. и европейским революционным движением середины XIX столетия. Латиноамериканские револю-

Princeton, 1959. P. 4, 13; *Godechot J.* Les révolutions (1770–1799). Paris, 1963. P. 1–2; *Idem.* Les révolutions de 1848. Paris, 1971. P. 34–35.

⁴³ Progress of Democracy... // DR. Apr. 1852. P. 292.

⁴⁴ Цит. по: *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 63; *Bailyn B.* Atlantic History: Concept and Contours. Cambridge; L., 2005. P. 7.

ции в этой связи не рассматривались; глобальное видение революционного процесса отсутствовало⁴⁵; на афроамериканцев, мексиканцев, индейцев ценности «западной цивилизации» не распространялись. «Молодые демократы» отличались особенной расовой нетерпимостью в отношении темнокожих, резко высказывались против их ассимиляции с англосаксами. Но в определенной степени, в толковании Сэндерса и ряда его друзей, Западная Африка, карибский регион взаимодействовали с североамериканской республикой. Некоторые авторы “Democratic Review” проводили мысль о необходимости «завоевания» западной части африканского континента свободными цветными. Позднее Сэндерс сравнивал европейскую эмиграцию в североамериканскую республику с колонизацией чернокожими (он называл их «американо-африканцами») западного побережья Африки. Индейцы, мексиканцы вынуждены покориться «американской цивилизации», а рабам суждено быть постепенно вытесненными в Южную Америку или на Кубу, дабы «освободить» североамериканскую республику от афроамериканцев и «особого института»⁴⁶.

Революционные события в Старом Свете «прогрессивные демократы» ставили в один ряд с расширением «зоны свободы» прежде всего в Северной и Латинской

⁴⁵ Современными историками изучаются, в глобальном контексте, взаимосвязи путей развития различных стран в «эру революций». См. напр.: *The Age of Revolutions in Global Context, c. 1760–1840* / Ed. by D. Armitage, S. Subrahmanyam. Basingstoke, 2010.

⁴⁶ W.R. King – *The Conquest of Africa* // DR. Aug. 1852. Vol. 31. N 170. P. 102–105; *The Cuban Debate* // DR. Nov.-Dec. 1852. P. 440–441; *New York Times*. 1854. Oct. 27; *Report of the Naval committee to the House of Representatives...* Washington, 1850. *Stockton R.F.* Address of Hon. R.F. Stockton, Delivered at Elizabethtown, New Jersey, July 4th, 1851. Trenton, 1851. P. 9 (New York State Library. Manuscripts and Special Collections).

Америке в соответствии с концепцией «предопределения судьбы». Американо-мексиканский договор в Гуадалупа-Идальго, заключенный 2 февраля 1848 г. после завершения войны, был подписан незадолго до февральской революции во Франции. Война с Мексикой, как утверждалось некоторыми, послужила отправной точкой для европейских революций. «Поведение наших граждан, во время Мексиканской войны, было косвенной, если не непосредственной, причиной почти всех последних революций в Европе...», резюмировал один из биографов восьмого президента США Мартина Ван Бюрена⁴⁷.

Многие сторонники «Молодой Америки» поддерживали флибустьерские экспедиции Н. Лопеса на Кубу. Согласно “New York Times”, Сулэ, Сэндерс, Дуглас, О’Салливен, Девин Райлли входили в состав тайного «Ордена Одиноким звездой» (создан в 1851 г.), одной из целей которого была аннексия «жемчужины Антиль» и включение Кубы в состав США. В “Democratic Review” члены Ордена представлялись смелыми, бескорыстными защитниками свободы и независимости Кубы, наследниками героев 1776 г.⁴⁸

Думается, дух «Молодой Америки» воплощает композиция Ричарда Катона Вудвилла «Ушедший ’76 и молодой ’48» (илл. 2). Художник родился и до 1845 г. проживал в Балтиморе, штат Мэриленд, затем учился живописи в Дюссельдорфской академии художеств и до своей ранней смерти в Лондоне в 1855 г. находился преимущественно в Европе. Картина впервые выставлялась «Арт-Союзом» в Нью-Йорке в 1850 г. и имела большой успех. Американская революция, вероятно, была особенно близка Вудвиллу, ведь одним из его родственников являлся мэрилендский плантатор, впоследствии се-

⁴⁷ *M’Elghiney. Life of Martin Van Buren. Pittsburgh, 1853. P. 8 (New York State Library. Manuscripts and Special Collections).*

⁴⁸ *New York Times. 1855. March 13; The Order of the Lone Star // DR. Jan. 1853. Vol. 32. N 1. P. 80–83.*

натор Чарльз Кэрролл из Кэрроллтона, который был в числе тех делегатов Континентального конгресса, кто подписывал Декларацию независимости США.

*Илл. 2. Ричард Катон Вудвилл.
Старый '76 и молодой '48 (1849)*

Вот как описывалась работа в бюллетене «Арт-Союза» в июне 1850 г.: представлен молодой офицер, недавно вернувшийся из Мексики, который рассказывает членам своей семьи о некоторых военных эпизодах. Одним из наиболее внимательных слушателей выступает дед, чей портрет на стене, в военной форме, как и бюст Вашингтона на книжном шкафу, указывают на то, что он – ветеран революции. Другие действующие лица – отец, мать, сестра и несколько чернокожих слуг, собравшихся в группу у двери. Молодой человек сидит за столом, где для него приготовлены некоторые закуски, но он отворачивается от них и чрезвычайно живо говорит об опасностях, с которыми ему пришлось столкнуться. Над камином расположено полотно известного

художника Джона Трамбалла «Подписание Декларации независимости Соединенных Штатов».

Исследователи по-разному истолковывают данное полотно. С одной стороны, некоторые считают, что мастер осуждает войну в Мексике. Последняя, как известно, чрезвычайно обострила внутривнутриполитическую полемику в Соединенных Штатах по проблеме рабства. Молодой человек пытается представить свою службу как продолжающую семейную традицию: внук указывает на портрет деда и якобы хочет сказать, что защищает дело «отцов-основателей». Однако поза, отвлеченный взгляд престарелого ветерана свидетельствуют о его недоверчивом отношении к словам внука. Старик отказывается ассоциировать Американскую революцию с Мексиканской войной, отводит глаза от внука. Как отмечали некоторые современники, художник идеализировал Войну за независимость, противопоставляя Дж. Вашингтона герою Американско-мексиканской войны, двенадцатому президенту США Закарию Тейлору. В молодом офицере Джастин Вулфф усматривает представителя «Молодой Америки». С другой стороны, имеются и иные мнения⁴⁹.

Партийные симпатии художника неизвестны – Вудвилл, по свидетельству его родственников, был скрытным человеком. Специалисты не обнаружили ни единого отправленного им письма, ни одного сделанного им политического заявления.

⁴⁹ *Grubar F.S.* Richard Caton Woodville: An American Artist, 1825 to 1855. A Diss. pres. to the Johns Hopkins University, 1966. P. 137-138; *Wolff J.* Richard Caton Woodville: American Painter, Artful Dodger. Princeton; Oxford, 2002. P. 119-121; *Jones E.* American Genre Painting: The Politics of Everyday Life. New Haven, 1991. P. 180; *Wallach G.* Obedient Sons: The Discourse of Youth and Generations in American Culture, 1630–1860. Amherst, 1997. P. 113.

*Илл. 3. Уильям Сидней Маунт.
Рассказ прадеда о революции
(портрет преподобного Закария
Грина) (1852)*

В семье художника до его преждевременной кончины даже не знали, что он женился в Европе во второй раз (первой супругой Вудвилла являлась дочь балтиморского врача М. Баклер) на своей студентке А. Счнитцлер, и у них было двое детей – Алиса и Ричард Катон Вудвилл-мл. Можно согласиться с Дж. Вулффом: художник не ставил целью расставлять все

точки над *i*: каждый зритель, потенциальный покупатель его произведений мог трактовать их по-своему. Как представляется, судя по названию картины, в памяти Вудвилла Американская революция связывается с 1848 годом: подписанием мирного договора с Мексикой и революционными событиями в Старом Свете.

«Ушедший '76 и молодой '48» иногда интерпретируется с точки зрения конфликта поколений. Картина, считает Вулфф, символизирует «дисфункцию семьи», эрозию семейных уз, что, в частности, проявляется в бездействии, нерешительности отца, пассивности матери, которые не намерены внести ясность в отношения сына и деда. «Молодая Америка» как будто бы пытается оспорить авторитет «отцов-основателей» и даже, как утверждают некоторые исследователи, стремится к своего рода «отцеубийству». Согласно Брайну Вулфу, Вудвилл в этом и других своих произведениях поднимает тему

конфликта поколений, правда, художник склонен говорить о примирении отцов и детей⁵⁰.

Действительно, ранее в Соединенных Штатах не было принято вспоминать об Американской революции подобным образом, не полагалось разрывать цепочку прошлое – настоящее, Война за независимость – современность. Как показал Г. Уоллеч, различные политические ассоциации молодых людей подчеркивали свой долг продолжать дело героев Американской революции, ответственность сыновей и внуков за судьбы страны. К примеру, в репрезентации известного художника Уильяма С. Маунта, убаюканного сединами старика, ветерана революции, с благоговением слушают его правнуки (*илл. 3*).

“Democratic Review” в 1852 г. начал грубую кампанию – то, что характеризовалось как «расчистка авгиевых конюшен», – против «старых ретроградов», «старомодных» (*old fogies*), противников прогресса, ограниченных политиков, которые в зрелом возрасте «ходят... в слюнявчиках». Развивается мысль о том, что и 35-летний человек (явный намек на 38-летнего Дугласа) может быть выдвинутым в президенты США: деятели прошлого должны уступить дорогу молодым политикам. Как отмечалось в “New York Times”, разоблачения «Молодой Америки» «порой граничили с неприличием», она никогда «не останавливалась перед тем, чтоб подергать важных сенаторов за бороду»⁵¹.

И все-таки, думается, не совсем правомерно вести речь о риторике «патрицида» «Молодой Америки», ее

⁵⁰ *Wolff J.* Op. cit. P. 124-128; *Forgie G.B.* Patricide in the House Divided. A Psychological Interpretation of Lincoln and His Age. N.Y., 1979. P. 108-109; *Wolf B.* All the World's a Code: Art and Ideology in Nineteenth-Century American Painting // *Art Journal*. Winter 1984. Vol. 44. N 4. P. 332.

⁵¹ *Eighteen-Fifty-Two and the Presidency* // *DR*. Jan. 1852. P. 9-12; *Daniel – '76, '98, '44, '48, and a Fast Man!* // *DR*. May 1852. Vol. 30. N 167. P. 387-388; etc.; *New York Times*. 1852. June 2.

вызове «отцам-основателям», о конфликте отцов и детей. В марте 1854 г. в своей лекции «Молодая Америка: ее доктрины и ее люди» в Нью-Йоркском университете журналист, литератор Эдмонд Фарренк⁵² обозначает сходные периоды в истории Соединенных Штатов и Европы, ибо, по его словам, «Америка подчинена общим законам, которые управляют всем человечеством», «1776 год... – дата всеобщей революции». Первый период, считает Фарренк, завершается англо-американской войной и бегством Наполеона с острова Эльба, окончание второго периода ассоциируется с современностью. Соответственно выделены три поколения американских и европейских государственных деятелей. На долю Вашингтона и его сподвижников, согласно Фарренку, выпала подготовительная работа: они доказали возможность установления демократической формы правления, добились независимости страны. Второе поколение государственных деятелей США получило свободу «в несколько диком состоянии», его задачей стала цивилизаторская миссия по ее совершенствованию. Сейчас оно покидает политическую сцену (ушли из жизни Дж. Кэлхун, Д. Уэбстер, Г. Клей, в Англии – Р. Пиль, А. Веллингтон). С третьим поколением связывается «введение свободы в международную политику», его можно назвать «Молодой Америкой» – это идея времени, охватывающая не только политику, но и изобразительное искусство, литературу, право, нравы. Новое поколение представляют в Соединенных Штатах “Democratic Review” и триумvirат: Сэндерс, руководитель и организатор «Молодой Америки», Райлли – публицист, Уильям Корри, журналист из Огайо, – ее мозг, в Европе – рево-

⁵² О Фарренке известно не так много. Согласно “New York Times”, в 1853 г. он был редактором нью-йоркской газеты “Le Républicain”, какое-то время проживал в Канаде. Фарренк был близок к “младоамериканцам” (New York Times. 1853. Aug. 27).

люционеры Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди, Л. Кошут, Дж. Митчел⁵³.

Как показывают материалы “Democratic Review”, многие «младоамериканцы», представляя третье поколение, вовсе не стремились «сбросить с пьедестала» «отцов-основателей». Напротив, идеи молодости и прогресса прямо ассоциировались с революцией. Проводились параллели между молодым возрастом лидеров Американской революции и участников «Молодой Европы». Доказывалось, что Томас Джефферсон вовсе не был «старым ретроградом». Он перенес дух «демократического прогресса» в Филадельфию и воплотил его в Декларации независимости. Автор основополагающего документа в истории США начал свою политическую карьеру как первый представитель Молодой Америки, а ушел из жизни, будучи ее лидером. Вообще в эпоху революции «ретрограды» (fogydom) «были... изгнаны с нашей земли»⁵⁴. В целом «молодые демократы» не восставали против своих «отцов» (второго поколения государственных деятелей США), а подвергали критике политических противников – вигов и некоторых лидеров Демократической партии, в частности Льюиса Касса. Их кумиром был президент Эндрю Джексон (1829–1837).

Ученые спорят по поводу того, что положить в основу понятия «поколение»⁵⁵. Если считать какое-то со-

⁵³ *Farrenc E. Young America: Its Doctrines and Its Men // New York Times. 1854. April 1. Лекция Фарренка, выступавшего на французском языке, продолжалась более часа.*

⁵⁴ *Mazzini – Young Europe // DR. Jan. 1852. P. 41–42; Congress, the Presidency, and the Review // Idem. March 1852. Vol. 30. N 165. P. 205, 215; The Issue // Idem. March 1852. P. 286–287; Progress of Democracy... // Idem. Apr. 1852. P. 296–297; Baltimore Convention – The Future // DR. May 1852. P. 474; etc.*

⁵⁵ См. напр.: *Ретина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 43–44.*

бытие определяющим в жизни определенного поколения, то для ряда «молодых демократов» таким явлением, по-видимому, была Англо-американская война 1812–1815 гг. Социальные переживания, с нею связанные, часто возникают в памяти многих «младоамериканцев», оказывают влияние на их отношение к Великобритании, революционному движению в Европе. Многих сторонников «Молодой Америки» можно отнести к поколению, родившемуся в годы войны, немного позднее нее или чуть ранее (Дж. Сэндерс – 1812 г., С. Дуглас, И. Уолкер, У Смит – 1815 г., Э. Маршалл – 1821 г, и т.д.).

Безусловно, идеи молодости и прогресса использовались публицистами журнала для извлечения политических дивидендов, рассуждения о «старых ретроградах» часто имели откровенно демагогический характер. Однако, думается, нельзя забывать, что апелляция “Democratic Review” к молодежи отражала ее растущие претензии – как во многих городах Соединенных Штатов (согласно переписи 1850 г., дети и молодые люди англосаксонского происхождения в возрасте до 30 лет составляли около половины населения страны), так и Франции, Англии, – на непосредственное участие в общественно-политической жизни. Начинается обсуждение проблем нового поколения.

В годы Июльской монархии во Франции особую роль играл Париж, куда в результате происходивших социально-экономических изменений в большом количестве стекались амбициозные молодые люди из провинции – специалисты даже говорят о «поколении 1830 года». По некоторым оценкам, в данный период молодежь в возрасте от 15 до 30 лет составляла четверть населения страны. Однако засилье на государственных должностях, среди депутатов законодательных палат, в числе лиц свободных профессий элиты, «нотаблей» свыше пятидесяти лет создавало значительные трудности для трудоустройства и дальнейшего продвижения по службе.

Как отмечают историки, стала разрастаться пропасть между поколениями, наблюдаться напряженность в отношениях отцов и детей⁵⁶. Во Франции в 1830–1840-е гг. понятие молодости нередко ассоциируется с экстремизмом, социальным протестом. Достаточно вспомнить работу Оноре Домье «Восстание» (1848), в центре которой – решительный молодой человек с поднятой рукой, призывающий народ на борьбу, а также более раннюю картину французского художника-романтика Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ на баррикады» (илл. 4).

Илл. 4. Эжен Делакруа. Свобода, ведущая народ на баррикады (1830)

Воплощающую Свободу полуобнаженную молодую женщину, которая в правой руке держит трехцвет-

⁵⁶ Catégories d'age et groupes sociaux les jeunes générations françaises de 1830 // Annales d'histoire économique et sociale. 1938. Sept. 30. T. 10. N 53. P. 385-423; The Youth Revolution: The Conflict of Generations in Modern History / Ed. and with an Introduction. By A. Esler. Lexington; etc, 1974. P. vii–viii.

ный флаг, а в левой – ружье со штыком, окружают вооруженные студент и уличный мальчик-оборвыш. Считается, что маленький сорванец с картины Делакруа вдохновил Виктора Гюго на создание образа Гавроша, знаменитого героя романа-эпопеи “Отверженные” (первое издание вышло в свет в 1862 г.). Когда произносят фразу «молодая Франция», – делилась своими впечатлениями английская писательница Фрэнсис Тrollop, которая посетила Париж в 1835 г., – «все ожидают чего-то грандиозного, страшного... и возвышенного». Британская путешественница говорила по существу о сложившейся молодежной контркультуре: словосочетание «молодые люди Парижа – звучит как удар молнии»⁵⁷.

С Парижем эпохи Июльской монархии связываются такие феномены, как богема и, в известной мере, дендизм (хотя распространение последнего, отличающегося, прежде всего, «аристократическим» стилем одежды, относят к Англии конца XVIII – начала XIX вв.). Термин «богема» происходит от французского слова «богемцы» (*bohemiens*). Он, по мнению исследователей, стал использоваться французами в XV в. для обозначения цыган, которые, по мифологической версии, будто бы жили в центральноевропейском королевстве Богемия, ведя бродячий образ жизни, а затем мигрировали в Западную Европу⁵⁸. Популяризации и прославлению парижской богемы способствовал писатель Анри Мюрже в имевшей большой успех музыкальной мелодраме «Жизнь богемы» (1849), а затем в книге «Сцены из жизни богемы» (1851). Хотя политические симпатии самого Мюрже неопределенны и его вряд ли можно отнести к

⁵⁷ *Trollope F.* Paris and the Parisians in 1835: In 2 vol. Vol. 1. L., 1836. P. 13-14.

⁵⁸ *Вязова Е.* Богема и дендизм: «штаны с бахромой» или бутоньерка в петлице? // Пинакотекa: Журнал для знатоков и любителей искусства. 2004. № 18–19 (1–2). С. 63–69; *Levin J.* Bohemia in America, 1858–1920. Stanford, 2010. P. 16.

приверженцам радикальных методов борьбы, в целом французская богема бросала вызов буржуазной морали, традиционным ценностям. Богемная культура распространяется на некоторых испытывавших влияние романтизма молодых писателей и поэтов, входивших в «Молодую Францию»⁵⁹.

Мюрже утверждал, будто «богемия существует ... только в Париже»⁶⁰. На самом деле, она появляется и в Нью-Йорке, правда, “New York Times” впервые заговорила о ней позднее, в январе 1858 г., с оттенком осуждения, как о «племени» праздношатающихся. Но уже в начале 1850-х гг. в газете упоминалась «странная женоподобная раса» нью-йоркских мальчиков, с «порочными чертами» лица, число которых растет. Их часто называют «Молодой Америкой». Поздно вечером, после закрытия театров, их можно увидеть в салунах – они неуважительно отзываются об отцах, пьют бренди, сквернословят. В газетах штата Огайо также рассказывалось о подобных подростках (тогда употреблялось слово «мальчики»), представителях «Молодой Америки». Они нередко представлялись весьма самостоятельными, независимыми, изобретательными. К примеру, в заметке «Молодая Америка» шла речь о, как бы мы сейчас сказали, тинейджере 14–17 лет: он может ругаться как извозчик, играть в карты как заядлый игрок, жевать табак и употреблять крепкие напитки. Он обнаруживает знания о государственных делах, пренебрежительно отзываясь об «отцах-основателях» и крупных государственных деятелях США. «Алек Гамильтон и Том Джефферсон были сильно переоценены, – заявляет он, – у Дэна Уэбстера, Гена Клея и Джека Кэлхуна имелись определенные способно-

⁵⁹ *Seigel J. Bohemian Paris: Culture, Politics, and the Boundaries of Bourgeois Life, 1830–1930. N.Y.; etc., 1986. P. 36, 67; Parry A. Garrets and Pretenders. A History of Bohemianism in America. Rev. ed. N.Y., 1960. P. 10-11.*

⁶⁰ *Murger H. Scènes de la bohème. Paris, 1851. P. vi.*

сти, но в целом они чересчур медленные для нашего прогрессивного времени»⁶¹.

Богемный стиль жизненного поведения и самоощущения порой уживается с дендизмом. Не свидетельствует ли об этом авторпортрет самого Р.К. Вудвилла? (илл. 5). Художник сидит на стуле, на фоне стены с обоями, украшенными розовыми и белыми розами. Одет он чрезвычайно элегантно: светлокоричневая куртка, небрежно застегнутая на одну пуговицу, из-под куртки видны серый жилет, белая сорочка с черной бабочкой, клетчатые сине-зеленые брюки по последнему слову тогдашней моды. Лево́й рукой он держит цилиндр, а правую поднес к лицу. Его раскинутые ноги, взор, направленный не на зрителя, а в сторону, задумчивое, несколько отчужденное выражение лица, характерное для парижских денди, свидетельствуют, по мнению Дж. Вулфа, о том, что Вудвилл был знаком с богемным образом жизни⁶².

Илл. 5. Ричард Катон Вудвилл. Автопортрет на фоне обоев, украшенных цветами (1848–1850)

⁶¹ Bohemia in New York // New York Times. 1858. Jan. 6; Young America // Idem. 1853. May 26; Belmont Chronicle. 1853. Dec. 2; Gallipolis Journal. 1854. July 27.

⁶² Wolff J. Op. cit. P. 154.

Вероятно, Сэндерс и его друзья учитывали изменения, которые происходили в обществе во взаимоотношениях представителей различных поколений; ими предпринимались попытки сформировать идентичность на основе возраста.

Таким образом, можно заключить, что в середине XIX в. память большинства «молодых демократов» об Американской революции была обусловлена современностью, в частности их восприятием национально-освободительного, республиканского движения в Старом Свете, их пониманием внешнеполитического курса США в отношении Европы, в Западном полушарии в целом. На первый взгляд представляется, что конструировавшиеся сторонниками «Молодой Америки» образы собственной революции XVIII в., с одной стороны, как «национальной», а, с другой, – как «универсалистской», вступают в противоречие друг с другом. Однако надо иметь в виду, что многие демократы в Европе и в Соединенных Штатах в это время еще не противопоставляли нацию человечеству, не проводили жесткого разграничения между национальными и универсалистскими ценностями. К примеру, Шилдз, выступая в Сенате в декабре 1851 г., приходил к выводу, что Венгрия «вела битву за национальность в интересах всего цивилизованного мира». Универсуум подразумевал плюрализм национальных культур, включал отдельные нации в общую «семью народов». Подобное отождествление национального с интернациональным особенно характерно для Дж. Мадзини, а также для польской демократической мысли указанного периода, в чем иногда усматривается влияние романтизма⁶³.

⁶³ Congressional Globe. 32 Congress. 1st Session. P. 55; *Walicki A. The Problem of Revolution in Polish Thought, 1831–1848/49 // The American and European Revolutions, 1776–1848: Sociopolit-*

В данной статье речь шла о дискурсе Американской революции в риторике «младоамериканцев». Чтобы сформировать цельное представление о соотношении «национального» и «универсалистского» в их воззрениях на практике, необходимо рассмотреть конкретную внешнеполитическую деятельность «молодых демократов». Это – отдельная тема.

Публицисты “Democratic Review” и после поражения революционного движения в Старом Свете в середине XIX столетия подчеркивали связь революционного опыта Соединенных Штатов с европейским, международную значимость Американской революции, ощущали себя частью трансатлантического сообщества, отстаивали, как бы мы сейчас сказали, идею «атлантической революции», своего рода «Атлантики наций». Исследователь «Молодой Америки» Йонатан Йел полагает, что эта группировка не смогла в конечном итоге занять доминирующее положение в Демократической партии⁶⁴. Все же можно предположить, что ее идеи оказывали определенное влияние на некоторую часть американской общественности, в особенности на европейских иммигрантов г. Нью-Йорка, представителей Среднего Запада.

Хотелось бы, конечно, чтобы «прогрессивные демократы» соединяли приверженность свободе в Европе, трансатлантическое измерение Американской революции с неприятием рабства в Соединенных Штатах. Но действительность оказалась иной. Ряд из них защищали невольничество у себя дома, другие, рассматривая Американскую революцию в мировом масштабе, ратовали за распространение ее принципов в Западном полушарии, в том числе и вооруженным путем. Думается, было бы упрощением видеть во всех южанах противников идей

ical and Ideological Aspects / Ed. with Introduct. by J. Pelenski. Iowa City, 1980. P. 290-291.

⁶⁴ Eyal Y. Op. cit. P. 11.

революции и прогресса, также как во всех представителях Запада, иммигрантах из Европы – борцов против рабства и критиков экспансионистской политики.

Литература

New York State Library. Manuscripts and Special Collections. 4th of July Orations

Congressional Globe. 30–32 Congresses. URL:

<http://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwcglink.html#anchor30>

Chronicling America – Historic American Newspapers. URL: <http://chroniclingamerica.loc.gov/>

American Whig Review. 1845–1852. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/a/amwh/index.htm>

Harper's New Monthly Magazine. 1850–1859. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/h/harp/index.html>

New York Times. 1851–1859. URL: <http://www.nytimes.com/ref/membercenter/nytarchive.html>.

Southern Quarterly Review. 1848–1853. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/moajrnl/browse.journals/squa.htm>

United States Magazine and Democratic Review, 1837–1859. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/u/usde/index.html>

[*Bayard S.J.*]. A Sketch of the Life of Com. Robert F. Stockton; with an Appendix, comprising his correspondence with the Navy department respecting his conquest of California; and extracts from the defence of Col. J. C. Fremont, in relation to the same subject; together with his speeches in the Senate of the United States and his political letters. N.Y.: Derby & Jackson, 1856 (Ann Arbor: University of Michigan Library, 2005). URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/boa/ABT5063.0001.001?view=toc>

Belmont A. Letters, Speeches, and Addresses of August Belmont. N.Y.: privately printed, 1890. 236 p. URL: <http://ia700408.us.archive.org/10/items/lettersspeechesa00belm/lettersspeechesa00belm.pdf>

Farrenc E. Young America: Its Doctrines and Its Men // New York Times. 1854. Apr.1.

Marraro H.R. Unpublished American Documents on the Roman Republic of 1849 // Catholic Historical Review. Jan. 1943. Vol. 28. N 4. P. 459-490. URL: <http://www.jstor.org/stable/25014202>

[*Marshall E.C.*]. American Progress, Judge Douglas, the Presidency: Speech of Mr. Marshall, of California, in the House of Representatives, 11 March, 1852, in Reply to the Speech of Mr. Breckinridge, of Kentucky. URL: <http://ia700204.us.archive.org/14/items/americanprogress00marsric/h/americanprogress00marsric.pdf>

Mitchel J. Jail Journal; Or Five Years in British Prisons. N.Y.: Published at the office of the "Citizen", 1854. 370 p. URL: <http://books.google.ru...>

Mitchel J. Memoir of Thomas Devin Reilly: A Lecture Delivered by John Mitchel, on the Tabernacle, New-York, on Dec. 29th, 1856. N.Y.: P.M. Haverty, 1857. 49 p. URL: <http://books.google.ru...>

Montgomery C. [Cazneau J.M.] The Queen of Islands, and the King of Rivers. N.Y.: Charles Wood, 1850. URL: <http://ia700708.us.archive.org/8/items/agf7183.0001.001.umich.edu/agf7183.0001.001.umich.edu.pdf>

Montgomery C. [Cazneau J.M.] Eagle Pass; Or, Life on the Border. N.Y.: Putnam, 1852. URL: <http://archive.org/stream/eaglepassorlife00cazgoog#page/n6/mode/2up>

O'Sullivan J.L. Nelson Jarvis Waterbury: A Biographical Sketch. N.Y.: J.W. Bouton, 1880. 36 p. URL: <http://ia700302.us.archive.org/22/items/nelsonjarviswate00osul/nelsonjarviswate00osul.pdf>

Perley Poore B. Reminiscences of Sixty Years in the National Metropolis: In 2 vol. Vol. 1. Electronic ed. URL: <http://archive.org/stream/perleysreminisce20290gut/pg20290.txt>

Report of the Naval committee to the House of Representatives, August, 1850, in favor of the establishment of a line of mail steamships to the western coast of Africa... Washington, 1850. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=moa;idno=AEU0132>

Savage J. '98 and '48: The Modern Revolutionary History and Literature of Ireland. N.Y.: Redfield, 1856. 423 p. URL: <http://books.google.ru...>

Soule P. Speech of Mr. Soule, of Louisiana, on Non-Intervention, Delivered in the Senate of the United States, March 22, 1852. Washington, 1852. P. 36. (Ann Arbor, 2005). URL: <http://name.umdl.umich.edu/ABT5751.0001.001>

[*Stockton R.F.*] Remarks of Hon. R.F. Stockton, of New Jersey, upon Non-Intervention. Delivered in the Senate of the United States, February 2, 1852. Washington, 1852. URL: <http://ia700303.us.archive.org/33/items/remarksofhonrfst00stoca/remarksofhonrfst00stoca.pdf>
Trollope F. Paris and the Parisians in 1835: In 2 vol. Vol. 1. L: Bentley, 1836. URL: <http://archive.org/details/parisandparisia03trolgoog>

Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США (1850–1861 гг.). Курск: КГУ, 2008. 237 с.

Алентьева Т.В. Американская журналистика в первой половине и середине XIX века. Курск: КГУ, 2008. 130 с.

Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Реформаторы, неконформисты, диссиденты в США: от Войны за независимость до Гражданской войны. Курск: КГУ, 2012. 356 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц Кучково Поле, 2001. 287 с.

Ариес Ф. Возрасты жизни. Пер. с франц. // *Философия и методология истории. Сб. статей / Общ. ред., вступит. ст. проф. И.С. Кона.* М.: Прогресс, 1977. С. 216-244.

Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2010. 307 с.

Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 403 с.

Вуд Г. Радикализм Американской революции. Пер. с англ. // *Американский ежегодник 1994 / Отв. ред. Н.Н.Болховитинов.* М.: Наука, 1995. С.9-27.

Данилевский И.Н. Исторические реконструкции: методологические ограничения // *От текста к реальности: (не) возможности исторических реконструкций / Отв. ред. О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский.* М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3-24.

Дементьев И.П. Идејная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М.: изд-во Московского университета, 1973. 367 с.

Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. д.и.н. *С.М. Фалькович.* М.: изд-во «Индрик», 2001. 455 с.

- История Европы: В 8 тт. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5 / Отв. ред. С.П. Пожарская, А.С. Намазова. М.: Наука, 2000. 667 с.
- История США: В 4-х тт. / Гл. ред. Г.Н. Севостьянов. Т. 1. 1607–1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983. 687 с.
- Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. 608 с.
- История внешней политики России, первая половина XIX века / Отв. ред. д.и.н. О.В. Орлик. М., 1999.
- Кирова К.Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1807–1872). М.: Наука, 1981. 184 с.
- Ковалев Ю.В. "Молодая Америка". Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1971. 120 с.
- Ковалев Ю.В. От "Шпиона" до "Шарлатана": Статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 258 с.
- Кубышкин А.И. Англо-американское соперничество в Центральной Америке. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1994. 240 с.
- Курилла И.И. "Войти в круг великих держав..." Дэниел Уэбстер и внешняя политика США в середине XIX века. Волгоград: издательство ВолГУ, 1997. 190 с.
- Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: издательство ВолГУ, 2005. 487 с.
- Курилла И.И. «Если мы будем благоразумны, нас ждет великое будущее»: радикалы и консерваторы во внешней политике США середины XIX в. // Консервативная традиция в американском обществе: истоки, эволюция, современное состояние / Отв. ред. А.С. Манькин, Ю.Н. Рогулев, Е.Ф. Язьков. Материалы IX научной конференции Российской Ассоциации изучения США. Москва, Исторический факультет МГУ, 27–28 июня 2005 г. М.: Макс Пресс, 2006. С. 233-241.
- Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении / Отв. ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2011. 361 с.
- Мирошников А.В. Ирландское национальное движение 1782–1873 гг. Хронология, организация, персоналия. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1998. 75 с.
- Невлер В.Е. Мадзини и «Молодая Европа» // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 62-77.
- Образы времени и исторические представления Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 959 с.

Онаф П.С. Американская революция и национальная идентичность. Пер. с англ. // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001. С. 71-91.

Орлик И.И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 21-40.

Павленко О.В. "Славянский фактор" в отношениях России и Австрии в 40–60-е годы XIX века // Славяно-германские исследования / Отв. ред. А.А. Гугнин. СПб.: Алетейя, 2000. С. 243-288.

Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994. 334 с.

Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008. 501 с.

Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 672 с.

Плешков В.Н. Внешняя политика США в конце XVIII века (Очерки англо-американских отношений). Л.: Наука, 1984. 301 с.

Сиротинская М.М. Европейская политика США в середине XIX века // История внешней политики и дипломатии США 1775–1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Международные отношения, 1994. С. 233-264.

Сиротинская М.М. Американское общество и Французская республика 1848–1852. М.: ИВИ РАН, 2003. 280 с.

Сиротинская М.М. «Молодая Америка» и доктрина вмешательства в оценке прессы США начала 1850-х годов // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. / Отв. ред. В.А. Коленеко: В 3-х тт. Т. 2. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 91-151.

Сиротинская М.М. Российский посланник в Вашингтоне А.А. Бодиско и полемика в Конгрессе США о политике невмешательства (1851–1852) // Российско-американские отношения: конец XVIII – начало XX вв. Материалы международной научной конференции «200 лет российско-американских отношений» (Москва, 8–10 ноября 2007 г.) / Отв. ред. М.М. Сиротинская. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 40-54. URL: <http://americaxix.org.ru/library/sirotinskaia-bodisko/>

Сиротинская М.М. Ирландский революционер в США: Томас Девин Райлли // Американский ежегодник 2010 / Отв. ред. проф. В.В. Согрин // М.: Наука, 2010. С. 215-228.

Сиротинская М.М. Джордж Вашингтон в американской живописи середины XIX в. // Исторический факт как аргумент полити-

- ческой полемики / Отв. ред. *М.П. Айзенштат*. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 150-168.
- Согрин В.В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Согрин В.В.* Основатели США: исторические портреты. М.: Наука, 1983. 182 с.
- Согрин В.В.* Джефферсон. Человек, мыслитель, политик. М.: Наука, 1989. 280 с.
- Согрин В.В.* Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с.
- Согрин В.В.* Политическая история США XVII–XX вв. М.: Весь мир, 2001. 400 с.
- Согрин В.В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 579 с.
- Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М.: Весь мир, 2011. 368 с.
- Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М.: Весь мир, 2010. 328 с.
- Франция – Память / Под рук. *П. Нора*. Пер. с франц. СПб: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 326 с.
- Фурсенко А.А.* Американская революция и образование США. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. 414 с.
- Хобсбаум Э.* Век революции. 1789–1848. Пер. с англ. Р н/Д: издательство «Феникс», 1999. 480 с.
- Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с.
- Чубарьян А.О.* Российский европеизм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 416 с.
- The Age of Revolutions in Global Context, c.1760–1840 / Ed. by D. Armitage and S. Subrahmanyam.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 301 p.
- Agulhon M.* 1848 ou l'apprentissage de la République 1848-1852. Paris: Editions du Seuil, 1973. 253 p.
- The American and European Revolutions, 1776–1848: Sociopolitical and Ideological Aspects / Ed. with Introduct. by J. Pelenski.* Iowa City (Iowa): University of Iowa Press, 1980. 412 p.
- L'Amérique et la France: deux révolutions / Textes réunis par E. Marienstras.* Paris: Publication de la Sorbonne, 1990. 221 p.
- Arendt H.* On Revolution. N.Y.: Viking Press, 1963. 350 p.
- Armitage D.* The Declaration of Independence A Global History. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2007. 300 p.

Atlantic History A Critical Appraisal / Ed. by *J.P. Greene, Ph.D. Morgan*. Oxford; N.Y.; etc: Oxford University Press, 2009. 371 p.

Bayly C.A. The Birth of the Modern World 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden (Mass.); Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 540 p.

Bailyn B. Atlantic History: Concept and Contours. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2005. 149 p.

Condon W.H. Life of Major-General James Shields Hero of Three Wars and Senator from Three States. Chicago, 1900. 387 p. URL: <http://archive.org/stream/lifemajorgenera00condgoog#page/n5/mode/2up>

Curti M. “Young America” // American Historical Review. Oct. 1926. Vol. 32. N 1. P. 34-55.

Curti M.E. George N. Sanders – American Patriot of the Fifties // South Atlantic Quarterly. June 1928. Vol. 27. P. 79-87.

Curti M. Isaac H. Walker: Reformer in Mid-Century Politics // Wisconsin Magazine of History. Aut. 1950. Vol. 34. N 1. P. 3–6, 58–62. URL: <http://www.jstor.org/stable/4632192>

Davis D.B. Revolutions: Reflections on American Equality and Foreign Liberations. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1990. 130 p.

Deak I. The Lawful Revolution: Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849. N.Y.: Columbia University Press, 1979. 415 p.

Demos J. Past, Present, and Personal: The Family and the Life Course in American History. N.Y.: Oxford University Press, 1986. 215 p.

Empire and Nation: The American Revolution in the Atlantic World / Ed. by E.H. Gould, P.S. Onuf. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2005. 392 p. URL: <http://books.google.ru...>

The Encyclopedia of the American Revolutionary War A Political, Social and Military History / Ed. by G. Fremont-Barnes, R.A. Ryerson, foreword by J.P. Greene: In 5 vol. Santa Barbara; Denver; Oxford: ABC Clío, 2006.

The Encyclopedia of Political Revolutions / Ed. by J.P. Goldstone. Washington: Congressional Quarterly Inc., 1998. 580 p.

Europe in 1848: Revolution and Reform /Ed. by *D. Dowe* et al. N.Y., Oxford: Berghahn Books, 2001. 994 p. URL: <http://books.google.ru...>

Eyal Y. The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861. Cambridge, N.Y., Melbourne; etc.: Cambridge University Press, 2007. 252 p.

The Family in History Interdisciplinary Essays / Ed. by Th.K. Rabb and R.I. Rotberg. N.Y.: Octagon Books, 1976. 240 p.

Fleche A.M. The Revolution of 1861: The American Civil War in the Age of Nationalist Conflict. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012. 204 p.

Foran J. Theories of Revolution Revisited: Toward a Fourth Generation? // *Sociological Theory*. Mar. 1993. Vol. 11. N 1. P. 1-20. URL: <http://www.jstor.org/stable/201977>

Forgie G.B. Patricide in the House Divided. A Psychological Interpretation of Lincoln and His Age. N.Y.: W.W. Norton&Company, 1979.

Freeman A. The Early Career of Pierre Soulé // *Louisiana Historical Quarterly*. Oct. 1942. Vol. 25. N 4. P. 971–1127.

Games A. Atlantic History: Definitions, Challenges, and Opportunities // *American Historical Review*. June 2006. Vol. 111. N 3. P.741-757. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/ahr.111.3.741>

Gillis J.R. Youth and History: Tradition and Change in European Age Relations 1770 – Present. N.Y.; London: Academic Press, 1974. 232 p.

Godechot J. Les révolutions (1770–1799). Paris: Presses Universitaires de France, 1963. 410 p.

Godechot J. Les révolutions de 1848. Paris: Editions Albin Michel, 1971. 502 p.

Goldstone J.A. Theories of Revolution: The Third Generation // *World Politics*. Apr. 1980. Vol. 32. N 3. P. 425-453. URL: <http://www.jstor.org/stable/2010111>

Grubar F.S. Richard Caton Woodville: An American Artist, 1825 to 1855. A Diss. pres. to the Johns Hopkins Univ., 1966. URL: 82.179.249.32:2060/pqdweb?index=...

A History of Private Life / Ed. by Ph. Ariès and G. Duby. T.4. From the Fires of Revolution to the Great War. Cambridge (Mass.); London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990. 713 p.

Howe D. What Hath God Wrought: The Transformation of America, 1815–1848. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2007. 928 p. URL: <http://books.google.ru...>

Hudson L.S. Mistress of Manifest Destiny: A Biography of Jane McManus Storm Cazneau, 1807–1878. Texas State Historical Association, 2001. 314 p.

Hunt M.H. Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven; London: Yale University Press, 1987. 237 p.

The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union / Ed. by *A. Pagden*. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2002. 377 p.

Johannsen R.W. Stephen A. Douglas. N.Y.: Oxford University Press, 1973. 993 p.

Johns E. American Genre Painting: The Politics of Everyday Life. New Haven: Yale University Press, 1991. 288 p.

Kammen M. A Season of Youth: The American Revolution and the Historical Imagination. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. 384 p.

Kett J.F. Adolescence and Youth in Ninetenth-Century America // Journal of Interdisciplinary History. Aut. 1971. Vol. 2. N 2. P. 283–298. URL: <http://www.jstor.org/stable/202846>.

1848: A European Revolution? International Ideas and National Memories of 1848 / Ed. by *A. Körner*. Houndmills, Basingstoke; London: MacMillan Press Ltd; N.Y.: Martins Press, Inc., 2000. 232 p.

Levin J. Bohemia in America, 1858–1920. Stanford: Stanford University Press, 2010. 468 p.

Major problems in the Era of the American Revolution, 1760–1791. Documents and Essays / Ed. by R.D. Brown. Lexington (Mass.): Heath, 1992. 620 p.

Morrison M.A. American Reaction to European Revolutions, 1848–1852: Sectionalism, Memory, and the Revolutionary Heritage // Civil War History. 2003. Vol. 49. N 2. P. 111-132.

Oliver J.W. Louis Kossuth's Appeal to the Middle West – 1852 // Mississippi Valley Historical Review. March 1928. Vol. 14. N 4. P. 481-495.

Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution. A Political History of Europe and America, 1760–1800: In 2 vol.. Vol.1. Princeton: Princeton University Press, 1959. 534 p.; Vol.2, 1964. 584 p.

Parry A. Garrets and Pretenders A History of Bohemianism in America. Rev. ed. N.Y.: Dover, 1960. 422 p.

Reinecke J.A., Jr. The Diplomatic Career of Pierre Soule // Louisiana Historical Quarterly. Apr. 1932. Vol. 15. N 2. P. 285–329.

Rethinking American History in a Global Age / Ed. by *Th. Bender*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2002. 436 p.

The Revolutions in Europe: From Reform to Reaction / Ed. by *R.J.W. Evans, H.P. Von Strandmann*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 250 p.

Roberts T.M. Distant Revolutions 1848 and the Challenge to American Exceptionalism. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2009. 256 p.

Rohrs R.C. American Critics of the French Revolution of 1848 // Journal of the Early Republic . Fall 1994. Vol. 14. N 3. P. 359-377.

Rougmont D. de. Vingt-huit siècles d'Europe. P.: Payot, 1961, 418 p.

Sampson R.D. John L. O'Sullivan and His Times. Kent; London: The Kent State University Press, 2003. 304 p.

Szilassy S. America and the Hungarian Revolution of 1848–49 // Slavonic and East European Review. Jan. 1966. Vol. 44. N 102. P.180-196.

Smith Mack D. Mazzini. New Haven; London: Yale University Press, 1994. 302 p.

Spencer D.S. Louis Kossuth and Young America. A Study of Sectionalism and Foreign Policy 1848–1852. Columbia; London: University of Missouri Press, 1977. 203 p.

Sperber J. The European Revolutions, 1848–1851. 2 ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 334 p. URL: <http://books.google.ru...>

Stearns P.N. 1848: The Revolutionary Tide in Europe. N.Y.: W.W. Norton & Company Inc., 1974. 278 p.

Tilly Ch. Contention and Democracy in Europe, 1650–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 305 p.

Wallach G. Obedient Sons: The Discourse of Youth and Generations in American Culture, 1630–1860. Amherst: University of Massachusetts Press, 1997. 265 p. URL: <http://books.google.ru...>

Weinberg A.K. Manifest Destiny A Study of Nationalist Expansionism in American History. Chicago: Encounter Paperbacks, 1935. 559 p.

Widmer E.L. Young America. The Flowering of Democracy in New York City. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 290 p.

Wolf B. All the World's a Code: Art and Ideology in Nineteenth-Century American Painting // *Art Journal*. Winter 1984. Vol. 44. N 4. P. 328–337. URL: <http://www.jstor.org/pss/776769>.

Wolff J. Richard Caton Woodville: American Painter, Artful Dodger. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. 208 p.

Wood G.S. Empire of Liberty A History of the Early Republic, 1789–1815. Oxford; N.Y.; etc.: Oxford University Press, 2009. 778 p.

The Youth Revolution: The Conflict of Generations in Modern History / Ed. and with an Introd. by A. Esler. Lexington (Mass.); etc.: D.C. Heath and Company, 1974. 173 p.

В.В.Тихонов

МОСКОВСКАЯ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛЫ «РУССКИХ ИСТОРИКОВ» В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ «МОСКВА-ПЕТЕРБУРГ» (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимовосприятия российских историков-русистов Москвы и Петербурга. Автор показывает, что противостояние и особенности исторических школ Москвы и Петербурга были обусловлены различием менталитета научных сообществ обеих столиц, сформировавшегося под воздействием местной культурной среды. Автор также анализирует образы Москвы и Петербурга, сложившиеся у ведущих российских историков кон. XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: историческая наука в России, Москва, Петербург, исторические школы, историческое восприятие.

Об авторе: Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, 117036, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

tihonovvitaliy@list.ru

Vitaly Tikhonov

MOSCOW AND ST. PETERSBURG SCHOOLS OF “RUSSIAN HISTORIANS” IN THE CONTEXT OF DICHOTOMY “MOSCOW vs. ST. PETERSBURG” (LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES)

Abstract: The article deals with the problem of mutual perception by students of Russian history from Moscow and St. Petersburg. The author demonstrates that the confrontation and peculiar features of the historical schools of Moscow and St. Petersburg were due to the difference in the mentality of academic communities of those two capitals, that had formed under the influence of local cultural environment. The author analyzes as well images of Moscow and St. Petersburg, formed among leading Russian historians of late 19th – early 20th centuries.

Key words: academic history in Russia, Moscow, St. Petersburg, historical schools, historical perception.

About the Author: Vitaly Tikhonov, PhD in history, senior researcher at the Institute of Russian History of RAS. Moscow, 117036, st. Dmitry Ulyanov, 19. tihonovvitaliy@list.ru

Дихотомия «Москва-Петербург» является устойчивым феноменом русской культуры. Антитеза возникла как следствие модернизационных процессов в стране, когда петровские реформы привели к разрыву между вестернизированной и традиционной Россией. Первая была идентифицирована с новой, северной столицей, а вторая – с Москвой. Развиваясь во времени и модифицируясь, дихотомия «Москва-Петербург», тем не менее, оставалась одним из главных источников формирования культурных мифов и стереотипов. В культурной мифологии XVIII – XIX вв. Петербург представлялся символом европейского пути России, ее приобщения к европейским ценностям. Москва же ассоциировалась одними с допетровской Русью и рассматривалась как оплот «азиатчины» и косности, другими – как центр истинно русской культуры.

Описанные выше образы были распространены в первую очередь в образованной интеллектуальной среде, основная масса народа, очевидно, смотрела на это несколько иначе. В.О. Ключевский как-то в свойственной ему язвительной манере написал о восприятии простыми русскими людьми своих столиц: «О Владимире он [народ] забыл, да и в свое время мало знал его; Москва была тяжела народу, он ее немножко уважал и побаивался, но не любил искренно; Петербурга он не любит, не уважает и даже не боится»¹. Только к легендарному Киеву былинных времен люди относились положительно и с уважением. Очевидно, что историк, перечисляя столицы, имел в виду те государственные образования, которые они отождествляли. Здесь важно замечание о нелюбви русского народа к действующей столице.

Миф* о Москве и Петербурге активно эксплуатировался в русской художественной литературе, но, как и

¹ Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // В.О. Ключевский. Сочинения в 9 томах. Т.1. М., 1987. С. 211.

* В данной статье принимается трактовка мифа «как второй реальности», предложенная А.Ф. Лосевым. Разделяется его

положено мифу, имел нечеткие и противоречивые очертания: «Созданный литературой миф о московско-петербургском противостоянии всегда входил в состав более фундаментального мифа о «столицах» и «провинции»... При этом «центр» выступает то в качестве источника прогресса, то разрушительного космополитизма, а «периферия» предстает то косной и отсталой, то родником истинно русской животворной энергии»². Впрочем, надо отметить, что Москва не рассматривалась как провинция, а скорее, как вторая столица, и это только подливало масла в огонь в споре двух российских центров, наблюдавшемся на протяжении всей истории Российской империи.

Процесс демифологизации был противоречив. По наблюдениям И.С. Розенталя: «Освобождение сознания от мифов по мере развития культуры не стало, как ожидалось в XIX в., доминирующей тенденцией, процессы мифологизации и демифологизации протекали одновременно. Сложившиеся ранее представления о Москве и Петербурге превратились в стереотипы: не только в зависимости от общественно-политических взглядов и эстетических пристрастий, но и в разные моменты жизни того или иного москвича или петербуржца, в соответствии с его душевными потребностями Петербург мог представляться исключительно со знаком плюс – цивилизованным, европейским, культурным, гармоничным, планомерным, или, наоборот, – неестественным, казенным, бездушным, нерусским; Москва – беспорядочной, хаотичной, полуазиатской или же почвенной, душевной, уютной, естественно-русской»³. В то же вре-

мнение, что «действительность мифична не сама по себе, а по отношению к субъекту, который ее так воспринимает» (Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 84.)

² *Смирнов С.Б.* Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000. С. 7.

³ *Розенталь И.С.* Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 16-17.

мя Москва и Петербург и их мифологизированные образы тесно переплетались, создавая образ страны в целом.

К концу XIX в. бытовые и культурные различия между городами из-за ускоренной урбанизации существенно сгладились. Приехавший в Москву в середине 1880-х гг. А.А. Кизеветтер вынужден был признать, что «Москва... в значительной мере оправдывала столь часто прилагавшееся к ней название “большой деревни”...». Но такое положение дел быстро менялось: «Уже на моих глазах, в самом конце 80-х годов и затем 90-х годах... Москва стала быстро изошрять свое европейское обличье... Сначала стали вырастать то там, то тут небоскребы, многоэтажные дома с массой квартир... потом пришли телефоны, автомобили и трамваи»⁴. Если в начале 1880-х гг. здесь еще можно было наблюдать остатки «старозаветного» дворянства и купечества, то затем «вышел на сцену новый купец, “джентльмен”, меценат, политический фронтендер, библиофил, декадент»⁵.

Известный московский историк, ученик В.О. Ключевского, М.М. Богословский не без ехидства и торжества писал: «Как одно из самых резких различий между столицами указывалась высота каменных петербургских четырехэтажных и пятиэтажных домов. Что теперь эти четырехэтажные дома перед московскими небоскребами?»⁶.

Но на смену одним мифам пришли другие. Петербург стали рассматривать как столицу имперской бюрократии, тогда как Москва позиционировалась как город бурного самоорганизующегося общественного движения, олицетворение национального характера в эпоху перемен. Важно подчеркнуть, что именно на рубеже XIX – XX вв. рассуждения о дихотомии Москва-Петербург приобрели новое дыхание. Обсуждалось все:

⁴ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997. С. 22.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 110.

архитектурные и культурные различия, сравнивалось общество обеих столиц, политическая жизнь. М.М. Богословский вспоминал: «Прекрасно помню тогдашние разговоры о Петербурге в сравнении с Москвою»⁷. По мнению С.Б. Смирнова: «Для русского образованного человека рубежа веков постоянное противопоставление Москвы и Петербурга имело, наряду с прочим, и психотерапевтическое значение. Москва воплощала надежду на преодоление поразившего страну политического и духовного кризиса, а потому русские интеллигенты хотели видеть в ней оплот истинной русскости, залог стержневого здоровья русского общества»⁸.

Разговоры о Москве и Петербурге свидетельствовали о росте самосознания горожан Российской империи на рубеже веков. Некоторые исследователи даже считают, что в условиях упадка поместного дворянства, тесно связанного с загородными усадьбами и их культурой, на первый план выходит новое урбанизированное общество, связывающее свою жизнь с городской средой. Образованные горожане, обладая своеобразным «полисным» патриотизмом, острее чувствуют особенности своей городской среды обитания. Отнюдь не случайно, что именно в конце XIX – начале XX вв. возрастает количество трудов, посвященных истории городов, в особенности Москвы и Петербурга⁹.

На фоне активизации «московского патриотизма» петербургское самосознание имело ряд особенностей: петербуржцы не ощущали себя вполне европейцами или вполне русскими. Мироощущение жителей Петербурга формировалось на стыке двух культур. С одной стороны, это создавало своеобразный комплекс неполноценности, заключавшийся в том, что петербуржцы-интеллектуалы не могли четко идентифицировать себя с какой-либо культурой. С другой – они оказывались заметно терпимее к раз-

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Смирнов С.Б. Указ. соч. С. 69.

⁹ Там же. С. 71.

ным культурам и субкультурам, что отразилось и в процессе историографической коммуникации. Именно петербуржцы заметно активнее шли на контакт со своими коллегами из других университетов.

По мнению специалистов, в начале XX в. в среде петербургских интеллектуалов наблюдается рост критицизма по отношению к родному городу, а также его мифу. Ярко это выразил А. Бенуа: «Москва богаче нас жизненными силами, она мощнее, красочнее... она способна сложить особые, чисто русские характеры, дать раскинуться смелости русской мысли». Впрочем, в отличие от европейски дисциплинированного Петербурга, «Москве чужд дух дисциплины...»¹⁰. Г.П. Федотов доводил эти рассуждения до логического конца: «чиновный, умеренно-либеральный, европейски просвещенный, внутренне черствый и пустой» Петербург противопоставлялся «безвластной и вольной, широкой и святой» Москве, которая «по сердцу (а не идеям) всегда была либеральной: здесь либералы православны и чуть-чуть толстовцы»¹¹. Безусловно, реальность была гораздо сложнее процитированных выше текстов, отражавших, тем не менее, расхожие настроения.

2

Итак, дихотомия Москва-Петербург являлась важным элементом духовной жизни России, представляла собой неотъемлемую часть культурной мифологии. Учитывая тот факт, что наука (особенно гуманитарная) является частью общекультурного ландшафта своего пространства и времени, то логично предположить, что данная дихотомия могла заметно повлиять на развитие отечественной исторической науки.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Москве и Петербурге в местных университетах окончательно

¹⁰ Там же. С. 74.

¹¹ Федотов Г.П. Две столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 209, 211, 213.

складываются исторические школы, переживающие короткий расцвет. Формируясь в насыщенной культурной атмосфере, они неизбежно оказывались подвержены той мифологии, которая получила распространение в их интеллектуальной среде. Эта среда являлась питательным источником различных стереотипов, от которых трудно было отделаться даже столь высокообразованным людям, которыми, без сомнения, являлись выпускники Московского и Петербургского университетов.

В данной работе анализу будут подвергнуты только т.н. «русские историки», то есть специалисты по истории России. Автор оставляет за скобками многочисленных всеобщих историков. Подобный подход связан как с ограниченностью его сведений о них, так и с желанием сконцентрироваться на рассмотрении вполне конкретных школ специалистов по отечественной истории, а не всей среды, довольно пестрой и неоднородной, петербургских или московских историков.

В современной историографической литературе «школа» трактуется как «совокупность ученых, объединенных общим направлением научного поиска, общностью научных взглядов и принципов»¹². Также указываются и на ментальные аспекты школ в исторической науке. Важнейшим критерием разделения научных сообществ является их самосознание. По меткому замечанию А.Н. Шаханова, «для представителей научной школы характерна субъективная убежденность в обладании ими истинным знанием и осознанием принадлежности к особой исследовательской или педагогической корпорации»¹³. Самосо-

¹² *Попов А.С.* Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореф. дис...докт. ист. наук. Пенза, 2002. С. 13. Подробнее о школах см.: *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

¹³ *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 31.

знание в значительной степени формируется той социально-культурной средой, которая окружает человека.

Специфика профессиональной деятельности историков приводила к тому, что стереотипы, связанные с городами, перекидывались на местные исторические школы и их представителей. Университеты, бывшие институциональными основами научных школ, являлись частью местного ландшафта: городского, культурного и социально-политического¹⁴.

Так, Петербургский университет органично вписывался в чиновничью атмосферу северной столицы. По воспоминаниям выпускника университета, профессора С.С. Кузнецова, «старый Петербургский университет [дореволюционный – В.Т.] некоторыми своими порядками отражал блеск Петербурга: чопорно-вежливое и холодновато-обязательное обращение профессорско-преподавательского и технического персонала; белизна дверей и стен; совершенная прозрачность стекол в окнах и огромных книжных шкафах из ясеневого дерева... сверкание до зеркальности натертого паркета... Профессора в скромных черных сюртуках представлялись нам небожителями, проповедниками каких-то исключительных истин»¹⁵.

В противовес официальному Петербургу московская общественность бравировала своей оппозиционностью (надо сказать, весьма умеренной). Например, это выражалось в довольно частых забастовках профессоров и студенчества. В Москве сложилась тесная связь местной предпринимательской и интеллектуальной элиты. Развитое городское самоуправление, активное участие профессуры в работе Московской городской думы, немало способствовало этому: «Сотрудничество в думе с

¹⁴ Подробнее см.: Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.

¹⁵ Цит. по: Ростовцев Е. Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009. С. 262-263.

профессорами и выходцами из Московского университета оказывало серьезное личное влияние на основоположников крупных московских купеческих династий, в большинстве своем не имевших высшего образования. В результате их сыновья становились студентами Московского университета, уделявшими пристальное внимание науке и просвещению»¹⁶. На историко-филологическом факультете получили образование известный предприниматель и политик А.И. Гучков и выдающийся историк С.В. Бахрушин, выходцы из старых московских предпринимательских фамилий.

Авторитет их семей требовал активной общественно-политической работы на благо московского общества. Так, С.В. Бахрушин был депутатом Московской городской думы три раза. О своих первых выборах он не без иронии вспоминал: «...Я чувствовал вокруг своей головы ореол от блеска моей фамилии... На предвыборном собрании с обеих сторон произносились колкие и укорительные речи, дебатировались программы, вопросы, когда поднялся высокий, седой как лунь, старик в длиннополом сюртуке и в нескольких словах нравоучительным тоном рекомендовал выбирать “таких людей, как Бахрушин”: он меня не знал, не имел никакого представления о моих качествах и недостатках; он видел во мне лишь представителя той породы людей, которых “надо” выбирать, и кои по своему положению призваны исполнять функцию гласных...»¹⁷. Тесная связь с социально-политической жизнью города толкала московских историков к написанию исследований на общественно значимые темы. Одной из самых популярных была история местного самоуправления, очевидно навеянная проблемами московского самоуправления.

¹⁶ Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Там же. С. 391.

¹⁷ Архив Российской академии наук Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 2. Ед.хр. 69. Л. 4.

Современные специалисты в области историографии, при попытке выявить различия между московской и петербургской историческими школами, в первую очередь делают упор на изучении особенностей в методологии и методике исторического исследования. Традиционно указывается следующие особенности.

У петербургской школы «русских историков»: 1) анализ исторической реальности «от источника», отсюда активное развитие источниковедения как особой научно-исторической дисциплины, культивирование источниковедческого подхода, развитие вспомогательных исторических дисциплин; 2) акцент на тщательном анализе фактической стороны, отказ от априорного теоретизирования; 3) источниковедческий характер исследований вызывал заметный интерес к гносеологическим проблемам исторической науки; 4) благодаря наличию общероссийских центров публикации источников в Петербурге (Археографическая комиссия и Постоянная историческая комиссия), естественным было повышенное внимание к археографии; 5) стремление дистанцироваться от активной политической жизни; 6) аморфность сообщества «русских» историков Петербургского университета, наличие двух ярко выраженных лидеров: С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского.

У московской школы: 1) изучение истории, отталкиваясь от проблем, а не от наличных источников; 2) более заметная концептуализация полученных данных, нежели у петербургских коллег, развитие «исторической социологии» (концепция В.О. Ключевского); 3) отсутствие активной археографической работы, «археография для себя» (термин С.В. Чиркова¹⁸); 4) активная политическая позиция, полноценное участие в политической

¹⁸ Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX - начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции. Пенза, 25-26 июня 2001 года. Кн. 1. М., 2005. С. 130.

жизни (партиях, общественных организациях и т.д.); 5) наличие ярко выраженного лидера в лице В.О. Ключевского, воспитавшего не одно поколение исследователей. Это привело к наличию общей концепции русской истории (колонизация как главный фактор, классовый подход, акцент на социально-экономических проблемах с учетом государственно-правовых факторов и т.д.). Фактически ученики В.О. Ключевского (за исключением П.Н. Милюкова и Н.А.Рожкова, которые попытались разработать собственные теории) дополняли схему учителя конкретно-историческими изысканиями. Как следствие, отличительной чертой московской исторической школы была последовательность в выборе тем исследования. Диссертации учеников Ключевского, как правило, были продолжением работ их предшественников, составляя стройную череду последовательного раскрытия ключевых проблем русской истории.

В связи с тем, что у московских историков-русистов был ярко выраженный лидер в лице В.О. Ключевского возникает логичный вопрос, а не правильное ли данному сообществу историков дать наименование «школы В.О. Ключевского». С моей точки зрения, это неверно по нескольким причинам. Во-первых, большое влияние на московских историков-русистов оказывали специалисты по всеобщей истории, в частности П.Г. Виноградов, который учил их технике исторического исследования, работе с источниками. Во-вторых, не все ученики Ключевского оставались последователями его концепций, методологического подхода и методических приемов. Например, П.Н. Милюков и Н.А. Рожков предложили альтернативные теории. В-третьих, в московской исторической школе можно выделить как минимум два поколения. В этих условиях такие историки, как Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и др. учились не столько у Ключевского, сколько у его старших учеников, к тому времени внесших ряд новаций в концепции мэтра и предложивших новые подходы к исследовательской практике. О сложной структуре петербургского сообщества «русских историков»

уже говорилось, поэтому здесь также целесообразнее говорить о петербургской школе как особом феномене.

Атмосфера городов сказывалась на подходах к исследованиям, сложившихся в университетах и ставших визитными карточками школ. По обоснованному мнению Е.А. Ростовцева, общественно-политическая атмосфера, царившая в двух университетах, повлияла и на стиль исторических исследований. Так, более свободная и политически активная позиция способствовала стремлению к концептуальному осмыслению в Московском университете, в то время как постоянный правительственный контроль в Санкт-Петербурге толкал к более деидеологизированной научно-критической работе с историческими источниками, «идеографическому стилю исследований»¹⁹.

Д.А. Цыганков указывает на то, что семинарские занятия, практикуемые в Московском и Петербургском университетах, также строились на разных принципах. Первые ориентировали на изучение исторических проблем, а вторые – на овладение исследовательской техникой в области вспомогательных научных дисциплин. «Как следствие различных методических установок в области источниковедения и историографии, практикуемых на семинарах, наметился разный подход к написанию исторических сочинений у московских и петербургских школ исследователей. Сочинения московских историков имели в виду читающую публику вообще, образованное русское общество. Петербургские исследователи стремились к написанию научных монографий для специального пользования»²⁰.

Итак, в работах современных историографов достаточно отчетливо прописаны отличительные черты двух ведущих научно-исторических школ России конца XIX – начала XX вв. Но те различия, которые, безуслов-

¹⁹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 36.

²⁰ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 67.

но, присутствовали, не объясняют того устойчивого разграничения между московскими и петербургскими историками, которое отчетливо прослеживается в научной среде России конца XIX – начала XX вв. Думается, что при объяснении феномена противостояния московской и петербургской школ весьма плодотворно будет применение социо-культурного подхода.

Впервые на культурно-психологические предпосылки появления московской и петербургской школ обратил внимание С.В. Валк. В обширной статье, посвященной 125-летию Петербургского (Ленинградского) университета, он заметил: «История каждого из русских университетов теснейшим образом связана не только с историей общих судеб русского просвещения, но и с теми особыми и местными условиями, в которых жил и развивался каждый из университетов»²¹. Из современных исследователей на культурно-психологический аспект при рассмотрении специфики петербургской школы указывает С.В. Чирков: «Однако при всех различиях между собой «малых» школ [имеется в виду «школа Платонова» и «школа Лаппо-Данилевского» - В.Т.] их объединяло общее противопоставление петербургской школы московской исторической школе. Здесь наглядно выступает наибольшая актуальность при формировании самосознания научной школы антиномии отчетливо социально-психологического порядка: «мы и они». Такое противопоставление Б.Ф. Поршнев считал основой самосознания этноса, но ведь научная школа тоже “культурная общность”»²². К сожалению, ни С.В. Валк, ни С.В. Чирков не развили эти интересные и плодотворные мысли, не насытили их конкретно-историческим материалом. Между тем мы находим достаточно много фак-

²¹ Валк С.В. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7.

²² Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX-начале XX века... С. 116.

тов, позволяющих трактовать данный вопрос в том числе и как культурную проблему. На плодотворность изучения схолярной проблематики в контексте темы «Москва-Петербург» указал С.О. Шмидт²³.

3

Конец XIX – начало XX вв. – время расцвета «схолярного» самосознания. Несмотря на то, что в действительности различия между московской и петербургской школами стремительно исчезали, инерция культивирования непохожести сохранялась. Любопытно отметить и еще одно наблюдение: часто под школой, может быть не вполне осознанно, понимали интеллектуальную среду Московского, Петербургского и Киевского университетов.

Стремление «держаться» своих приводило к тому, что часто представителю из другого университета чрезвычайно трудно было влиться в местное ученое общество историков. Например, П.Н. Милюков, занятый поиском места работы после конфликта с Ключевским, в 1891 г. писал С.Ф. Платонову: «Ясно только, что я не попаду в Киев – из политики, так как в Киеве необходимо, я думаю, киевлянин, а на каждого из нас они будут смотреть как на “кацапа”»²⁴.

Московские историки также ревностно относились к проникновению в свою среду чужаков, представителей других университетов. Характерную позицию занимал М. М. Богословский. После того, как в 1911 г., в знак протеста против вмешательства министра народного просвещения Л.А. Кассо в университетскую автономию, многие университетские преподаватели подали в отставку, а А.А. Кизеветтер отказался занять кафедру

²³ Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург-Москва» // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997-2001 годов. М., 2012. С. 487-490.

²⁴ Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2. С. 177.

русской истории, Богословский принял предложение возглавить историко-филологический факультет, мотивируя это тем, что иначе наследие В.О. Ключевского достанется М.В. Довнар-Запольскому, выходцу из Киевского университета. «Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться»²⁵. Похожие настроения наблюдались и у М.К. Любавского. «Любавский очень осторожно относится к появлению в Москве беглецов из чужого университета»²⁶, – отмечал А.Е. Пресняков.

Иная позиция была присуща петербургскому научному сообществу. Там традиционно находили пристанище представители различных университетских центров. Можно вспомнить К.Н. Бестужева-Рюмина и Н.И. Кареева, окончивших Московский университет, а также Н.И. Костомарова, воспитанника Харьковского университета. Возможно, это можно объяснить тем, что Петербург, всегда находящийся на стыке культур (европейской и русской), воспитывал более терпимое отношение к разным научным стилям. Все это привело к относительной аморфности петербургской исторической школы. Впрочем, можно привести и примеры стремления «закрыть» местное сообщество для пришельцев. С.Ф. Платонов откровенно писал П.Н. Милокову о возможности закрепиться в Петербургском университете: «Здесь же в университете мудрено будет Вам устроить экстраординатуру раньше Форстена и даже идиота Щукарева. А сладко ли будет Вам (и мне, поклоннику Московского университета), если после Ключевского поса-

²⁵ *Богословский М.М. Дневники 1913-1919. М., 2011. С. 325.*

²⁶ *Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 662.*

дят, например, Лихачева или иного чужака в силу того, что Вы сами уехали из Москвы?»²⁷.

Школа превращалась в своеобразный маркер, позволяющий судить о достоинствах историка. Причем признавался ограниченный круг «настоящих» научных школ. Например, за Казанским университетом петербургские и московские коллеги собственной школы не признавали. Об этом свидетельствует письмо С.Ф. Платонова от 17 февраля 1891 г., написанное П.Н. Милюкову. В нем ученый пишет: «Здесь недавно был, а может быть, и есть молодой Фирсов, казанский магистрант: любопытный человек. Когда он будет у Вас в Москве, присмотритесь к нему, к этому отпечатку безшколия, который на нем лежит»²⁸. Уместно заметить, что Платонов скромно считал, что в Петербургском университете говорить о полноценной школе по русской истории не приходится: «Школы... по русской истории собственно у нас не было». А в научном мире, где школа играет определяющую роль, это может оказаться негативным фактором в профессиональной карьере: «А раз за собою не чувствуешь силы вышколить человека, страшно толкать его на науку, будить надежды и плодить работников “без руля и ветрила”»²⁹. Сложно сказать, почему ученый отрицал наличие собственной школы в Петербургском университете. Возможно, причиной тому был тот факт, что петербургские историки так и не сумели предложить собственной концепции русской истории в противовес теории В.О. Ключевского, что и вызвало чувство некоей неполноценности и вторичности.

²⁷ Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / публ. В.П. Корзун и М.А. Мамонтовой // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003. С. 317.

²⁸ Там же. С. 315.

²⁹ Цит. по: Корзун В.П., Мамонтовой М.А. Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С. 168.

Для понимания влияния оппозиции «Москва-Петербург» на взаимодействие московской и петербургской школ «русских историков» большой материал дают источники личного происхождения (переписка, дневники, мемуары), оставленные историками обеих столиц. Наглядный пример – переписка П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова. Оба являлись ярко выраженными представителями своих научных школ. П.Н. Милюков родился в Москве, окончил местный университет, учился у В.О. Ключевского. Московская атмосфера была его естественной средой. С.Ф. Платонов также родился в Москве и только в 9 лет переехал в северную столицу. Его родители были коренными москвичами. Он подчеркивал, что имеет право «считать себя чистым представителем южной (московской) ветви великорусского племени»³⁰. Близка историку и московская культура: «Не только происхождение, но и сознательная преданность Москве с ее святынями, историей и бытом делали моих родителей, а за ними и меня именно великорусскими патриотами»³¹. В Москве ученый чувствовал себя как дома. Возможно, именно московские корни подспудно толкали историка внимательно следить за достижениями коллег из Московского университета. Но именно Петербургский университет воспитал его как исследователя, а впоследствии Платонов станет одним из лидеров «русских историков» Петербурга, а затем и всей России.

В конце XIX – начале XX вв. наблюдается стремление молодых историков Москвы и Петербурга перекинуть «интеллектуальные мосты». Неудовлетворенность традиционными для петербургских историков подходами заставила Платонова внимательно следить за наработками московских коллег. В его письмах к П.Н. Милюкову чувствуется свое-

³⁰ *Сергей Федорович Платонов. Биография // Академическое дело. 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. LXIV.*

³¹ Там же.

образный научный «провинциализм». Московские историки с явным пренебрежением относились к выпускникам Петербургского университета, поэтому Платонов опасался, что Милюков не будет смотреть на него как на равного. В письме от 1 марта 1890 г. он писал: «Я привык к некоторому выскомерию со стороны москвичей к той университетской среде Петербурга, которая меня воспитала, и ждал, чтобы Вы определили характер наших отношений»³². К счастью, Милюков не был заражен московским снобизмом. Тем не менее, описанное явление не было редкостью.

Московские историки, вобравшие в себя научные идеи своих учителей, вместе с тем были воспитаны в атмосфере противопоставления университетов обеих столиц. П.Н. Милюков, будучи в эмиграции писал в своих мемуарах: «По-прежнему университет, журнал, газета, наука занимали в Москве то первое место, которое в Петербурге принадлежало дворным, сановным и военным кругам. Это, так сказать, самодавление Москвы создавало больше уверенности в себе, больше душевного равновесия и спокойствия в среде интеллигенции, чем в вечно тревожном и нервном, вечно куда-то спешащем Петербурге»³³. В его другой работе, посвященной сравнению петербургского историка С.Ф. Платонова и московского историка А.А. Кизеветтера, есть похожие мысли: «Петербург официален, Москва вольнолюбива. Петербуржец – формалист, москвич всегда склонен доискиваться причин и «смотреть» в корень. В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок»³⁴.

Таким образом, П.Н. Милюков отчетливо проводит разграничительную линию между Москвой и Петербургом. С его точки зрения, московский социум строится на

³² Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову... С. 172.

³³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. С. 156.

³⁴ Он же. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51. С. 314.

неформальных общественных началах, где преобладает самоорганизация. Если Москва – культурная столица, то Санкт-Петербург – административный центр империи. П.Н. Милюков подчеркивает, что отличительной чертой москвичей является самостоятельность мышления, способность к глубокому анализу, в то время как петербуржцы склонны к систематизации, опасаются выдвигать смелые идеи. Московские интеллектуалы, по мысли П.Н. Милюкова, более независимы в отношениях с властью, в то время как петербургские научные круги склонны к компромиссу с «дворным, сановным и военным кругами». Но у москвичей, по сравнению с петербуржцами, есть и недостаток – непрактичность и недисциплинированность. В письмах к Платонову Милюков шутовски-уничижительно называет себя «неповоротливым москвичом», «московским ротозеем», у которого отсутствует «особый талант» петербуржца – «поспевать всюду и делать в десять раз больше нас, московских ротозеев»³⁵.

В письме к матери тогда еще начинающего историка-петербуржца А.Е. Преснякова, который приехал в Москву для работы в архивах летом 1892 г. и по рекомендации С.Ф. Платонова посетил П.Н. Милюкова, мы находим описание следующего эпизода: «Милюков принял меня очень радушно... У него я встретил еще каких-то причастных к науке субъектов – и про всех можно сказать, что действительно “от головы до пяток есть московский отпечаток”. Мне как-то сразу стали понятны слова Платонова, что “в Москве люди себе цену знают”. Сразу поразил какой-то твердый решительный и, пожалуй, даже слишком самоуверенный тон, не избегающий резких выражений и, в частности, довольно-таки пренебрежительное отношение к Петербургскому университету»³⁶.

³⁵ Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову.... С. 173.

³⁶ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 34.

В письме к своей жене Пресняков еще в более резких тонах описывает произошедшее: «Москва все та же, старая и грязная Москва, и люди все такие же, довольные своими уголками, самоуверенные. Если бы Вы слышали, как пренебрежительно третируют здешние доценты наш Петербургский университет. Один даже сказал что-то вроде того, что интересно было бы сосчитать, сколько идиотов (!) между петербургскими профессорами. Хороши мальчики, нечего сказать. Можно подумать, что они сами-то великие люди»³⁷.

В приведенных выше цитатах наглядно видны различия в менталитете. Если Милюков с гордостью подчеркивает «оригинальность» москвичей, то Преснякову это кажется самоуверенностью. Причем Пресняков указывает на это как на характерную черту: «от головы до пяток есть московский отпечаток». Задело Преснякова и пренебрежение к его родному университету. Ценно указание на предостережение С.Ф. Платонова, который готовил своего ученика к столкновению с людьми, которые «себе цену знают». Таким образом, можно констатировать, что в петербургской научно-исторической среде сложилось стойкое представление о москвичах как заносчивых и резких людях. Тем не менее, Пресняков отмечает, что в этой браваре есть и положительные стороны: «А все-таки хорошо, что люди так бодро на вещи смотрят, как здешние и что себе цену знают, хотя бы и преувеличивают ее»³⁸.

Справедливости ради, нужно указать, что в письме другого петербургского историка, С.В. Рождественского, впечатления о московских профессиональных историках совсем иное. «В двухчасовой беседе, посвященной московским и петербургским злобам дня, ничего обидного для петербургского самолюбия выслушать мне

³⁷ Там же. С. 412.

³⁸ Там же.

не пришлось»³⁹, – писал Рождественский. Впрочем, как утверждают авторы статьи: «Значимым для Рождественского является взгляд москвичей на петербургских историков, его ухо улавливает малейшие нюансы таких оценок, и практически каждое его письмо содержит такую информацию»⁴⁰. Это указывает на то, что Рождественский был изначально готов к разного рода колкостям со стороны москвичей, поэтому он и отмечает тот факт, что их не было.

Если петербуржцы считали москвичей слишком самоуверенными, то мнение о Петербурге как столице чиновников и придворных, где невозможно свободное научное творчество было весьма распространено в московских кругах. С.В. Веселовский, которому долгое время не давали преподавать в Московском университете, после того, как возникла возможность получить научное звание в Санкт-Петербурге и начать там свою педагогическую карьеру, отказался от этого предложения. В своем дневнике за 1916 г. он следующим образом объяснил это решение: «Мне представляется, что в П[етербурге] меньше оригинальных людей и независимых характеров, чем в Москве, но средний уровень культуры много выше московского. Нельзя же считать научной средой чиновников от науки, группирующихся около университета, курсов и т.д.»⁴¹.

В 1918 г., в эпоху тотальной ломки привычного мира, уже другой московский историк, Ю.В. Готье, рассуждал в том же направлении. Категорический противник большевиков он считал, что стремление петербургских историков сотрудничать с новыми властями есть проявление их менталитета, сформированного близостью

³⁹ Корзун В.П., Мамонтова М.А., В.Г. Рыженко. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. Омск, 2002. С. 97.

⁴⁰ Там же. С.

⁴¹ Веселовский С.В. Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 106.

научного сообщества в Петербурге к власти вообще. «Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым. Раньше это не осознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспосабливаются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы – трудно это сразу объяснить: не то наследие питерской бюрократии, не то налет эсеровщины, уживающийся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы»⁴².

Поразительно как представление Веселовского и Готье о Петербурге и петербургских историках совпадает с записями Милюкова. Очевидно, что это указывает на общий стереотип, существовавший у московских историков.

5

Понимание проблемы «Москва-Петербург» в контексте российской исторической науки конца XIX – начала XX вв. будет неполным без анализа образов обоих городов, которые сложились у «русских историков» двух университетов. Образ города по определению оказывался противоречив: в нем тесно переплетались устоявшиеся стереотипы и личные впечатления.

Одним из «отцов-основателей» московской исторической школы являлся В.О. Ключевский (1841 – 1911). Учитывая его колоссальное влияние на учеников, составивших цвет «русских историков» Московского университета, становится особенно актуальным анализ его рефлексии, даже скорее интуитивного, эмоционального восприятия Москвы⁴³. Важно подчеркнуть и то, что Ключевский – представитель провинции, поэтому, с одной стороны, мифы и стереотипы, культивировавшиеся в московской среде, не были для него чем-то само собой

⁴² Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8-9. С. 156.

⁴³ Куреева Р.А. В.О. Ключевский в Москве // Краеведы Москвы. Вып. 3. М., 1997. С. 82-101.

разумеющимся, а с другой – его взгляд отражал восприятие Москвы провинциальной Россией.

Наглядно становление и эволюцию восприятия Москвы молодым Ключевским можно найти в его переписке студенческих лет. Только что окончив пензенскую семинарию и отказавшись от духовной карьеры, молодой человек приехал из Пензы в Москву для поступления на историко-филологический факультет Московского университета. В письме от 23-25 июля 1861 г. пензенским родственникам И.В. и Е.Ф. Европейцевым Ключевский так описал свое впечатление от приезда в пока еще незнакомый город: «Москвы за темнотой и пылью нельзя было рассмотреть нисколько; чуялось что-то громадное и только»⁴⁴. Правда пензенца смущает местная дороговизна. Обнаруживается и присущая провинциалам мечта покорить столицу: «...Я ехал в Москву, крепко надеясь на Бога, а потом на вас [родственников] и на себя, не слишком рассчитывая на чужой карман, что бы там со мной не случилось»⁴⁵.

Любопытен и другой эпизод: прежде чем въехать на поезде в Москву, будущий историк специально сходил в баню, потому что «пензенскую и дорожную пыль я посовестился везти в Москву». Ключевский объяснил это тем, что «к такому городу, как матушка-Москва златоглавая, нужно подъезжать с чистым телом по крайней мере, если не с чистой душой»⁴⁶. Словосочетание «матушка-Москва» подчеркивает сакральный статус этого города, являющегося священным для любого русского. Более того, в данном случае наблюдается и некий религиозный оттенок: в «златоглавую» желательно приезжать с чистой душой, а помывка в бане является чем-то средни омовения. Заметно и противопоставление (пусть в несколько шутливой форме) Пензы (провинции) и

⁴⁴ *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. IX. С. 118.

⁴⁵ Там же. С. 120.

⁴⁶ Там же. С. 121.

Москвы: «пензенской пыли» здесь не место. «Да, подумал я, здесь не Пензой пахнет»⁴⁷, – писал будущий студент в следующем письме П.И. Европейцеву. Уже из этого видно, что Москва воспринималась как нечто противоположное провинциальному миру.

Москву Ключевский рассмотрел только на следующий день. Впечатление было колоссальным: «Шум говор, стук, прилив и отлив толпы поразили меня; у меня дух захватило»⁴⁸. Человеку, не привыкшему к Москве, оказалось трудно ориентироваться в ее пространстве: «Ходишь по Москве, а Москвы не разберешь, всё улицы, улицы, улицы и всё улицы – заплутаешься, или пойдешь к югу и идешь все к югу, а вернешься домой с севера – и как это вышло так, не поймешь»⁴⁹. Московские улицы и дома он называет «странными», но вот людей, их населяющих, считает «вовсе не странными»⁵⁰. Но, несмотря на все, Москва воспринимается как истинно русский город: «А стоит того, чтобы походить да посмотреть; Русь вся тут, и с ногами, и с руками, и с голенищами даже»⁵¹.

Экзамены были сданы успешно, а абитуриент из Пензы превратился в московского студента. Естественно, что в центре жизни Ключевского находились Московский университет и его знаменитые профессора. Более того, студент был уверен, что Московский университет занимает особое положение в культурной и общественной жизни России. Даже после того, как из-за студенческих волнений осени 1861 г. поползли слухи о закрытии университета, он убежденно писал П.И. Европейцеву: «Для успокоения нужно Вам сказать, что уни-

⁴⁷ Там же. С. 124.

⁴⁸ Там же. С. 124.

⁴⁹ Там же. С. 125.

⁵⁰ Там же. С. 129.

⁵¹ Там же. С. 126.

верситет Московский не закроют никогда: это не Петербургский и никакой другой»⁵².

Конечно же, первые восторги, вызванные Москвой, сменились более трезвым взглядом на старую столицу. В письме другу по семинарии В.В. Холмовскому от 18 ноября 1861 г. (заметим, что прошло совсем немного времени с момента приезда и поступления) Ключевский признавал, что «в Москве есть разные вещи, и такие, которые на пристойном языке называются хорошими, и такие, которые на том же языке именуются “неприличными”»⁵³. Московские дамы так и вовсе вызывали отторжение: «В Москве нет хорошеньких [женщин], все дрянь бульварная. В театре, куда ни посмотри, все рожа да рожа, почти ни на ком человеческого лица нет. Тряпки, как и их юбки!»⁵⁴. Пестрота большого города бросалась в глаза. Ключевский подчеркивал, что в Москве вместе уживаются патриархальные нравы и разгульная жизнь.

Первое очарование прошло. Окончив 1861/62 учебный год, Ключевский признавался: «...Без сожаления и даже без всякого чувства оставляю я за спиной Москву; с Пензой я не расставался так. А ведь, кажется, и прожитой год в Москве стоил чего-нибудь: да, он многое стоит, так что в другой раз не повторится; дело ведомое, вчерашнего не воротить. А все же, выезжая из Москвы, я готов был сказать ей: “Э, убирайся!”»⁵⁵.

Возмущала историка и московская грубость нравов. В 1867 г. общественность всколыхнул следующий случай: местный миллионер побил немца и немку в трактире. Комментируя это, Ключевский писал своему другу П.П. Гвоздеву: «Москва – как всегда: голова у задницы, а впереди живот да кулаки»⁵⁶.

⁵² Там же. С. 161.

⁵³ Там же. С. 174.

⁵⁴ Там же. С. 175.

⁵⁵ Там же. С. 215.

⁵⁶ Там же. С. 251.

Заметна эволюция восприятия города историком от «матушки-Москвы», как места сакрального, к скепсису, даже негативному взгляду на вторую столицу. Образ Москвы у Ключевского, безусловно, противоречив. Тем не менее, Ключевский прочно вошел в жизнь города, стал его органичной частью. Жизнь вне города, ставшего привычной средой, вызывала у него дискомфорт. Об этом свидетельствуют письма уже прославленного ученого и лектора из поселка Абастумана, где он в течение в 1893 – 1894 гг. преподавал политическую историю великому князю Георгию Александровичу⁵⁷. В них находим: «...В день праздника [Рождества] буду много думать о Москве»⁵⁸. И еще: «Сегодня на меня нашло маленькое уныние: с 1865 года, когда я вступил в Московский университет, я в первый раз встречаю этот день вне Москвы»⁵⁹. Более того, историк упоминает о том, что Москва отличается «нравственными удобствами»⁶⁰. Очевидно, что необходимы дальнейшие исследования этой проблемы с привлечением дополнительных источников.

В.О. Ключевский стал одним из символов не только Московского университета, но и города в целом. По наблюдениям С.О. Шмидта: «Образ Ключевского постепенно обретает значение символа – и историка, и московского профессора, и обязательной украшающей части культуры и общественной жизни Москвы»⁶¹. В Москву ехали, чтобы услышать его лекции. А.А. Кизеветтер вспоминал, что после того, как в 1884 г. он окончил гим-

⁵⁷ *Киреева Р.А.* «История европейского человечества». Лекции В.О. Ключевского по истории Западной Европы в связи с историей России // В.О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012. С. 16-22.

⁵⁸ Письма В.О. Ключевского из Абастумана // Там же. С. 452.

⁵⁹ Там же. С. 456.

⁶⁰ Там же. С. 463.

⁶¹ *Шмидт С.О.* Ключевский и культура России // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 313.

назию в Оренбурге, перед ним встал вопрос о выборе университета: «Ближайшим университетским городом к Оренбургу была Казань... Но меня неудержимо влекла к себе Москва. Уже в средних классах гимназии я твердо решил посвятить себя изучению русской истории, и к Москве меня притягивало, словно магнит, имя Ключевского...»⁶². Один из последних учеников мэтра, А.И. Яковлев (1878 – 1951), учившийся в 1890-е гг. в симбирской гимназии, специально узнавал у своего знакомого о лекциях Ключевского. Тот ответил: «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву»⁶³. Любопытно и другое: Ключевский стал (во всяком случае, у части русской интеллигенции) стойко ассоциироваться с «русской природой», превратился в ее символ. Тот же А.И. Яковлев свидетельствовал: «Вспоминаются слова одного славного художника*, который изучал и писал его на лекциях, и который после одной из лекций воскликнул: “Не знаю в русской природе ничего более прекрасного, чем Ключевский, произносящий свои лекции”»⁶⁴. Возможно, слава историка и блестящего знатока русских древностей позволяла ассоциировать его со всем исконно русским⁶⁵.

Трудно сказать, какое отношение у Ключевского сложилось к Санкт-Петербургу. Определенный свет на

⁶² *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997. С. 21.

⁶³ «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского / Публ. *В.В. Тихонова* // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 141.

* Вероятно речь идет о Л.О. Пастернаке, авторе картины «В.О. Ключевский читает лекцию» (1909)

⁶⁴ «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву...» С. 143.

⁶⁵ Подробнее о восприятии творчества В.О. Ключевского и его учеников см.: *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и русской культуре. Челябинск, 2010.

это проливает его художественное сочинение «Письмо француженки» (1886). В нем от лица француженки, которая посещает Петербург второй половины XVIII в., описываются нравы русского дворянства. Этот персонаж зло рассуждает о стремлении русской аристократии паразитировать на всем европейском. Она предостерегает: «Народ, живущий за счет другого, мстит сам себе за собственную неправду тем, что убивает сам себя, постепенно теряя способность жить... Нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувств и порядок отношений»⁶⁶. Безусловно, мы можем лишь гадать, насколько такие оценки точно совпадали с взглядами самого Ключевского. Тем не менее, ясно, что этот текст был написан в форме художественного произведения не случайно, историк хотел выразить свое отношение к значимой для него проблеме. Скепсис к русской аристократии – характерная черта Ключевского. В этой связи можно предположить, что Петербург, как символ и средоточие этой пусть и европеизировавшегося, но паразитирующего слоя, не вызвал у него особых симпатий.

Но вернемся к образу Москвы. Не менее ошеломляющее впечатление, чем на молодого Ключевского, Москва произвела на его будущего ученика А.А. Кизеветтера. Он вспоминал: «В середине лета 1884 г. я очутился в Москве, на Мясницкой, в номерах «Швейцария». На первых порах Мясницкая меня ошеломила. Мне показалось, что я попал в какое-то вавилонское столпотворение. Непрерывный грохот экипажей, бесчисленное количество торопливо снующих по разным направлениям людей, столбы, обклеенные саженными плакатами со всевозможными объявлениями, резкие звонки omnibusов – все это дурманило меня, привыкшего к сонной тишине провинциального медвежьего угла. И сердце билось радостно. Какой-то новый, неведомый мир, полный движения и красок, готов был раскрыться перед моими

⁶⁶ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 329.

взорами. Было такое чувство, словно я из тихого затончика выбежал на легком челноке в необозримое открытое море, и уже было предчувствие, что это море сулит мне и радости и бури»⁶⁷. Многих провинциалов, в том числе и тех, кто хотел посвятить себя исторической науке, Москва поражал своим размахом и динамизмом. Москва представлялась молодому человеку «лучезарным центром кипучей умственной работы»⁶⁸, манила своими возможностями.

Теперь обратимся к наследию авторитетного среди петербургских историков профессора Петербургского университета, академика, одного из основателей петербургской школы историков-русистов К.Н. Бестужева-Рюмина (1829 – 1897), уроженца Нижегородской губернии. Увлечшись под влиянием своего гимназического учителя П.И. Мельникова (Печерского) историей и литературой, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, впрочем вскоре перейдя на юридический⁶⁹. Летом 1847 г. молодой человек приехал в Москву. Вместе со своим другом, будущим известным всеобщим историком С.В. Ешевским, он осматривал древнюю столицу: «Москва и Кремль повеяли на нас своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговения к старине пробивалось в наших разговорах. С юношеским негодованием смотрели мы на перестройки древних зданий и пристройки к ним: нам больно было видеть, что новая жизнь коснулась исторической святыни»⁷⁰. Итак, молодые люди (оба выходцы из провинции) воспринимали Москву как центр истории, старой русской жизни.

Стечение обстоятельств заставило ученого переехать из Москвы в Петербург в 1859 г. В письмах к ма-

⁶⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий... С. 21.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.

⁷⁰ Там же. С. 26.

тери он подчеркивал свое оптимистичное настроение, но в то же время, признавался, что «Петербург глядит на меня все еще как-то дико: никого не знаю здесь; другие нравы, другие люди и другие понятия. Мы, москвичи, сходимся здесь чрезвычайно туго; здесь все в деньгах, и статьи (разумеется, знаменитостей) продаются чуть ли не с аукциона. Противно смотреть даже!»⁷¹. По наблюдениям исследователя творчества К.Н. Бестужева-Рюмина Р.А. Киреевой, переезд в северную столицу повлиял даже на подчёрк: он стал более правильным, ровным, аккуратным, даже чопорным, как атмосфера Петербурга⁷².

Среди петербургских историков наиболее обстоятельные рассуждения о Москве и Петербурге и научно-исторических сообществах обеих столиц как культурных противоположностях мы находим у А.Е. Преснякова. Он не был коренным петербуржцем, но долгое время прожил в столице, учился в местном университете. Как специалист по допетровской Руси ему было необходимо ездить в Москву, чтобы работать в архивах, там он часто сталкивался и с московскими историками. В своих письмах он фиксировал многие впечатления от знакомства со второй столицей.

Первое впечатление от майской Москвы 1892 г., которое мы находим у Преснякова, имеет весьма негативный оттенок: «Идя по Москве, я был действительно поражен видом белокаменной: грязь потрясающая. Кажется, в этой белокаменной белено только было, что мой китель»⁷³. Но первое негативное впечатление вскоре сменилось симпатией к своеобразному колориту Москвы: «...Делать нечего, и теряешь много времени. Трачу я его на хождение по Москве, которая все больше и больше нравится мне своей характерной физиономией и оживленностью. Я вполне понимаю, как скучен Петер-

⁷¹ Там же. С. 57.

⁷² Там же. С. 58.

⁷³ *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 34.

бург для москвичей, как бесцветна и скучна петербургская толпа сравнительно с здешней»⁷⁴. Именно разнообразие и неформальность социокультурного мира Москвы начинает привлекать автора процитированных строк. Люди здесь кажутся более раскрепощенными и оригинальными: «Вообще в Москве, кажется, не переводятся живые люди»⁷⁵. В противоположность грязной, но колоритной и разнообразной Москве, Петербург уже представляется историку скучным: «В общем, Петербург такой же скучный и скверный, как всегда, несмотря на хорошую погоду»⁷⁶.

Пресняков во многом был согласен со своими московскими коллегами в оценке петербургской атмосферы. В письме матери от 4 марта 1894 г. находим следующие рассуждения: «Миклашевский [И.Н. Миклашевский – историк, специалист по истории финансов – *В.Т.*], очень симпатичный и знающий человек, – без места. Его, впрочем, вызвали в министерство, поручили какое-то дело и, верно, оставят его здесь, хотя ему очень тяжело расставаться с Москвой. Сильно не по душе ему наша питерская атмосфера, и я вполне разделяю его мнение»⁷⁷.

Преснякова не устраивала соглашательская позиция по отношению к властям, которая была традиционно присуща представителям Петербургского университета. Комментируя события 1894 г., когда 42 московских профессора во главе с А.А. Остроумовым подали петицию с прошением о смягчении участи высланных из Москвы после волнений студентов, он пишет: «Молодцы москвичи, у нас ничего подобного быть не может»⁷⁸.

С годами симпатия и любовь к Москве только росли. Пресняков начал все больше ценить ее неповторимую «провинциальность». «А воздух чистый, свежий.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Там же. С. 39.

⁷⁶ Там же. С. 144.

⁷⁷ Там же. С. 129.

⁷⁸ Там же. С. 168.

Так хорошо дышится после города. И сама Москва не производит на меня такого «городского» впечатления, как Петербург. Как-то тут свободнее, проще... И люди московские – другие, в трамваях, на улице... Спокойные, веселые, никуда не торопятся, не суетятся». Но при этом историк отмечал и разительные перемены, происходящие с Москвой: «А вместе с тем Москва растет, меняется, пожалуй, больше, чем Петербург... Правду говорят, “что город, то норв”»⁷⁹.

В 1909 г., в письме к жене, Пресняков признается, что Москва ему нравится больше, чем Санкт-Петербург. «Право, помимо пристрастия, хороший город. Гораздо шире, красивее Петербурга. Я рассказывал тебе, что тут и магазины много эффектнее, и как-то все крепче и свободнее. Очень бы хотел тебе Москву показать. И как-то боязно, что тебе моя милая Москва – совсем не понравится. Ведь она довольно неряшливая и во многом – все-таки купчиха. Не то, что элегантная, бойкая Варшава. Но по-своему она мне гораздо больше нравится. Тут мне, вероятно, и жилось бы хорошо, шире и свободнее, чем в Петербурге. Тут в жизни больше энергии и меньше суеты»⁸⁰. Примечательно замечание автора о том, что в Москве «больше энергии и меньше суеты». Как это разительно отличается от мнения петербуржцев первой половины XIX в., которые считали Москву патриархальным и нединамичным городом, столицей дворянского гедонизма⁸¹. На смену праздному московскому дворянству пришла деловитая буржуазия.

Итак, отношение Преснякова к Москве было более чем положительным. Но, несмотря на искреннюю любовь к Москве и симпатию к московскому менталитету, именно Пресняков сформулировал тезис об особом статусе петербургской исторической школы, во многом отличной от московской. На защите докторской диссертации

⁷⁹ Там же. С. 618.

⁸⁰ Там же. С. 626.

⁸¹ *Figes O. Natasha's dance. A cultural history of Russia. L., 2002. P. 162.*

ции «Образование Великорусского государства» в 1918 г. он произнес речь, в которой разделил московскую школу, как школу, основанную на отвлеченном теоретизировании, и петербургскую, где господствует источник. «Я определил бы ее [петербургской школы – *В.Т.*] характерную черту как научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»⁸².

Здесь Пресняков как бы поставил с ног на голову тезис Милюкова: «В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок». Если Милюков видел превосходство Москвы именно в смелости мысли, то теперь Пресняков, напротив, усмотрел преимущество петербургской школы в осторожности и обстоятельности, отказе от априорного теоретизирования.

Рассмотренные образы городов со всей наглядностью показывают, что мифология обеих столиц являлась элементом мировоззрения историков. Москва – «святой город», исторический центр России. Петербург – динамичный, но «казенный» мегаполис. Столкновение и личный опыт нередко разрушали эти стереотипы или трансформировали их.

Итак, из приведенных выше примеров видно, что противостояние, которое было характерно для исторических школ в конце XIX – начале XX вв. основывалось в том числе на культурных стереотипах (которые нередко вполне могли совпадать с реальностью). Петербуржец – формалист, следовательно, и петербургский историк в первую очередь будет заниматься не осмыслением полученных исторических фактов, а их проверкой и первичной систематизацией. Москвич же – «оригинал», он предрасположен к осмыслению истории, к анализу первопричин и созданию смелых концепций.

⁸² Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

В заключение, можно сделать вывод, что различия между двумя научными сообществами скрывались не только в научном творчестве, но и в менталитете, сформированном культурной средой Москвы и Петербурга. Хотя, в конце XIX – начале XX вв. наблюдается все более заметный курс на кооперацию историков Петербургского и Московского университетов. Мифы не могли являться препятствием для активного сотрудничества, но они создавали предпосылки для разграничения «своих и чужих», формировали фон для рефлексии об «особенностях» двух научно-исторических сообществ.

* * *

Запись доклада и обсуждение можно посмотреть по ссылке <http://www.worldhist.ru/News/384/8952/>

Библиография

1. Академическое дело. 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.
2. *Богословский М.М.* Дневники 1913-1919. М., 2011.
3. *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.
4. *Валк С.В.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000.
5. *Веселовский С.Б.* Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2.
6. *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8-9.
7. *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и русской культуре. Челябинск, 2010.
8. «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского / Вступ. ст., подг. текста *В.В. Тихонова* // Вестник архивиста. 2011. № 2.
9. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997.

10. *Киреева Р.А.* В.О. Ключевский в Москве // Краеведы Москвы. Вып. 3. М., 1997.
11. *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
12. *Киреева Р.А.* «История европейского человечества». Лекции В.О. Ключевского по истории Западной Европы в связи с историей России // В.О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012.
13. *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
14. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. I, IX;
15. *Корзун В.П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2.
16. *Корзун В.П., Мамонтова М.А.* Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002.
17. *Корзун В.П., Мамонтова М.А., В.Г. Рыженко.* Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. Омск, 2002.
18. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2001.
19. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990.
20. *Милюков П.Н.* Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51.
21. *Мяжков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
22. Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / публ. В.П. Корзун и М.А. Мамонтовой // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003.
23. *Попов А.С.* Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореф. дис... докт. ист. наук. Пенза, 2002.
24. *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005.

25. *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920.
26. *Розенталь И.С.* Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004.
27. *Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа.* Рязань, 2004.
28. *Ростовцев Е.* Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.
29. *Смирнов С.Б.* Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000;
30. *Федотов Г.П.* Две столицы // Новый мир. 1989. № 4.
31. *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.
32. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.
33. *Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX-начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии.* М., 2005. Кн. 1.
34. *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003.
35. *Шмидт С.О.* Ключевский и культура России // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
36. *Шмидт С.О.* Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург-Москва» // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997-2001 годов. М., 2012.
37. *Figes O.* Natasha's dance. A cultural history of Russia. L., 2002.